9 (47) 153
Д-28
фонд
Палашенк.

...ОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ДЕКАБРИСТЫ

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СТАТЬИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. А. МОДЗАЛЕВСКОГО
И
Ю. Г. ОКСМАНА

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
ПРИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКВА
1925

св 2015

1117675

Ценный
фонд

Ваш доброволец

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
— И —
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

000 L15

1825—1925

Издано постановлением Комиссии Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов.

ф. П.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

9(47)15
Д-28

ДЕКАБРИСТЫ

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СТАТЬИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО и Ю. Г. ОКСМАНА

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

фп 117675
Омская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А.С. ПУШКИНА

МОСКВА . 1925

ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

(11676

Ленинградский Гублит № 3640. Напечатано 3000/21.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

От Пушкинского Дома. **Н. А. Котляревского** . . . . IX—XII
От Редакторов . . . . . XIII—XV

I. **Восстание и его ликвидация. 1825 — 1826.** (3 — 50).
Восстание Черниговского пехотного полка. (Новые материалы). **Ю. Г. Оксмана** . . . . . 5— 36
Донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов. **Б. Л. Модзалевского** 37 43
Записка о «Донесении Следственной Комиссии». **Б. Л. Модзалевского** . . . . . 44— 50

II. **Отзвуки декабрьских событий 1825 г. в Новороссии.** (51 — 96).
Поимка поручика П. И. Сухинова. (По неизданным материалам). **Ю. Г. Оксмана** . . . . . 53— 74
Письмо В. П. Сухачева к гр. М. С. Воронцову из Таганрогского тюремного замка. **Ю. Г. Оксмана** . . . . . 75— 80
Мытарства декабриста Рпикевича. **Ю. Г. Оксмана** . . . 81— 88
Последняя попытка «облегчения участи» А. А. Бестужева. **Ю. Г. Оксмана** . . . . . 89— 96

III. **Каторга и поселение.** (97 — 154).
Декабристы на пути в Сибирь. Донесения сенатора князя Б. А. Куракина. 1827. **Б. Л. Модзалевского** . . . 99—127
Переход декабристов из Читы в Петровский завод. Дневник барона В. П. Штейнгейля. 7. VIII — 1830 — 23. IX. С двумя видами местностей и планом Петровского Завода. **Б. Л. Модзалевского** . . . . . 128—148
Жуковский и братья Тургеневы. **Б. Л. Модзалевского** . . . 149—154

IV. **Писания и письма декабристов.** (155 — 276).
Три письма В. К. Кюхельбекера к Е. П. Оболенскому. С портретом Кюхельбекера. **Б. Л. Модзалевского** . . 157—164
Письмо декабриста С. Г. Краснокутского. **Ю. Г. Оксмана** . 165—167
Г. С. Батеньков о Сперанском. С портретом Батенькова. **С. П. Шестерикова** . . . . . 168—181

Стран.

Замечания декабриста Штейнгейля на воспоминания Е. П. Оболенского о Рылееве. С портретом Штейнгейля. **Б. Л. Модзалевского** . . . . . 182—184

Д. П. Завалишин в борьбе за опубликование своих Записок. **Ю. Г. Оксмана** . . . . . 185—196

Декабрист Вадковский в его письмах к Е. П. Оболенскому. **А. А. Сиверса** . . . . . 197—229

Письма и рисунки А. П. Якубовича. С двумя снимками. **П. М. Устимовича** . . . . . 230—237

Письма декабриста Оболенского к С. Н. и Н. С. Кашкиным. Сообщил и пояснил **Б. Л. Модзалевский** . . . . . 238—276

V. **О декабристах**. (277—324).

Н. П. Огарев и декабристы. **С. А. Переселенкова** . . . . . 279—316

Достоевский о декабристах. **Е. Б. Покровской** . . . . . 317—324

Указатель имен. . . . . . 325—336

От Пушкинского Дома.

Декабрьское выступление в одинаковой мере должен учесть как исследователь нашей культурной, политической и социальной жизни, так и историк русской словесности. Прежде всего потому, что в рядах восставших было несколько человек с заметным литературным именем, революционное настроение которых было обусловлено не только политической мыслью, но и мечтой, воспитанной на чисто литературных образцах.

В нашей политической жизни минувшего века писатели, помимо своих писаний, выполняли иногда совсем особую роль. Некоторые из декабристов были первыми в ряду тех литераторов, которые затем, в различные годы, из кабинетов выходили на площадь и принимали участие в агитационных политических манифестациях. И должно декабристам писателям отдать справедливость — они были смелее и решительнее своих последователей. Своею смелостью они так напугали власть, что она цензуру обратила в политический сыск и четверть века спустя после декабрьских событий, в 1849 году, ответила целым рядом смертных приговоров — правда, не приведенных в исполнение — на беседы и доклады в замкнутом кругу литераторов, друзей и знакомых Петрашевского.

Таким проявлением волевого начала в писателях не исчерпывается, однако, значение декабрьских событий для нашей словесности. Писатель-художник или стремящийся быть таковым, послушный слуга если не всегда вдохновения, то всегда своей фантазии. Фантазия требует живой пищи, живых побуждений извне, одними размышлениями, мечтами и книгами она питаться не может. Нужно, чтобы сама жизнь служила родником ее подвижности и ее окрыляла.

Наша действительность в конце XVIII века и в начале XIX была совсем не богата такими побуждениями. Питаться напыщенным пафосом, который так умела будить в своих подданных Екатерина, писатель-художник долго не мог, в особенности после Державина, который этот родник вдохновения до дна исчерпал. Отечественная война — она, казалось, должна была придать крылья фантазии, но на литературных памятниках того времени она не оставила следа, соответствующего ее национальному и международному значению. Писатель, пораженный колоритностью и драматичностью некоторых ее эпизодов — Смоленском, Бородиным, пожаром Москвы, отступлением великой армии, Березиной, вплоть до взятия Парижа,—невольно восходил в мечтах и думах к тому событию, которым была обусловлена и Наполеоновская эпопея, и ее развязка, а именно — к Великой Революции. Но вдохновиться этой мировой трагедией русскому художнику в те времена было, по многим причинам, невозможно. Декабрьское восстание при всей своей самобытности было своего рода воплотившимся воспоминанием об этой Революции — ее первым

запоздалым и глухим отзвуком в России. Скороспелость, несорганизованность и неудача восстания не лишали его того поэтического ореола, которым окружены всегда смелость, несчитающаяся с преградами, и выступление слабых против сильных.

Для жизни современников восстание не дало никаких практических результатов, кроме чисто отрицательных; но для ума и мечты чутких людей — и прежде всего писателей — оно не могло не иметь своей вдохновляющей силы. Открыто проявиться этой силе было невозможно при решении правительства во что бы то ни стало замолчать случившееся. Но память о декабристах не умирала, — она становилась все более живой и поэтичной. И несомненно, что тот, хоть и приниженный жизнью, дух свободы и возмущения, дух протестующей сильной личности, который подмечается во многих памятниках нашей словесности тридцатых и сороковых годов, — обязан если не всей своей сущностью декабрьскому дню, то все-таки ему обязан многим.

В ближайшие к этому событию годы на него откровеннее и смелее всех откликнулся Пушкин.

Он был единственный из писателей-современников, который учел это событие не только про себя; он не испугался того вихря, который сломал и унес людей ему близких и тех, в ком он ценил соратников в литературной работе. Он, рискуя немалым, в стихах говорил о них, в большом романе собирался о них вспомнить, упоминал о них в письмах, не отрекся от них перед царем, думал о них, когда разрабатывал свою теорию политической роли старого дворянства... И кто может теперь доискаться, какими строками или строфами был

Пушкин обязан тому поэтическому призраку „свободы“, о которой он мечтал с юных лет и которая 14-го декабря в России впервые ознакомила его с великим страданием, всегда сопутствующим насаждению этой свободы не в мечтах, а на деле?

Судьбы декабристов во всем их объеме — на свободе, на площади, на плахе, в тюрьмах и на поселении — могут быть с полным правом включены в пределы науки о Пушкине.

Нестор Котляревский.

От редакторов.

История декабрьского движения и его деятелей и участников стала доступна исследованию всего каких-нибудь двадцать—двадцать пять лет: долгое время вопросы, связанные с „происшествием 14 декабря“, находились—по выражению официального историка этого дня М. А. Корфа—под ограничением „условий сколько необходимой, столько же и благодетельной в общественном нашем устройстве цензуры“... Декабрьское движение справедливо рассматривалось правительственною властью, как первое массовое проявление недовольства существующим строем в среде привиллегированных классов, а потому, тщательно ограждая от вторжения сторонних исследователей государственные архивы, охранительные органы старого порядка всеми доступными им средствами старались задерживать распространение каких бы то ни было сведений о декабристах и о подвиге их жизни. Лишь с начала семидесятых годов прошлого столетия в русской легальной печати начинают появляться первые материалы о тайных обществах декабристов и о них самих, и только революция 1905 года снимает печать „государственной тайны“ с документов следственного дела и вызывает к жизни длинный ряд специальных исследований и публикаций.

Желание внести и свою долю в дело изучения одного из наиболее ярких и значительных по своим последствиям моментов общественной и политической жизни России побудило Пушкинский Дом при Российской Академии Наук опубликовать в научной обработке часть накопившихся в нем материалов о декабристах, многие из которых, как известно, были связаны узами тесной дружбы и знакомства с Пушкиным; некоторые свободолюбивые произведения ранних лет поэта были как бы символом веры всей тогдашней молодежи, каждая строка Пушкина, по выражению одной современницы, „летала из рук в руки"; в бумагах каждого из привлеченных к делу находились его стихи; не принимая фактического участия в тайных организациях, в которых работали многие его друзья, Пушкин тем не менее был, таким образом, одним из наиболее заметных деятелей той эпохи, когда самое слово „свобода" воспламеняло умы и питало страсти.

Публикуемые материалы — частью в оригиналах, частью в авторитетных копиях — извлечены из следующих влившихся в Пушкинский Дом частных архивных фондов: архив редактора „Русской Старины" М. И. Семевского, собрание бумаг П. Я. Дашкова, бумаги С. Р. и О. А. Лепарских, материалы генерала П. А. Набокова. Большое собрание копий и снимков с совершенно неизвестных до последнего времени секретных документов Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства, снятых для Пушкинского Дома Ю. Г. Оксманом при работе его в 1920 — 1922 гг. в Одесских архивохранилищах, а также серия оригинальных донесений, восходящих к собранию гене-

рала Гогеля и несколько автографов и копий из коллекции Б. Л. Модзалевского — позволили значительно расширить состав впервые вводимых в научный оборот в настоящем Сборнике материалов.

Во всех этих материалах декабристы выступают перед нами как дети своего века, — со всеми особенностями миросозерцания, свойственного людям их времени и положения; но они нам дороги такими именно, какими они были в жизни, а потому все высказывания их переданы в полной неприкосновенности.

Один из интереснейших новых документов — дневник декабриста Штейнгейля о полуторамесячном переходе его и его сотоварищей из Читинского острога в острог Петровского Завода — удалось иллюстрировать снимками с двух принадлежавших И. И. Пущину рисунков, изображающих местности, по которым шли декабристы-каторжане. Кроме двух этих рисунков, Сборник украшен еще портретами Кюхельбекера, Батенькова и Штейнгейля, сделанными с фотографических оригиналов, хранящихся ныне в Пушкинском Доме, а также двумя снимками с писем и рисунков Якубовича.

Указатель к Сборнику составлен Л. Б. Модзалевским.

Редакторы Сборника считают своим приятным долгом принести выражение благодарности Всесоюзному Обществу политических каторжан и ссыльно-поселенцев за включение настоящей книги в серию изданий, выпускаемых Обществом в ознаменование юбилея декабрьского восстания 1825 года.

ДЕКАБРИСТЫ

I.

Восстание и его ликвидация 1825—1826.

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА.

(Новые материалы).

Документальный материал по истории восстания Черниговского пехотного полка и правительственных мероприятий по его ликвидации, как известно, до сих пор остается в своей основной части вне поля зрения исследователя и читателя и, если не считать тенденциозного Донесения Следственной Комиссии и разновременно появлявшихся обрывков показаний некоторых деятелей восстания [1]), в печати едва представлен, во-первых, теми данными, которые извлечены были М. Ф. Шугуровым из бумаг руководителя всей тайной розыскной работы на территории 1-ой и 2-ой армий генерала Ф. Г. Гогеля («Русск. Арх.» 1871 г., стр. 257 — 288; «Русск. Арх.» 1902 г., кн. II, стр. 285 — 302), во-вторых, конфирмованным 12-го июля 1826 г. «заключением» доклада Аудиторнатского Департамента об участниках мятежа Муравьева-Апостола [2]), и, наконец, в третьих, двумя приложениями (рапорты ген. Рота) к приказам начальника Главного Штаба от

---

[1]) Показания участников восстания во время следствия по их делу, равно как и позднейшие их воспоминания о событиях в 1-ой армии в декабрьские и январские дни положены в основание двух критических сводок материала о действиях Черниговского пехотного полка — В. С. Иконникова: «Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826 — 1827 гг. в связи с событиями того времени» («Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому», ч. II, С.-Пб. 1908, стр. 657 — 742) и М. В. Довнар-Запольского: «Декабрьская революция 1825 г.» («Гол. Минув.» 1917, № 7 — 8, стр. 49 — 69). Ценным дополнением к этим общим очеркам является исследование П. Е. Щеголева: «Катехизис С. И. Муравьева-Апостола» («Историч. этюды», изд. 2, стр. 319 — 363).

[2]) «С.-Петерб. Сенат. Ведомости» 1826 г., 21 августа, № 34; перепечатано в пятой книге «Русск. Стар.» за 1905 г. и в труде Б. Базилевского (В. Богучарского): «Госуд. преступления в России в XIX в.», т. I, С.-Пб, 1906, стр. 64 — 67. Ср. «Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.» (Собр. 2-ое), т. I. ст. 514.

8-го и 9-го января того же года о событиях в первой армии («Русск. Инвалид» от 10-го и 12-го января 1826 г.; переп. в «Русск. Стар.» 1905, № 5, стр. 374—391).

Материалы, находящиеся ныне в распоряжении Пушкинского Дома при Российской Академии Наук, по своему значению и характеру тесно примыкают к публикациям М. Ф. Шугурова, а по самому происхождению распадаются на две группы: 1) Бумаги командира Кременчугского пехотного полка полковника П. А. Набокова [1]) и 2) Донесения на имя Начальника 25-ой Пехотной дивизии ген.-лейт. Ф. Г. Гогеля.

Документы первой группы, относясь к периоду с 25-го декабря 1825 г. по 4-е января 1826 г., позволяют восстановить совершенно непосредственно интереснейшие моменты развивающегося восстания и напряженной работы по его ликвидации. Извлеченные из походного архива одной из воинских частей, действовавших против повстанцев, эти неизвестные доселе рапорты, отношения и предписания на имя командира Кременчугского пехотного полка полковника П. А. Набокова [2]) вскрывают не только характернейшие детали тех сложных операций, которые проводились штабом 1-ой армии для локализации восстания, но самым содержанием своим свидетельствуют о том, с какой серьезностью отнеслось несколько растерявшееся главное командование к происшедшему вооруженному выступлению, с какой тревогой реагировало оно на все известия о движении революционных рот С. И. Муравьева-Апостола и, наконец, с какой медленностью проходила концентрация тех крупных воинских сил, до прибытия которых откладывались решительные действия против окруженных «мятежников».

Эта совершенно на первый взгляд необъяснимая и в позднейших победных реляциях тщательно затушеванная долгая

---

[1]) Они принесены в дар Дому Б. Л. Модзалевским.

[2]) Петр Александрович Набоков начал службу в 1808 г. в лейб-гвардии Семеновском полку прапорщиком (из камер-пажей); в 1810 г. — подпоручик; в 1813 г. — поручик; в 1816 г. — штабс-капитан; в 1817 г. — капитан; в 1819 г. — произведен в полковники и переведен в Кременчугский пехотный полк; скончался в чине генерал-лейтенанта в 1847 г. Ср. П. Дирин, «История лейб-гвардии Семеновского полка» С.-Пб. 1883, Прил., стр. 124; О. фон-Фрейман, «Пажи за 185 лет» Фридрихсгамн, 1897, стр. 147.

пассивность стягиваемых войск и неуверенность действий корпусного и дивизионных штабов имела, однако, чрезвычайно серьезные основания.

Войска южной армии были глубоко затронуты пропагандой и бросить для усмирения Черниговского полка лишь расположенные около него части представлялось тем более рискованным, что с этими же частями связывали свои надежды и мятежники. Как известно, по первоначальному плану С. И. Муравьева-Апостола, восставший Черниговский полк из Василькова должен был итти через Бердичев к Житомиру на соединение с полками 8-ой пехотной дивизии [1]), при чем особенно уверены были вожди восстания в присоединении к ним Алексопольского и Кременчугского пехотных полков [2]). Быть может, надежды на последний полк подогревались и давней близостью братьев Муравьевых-Апостолов к его командиру, как раз к тому полковнику П. А. Набокову, с именем которого связана большая часть публикуемых нами документов. Во всяком случае, в воспоминаниях Матвея Ивановича Муравьева-Апостола сохранились интереснейшие упоминания о том, как перед самым восстанием, возвращаясь в Васильков из Житомира, он с братом Сергеем заехал в м. Брусилов «к Петру Александровичу Набокову, бывшему Семеновскому офицеру, назначенному, до Семеновской истории, командиром полка в 8-й пехотной дивизии. Мы не застали Набокова дома, — он отлучился по делам службы» [3]).

М. И. Муравьев-Апостол не сообщил, к сожалению, более подробно об основаниях, вызвавших эту остановку в

---

[1]) Первоначальный план движения через Бердичев, «чтобы воспользоваться лесистой местностью», был изменен после того, как выяснилось, что путь этот прегражден 18-м Егерским полком. Избегая столкновения с последним, С. И. Муравьев-Апостол «свернул на Житомир, кратчайшею дорогой, через Трилесье». Ср. «Из воспоминаний М. И. Муравьева-Апостола» («Русск. Арх.» 1871 г., VI, 233 — 235).

[2]) Ср. показания поручика Мозгалевского, в извлечениях приведенные в статье М. Довнар-Запольского: «Декабрьская революция 1825 г.» («Голос Минувшего» 1917, № 7 — 8, стр. 64).

[3]) «Русск. Арх.» 1871, VI, 230. В своих показаниях Следственной Комиссии С. И. Муравьев-Апостол избегал каких бы то ни было упоминаний о своем визите к Набокову. Ср. «Современник» 1913, IV, 253 — 257.

пути [1]), но можно предполагать, что последствия этого несостоявшегося свидания руководителя Васильковской Управы Южного Тайного Общества с командиром Кременчугского пехотного полка были бы весьма значительны: полк. П. А. Набоков, в день приезда к нему братьев Муравьевых-Апостолов, располагал уже приказом о немедленном их задержании.

Трудно сейчас судить о том, как должен был реагировать на это распоряжение (приводимое далее нами в подлиннике) бывший Семеновский офицер, старый приятель и однополчанин обоих братьев, несомненно, близкий им по взглядам, хотя формально и не связанный с Тайным Обществом [2]).

В чрезвычайно ценной записи событий, относящихся к восстанию и сделанной Ф. Ф. Вадковским со слов Соловьева, Быстржицкого и Мозалевского, есть указание на то, что после неудачной попытки С. И. Муравьева-Апостола договориться с П. А. Набоковым, в Брусилов и Радомысль выехал, «чтобы

---

[1]) Участник восстания, член Общества Соединенных Славян, штабс-капитан бар. В. Н. Соловьев, ссылаясь на одного из ревностнейших сподвижников С. И. Муравьева-Апостола — пор. Щепиллу (убитого при разгроме мятежников у Устиновских Высот), объяснял Военно-судной Комиссии в Могилеве поездку братьев Муравьевых следующим образом: «Муравьев, под предлогом отпуска, поехал в корпусную квартиру для того, чтобы известить всех сообщников о времени начала действий, предполагая начать с Черниговского полка, будет у братьев своих, командующих Ахтырским и Александрийским гусарскими полками, которые, равно Александопольский пехотный и 17-й Егерский, присоединятся к ним, а в корпусной квартире встретит их 8-я дивизия и артиллерийская бригада, где, исполня установление конституции, провозгласят свободу и равенство» («Русск. Арх.» 1902, II, 288).

[2]) Как свидетельствует И. И. Горбачевский в своих Записках, М. П. Бестужев-Рюмин, проводя в сентябре 1825 г. объединение Общества Соединенных Славян с Южным Тайным Обществом и доказывая на собрании в дер. Млинищах силу последнего, «напименовал членов оного: кн. Волконского, кн. Трубецкого, ген. Раевского, ген. Орлова, ген. Киселева, Юшневского, Пестеля, Давыдова, Тизенгаузена, Повало-Швейковского, Александра и Артамона Муравьевых, Фролова, Пыхачева, Вранцкого, Граббе, Набокова и многих других штаб и обер-офицеров разных корпусов, и дивизий, и полков. Все сии благородные люди — сказал он в заключение — забывая почести и богатства, поклялись освободить Россию от постыдного рабства и готовы умереть за благо своего отечества» («Русск. Арх.» 1882, I, 440 и отд. изд., М. 1916 г.).

возмутить полки Кременчугский и Александрийский», М. П. Бестужев-Рюмин, свидание которого с Набоковым хотя и состоялось, но не привело к положительным результатам [1]). Характерно, что дело «возмущения» соседних полков представлялось вождям восстания исключительно делом соответствующих командиров. Избегая непосредственного обращения к солдатской массе, они и в Кременчугском полку теряли время на бесплодные переговоры с Набоковым и не замечали даже того, что ясно было их врагам. Так, до нас дошло помеченное 8-м января 1826 г. объяснение ген. Рота на запрос главнокомандующего о причинах замеченного агентами штаба 1-ой армии брожения в Кременчугском полку в декабрьские дни. Всячески стараясь доказать преувеличенность этих слухов и не соглашаясь с тем, что «в учинении присяги встретились затруднения», ген. Рот должен был признать, что «по прочтении высочайшего манифеста Кременчугский полк произвел присягу беспрекословно и только по случаю большой стужи полковник подтвердил, чтобы громче произносили повторение слов присяги. А как при начатии мятежа, где и самые излишние предосторожности не могли быть пренебрегаемы, я счел нужным удалить от мест, занимаемых бунтовщиками, вторую бригаду 9-й дивизии, как потому, что и без оной имел достаточное число войск для прекращения мятежа, и по уважению долговременного командования Александрийским полком полковника Швейковского, который был уже открыт членом тайного общества и соседства с сим полком Кременчугского, коего командир хотя весьма благонамеренный, но не имеет большой твердости» [2]).

И действительно, ни привести приказ об аресте братьев Муравьевых-Апостолов в исполнение, ни, наоборот, осведомить

---

[1]) «Записки Декабристов», вып. 2-й и 3-й, Лондон. 1863 г., стр. 168. В примечании, говоря о П. А. Набокове, автор записки «Белая Церковь» разъясняет: «Можно было рассчитывать, что в решительную минуту Набоков не откажется вместе с своим полком содействовать в деле, не совсем ему чуждом. Не бывши членом тайного общества, он знал о существовании и цели этого общества» (стр. 179).

[2]) И. И. Горбачевский в своих Записках прямо утверждает, что «генерал Рот, подозревая, что офицеры 3-го корпуса должны быть в связях с С. Муравьевым, не послал против него ни одного пехотного полка вверенного ему корпуса и отрядил только 3-ью гренадерскую дивизию и конную артиллерию» («Русск. Арх.» 1882, I, 527).

о нем будущих вождей восстания, ни, наконец, самому принять в последнем участие — полковнику П. А. Набокову не пришлось. Правда, через несколько дней вверенный ему Кременчугский пехотный полк должен был уже выполнять операционные задания корпусного штаба, руководившего действиями против «мятежников», но от непосредственного столкновения с последними, по ненадежности полка, полк. П. А. Набоков был избавлен, и свой интерес к грозно развивающимся событиям смог запечатлеть только тщательным сохранением всех относящихся к восстанию официальных документов [1]).

Ю. Оксман.

1.

Командиръ Черниговскаго Пѣхотнаго полка
1825 г.
Декабря 26 дня.
№ 1872.

По секрету.

Командиру Кременчугскаго пѣхотнаго полка полковнику Набокову 2-му.

Въ слѣдствіе Высочайшей Воли прошу ваше высокоблагородіе буде полка мнѣ ввѣреннаго подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ съ роднымъ братомъ своимъ прибудетъ въ М. Брусиловъ, то арестовавъ ихъ за крѣпчайшимъ карауломъ представить въ городъ Васильковъ.

Командиръ Полка Подполковникъ Гебель.

2.

Секретно.

Командиру Кременчугскаго пѣхотнаго полка Г. Полковнику и Кавалеру Набокову.

Дошло до моего свѣдѣнія, что Подполковникъ Гебель вчерашняго числа поутру, прибывъ въ С. Трилесы, хотѣлъ по Высочайшему повелѣнію взять находившегося тамъ ввѣреннаго

[1]) Все документы печатаются с соблюдением особенностей орфографии и пунктуации подлинника.

ему Черниговскаго Пѣхотнаго Полка подполковника Муравьева-Апостола съ братомъ его отставнымъ подполковникомъ же подъ арестъ съ присланными для препровожденія его жандармами въ С.-Петербугъ; но бывшіе при немъ въ немаломъ числѣ офицеры до того Г. Гебеля не допустили и при неотступномъ требованіи его прибили и изранили штыкомъ, взявъ жандармовъ подъ свой караулъ;—самъ же подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ послѣ означеннаго происшествія, собравъ квартирующую тамъ подъ командою Порутчика Кузмина 5-ую мушкатерскую роту, выступилъ въ Г. Васильковъ и какъ нынѣ чрезъ посланныхъ мною узнано ввечеру идя часа съ 4-ре вступилъ туда съ буйствомъ и заряженными ружьями, а къ 9-ти часамъ былъ уже тамъ съ 5-ю ротами означеннаго полка. Выпустилъ арестованныхъ офицеровъ и криминальныхъ нижнихъ чиновъ, посадивъ командующаго полкомъ маіора Трухина и другаго офицера взялъ въ свое вѣдомство знамена и полковой казенный ящикъ, обольщая солдатъ свободою, поитъ безпрестанно водкою, увѣряетъ, что къ нимъ другихъ полковъ нижніе чины будутъ присовокупляться и носится слухъ, что по принятіи какой-то присяги завтра выступятъ въ походъ.

По сему важному случаю предлагаю Вашему Высокоблагородію съ полученія сего собрать всѣ наличныя роты ввѣреннаго вамъ полка въ полковую штабъ-квартиру, а притомъ приказать баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ и самимъ вамъ внушить Г. Г. офицерамъ и нижнимъ чинамъ въ случаѣ чего-либо помнить внедавне данную Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу вѣрноподданническую присягу не соглашаться ни на какія обольщенія и есть ли бы случилось проходить съ баталіономъ или полкомъ Г. Подполковнику Муравьеву-Апостолу не вѣрить ни какимъ предъявленіямъ повелѣній. Стараться офицеровъ и солдатъ убѣдить оставить его Муравьева, какъ ложнаго начальника; а его равномѣрно [какъ и] штабсъ-капитана барона Соловьева, порутчиковъ: Кузмина, Сухинова и Щипилу, подпорутчика Бестужева-Рюмина, прапорщика князя Мещерскаго, и рядоваго разжалованнаго изъ полковниковъ Башмакова, велѣвъ арестовать доставить за строжайшимъ карауломъ въ дивизіонную квартиру въ М. Бѣлую Церковь. Между же тѣмъ предваряю Васъ всѣми мѣрами ста-

раться узнавать о движеніи означеннаго подполковника съ полкомъ хотя бы и въ отдаленности отъ полковой Вашей Штабъ Квартиры и мнѣ доносить наиподробнѣйше немедля ни мало.

Генералъ-Маіоръ Тихановскій 1-й.

№ 1644
Декабря 30 дня
1825
М. Бѣлая Церковь.

3.

Секретно.

(Получено Генваря 1-го дня 1826-го года въ 12-мъ часу и 3 четверти пополуночи).

Командиру Кременчугскаго пѣхотнаго полка Господину Полковнику и Кавалеру Набокову.

Предписываю Вашему Высокоблагородію, съ полученіи сего повеленія выступить съ шестью ротами ввѣреннаго Вамъ полка, прямо черезъ М. Коростышевъ къ городу Житомиру; и явиться въ команду Начальника Штаба ввѣренного мнѣ корпуса Генералъ-Маіора Князя Горчакова. За всякую медленность и малѣйшую потерю времени; равномѣрно и за всякій безпорядокъ, который случится въ вашей командѣ, Вы будете непосредственно отвѣчать по всей строгости законовъ. О выступленіи Вашемъ дать знать съ нарочнымъ Генералу-Маіору князю Горчакову, и стараться прибыть Генваря 3-го числа на ночь въ С. Левковъ, гдѣ квартируетъ корпусный учебный баталіонъ.

Генералъ-Лейтенантъ Ротъ.

№ 1532
Декабря 31-го, 1825 года
М. Бѣлая Церковь.

4.

Командиру Кременчугскаго пѣхотнаго полка Полковнику и Кавалеру Набокову.

По полученнымъ извѣстіямъ, которые кажутся довольно достовѣрными, мятежники Черниговскаго полка, состоящіе изъ

четырехъ или пяти ротъ, подъ предводительствомъ Муравьева-Апостола, выступили вчерашняго числа изъ Василькова и берутъ направленіе на Трилесы и Поволочь. Есть однакоже слухъ, что они идутъ на Бышевъ. Увѣдомляя о семъ Ваше Высокоблагородіе, предписываю расположиться полкомъ военнымъ образомъ, наблюдая преимущественно направленіе къ Бышеву и къ дорогѣ, ведущей изъ Василькова въ Трилесы и Поволочь.

Ежели полкъ Вашъ не собранъ еще, то расположите удобнѣйшимъ для вышесказанныхъ предметовъ образомъ, имѣя его соединенно или по крайней мѣрѣ не раздѣляя его болѣе какъ на двѣ части и чтобъ при каждой былъ непремѣнно баталіонный командиръ. Ежели Вы освѣдомитесь, что мятежники близко отъ Васъ, то двиньтесь на нихъ, и поражайте.—Все сіе исполнить, ежели не имѣете повелѣнія отъ корпуснаго командира; въ противномъ случаѣ, исполняйте приказанія его. О томъ въ какихъ мѣстахъ полкъ находится, какія Вы имѣете извѣстія о мятежникахъ донесите мнѣ съ симъ же нарочнымъ, а при малѣйшихъ случаяхъ достойныхъ вниманія дѣлайте мнѣ подробныя донесенія съ особо посланнымъ. Ежели имѣете какое-либо повелѣніе отъ корпуснаго командира или своего начальства, извѣстите меня объ ономъ. Внушите всѣмъ подчиненнымъ воинамъ всю гнусность поступка мятежниковъ, но не разглашайте онаго заблаговременно. При семъ приложенный конвертъ прошу велѣть доставить Генералу Чистякову.

Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ.

№ 303
Житомиръ
1 Генваря 1826 года.

5.

[Показаніе порутчика Пржевалинскаго] [1]).

1826-го Года Генваря 1-го дня, только лишь съ разсвѣтомъ придя ко мнѣ мой деньщикъ Иванъ Лукьяновъ объявилъ, что

---

[1]) Как свидетельствует черновой набросок рапорта об этом полк. Набокова Бригадному Командиру, донесение Пржевалинского сделано было ему 2 января, в 8 часов утра. «Когда пор. Пржевалинскій о себѣ мнѣ объявилъ, то было мнѣ доложено, что полкъ готовъ и я не-

пришелъ какой-то незнакомый офицеръ и хочетъ меня видѣть. Между тѣмъ, какъ онъ мнѣ сіе лежащему еще на постелѣ говорилъ, входитъ и офицеръ прямо ко мнѣ и какъ онъ мнѣ не былъ знакомъ началъ рекомендоваться, что онъ Штабсъ-Капитанъ Маевскій Черниговскаго Пѣхотнаго полка [1]). На вопросъ мой куда онъ идетъ, отвѣчалъ мнѣ, что ихъ полкъ идетъ въ Житомиръ въ караулъ, послѣ чего спрашивалъ меня, что у насъ слышно, на что я ему отвѣчалъ, что у насъ ничего не слышно; давно ль я былъ въ штабу, на что въ отвѣтъ я ему сказалъ, что я третьяго дня возвратился изъ штабу, гдѣ полкъ присягалъ на вѣрность службы Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу. Итакъ я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что вы ничего не знаете, и началъ разсказывать, что у нихъ въ полку сдѣлался бунтъ, что полкового командира изранили и что его роту потребовалъ полковой командиръ подполковникъ Гебель въ полночь въ Штабъ для караула, куда онъ прибывъ съ большою торопливостью и занялъ караулъ, и что подполковникъ Гебель потребовалъ его къ себѣ, приказывалъ чтобы пойманныхъ изъ шайки бунтующихся двухъ офицеровъ содержать строго

медленно выступилъ съ онымъ въ походъ до м. Коростышева, куда прибылъ въ 11 ч. почи, на другой же день прибылъ съ онымъ въ с. Левково во исполненія предписанія г. корпуснаго командира ген.-лейт. и кавалера Рота, и 4-го числа отправился въ Корпусную квартиру въ г. Житомиръ, гдѣ лично о семъ донесъ Господину Начальнику Корпуснаго Штаба ген.-маіору и кавалеру кн. Горчакову».

[1]) В «заключеніи» Аудиторіатского Департамента об участниках в «мятеже Муравьева-Апостола», штабсъ-капитану К. К. Маевскому инкриминировалось, что он, равно как порутчики Петин и Сизиневский и подпор. Войнилович, видя противозаконные и возмутительные действия Муравьева-Апостола, присоединились к сообществу его и исполняли данные от него повеления, при чем Маевский, Сизиневский и Войнилович, «ежели и угрозами Муравьева-Апостола и сообщниковъ его принуждены были исполнять волю ихъ, имѣли совершенную возможность, не подвергая жизнь свою опаспости, удалиться отъ нихъ; ибо Маевскій, получа отъ Муравьева дозволеніе, ѣздилъ изъ Василькова въ сел. Плисецкое, гдѣ квартировала бывшая въ командѣ его рота, для взятия оставшихся тамъ вещей и жалованья» («Русск. Стар.» 1905, V, 380—381). По конфирмации приговора военного суда, К. К. Маевский разжалован был в рядовые, с лишением дворянства и с определением в дальние гарнизоны. По дороге в Сибирь, — умер 2-го марта 1827 г.

подъ карауломъ, что онъ получа такое приказаніе, вышелъ отъ него, какъ вдругъ встрѣтился съ бѣжавшимъ къ нему солдатомъ и кричавшимъ ему спасайтесь, васъ хотятъ убить, что 5 рота прибѣжавъ разогнала караулъ и выпустила арестантовъ, почему онъ въ испугѣ бросился бѣжать и спрятался въ какой-то тростникъ, но какимъ случаемъ опять онъ къ нимъ присоединился, я будучи встрѣвоженъ его разсказомъ такого ужаснаго происшествія, не нашелся его распросить, между тѣмъ, онъ мнѣ сказалъ, что хотя бы онъ желалъ у меня остаться арестованнымъ, но добавилъ, что сего нельзя сдѣлать потому, что ихъ полкъ сію минуту будетъ и тогда вѣрно убьютъ, какъ его, такъ и меня. Между тѣмъ, какъ онъ мнѣ сіе разсказывалъ вызвалъ его Черниговскаго полка солдатъ на дворъ съ которымъ онъ поговоря пошелъ вмѣстѣ и болѣе уже не возвращался. Между тѣмъ, какъ я спѣшилъ одѣваться чтобы ѣхать въ Штабъ съ донесеніемъ полковому командиру, увидѣлъ много солдатъ вооруженныхъ и ѣхавшихъ на саняхъ мимо квартиры моей, куда же они взяли направленіе, мнѣ неизвѣстно; тѣмъ болѣе, что получена въ сію же минуту отъ полка предписаніе о самоскорѣйшемъ выступленіи съ ввѣренной мнѣ ротой въ штабъ подъ строжайшей отвѣтственностью за малѣйшее замедленіе долженъ былъ на щетъ сего распорядиться. — Штабсъ-Капитанъ Маевскій пробылъ у меня не болѣе четверти часа разсказывая мнѣ вышеписанное съ большою торопливостію.

Изъ Г. Г. офицеровъ никого у меня не было.—Связей съ Г. Штабсъ-Капитаномъ Маевскимъ я никогда никакихъ не имѣлъ и только тогда въ первый разъ его видѣлъ. По прибытіи въ Штабъ объявилъ я о семъ своему Полковому Командиру.

6.

Командиру Кременчугскаго Пѣхотнаго полка Господину Полковнику и Кавалеру Набокову.

По прибытіи Кременчугскаго полка въ Левково, я предлагаю Вашему Высокоблагородію расположить оной согласно показанію Корпуснаго Оберъ-Квартирмейстера. Поелику Г. Корпусному Командиру угодно чтобъ во время пребыванія полка

Вашего тамъ былъ соблюденъ совершенный порядокъ, то предлагаю въ особенности наблюсти слѣдующее:

1. Чтобъ никто и ни подъ какимъ видомъ не отлучался изъ расположенія полка безъ собственнаго билета Вашего, и не позволять никому ни какой отлучки кромѣ необходимыхъ по службѣ.

2. Чтобъ при перекличкахъ непремѣнно находились всегда всѣ Г.Г. офицеры и нижніе чины.

3. Чтобъ присылаемые въ Вашъ полкъ офицеры или нижніе чины непремѣнно предъявляли виды начальниковъ, отъ коихъ они посланы, и всегда немедленно по прибытіи въ Селеніи Вашего расположенія являлись прямо къ Вамъ.

Для сего кромѣ главныхъ карауловъ учредите еще и другіе на въѣздахъ и снабдите ихъ должнымъ приказаніемъ.

О исправности содержанія карауловъ и о состояніи полка доносить мнѣ ежедневно къ 11-ти часамъ до полудни. При сихъ рапортахъ должны быть списки всѣхъ лицъ въѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ занимаемыхъ вами деревень въ теченіи суток.

4. Дабы посылаемые въ Житомиръ отъ Вашего полка по дѣламъ службы офицеры и нижніе чины непремѣнно прямо и нигдѣ не останавливаясь сперва являлись ко мнѣ.

Карауламъ на въѣздахъ стоящимъ приказать дѣлать патрули ночью по дорогамъ и около селенія, и забирать подъ караулъ всѣхъ праздношатающихся.

Ни какая команда не принадлежащая полку не должна быть впускаема въ расположеніе онаго преждѣ нежели получится карауломъ отъ Васъ повелѣніе ей войти.

Въ случаѣ откомандировки командъ Кременчугскаго полка подтвердить имъ дабы онѣ останавливались не доходя селеній черезъ которыя будутъ проходить, посылали бы съ ефрейторами видъ по коему отправлены, къ начальникамъ войскъ въ оныхъ расположенныхъ, и продолжали бы путь только по возвращеніи онаго съ посланнымъ отъ начальника войскъ селенія ефрейторомъ, который, между тѣмъ, дастъ и приказъ пропуска на заставѣ. Такимъ же образомъ вельть поступать и относительно командъ, которые будутъ подходить къ расположенію Вашему, съ какой бы то ни было стороны.

Не оставьте увѣдомить меня на сколько дней Кременчугскій полкъ имѣетъ продовольствія съ собою и при немъ ли фуршатская рота.

Такъ же предлагаю распорядиться чтобъ офицеры и нижніе чины прибывающіе въ Левково изъ другихъ полковъ прямо являлись къ Вамъ сходно 4-му пункту.

Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ.

№ 7
2 Генваря 1826.
Г. Житомиръ.

7.

Командиру Кременчугскаго Пѣхотнаго Полка Господину Полковнику и Кавалеру Набокову 2-му.

Предлагаю Вашему Высокоблагородію руководствоваться во всей точности даннаго Вамъ предписанія отъ Г. Начальника Корпуснаго Штаба Генералъ-Маіора Князя Горчакова отъ 2-го числа сего Генваря за № «302». При чемъ даю знать Вашему Высокоблагородію, что для учиненія поисковъ и открытія направленія шайки бунтовщиковъ по увѣдомленіи ко мнѣ начальника 3 Гусарской Дивизіи Г. Генералъ-Маіора и Кавалера Ридигера подъ командою его ввѣренная мнѣ бригада будетъ находиться. Отряженъ имъ одинъ полу-эскадронъ Александрійскаго Гусарскаго Полка къ Вамъ 2-го числа, а я буду находиться завтрашняго числа въ с. Студеницахъ, куда и рекомендую Вашему Высокоблагородію, ежели что открыто Вами будетъ о мятежникахъ или при [казы?] какіе будутъ вами здѣланы, мнѣ какъ можно въ то же самое время обо всемъ доносить.

Генералъ-Маіоръ Чистяковъ.

№ 7-ii
Генваря 2-го дня,
1826-го года
Г. Радомысль.

111675

8.

Командиру Кременчугскаго Пѣхотнаго Полка Господину Полковнику и Кавалеру Набокову 2-му.

Полкового Казначея поручика Косаржевского.

Рапортъ

Посылаемые по приказанію вашего высокоблагородія розыщики для узнанія о мѣстахъ нахожденія бунтовщиковъ, по возвращеніи сего числа объявили: что они видѣли таковыхъ раздѣлившихся на нѣсколько частей, около селеніи Мотовиловки, Дѣдовщины и м. Фастова, которыя имѣютъ направленіе къ М. Бѣлой-Церквѣ, а явившіяся въ Фастовѣ при одномъ офицерѣ пять человѣкъ нижнихъ чиновъ для занятія квартиръ, тамошними жителями (кромѣ офицера, который тотчасъ отъ сей команды удалился) перехвачены и отправлены въ М. Бѣлую Церковь; болѣе же о тѣхъ бунтовщикахъ никакихъ слуховъ еще не имѣется; и о развѣдываніи оныхъ предприняты надлежащія мѣры; сего жъ числа въ М. Брусиловъ прибыли по полудни въ 5 часовъ полуэскадронъ Александрійскаго Гусарскаго полка подъ командою Штабъ-ротмистра Гангеблова и еще одного офицера, который здѣсь имѣетъ ночлегъ, а въ 9-мъ часу Г. Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Ридигеръ, ѣдущій къ Г. Корпусному Командиру въ С. Корочинъ и отправился в $10^1/_2$ часовъ, въ прочемъ при полковой Штабъ-Квартирѣ обстоитъ все благополучно, о чемъ вашему высокоблагородію спмъ почтеннѣйше донесть честь имѣю.

Порутчикъ Косаржевскій.

№ 29
Генваря 3 дня,
1826 года
М. Брусиловъ.

9.

Милостивый Государь
Петръ Александровичъ.

По полученнымъ извѣстіямъ мятежники находятся между Фастовымъ и Бышевымъ. Получивъ о семъ увѣдомленіе, я сею

же ночью двинулъ одинъ полуэскадронъ 4 эскадрона Александрійскаго полка въ Коростышевъ для наблюденія за мятежниками, и велѣлъ ему васъ увѣдомлять о всемъ, что имъ будетъ усматриваемо. Прошу меня увѣдомлять ежели онъ вамъ донесетъ что достойное вниманія. Впрочемъ, можетъ быть полуэскадронъ сей будетъ сдвинутъ съ мѣста Генераломъ Ридигеромъ, который находился сего утра въ Лещинѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
Милостивый Государь
Вашего Высокоблагородія
покорнѣйшій слуга
Князь Мих. Горчаковъ.

Житомиръ
1826 года, 3 генваря.

Покажите письмо сіе Вранцкому [1]).

10.

Секретно.

Командиру Кременчугскаго Пѣхотнаго Полка Г. Полковнику и Кавалеру Набокову.

Я сей часъ получилъ извѣстіе, что Генералъ-Маіоръ Ридигеръ отправился въ слѣдъ за Александрійскимъ полкомъ, которой двинулся къ Бруснлову. Я заключаю, что и полуэскадронъ сего полка, поставленный мною въ Коростышевъ, послѣдуетъ движенію прочихъ. Сего числа имѣетъ прибыть въ Лещинъ Подполковникъ Ракшанинъ съ тремя эскадронами Маріупольскаго полка, коему предписано оставаться въ неразрывной связи

---

[1]) Вранцкій, Василій Иванович, полковник квартирмейстерской части; с 1824 г. член Южного Общества; осужден по VIII разряду и, по конфирмации 10. VII. 1826 г., приговорен к ссылке на поселение вечно; умер в 1832 г. в Ялуторовске. В дни восстания Черниговского полка принадлежность полка Вранцкого к числу членов Южного Общества была, очевидно, еще неизвестна, и кн. Горчаков мог поэтому рассматривать его, как доверенного агента своего штаба.

съ Левковымъ. Завтра Ракшанинъ выступитъ въ Коростышевъ, а въ Лещинъ прибудетъ того числа Подполковникъ Арсеньевъ съ пятью эскадронами Ахтырскаго полка. О чемъ увѣдомляю Ваше Высокоблагородіе для должнаго свѣдѣнія.

Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ.

№ 30
Генваря 3 дня
1826-го года.
Г. Житомиръ.

11.

Командиру Кримпичугскаго Пѣхотнаго Полка
Господину Полковнику Набокову.

Отъ Александрійски Гусарскаго полка Порутчика
фонъ деръ Брюггена 2-го

Рапортъ.

По сіе времина я немогъ ещо отъ крить настоящиго места прибыванія или направленія пути мятѣжниковъ, почему же и нахожусь принужденнымъ составляетъ летучию почту изъ мистечка Коросьстишова въ Мѣстечки Брусиловъ и Ходорьковъ для вернейшихъ съ вѣдиньев окойхъ тотъ часъ честь имѣть буду вашему високо благородію донести.

Порутчикъ фонъ деръ Брюггенъ 2-й.

М. Коростышевъ
Генваря 4-го дня
1826-го года.

12.

Милостивый Государь
Петръ Александровичъ.

Имѣю честь увѣдомить Васъ, что возмутившіяся роты Черниговскаго Полка настигнуты близь селенія Устимовки отря-

домъ 3 Гусарской Дивизіи и что не только мятежъ прекращенъ, но всѣ офицеры и нижніе чины взяты.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
Милостивый Государь,
Вашего [Высокоблагородія] покорнѣйшій слуга
Князь Михаилъ Горчаковъ.

Я прошу васъ частнымъ образомъ сдѣлать извѣстіе извѣстнымъ въ вашемъ полку.

Генваря 4 дня
1826 года
Г. Житомиръ.

Вторая группа публикуемых нами документов относится к бумагам начальника 25-ой пехотной дивизии ген.-лейт. Ф. Г. Гогеля, снабженного, как известно, еще при жизни императора Александра исключительными полномочиями по секретному наблюдению за настроением войск 1-ой армии [1]). В тревожные дни восстания Черниговского полка генерал Гогель находился в оживленнейших сношениях с начальниками войсковых частей, действовавших против мятежников, и, благодаря особой близости своей к цесаревичу Константину Павловичу, снабжавшему его не только всеми получаемыми в Варшаве оперативными сводками и тайными донесениями, но и всё расширявшимися новыми полномочиями и инструкциями, сосредоточил на некоторое время в своих руках всю розыскную работу на обширной территории 1-ой и 2-ой армий.

Бумаги ген. Ф. Г. Гогеля, начало опубликованию которых за интересующий нас период положил М. Ф. Шугуров в 1871 г., в течение нескольких десятилетий являлись единственным, а в настоящее время продолжают оставаться одним из важнейших источников по истории восстания Черниговского пехотного полка и его ликвидации. Первая серия этих бумаг (донесения на имя ген. Гогеля с 3-го по 24-е января 1826 г.) появилась в «Русск.

[1]) Ср. материалы о ген. Ф. Г. Гогеле в «Русск. Арх.» 1902, II, 278 и в переписке цесаревича Константина Павловича с императором Николаем — «Сборн. Русск. Истор. Общества», т. 131, 1910, стр. 23, 31 — 32.

Арх.» за 1871 г. (стр. 257 — 288); вторая серия (официальная переписка ген. Гогеля с в. к. Константином Павловичем с 9-го января по 20-е марта 1826 г. и копии донесений на имя последнего от главнокоманд. 1-ой армией) — напечатана была в «Русск. Арх.» за 1902 г., т. II, стр. 285 — 302, как приложение к посмертной статье М. Ф. Шугурова «О бунте Черниговского полка». В нашем распоряжении находится третья и, очевидно, последняя серия бумаг ген. Ф. Г. Гогеля, самым тесным образом связанная с Шугуровскими публикациями в «Русском Архиве» [1]).

Так, воспроизводя секретное предложение цесаревича Константина Павловича от 5-го марта 1826 г. на имя генерала Гогеля о необходимости, в виду данных следствия о массовом «вовлечении в заговор» нижних чинов, «принять надлежащие меры осторожности и бдительного наблюдения» в местах расположения 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады, М. Ф. Шугуров не преминул указать, что рукою Гогеля на великокняжеской бумаге сделана была отметка: «Предписано 9-го марта Унгебауру. Ловцову. Дитерихсу и Чеботареву» [2]). Интереснейшие отчеты именно этих агентов ген. Гогеля о настроениях войсковых частей и гражданского населения в районе недавних дей-

[1]) М. Ф. Шугуров (род. 29 сент. 1829 г., ум. в феврале 1891 г., в Берне) не указал обстоятельств получения им бумаг ген. Гогеля, местонахождение коих и ныне остается неизвестным. Что же касается нашей части материалов, восходящих к тому же источнику, то они — в особой папке — случайно обнаружены были в Киеве в 1920 — 1921 г. при разборе семейных бумаг ген.-лейт. М. П. Саковича. Помимо бумаг, нами сейчас публикуемых, в папке этой оказались еще рапорты полковых командиров и артил. бригад 3-го корпуса со списками состоящих в этих войских частях нижних чинов, «разжалованных по суду и поступивших из отставленных за дурное поведение». Списки эти представлялись ген. Гогелю в силу его же секретного предложения от 26 апр. 1826 г. Судя по находящемуся здесь же письму состоявшего при вел. кн. Константине ген. Кривцова, ген. Гогель принимал еще какие-то меры по розысканию, не состоит ли кто из командного состава войск 1-ой армии «в родстве или связи с мятежниками», а также, «не родня ли мятежнику Якубовичу служивший в Минском пех. полку штабс-капитан Якубович». При докладе об этом в Варшаве, цесаревич «изволил отозваться, что весьма хорошо сделали и делаете, ваше превосходительство, и что подобно сему и здесь его императорское высочество так же поступает».

[2]) «Русск. Арх.» 1902, II, 285 — 286.

ствий Общества Соединенных Славян сохранились как раз в той серии Гогелевских бумаг, которая до последнего времени оставалась недоступной исследователям [1]).

Командир 3-й легкой роты 25-й артиллерийской бригады подполковник Ловцов и поручик 1-й роты той же бригады Липицкий командированы были в г. Новоград-Волынск и его окрестности, где, как известно, была расположена особенно скомпрометированная своим участием в декабрьском движении 8-я артиллерийская бригада [2]).

Из показаний участника восстания Черниговского пехотного полка бар. В. Н. Соловьева Военно-судной Комиссии в Могилеве стало известно, что незадолго до восстания «поручик Горбачевский писал С. П. Муравьеву-Апостолу, якобы солдаты 8-й артиллерийской бригады с таким рвением ожидают начала действия, что офицеры, принадлежащие к обществу, не находят средств удержать их нетерпение». Это показание настолько встревожило главное командование, что 14-го февраля 1826 г. начальник штаба 1-ой армии, не довольствуясь массовыми арестами офицеров и солдат, уже изобличенных в содействии «заговору», предложил командиру 3-го корпуса ген. Роту обратить особенное внимание на солдатскую массу, для чего «учредить тайный, но притом самый осторожный и скрытный надзор за поведением и духом помянутых нижних чинов, особливо же 2-й легкой роты 8-ой артиллерийской бригады, стараясь разведать, как они говорят и мыслят в рассуждении бывшего возмущения Черниговского пехотного полка и не замечаются ли в них понятия, сходные с возмутительным катехизисом». Не удовлетворившись ответом ген. Рота, что он «уже прежде предписал начальнику артиллерии корпуса, генерал-майору Богуславскому, отправиться лично в 8-ю артиллерийскую бригаду, главнокомандующий граф

---

[1]) Не дошел до нас лишь отчет полк. Чеботарева, но, возможно, что последнего заменил майор Зейп, имя которого хотя и отсутствует в вышеприведенной Гогелевской отметке, но самый рапорт свидетельствует об участии его в тех же розыскных операциях.

[2]) О настроениях в 8-й артил. бригаде в дни восстания Черниговского пех. полка богатейший материал дают записки И. И. Горбачевского («Русск. Арх.» 1882, I, 479—482), едва ли не каждое показание которого ныне может быть подтверждено вновь найденными документальными данными.

Сакен приказал туда же выехать старшему адъютанту штаба 1-ой армии капитану Сотникову, «офицеру надежному и расторопному», — и одновременно обратился к Волынскому гражданскому губернатору Андржейковичу с просьбой учредить «чрез доверенных чиновников тайный надзор за полками Пензенским. Саратовским, Тамбовским и 8-ю артиллерийскою бригадою» [1]).

Таким образом, оказавшись объектом столь пристального внимания и военных, и гражданских властей, 8-я артиллерийская бригада должна была быть так терроризована неустанно производящимися в ней дознаниями, что прибывшим сюда в конце марта тайным агентам ген. Гогеля едва ли можно было рассчитывать на обильную жатву. И действительно, как с сокрушением отмечал поручик Линицкий, не приходилось удивляться «скрытности и осторожности» солдат, после того, как ими не раз обнаружено уже было, что всюду подстерегают их подосланные «для розысков и открытия преступников и их намерений» [2]).

Определяя круг агентов, вовлеченных после декабрьских событий в розыскную работу на территории 3-го корпуса, поручик Линицкий должен был помянуть в своем рапорте и переодетых офицеров, бродивших для наблюдения над солдатской массой по «гульбищам и корчмам», и деньщиков, собиравших нужный для господ материал, и разных «партикулярных людей», подсылавшихся к солдатам с тою же целью, и, наконец, даже «жидов». После двух месяцев сыскной деятельности всех перечисленных категорий тайных агентов обнаружить новые проявления «духа вольнодумства» было задачей совершенно неосуществимой, а потому, охарактеризовав общие условия своей неблагодарной работы (в этой характеристике основная ценность приводимых ниже донесений), подполковник Ловцов и поруч.

---

[1]) «Русск. Арх.» 1902, II, 288—290, 282.

[2]) О том, с каким удовлетворением император Николай принимал донесения об энергичных розыскных мероприятиях в этом районе, можно судить хотя бы по следующей его фразе в письме к цесаревичу Константину Павловичу от 11-го января 1826 г.: „Je ne puis que Vous prier de témoigner, en tels termes que vous voudrez, toute mon entière satisfaction pour les mesures que Гогель et Андржейкович ont prises, et veuillez m'en informer pour pouvoir l'insérer telle dans l'ordre du jour" («Сборн. Русск. Ист. Общ.», т. 131, СПБ., 1910, стр. 32).

Лиицкий предпочли сосредоточиться на передаче «разговоров и суждений» об арестованных в среде прежних их сослуживцев. Последние, учитывая значение Гогелевских агентов, все время были, разумеется, настороже и, стараясь прежде всего о своей реабилитации, не могли не подчеркивать своего мнимого возмущения «противозаконными поступками» заговорщиков. «коими нанесено пятно их бригаде». Сделанная в этих условиях поименная характеристика арестованных офицеров 8-й артиллерийской бригады (Борисова, Горбачевского, Киреева, Андреевича, Бечасного и др.) получилась, конечно, чрезвычайно тенденциозной, но и в кривом зеркале тайного агента не трудно определить пыне и неожиданно ярко отраженные внешние черты, и подчас метко схваченные особенности духовного строя некоторых из «энтузиастов» Общества Соединенных Славян.

Точный список «вовлеченных в заговор» нижних чинов как бы замыкает добытые разведкой ген. Гогеля сведения об отражении в 8-й артиллерийской бригаде декабрьских событий.

В тех же тонах, что Ловцов и Лиицкий, передавал о своих наблюдениях во время пути из Острога в Киев майор 49-го Егерского полка Зейн. Анекдоты об исключительном усердии нижних чинов гусарского имени принца Оранского полка и Васильковских крестьян при ликвидации революционного выступления Черниговцев [1]), случайное свидетельство об удивлении «поступку Муравьева-Апостола, который весьма в корпусе был любим, и каждый его добрым и умным человеком считал», наивные соображения офицеров Киевского гарнизона «поделом бездельники, что их всех забрали за их глупости: у нас берут на сформирование Черниговского полка с баталиона по 64 человека, да еще самых лучших»; — вот что получило выражение в рапорте Зейна.

Если растерянное, недоумевающее и подавленное событиями офицерство в своих показаниях об участниках заговора и вос-

[1]) Как свидетельствует в своих Записках И. И. Горбачевский (М. 1916, стр. 154), гусары, составлявшие первый конвой при арестованных мятежниках, «когда узнали цель и намерения С. Муравьева, тотчас начали лучше обращаться с арестантами и жалели, что не знали сего прежде, говоря, что их уверяли, будто бы Черниговский полк взбунтовался для того, чтобы грабить безнаказанно».

ставия явно старалось попасть в тон правительственным интервьюерам, то представители разных слоев гражданского населения вели себя несравненно независимее и не скрывали своих симпатий к деятелям Тайных Обществ.

Так, произведенное командиром 50-го Егерского полка Унгебауром секретное дознание о том, кто из окрестных помещиков «изъявлял сожаление» об арестованных в Пензенском полку офицерах, обусловило (по обнаружении виновных — комиссара м. Красилова Коссельского и конюшего Буша) интереснейшее общее заключение, что «не только помещики и служащие при них, но даже евреи и крестьяне, с которыми случалось говорить, относились с похвалою о сих офицерах» [1]).

Характерно, что именно этот рапорт, несмотря на свою краткость, произвел наибольшее впечатление на ген. Гогеля: ограничившись принятием к сведению рапортов Ловцова, Липицкого и Зейна, он о последних данных счел необходимым, как свидетельствует особая отметка на бумаге Унгебаура, немедленно донести цесаревичу Константину в Варшаву.

Ю. Оксман.

Секретно.

Начальнику 25-ой Пѣхотной Дивизіи Господину
Генералъ-Лейтенанту и Кавалеру Гогелю 2-му

25-й Артиллерійской бригады Командира
3-й легкой роты Подполковника Ловцова

Рапортъ.

По секретному повелѣнію Вашего Превосходительства отъ 9-го марта за № 164-мъ основанному на повелѣніи Его Императорскаго Высочества Цесаревича отъ 5-го числа сегоже мѣсяца за № 160-мъ, ѣздилъ я въ Новоградъ-Волынскъ и въ окрестности расположенія 8-ой Артиллерійской бригады—для узнанія мыслей и сужденій между офицерами и солдатами той бригады гдѣ бывши неоднократно въ сообществѣ офицеровъ, я старался наводить

[1]) Как известно, в Пензенском полку из членов тайных обществ служили: майор Мих. Спиридов, капитан Алексей Тютчев, поручики Петр Громницкий и Николай Лисовский, подпоручики Павел Мозган и Алек. Фролов.

разговоръ на таковые предметы и такимъ непримѣтнымъ образомъ, что изъ самого отвѣта могъ бы уже извлечь и обнаружить духъ вольнодумства если бы онъ за взятіемъ многихъ виновныхъ тамъ еще гнѣздился; но всѣ вообще офицеры, съ коими мнѣ удалось видѣться, по словамъ ихъ предаютъ проклятію бывшихъ своихъ товарищей за подлый противузаконный поступокъ, коимъ нанесено пятно ихней бригадѣ.

Между нижними чинами открытіе виновныхъ (ежели бы таковые за взятіемъ уже съ бригады болѣе двадцати человѣкъ— еще находились)—за всѣмъ стараніемъ осталось безъ успѣшно: ибо недавнее слѣдствіе въ бригадѣ по сему же предмету производимое начальникомъ артиллеріи 3-го Корпуса Господиномъ Генералъ-Маіоромъ и кавалеромъ Богуславскимъ, частыя посылки въ Новоградъ-Волынскъ съ главной и корпусной квартиръ, къ тому же и отправленія 14-го, 15 и 16-го числъ сего мѣсяца арестованныхъ вышеписанныхъ людей, коимъ списокъ при семъ прилагается, могло самыхъ людей виновныхъ ежели бы таковые еще были здѣлать осторожнѣе; а изъ распросу подъ рукою обывателей нельзя ничего узнать, кромѣ того, что въ особенности въ теперешнее время бригада квартируетъ очень спокойно и дисциплина строгая соблюдается: прежде же на нижнихъ чиновъ 2-й легкой роты квартирующей въ мѣстечкѣ Барановкѣ падало подозрѣніе въ подстрекательствѣ, о чемъ и по сіе время не окончены еще слѣдствія.

Имѣя честь донести о семъ Вашему Превосходительству долгомъ поставляю увѣдомить, что по слухамъ во всемъ почти 3-мъ корпусѣ, берутъ теперь виновныхъ, и сколько мнѣ извѣстно, въ Пензенскомъ пѣхотномъ полку взято маіоръ и нѣсколько офицеровъ, да и во время моего проѣзду черезъ Корецъ 16-го и 17-го числъ сего мѣсяца взяты четыре человѣка офицеровъ, изъ коихъ три были ротными командирами въ Тамбовскомъ пѣхотномъ полку — кои и повезены, какъ слышно въ Главную квартиру; немного же прежде отправлено двухъ унтеръ-офицеровъ и одного рядового, съ сего самого полку.

Артиллеріи Подполковникъ Ловцовъ.

№ 8-ой
Марта 21-го дня
1826 года
Мѣс: [неразб.]

Къ № 8-му.

СПИСОКЪ

8-ой Артиллерійской бригады нижнимъ чинамъ взятымъ по повелѣнію начальства подъ стражу — по показанію, какъ полагать должно, взятыхъ офицеровъ — у коихъ они состояли въ частяхъ.

1826-го года, марта 21-го дня.

1-ой Батарейной роты.	
Фейерверкеры — Гончаревъ, » Фадѣевъ,	Повезены по слухамъ въ Санктъ-Петербургъ въ началѣ сего мѣсяца, другіе же говорятъ, что бѣжали.
» Зенинъ, » Кузнецовъ, » Васильевъ.	Всѣ сіи нижніе чины отправлены 14-го, 15 и 16-го числъ сего мѣсяца по слухамъ въ Бѣлую Церковь для сужденія. Но по повелѣнію ли Главнокомандующаго или корпуснаго неизвѣстно.
2-ой Легкой роты.	
Фейерверкеры — Евдокимовъ, » Родичевъ, » Брагинъ. Бомбардиръ — Гольцовъ. Канониръ — Крайниковъ. Готландгеръ — Бухаринъ.	
Изъ школы взаимного обученія 2-й Легкой роты коею завѣдывалъ до сего взятый прапорщикъ Безчастный.	
Бомбардиръ — Николаевъ, » Семеновъ, » Яригинъ, » Макаровъ, » Степановъ, » Петровъ. Канониры — Сидоровъ, » Крылов. Готландгеры — Митрофановъ, » Дудкинъ.	Въ числѣ отправленныхъ въ трехъ партіяхъ 14-го, 15-го и 16-го числа сего мѣсяца.

Сверхъ сего отправлено еще нѣсколько нижнихъ чиновъ по подозрѣнію бригаднымъ командиромъ изъ 1-ой роты, но когда и сколько за распросомъ осталось неизвѣстнымъ.

Артиллеріи Подполковникъ Ловцовъ.

Господину Генералъ-Лейтенанту 25-й Пѣхотной Дивизіи
Начальнику и Кавалеру Гогелю 2-му

Командира 50 Егерскаго Полка
Полковника Унгебаура

Рапортъ.

На основаніи секретнаго повелѣнія Вашего Превосходительства за № 215, приказано было отъ меня ввѣреннаго мнѣ 50 Егерскаго Полка Прапорщику Беренсу, стараться узнать, кто именно изъ помѣщиковъ изъявлялъ въ разговорахъ съ нимъ сожалѣніе о взятыхъ въ Санктъ-Петербургѣ изъ Пензенскаго пѣхотнаго полка офицерахъ. На сіе получилъ отъ него свѣденіе, что онъ можетъ себѣ припомнить только имена,—комиссара въ мѣстечкѣ Красиловѣ Косельскаго, и тамошняго конюшаго Буша, которые, какъ и нѣкоторые другіе, разговаривая съ нимъ, хвалили тѣхъ офицеровъ, и говорили, что они заслужили отъ всѣхъ привязанность къ себѣ добрымъ своимъ обращеніемъ. Къ сему Г. Беренсъ прибавляетъ, что не только помѣщики и служащіе при нихъ, но даже евреи и крестьяне, съ которыми ему случалось говорить, относились с похвалою о сихъ офицерахъ.

Полковникъ Унгебауръ.

№ 30.
Марта 22 дня
1826
Г. Кременецъ.

Секретно.

Начальнику 25-й Пѣхотной Дивизіи Господину
Генералъ-Лейтенанту и Кавалеру Гогелю 2-му

49-го Егерскаго Полка
Маіора Зейна

Рапортъ.

Во исполненіе секретнаго предписанія Вашего Превосходительства съ № 202-мъ слѣдуя до Г. Кіева чрезъ Г. Острогъ о повелѣнномъ мнѣ, я распрашивалъ по дорогѣ жителей, изъ которыхъ многіе отзывались, что квартирующіе въ Городѣ Острогѣ равно и окрестностяхъ Саратовскаго пѣхотнаго полка Г.Г. офицеры равно и нижніе чины, обходятся дружески съ жителями,

на почтовой же станціи Выгоды, лежащей между Острогомъ и Корцомъ, говорилъ мнѣ еврей, содержатель оной станціи, что часто происходятъ драки между крестьянами и нижними чинами Тамбовскаго пѣхотнаго полка, которые приходятъ изъ деревень въ корчму и въ нетрезвомъ видѣ останавливаютъ проѣзжающихъ мужиковъ, отбираютъ отъ нихъ подводы и возвращаются на оныхъ въ селеніи, гдѣ квартируютъ; нашетъ сего нѣсколько разъ жаловались полковому ихъ Командиру, но и за всѣмъ тѣмъ часто сіе случается. Въ Г-хъ Новоградъ-Волынскѣ и Житомирѣ многіе весьма хорошо отзывались объ войскахъ тамъ квартирующихъ, касательно же 3-й Гузарской Дивизіи, то слышалъ отъ корнетовъ Александрійскаго Гузарскаго Полка Герценговъ 1-го и 2-го коіи были въ отпуску въ Г. Кіевѣ, что у нихъ въ дивизіи большая строгость, въ особенности жаловались на строгость Корпуснаго Командира Г. Генералъ-Лейтенанта Рота, а между разговоромъ говорили, что всѣ весьма удивляются поступку Муравьева-Апостола, который весьма въ Корпусѣ былъ любимъ и, что каждый его добрымъ и умнымъ человѣкомъ щиталъ, что же касается до нижнихъ чиновъ, то, стоя въ цѣпи принца Аранскаго полка Гузары, кого только увидѣли съ краснымъ воротникомъ, то брали подаресть и доставляли къ своему офицеру, что и случилось съ дивизіоннымъ ихъ командиромъ, который проѣзжая на маленькой повозкѣ мимо цѣпи, былъ остановленъ и препровожденъ къ офицеру въ ведѣніи коего состояла означенная цѣпь, за каковую исправность была и отдана благодарность дивизіоннымъ начальникомъ тому офицеру, но фамиліи сего офицера не могли припомнить, а также разсказывали о происшествіи, случившемся въ с. близъ м. Василькова коеій названія также непомнили, что ихъ дивизіонный начальникъ проезжая означенною деревнею былъ толпою крестьянъ встречанъ съ палками которые полагали, что онъ былъ Черниговскаго полка, увидивъ красной воротникъ бѣжали къ нему навстрѣчу, крича рабуси [1]) черниговци и онъ былъ принужденъ поворотить назадъ и какъ паипоспѣшнѣе выѣхать из деревни.

Въ Кіевѣ имѣлъ я случай говорить съ офицерами Нижегородскаго пѣхотнаго 13-го и 14-го Егерскихъ полковъ, коіи

[1]) «Рабуси» — полонизм. Ср. rabus (от rabowac) — грабитель.

также съ неудовольствіемъ говорили о поступкахъ Черниговскаго полка, а нѣкоторые изъ нихъ говорили «подѣломъ бездѣльники, что ихъ всѣхъ забрали за ихъ глупости у насъ берутъ на съ формированія Черниговскаго полка съ баталіона по 64-е человѣка да еще самыхъ лудчихъ».

О чемъ Вашему Превосходительству почтеннѣйше донесть честь имѣю

Маіоръ Зейнъ.

№ 26-й
Марта 24-го дня
1826-го года.

Начальнику 25-й пѣхотной дивизіи Господину
Генералъ Лейтенанту и Кавалеру Гогелю 2-му

Командира 25-й артиллерійской бригады
полковника Дитерихса 3

Р а п о р т ъ.

Во исполненіе повелѣнія Вашего Превосходительства, отъ 9-го минувшаго марта за № 165, донести честь имѣю, что для узнанія въ 8-й Артиллерійской бригадѣ образа мыслей и протчаго, былъ командированъ ввѣренной мнѣ бригады 1-й батарейной роты порутчикъ Линицкій, который по возвращеніи своемъ оттуда представилъ ко мнѣ свѣдѣнія, въ копіи у сего Вашему Превосходительству прилагаемыя.

Полковникъ Дитерихсъ.

№ 386
Апрѣля 2 дня
1826 года
м. Клевань.

Копія со свѣдѣній представленныхъ порутчикомъ
Линицкимъ.

Прибывъ 20-го марта въ мѣстечко Полонное, какъ въ ближайшее отъ квартирнаго расположенія обоихъ легкихъ ротъ 8-й бригады, я подъ предлогомъ проѣзда на ярмарку въ Бердичевъ за лошадьми, предполагаемую мною 25-го марта, оставался здѣсь, какъ будто по необходимости, ибо оная начиналась 4-го апрѣля;—таковою оговоркою, удовлетворяя всѣмъ слишкомъ любопытствующимъ моимъ знакомымъ, желавшимъ знать

причину поѣздки и остановки моей въ Полонномъ, я кажется отдалилъ отъ себя всякое подозрѣніе, и бытность мою сдѣлалъ довольно правдоподобною.

Зная почти всѣхъ Г.Г. офицеровъ ротъ въ Полонномъ квартирующихъ—имѣя знакомство въ нѣкоторыхъ партикулярныхъ домахъ—два дни употребилъ для посѣщеній.

Между разговорами и сужденіями въ сіи свиданія узналъ касательно предмета и цѣли моей откомандировки слѣдующее:

Что изъ 8-й Артиллерійской бригады Генераломъ Богуславскимъ въ февралѣ м-цѣ, вскорѣ послѣ бунта въ Черниговскомъ полку, взяты и отправлены въ С.-Петербургъ: 1-й батарейной роты подпорудчикъ Борисовъ и прапорщикъ Андреевичъ; 2-й легкой подпоручикъ Горбачевскій и прапорщикъ Бычастый [1]); съ 3-й легкой не было; но взяты недавно переведенной въ бригадную роту то же Андреевичъ и изъ 4-й парочной батарейной роты прапорщикъ Кирѣевъ,—такъ же Ивановъ, бывшій Адъютантомъ.

Борисова и Кирѣева, особеннаго перваго, полагаютъ главными изъ общества существовавшаго въ бригадѣ; подъ руководствомъ коихъ, составлялся заговоръ противу правительства.—Никто изъ Полонскихъ незная ихъ лично, слышали, что по уму, наклонностямъ, ихъ доставало поддерживать и распространять открытое теперь предпріятіе.—Изъ двухъ Андреевичей, одинъ возвратился изъ Петербурга, будучи взятъ по письму у него найденному и коимъ уговаривалъ брата своего оставить связь съ обществомъ столь вреднымъ, что другаго нѣкоторые знаютъ, какъ самаго пустаго человѣка, способнаго развѣ дѣйствовать по наставленіямъ зломыслящихъ, и не способнаго ничего предпринять самимъ собою.—Горбачевскаго описываютъ: вздорнымъ, малодушнымъ и низкимъ, что оказывалось при всякомъ случаѣ, имѣвшимъ большую связь съ Бычастымъ, слишкомъ молодымъ, неосновательнымъ, до невѣроятности вѣтреннымъ офицерамъ той же роты и имѣющимъ наклонность къ пьянству.—Сему послѣднему поручена была ротная школа, которою онъ мало занимался, употребляя все время на разъѣзды къ командиру Ахтырскаго Гусарскаго полка, расположеннаго въ мѣстечкѣ Любарѣ полковнику Муравьеву и коман-

[1]) «Бычастымъ» пор. Липицкій неправильно именует прапорщика 8-ой артил. бригады В. А. Бечасного.

диру конной роты полковнику Баташеву, кои такъ же взяты, что оба какъ Горбачевскій, такъ и Бычастый болѣе интузіасты — и ничемъ почти по службѣ не занимались.

Изъ числа оставшихся во 2-й легкой ротѣ: Штабсъ-Капитана Кулешова почитаютъ имѣющимъ страсть къ пьянству, впротчемъ, тихимъ и спокойнымъ человѣкомъ; два брата Оденцовы прекрасные офицеры, — одинъ изъ нихъ въ отпуску; но оба какъ въ бригадѣ, такъ и у знакомыхъ на щету отличнѣйшемъ.

Самъ командиръ роты Подполковникъ Баронъ Корфъ остается загадкою, отъ той разсѣянности, съ каковою управляетъ ротою; при общемъ мнѣніи и отзывахъ, какъ объ отличнѣйшемъ Штабъ-офицерѣ въ связяхъ и отношеніяхъ, знающихъ его, онъ удивляетъ безпорядкомъ, существующимъ почти по всѣмъ частямъ службы и хозяйственной части — занять болѣе охотою, употребляя для оной большую половину роты нижнихъ чиновъ, кои въ общемъ смыслѣ слишкомъ своевольны и дерзки; чего однакоже я самъ собою не могъ по кратковременности замѣтить; — а расторопность и должное уваженіе осталось для меня примѣчательно. — Говорятъ, что недавно прислъ онъ командира 4 парочной батарейной роты. 16 Артиллерійской бригады капитана Войнаховскаго снабдить его провіантомъ, не имѣя онаго въ запасѣ для роты, которая теперь съ первыхъ числъ марта находится на тѣсныхъ квартирахъ, что рота мало занята и въ добавокъ у него не перестаютъ производиться слѣдственныя дѣла по жалобамъ на солдатъ о поджогахъ, о неспокоіномъ квартированіи и протчемъ. — О 3-й легкой ротѣ не слыхалъ иначе, какъ что оная болѣе протчихъ занята по службѣ, хотя и недостаточно — во всемъ же протчемъ находится въ лучшемъ устройствѣ. — О командирѣ оной подполковникѣ Свободѣ — порутчикѣ Ротмистровѣ и прапорщикѣ Шрамченкѣ всѣ отзываются лучшимъ образомъ.

На щетъ бригадной роты, какъ не знаемой никѣмъ по отдаленности, изъ слуховъ и мнѣ сообщенныхъ узналъ я, что полковникъ Эйлеръ болѣе всѣхъ имѣетъ безпорядковъ, какихъ именно не могъ узнать, ибо и сами разговаривавшіе со мною ничего подробно и порядочно не знаютъ. — Одно только, что нѣкоторые офицеры по 4-е мѣсяца отлучались отъ роты въ Житомиръ и по губерніи безъ позволенія, на казенныхъ ло-

шадяхъ и онъ полковникъ Эйлеръ не зная о семъ, былъ доволенъ не видя тѣхъ, кои на щету его были непорядочными и кои въ послѣдствіи оказались слишкомъ виновными по заговору.

Изъ 1-ой батарейной роты нижнихъ чиновъ взято 5 человѣкъ, изъ 2-й легкой 16-ть, но какъ сіе случилось не задолго предъ моимъ пріѣздомъ, то кромѣ сего опредѣленнаго числа людей ничего болѣе не было сказано.

По собраніи таковыхъ свѣдѣній и сообразно наставленій, мнѣ при отъѣздѣ данныхъ, я открылъ Капитану Жилею и Штабсъ-Капитану Даненштерну причину поѣздки моей, отъ коихъ ничего не могъ узнать кромѣ повторенія уже слышаннаго.—Итакъ по совѣту Капитана Жилея, 22-го марта съ нимъ вмѣстѣ, подъ видомъ покупки нѣкоторыхъ вещей на Барановской фарфоровой фабрикѣ, отправились мы къ Подполковнику Корфу, тамъ квартирующему—у него застали означенныхъ выше Кулешова и Оденцова и ротмистра, по фамиліи неупомню, изъ Гусарскаго Графа Витгенштейна полка, находящагося въ Барановкѣ по слѣдственному дѣлу при сей ротѣ.—Приняты были хорошо, вѣжливо, но замѣтно осторожно.—Капитанъ Жилей, будучи прежде знакомымъ, сколько возможно старался пользуясь удобностію и приличіемъ доставить мнѣ средство узнать что-либо, но въ бытность нашу ничего не успѣли открыть кромѣ, что взяты изъ сей роты нижніе чины: 3 фейерверкера и 13 рядовыхъ, почти всѣ изъ школы, выключая двухъ фейерверкеровъ, изъ коихъ одинъ со взвода подпоручика Оденцова, которой разсказывая сіе упомянулъ; «не понимаю какъ попался мой олухъ, этотъ дряннои фейерверкеръ, видно не совсѣмъ прогремѣлъ громъ надъ нами. Что всѣ они взяты Эйлеромъ по списку, присланному изъ С.-Петербурга, а что въ допросахъ имъ дѣланныхъ ни въ чемъ не повинились и ни въ чемъ не признались,—Корфъ съ испытующимъ видомъ хотѣлъ узнать, что бы значило, что Подполковникъ Ловцовъ въ 1-й батарейной ротѣ, находящейся въ Г. Новоградъ-Волынскѣ;—но какъ мы отговорились непзвѣстностію, то онъ перемѣнилъ разговоръ—спрашивалъ зачѣмъ я въ ихъ мѣстахъ, и предложилъ въ покупку лошадей, мною какъ выше упомянуто, будто отыскиваемыхъ—осмотрѣвъ оные, торгуясь, обѣщалъ на другой день прислать для лучшаго осмотра фейерверкера Алексѣева, знающаго

лучше меня доброту лошадей и тогда кончить покупку, когда имъ найдены будутъ лошади годными, имѣя ввиду симъ случаемъ воспользоваться и доставить средство Алексѣеву, узнать что-либо отъ нижнихъ чиновъ. — Сдѣлавъ должное наставленіе я отправилъ Алексѣева по прибытіи обратно въ Полонное то-есть 23 марта въ Барановку — не являясь къ Подполковнику Корфу, онъ заводилъ разговоры съ солдатами, ходилъ по мѣстечку, былъ у фельдфебеля, каптенармуса, на конюшняхъ, однакоже возвратясь, ничего не донесъ, кромѣ того, что всѣ солдаты, какъ будто избѣгали его, почти ничего не говорили и его не распрашивали, выключая офицеровъ, коимъ хотѣлось вывѣдать: отъ куда, зачѣмъ, съ кѣмъ, куда и для чего мы ѣдимъ и живемъ теперь въ Полонномъ — прибавивъ, что и въ самомъ Полонномъ многіе изъ офицеровъ останавливали его съ подобными и подробными разспросами. — Дѣлая покупки на фабрикѣ я и капитанъ Жилей старались узнавать и отъ нѣкоторыхъ фабрикантовъ нужное по нашему предмету, но здѣсь кромѣ скрытности и осторожности ничего не замѣчено.

25-го марта по приглашенію былъ я у Командира Полоннаго Крѣпостного Артиллерійского Штата Подполковника Кондратьева, на именинахъ его дочери — ожидалъ въ обществѣ и при таковомъ случаѣ открыть новое, тѣмъ болѣе, что ожидали туда Командировъ Корфа и Свободу и другихъ офицеровъ съ ихъ бригады; но какъ они не были и многіе разъѣхались до обѣда—то въ общемъ разговорѣ слышалъ объ возвращеніи гусарскаго Подполковника Арсеньева, который такъ же взятъ былъ въ С.-Петербургъ — объ ихъ содержаніи въ крѣпости и протчія маловажныя и не имѣющія отношенія къ порученности моей разговоры.

26-го былъ я въ м. Миропольѣ, не могъ быть у Подполковника Свободы по болѣзни его и непріему. — Шрамченко былъ у родныхъ тоже не въ далекѣ Мирополья, а потому и посѣтилъ только Порутчика Ротмистрова. Извѣстное уже мнѣ, опять повторилось и я не замѣтилъ изъ словъ Ротмистрова ни чего болѣе, какъ дѣлающаго ему честь. — Говорилъ съ солдатами по корчмамъ наученьи бывшимъ; та же осторожность, какъ и во 2-й Легкой ротѣ. — Видѣлъ нѣсколько извѣстныхъ мнѣ шляхтичей и ни чего не могу прибавить къ описанному.

Изъ м. Мирополья заѣзжалъ я недалеко живущему къ отставному ротмистру Жуковскому давно мнѣ знакомому — всѣ одни и тѣже слухи по моей командировкѣ. — На вопросъ мой о Корфѣ, о безпорядкахъ въ его ротѣ, Жуковскій сказалъ: ни чего на щотъ сей не знаю. — Впротчемъ, Подполковникъ Баронъ Корфъ прекраснѣйшій человѣкъ — да и всѣ почти также объ немъ отзываются.

Изъ деревни Жуковскаго въ ночное время проѣзжая м. Миропоть вторично останавливался, дождался разсвѣта, ловилъ всѣ случаи говорить съ солдатами, но все напрасно. — Отъ сихъ поѣздокъ и во время проживанія въ Полонномъ болѣе подтвердилось мною уже изъясненное — на вопросы, какъ подговаривались солдаты, всѣ кого я спрашивалъ, отвѣчали, что это неизвѣстно, впротчемъ,—конечно надобно полагать обѣщаніями лестными для нихъ въ послѣдствіи. — Но уничтожилось удивленіе мое возрожденное скрытностію и осторожностію солдатъ обѣихъ ротъ; ибо узналъ я, что Корпусный Командиръ Г. Генералъ-Лейтенантъ Ротъ, такъ же Начальникъ Артиллеріи 3-го Корпуса Генералъ Богуславскій, еще до забратія нижнихъ чиновъ сей бригады, подсылали для розысковъ и открытія преступниковъ и ихъ намѣреній, офицеровъ, изъ коихъ нѣкоторые переодѣваясь, заводили съ солдатами по корчмамъ гульбища и выискивали другія средства открыть виновныхъ, что подсылались жиды, партикулярные люди, деньщики, которые ни въ чемъ не успѣвъ, обнаруживали только средства своихъ поисковъ — и самыхъ себя; послѣ чего, конечно, не будетъ удивительна предосторожность каждаго изъ служащихъ въ сей бригадѣ.

По каковымъ причинамъ исключительно и во взводѣ Подпоручика Горбачевскаго ни чего не открыто.

Тѣмъ болѣе для меня оставалось затруднительнѣе возложенная порученность, что я обязанъ былъ разыскивая, не подвергнуть себя подозрѣнію. — Прошу почтить, есть ли не успѣхъ, то усердіе, съ коимъ старался исполнить ее. — Не ручаюсь за истину описаннаго, но за вѣрность всего онаго, какъ самымъ мною слышаннаго. — Не предвидя болѣе надобности медлить моимъ пребываніемъ около квартиръ 8 Артиллерійской бригады, я 28 числа минувшаго марта выѣхалъ изъ м. Полоннаго.

Вѣрно. Полковникъ Дитерихсъ.

ДОНЕСЕНИЕ ТАЙНОГО АГЕНТА О НАСТРОЕНИИ УМОВ В ПЕТЕРБУРГЕ ПОСЛЕ КАЗНИ ДЕКАБРИСТОВ.

Печатаемый нами документ был найден нами в секретном архиве бывшего III Отделения при просмотре его, уже въ Академии Наук, въ марте 1917 г., когда мы собирали сведения о Пушкине для статьи «Пушкин в донесениях агентов тайного надзора 1826 — 1830» [1]). Документ этот принадлежит перу одного из довольно многочисленных секретных агентов III Отделения, находившихся под непосредственным начальством Управляющего Отделением М. Я. фон-Фока и употреблявшихся им для собирания разнообразных сведений во всех классах столичного населения [2]). Судя по почерку, донесение, нами публикуемое, было написано С. П. Висковатовым, земляком Пушкина, довольно известным в свое время и плодовитым писателем-драматургом; оно не лишено, поэтому, притязаний на литературность формы, пестрит французскими фразами и, в общем, дает, повидимому, верную картину настроений Петербургскаго общества разных слоев, отражая его на протяжении пяти сутокъ, протекших с момента казни пяти повешенных и экзекуции над остальными декабристами на верках Петропавловской крепости. Получив это донесение 19-го июля, фон-Фок в тот же день направил его к Бенкендорфу: «Висковатов только что прислал мне целую тетрадь для Вашего Превосходительства, которую я при сем прилагаю», — писал он своему шефу в Москву, куда уже отправился император Николай и его приближенные для совершения коронации [3]). Надо полагать, что донесение Висковатова было

---

[1]) См. «Былое» 1917 г., № 1; отд. изд. — Парфенона, Пгр. 1922.

[2]) См. о них в нашей статье, отд. изд., стр. 5 — 6.

[3]) «Русск. Стар.» 1881 г., т. 32, стр. 172.

читано не только Бенкендорфом, но и самим царем, которому шеф жандармов аккуратно представлял рапорты Управляющего III Отделениемъ, писанные на прекрасном французском языке четкимъ, бисерным почерком самого Фока [1]): новому самодержцу, конечно, было приятно прочесть то, что говорилось в столице в его похвалу и одобрение; слова же кантонистов, подслушанные среди них агентом, а равно намеки на необходимость раздачи крестьян с целью пресечения слухов о близком даровании воли крепостным крестьянам и на опасность от распространения нищеты и образования класса голодных и неимущихъ «превратиться в зверя», должны были заставить царя насторожиться и с тем большею доверчивостью отдаться в охранительные руки тайной полиции, сила которой, как известно, всегда поддерживается страхом тех, которые ее содержат из боязни собственной гибели.

Печатаем документ со всем своеобразием правописания, которое очень характерно для его автора; пунктуацию, однако, мы сочли нужным изменить для облегчения понимания текста.

Б. Модзалевский.

18 Іюля [1826 г.].

Казнь и протчія наказанія Преступникамъ, Очистительное Молебствіе, фейерверкъ на Острову Елагиномъ, Высочайшее Ихъ Императорскихъ Величествъ отбытіе въ Москву. — Все ето вмѣстѣ дѣлало минувшую недѣлю Колосальною!... и потому сужденія и толки были слишкомъ многообразны.

Здѣсь донесутся только болѣе достойныя уваженія.

Казнь, слишкомъ заслуженная, но давно въ Россіи не бывалая, заставила, кромѣ истинныхъ Патріотовъ и Массы Народа, Многихъ, особливо женщинъ кричать: quelle horreur! et avec quelle précipitation etc. [2]).

Очистительное Молебствіе, совершенное съ необыкновеннымъ благочестіемъ, произвело уже щастливый обо-

---

[1]) Там же, стр. 167.

[2]) Т.-е. «Какой ужас! И съ какою стремительностію!»

ротъ умовъ, но прочтеніе и разборъ Превосходнаго Высочайшего Манифеста отъ 13-го сего Іюля, въ коемъ прямо Отечество-любящій Монархъ призываетъ сыновъ Россіи—къ воспитанію, не чужеземному, но къ Отечественному, Природному, и, наконецъ, Манифестъ сей заключается прямо Божественными чувствами къ Нещастнымъ роднымъ, отъ коихъ Члены преступленіемъ отрываются... Все сіе въ истинныхъ Патріотахъ умножило восторгъ благоговѣнія; Колебавшихся—обратило на сторону Праваго дѣла... но закоренѣлыхъ болтуновъ, не могущихъ никакимъ въ мірѣ правительствомъ быть довольными,—все не уняло повторять хотя шопотомъ: quelle horreur! etc. Особливо женщинъ, изъ коихъ первый разрядъ: сто двадцати однаго Преступника Жены, Сестры, Матери, родственницы, пріятельницы et les amies de leurs amies [1]).

Второй разрядъ: Красавицы, потерявшія и тѣнь надежды, кромѣ правоты прозьбъ, чѣмъ-либо успѣть у юнаго Самодержца, какъ чистое Небо чистаго и вѣрнаго достойнѣйшей державной супруги.

Третій разрядъ: Пожилыя Мотовки, не имѣющія дерзости надѣится, чтобы, по заслугамъ отцевъ или дѣдовъ ихъ, Правосудный Монархъ могъ потомъ и трудами Поселянъ вносимыя въ Казну суммы жертвовать на возвращеніе ими промотаннаго имѣнія и часто на возобновленіе новыхъ прихотей, новаго мотовства ихъ. — Вотъ три главныя притчины, что въ большихъ кругахъ дамы шепчутъ, что будетъ строгое царствованіе, воскреснетъ Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, и даже выдумали какое то будто давнее уже Пророчество, что послѣ Царствованія, войнами самаго блестящаго, и послѣ мгновенно вспыхнувшаго бунта, настанетъ Царствованіе, которое продлится 30 лѣтъ, изъ внѣ совершенно спокойное, но внутри, хотя правосудное, но слишкомъ грозное. (Justice et terreur ensemble!) [2]).

---

[1]) «И подруги ихъ подрутъ».

[2]) «Справедливость и строгость вместе».

О казни и вообще о наказаніяхъ Преступниковъ въ простомъ Народѣ и, въ особенности, въ большой части дворовыхъ людей и между Кантонистами слышны также для безопасности Имперіи вредныя выраженія: «Начали Баръ вѣшать и ссылать на каторгу, жаль, что всѣхъ не перевѣсили, да хоть бы одного кнутомъ отодрали и съ нами поравняли; да долголь, коротколи, имъ не миновать етаго».

Манифестомъ Майя 12-го очень не довольны и по сихъ поръ толкуютъ, что ето Господа принудили Царя издать оный; по 6-ти мѣсячномъ повсемѣстномъ сего Манифеста чтеніи они толкуютъ, что только 6-ть мѣсяцевъ Господа будутъ владѣть нами, а тамъ мы опять будемъ вольные; вить уже сколько лѣтъ Цари не дарятъ ни одной души Господамъ, сталовсѣ мы будемъ Царскіе и будетъ намъ воля.

Посему то истинные Патріоты и осмѣливаются желать, чтобъ для изкорененія етой непокорной мысли Е. И. В-во хотя малую часть крестьянъ изъ бѣднѣйшихъ Бѣлорусскихъ губерній соизволилъ раздать кому заблагоразсудитъ въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Но въ тоже время, какъ простой Народъ такъ сильно негодуетъ противъ дворянства, тотъ же народъ и особенно изъ разныхъ губерній временно здѣсь жительствующій, сильно полюбилъ новаго Самодержца. Собственныя нѣкоторыхъ изъ нихъ слова: «Етотъ Царь смышленъ; онъ нашъ Батюшка, не только солдатъ муштруетъ, но и Судъ и правду судитъ и за неправду не потакнетъ и знатному Боярину, да и все у него по Божью, все съ хозяюшкою, да съ дѣтушками... Видно самъ Господь въ немъ, и онъ будетъ любить Русь Святую».

Купечество 3-й гильдіи, мѣщанѣ, ремесленники и ихъ работники преждѣ крайнѣ роптавшіе на тяжкіе мѣры, кои мѣстныя Начальства принимали по Манифесту 14-го ноября 1824-го года, нынѣ, какъ отъ Бога ожидаютъ отъ Правосудія Монаршаго себѣ спасенія измѣненіемъ постановленія о гильдіяхъ и ети

дни уже благословляютъ милосердіе и правоту Самодержца, издающаго уже указъ о свободѣ Торговли Внутренней.

Вчера начавшійся печататься указъ о повсемѣстномъ (кромѣ двухъ столицъ) дозволеніи Винныхъ откуповъ всѣхъ благонамѣренныхъ привлекаетъ къ Отцу Монарху, который блюдетъ Великое достоинство Царское и не себѣ, а торгашамъ-откупщикамъ предоставляетъ производить сіе неизбѣжное зло, источникъ всѣхъ развратовъ, Народной нищеты и ужасныхъ смертей насильственныхъ. — Но Вицъ-Губернаторы съ своимъ многосложнымъ причетомъ вѣрно сему не будутъ рады (кромѣ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ и въ самой корыстной должности неколебнымъ безкорыстіемъ).

Благонамѣренные Патріоты истинно день отъ дня болѣе привязываются къ Монарху; они въ полной мѣрѣ чувствуютъ и цѣнятъ то, что Е. И. В-во и посреди бурнаго возшествія, и посреди тяжкаго Отеческому сердцу Его слѣдствію, Суду и наказанію преступниковъ въ 7-мь мѣсяцевъ, сколько уже успѣлъ сотворить для Блага Отечества: возстановилъ совершенно ослабшую силу законовъ; воскресилъ мертвенность теченія дѣлъ Судебныхъ; изъ многихъ Собственноручныхъ Конфирмацій Его Им. В-ва каждая отличается особенною правотою и прозорливостью и каждая благонамѣренными одинъ у другаго переписывается, какъ изреченія превозходныя; между ими — Конфирмація на журналы Комитета Г.Г. Министровъ 6-го и 30-го числъ іюня,— что всѣ части должны другъ другу помагать, а не затруднять одна другую нелѣпыми крючками или выслуживатся мнимою точностію во вздорахъ.. Сія рѣзкая, превозходная резелюція благонамѣренными каждодневно какъ Отче нашъ твердится; собственноручно умилительно написанный рескриптъ Барону И. И. Дибичу — также показываетъ всю великость Монарха, отдающаго полную признательность великой заслугѣ подданнаго. Однимъ словомъ, Патріоты ждутъ Священнаго Мyропомазанія, какъ залога прочнаго для Россіи благоденствія, и молютъ Царя Царей ни о чемъ, какъ о сохраненіи силъ и здоровья Царя прямо Правосуднаго.

Съ етою то вѣрною Надеждою Патріоты не могутъ и не должны скрыть отъ Самодержца, что Всеобщая Безденежность,

нищета у многихъ и у нѣкоторыхъ совершенная невозможность существованія — имѣетъ свою опасность. Голодный превращается въ звѣря, и никакихъ способовъ къ пропитанію неимущіе могутъ рѣшится рѣзать и грабить тѣхъ, кои имѣютъ что-либо. Самая Столица наводнена людьми, которые, проснувшись, совершенно не знаютъ, чѣмъ пропитать себя... и пропитываются низкими или преступными средствами. На сіе необходимо нужно обратить особенное вниманіе. Но дѣятельная Верховная Власть вѣрно изкоренитъ и ето зло, начавъ изтребленіемъ роскоши, такъ давно и такъ несчастливо во вѣхъ теперь состояніяхъ вкравшейся; съ истребленіемъ роскоши уничтожится и множество мнимонеобходимыхъ нуждъ. Наше Отечество избыточествуетъ всѣмъ необходимымъ.

На святой Руси еще никогда никто не умиралъ съ голоду, и никогда никто не будетъ ни голоденъ, ни нагъ, ни босъ, будѣ всѣ большіе и малые члены Правительства станутъ содѣйствовать отеческой о всѣхъ попечительности Монарха, отъ котораго при помощи Божіей Святая Русь вѣрно получитъ прочное щастіе.

Анекдоты, въ городѣ разказываемыя.

Возвратившіяся съ Маневровъ Офицеры очень хвалютъ въ одинъ изъ дней Маневровъ изобрѣтенные: Лозунгъ — Варшава; Пароль—Константинъ; отзывъ—Дружба. C'est très ingénieux et bien politique (ils disent) [1]).

Въ городѣ говорятъ, что Преступниковъ до такой степени хорошо содержали въ крѣпости, что когда жена Рылѣева (нынѣ, говорятъ, въ безуміе впавшая) прощалась съ мужемъ, то послѣ всѣхъ тяжкихъ терзаній таковаго прощанія Рылѣевъ укрѣпился и, подавая женѣ апельсинъ, будто бы сказалъ: отнеси ето дочери и скажи ей, что, по милости Царя, изъ Крѣпости Отецъ ей съ благословеніемъ можетъ еще послать и сей подарокъ лакомства.

---

[1]) «Это очень умно и очень политично (говорятъ они)».

Анекдоты между кадетами.

Будтобы въ Лагерѣ Государь Императоръ сказалъ кадетамъ: Здравствуйте, Г.Г. Кадеты! что вы вѣрно натерли на ногахъ мазоли?

— «Никакъ нѣтъ, В. И. В-во», былъ ихъ отвѣтъ. Гос. Им-ръ повторилъ: Хорошо! трудитесь. Трудъ лутчѣ нѣги. Сказавъ Подпрапорщикамъ: Здравствуйте, молодцы! подъѣхалъ къ Пажамъ и будто бы изволилъ сказать имъ: Здравствуйте Blanc-mangé! Вѣрно на Крестовскомъ и на Елагиномъ лутчѣ, чѣмъ здѣсь? — «Здѣсь лутче, В. И. Величество!»

Гос. Императоръ будто бы отвѣтствовалъ: Не кривите душою, для Васъ на Островахъ лутчѣ, чѣмъ въ Лагерѣ.

ЗАПИСКА О «ДОНЕСЕНИИ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ» [1]).

30-го мая 1826 г. Следственная Комиссия по делу декабристов или, как она официально называлась, «Высочайше учрежденная комиссия для изысканий о злоумышленных обществах» подписала свое знаменитое «Донесение» императору Николаю I, составленное, как известно, Д. Н. Блудовым. Подписавшие были: Председатель, военный министр А. И. Татищев; генерал-фельдцейхмейстер в. к. Михаил Павлович; д. т. с. князь А. Н. Голицын; СПб. военный генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов [2]) и генерал-адъютанты А. И. Чернышев [3]), А. Х. Бенкендорф, В. В. Левашев и А. Н. Потапов. Из них Бенкендорф вскоре (25-го июня 1826 г.) был поставлен во главе вновь учрежденного корпуса жандармов и назначен главным начальником III Отделения собственной его величества Канцелярии; до этого, еще в феврале 1826 г., ему и Максиму Яковлевичу фон-Фоку только что воцарившийся император поручил организацию секретного надзора в государстве. Деятельный Фок горячо принялся за издавна и хорошо уже известное ему дело политического розыска (в котором отличался и ранее, заведуя Особенною—полицейскою—Канцелярией Министерства Внутренних Дел) и быстро ознакомился с духом тогдашней политической обстановки.

---

[1]) По копии, сохранившейся в архиве редакции «Русской Старины», приобретенном в 1919 г. Пушкинским Домом. Автор записки не указан; повидимому, им был М. Я. фон-Фок, вскоре назначенный Управляющим III Отделением Собств. его величества Канцелярии. О составлении и опубликовании «Донесения» см. в Записках делопроизводителя Комиссии - А. Д. Боровкова («Русск. Стар.» 1898 г.).

[2]) Вскоре, в коронацию Николая I, 22-го августа 1826 г., возведенный в графское достоинство именно за это председательствование.

[3]) Товарищ начальника Главного Штаба, в тот же день возведенный тоже в графское достоинство, а вскоре назначенный военным министром; впоследствии князь.

Полагая, что именно ему принадлежит печатаемая ниже записка, мы с тою же уверенностью предполагаем, что обращена она к Бенкендорфу, как к непосредственному и ближайшему начальнику Фока: естественно, что Бенкендорф, немедленно по распубликовании «Донесения Следственной Комиссии» [1]), пожелал узнать о нем суждение своего главного сотрудника и дал ему соответствующее распоряжение.

Записка Фока помечена 7-м июня [1826 г.]; в это время уже заседал Верховный Уголовный Суд, учрежденный указом Правительствующему Сенату от 1-го июня 1826 г. и вследствие манифеста от того же числа (распубликованного 2-го июня): он собрался в первый раз 3-го июня, в 10 часов утра, в здании Сената, под председательством князя П. В. Лопухина.

Записка фон-Фока очень важна для понимания того момента, к которому относится ее составление. Имея, несомненно, в виду предстоящую казнь части заговорщиков, она старается внушить Бенкендорфу (а через него, вероятно, и самому Николаю) уверенность в непопулярности движения, старается развенчать его деятелей, которых называет людьми «невежественными» и «с распаленным воображением»; давая такую огульную характеристику декабристов и считая, что деятельность Союза Благоденствия представляла для государственного порядка бóльшую опасность, чем позднейшее Тайное Общество, Фок пытается подсказать своему шефу те общие меры, к которым необходимо прибегнуть правительству для предотвращения в будущем революционных вспышек. Он смотрит, так сказать, «в корень» и советует изменить систему воспитания, хотя, повидимому, и сам не очень ясно представляет, как именно следует ее изменить, и ограничивается лишь общими местами. Любопытны указания Фока на те современные ему язвы русской жизни, уврачевание которых, по его убеждению, должно было содействовать укреплению законного порядка и предотвратить возможность недовольства властью: это — издание законодательных кодексов, улучшение судопроизводства, упорядочение чиновничества, «обуздание»

---

[1]) Оно было отпечатано сразу в нескольких изданиях, на русском и иностранных языках, и рассылалось, между прочим, при газетах, в виде приложения.

местной администрации и «наблюдение за помещиками без потворства крестьян»... Отметим еще тонкие похвалы составителю Донесения — Д. Н. Блудову.

Б. Модзалевский.

Ваше Превосходительство требовали у меня отчета въ мысляхъ и ощущеніяхъ, возбужденныхъ во мнѣ чтеніемъ Доклада Слѣдственной Коммиссіи. Привыкнувъ съ удовольствіемъ вамъ повиноваться, я исполняю желаніе Ваше; но не знаю, удовлетворю ли оному вполнѣ. Тысячи мыслей толпятся въ умѣ моемъ и волнуютъ мою душу: не знаю, за которую взяться, и изъ этаго предвижу, что въ моемъ отчетѣ не будетъ ни порядку, ни связи, и что я, можетъ быть, не успѣю высказать и половины того, что думаю.

Первое, что меня поразило, есть общій характеръ заговорщиковъ. Невѣжество и распаленное воображеніе суть главныя и общія онаго черты. У одного онѣ соединились съ словесною ученостію, у другого съ безнравственностію; у третьяго съ нелѣпымъ филантропизмомъ, у четвертаго съ кровожадностію: почти у всѣхъ съ непомѣрною жадностію къ прославленію своего имени, у многихъ съ наполненіемъ кармана нашетъ существующаго нынѣ порядка. Обстоятельство, что тайна сего общества хранилась между заговорщиками въ теченіе десяти лѣтъ, по моему мнѣнію, не может служить предметомъ опасенія. Еслибъ сей заговоръ, бывъ составленъ за десять лѣтъ предъ симъ, с того времени пребывалъ неизмѣнно, усиливаясь только числомъ членовъ и пріобрѣтаемыхъ ими средствъ; еслибъ они стремились беспрерывно къ одной цѣли, въ необходимости, важности и пользѣ коей были увѣрены, то послѣдствія онаго могли бы быть опасны и вредны для безопасности Государства, для святости престола; но въ точномъ видѣ своемъ сіе столь же нелѣпое, сколь и злодѣйское общество могло причинить частныя только волненія, каковы, напримѣръ, происшествія 14-го Декабря и 3-го Января. Не думайте, чтобъ я говорилъ сіе въ оправданіе бунтовщиковъ: сохрани меня, Боже! Я вижу изъ этого только то, что успѣхъ подобныхъ предпріятій въ Россіи не можетъ быть вѣренъ, что на Русской землѣ подобное древо зла укорениться

не можетъ: оно пуститъ нѣкоторые отпрыски, которые или завянутъ, не находя пищи въ самой землѣ, или будутъ замѣчены трудолюбивымъ земледѣльцемъ и исторгнуты съ корнемъ.

Эти нещастные хотѣли подражать Прускому Союзу Добродѣтели; союзу, составленному Добродѣтелью, Науками, Просвѣщеніемъ, благочестіемъ противъ зла, истребленія Наукъ и злочестія; союзу, благословенному Религіею, утвержденному Государемъ, коего цѣль была не испроверженіе древнихъ законовъ, а утвержденіе ихъ, а орудія — не тайное убійство, а честная и явная брань за Царя и Отечество противъ его врага и притѣснителя. Союзъ Добродѣтели былъ составленъ и веденъ въ духѣ Правительства и народа, который мыслію и сердцемъ весь въ немъ участвовалъ, не зная даже о его существованіи. У насъ не было въ 1812 году тайнаго Союза Добродѣтели, но всѣ Русскіе безъ исключенія составляли явный, неразрушимый союзъ, укрѣпленный Царемъ, благословенный Богомъ. Нещастная же шайка нынѣшнихъ заговорщиковъ составляла скопище, невѣдомое народу, чуждое ему и ненавистное. Толпа мужиковъ, присоединившихся къ нимъ на Петровской площади, не есть ни публика, ни нація: это чернь, встрѣчающаяся во всякомъ большомъ городѣ и ищущая случая при смятеніи пограбить и попить.

«Всякое происшествіе и самое горестное бываетъ полезно».

Руководствуясь симъ историческимъ правиломъ, разсмотримъ нѣкоторыя обстоятельства сего случая и постараемся извлечь изъ онаго правила и замѣчанія, могущія принести пользу.

Мы выше сказали, что общимъ характеромъ нынѣшнихъ заговорщиковъ кажутся намъ невѣжество и распаленное воображеніе. Чѣмъ предупредить возобновленіе подобныхъ неустройствъ? — Причинами, производящими дѣйствія противныя. Невѣжеству противопоставить просвѣщеніе основательное, обширное. Еслибъ заговорщики читали съ пользою Исторію, то видѣли бы, что средства, избранныя ими, сколь преступны, столь же и недостаточны: они видѣли бы, что при помощи горсти обманутыхъ солдатъ (обманутыхъ именно по тому, что они боялись измѣнить присягѣ) нельзя произвести мятежа противъ воли и желанія цѣлаго народа; что начинщики всѣхъ мятежей сами становились первою жертвою народной ярости; что

за всякимъ ниспроверженіемъ общественнаго порядка слѣдовало безначаліе, а за безначаліемъ — деспотизмъ ужаснѣйшій; они увидѣли бы, что гражданинъ, желающій блага своему отечеству, долженъ съ своей стороны свято исполнять свои обязанности и поощрять къ сему другихъ, всячески помогать Правительству и, такъ сказать, итти къ нему навстрѣчу, и что когда умножится число таковыхъ граждапъ, тогда распространится въ Государствѣ довольство, спокойствіе и щастіе. Они увидѣли бы, что Государство, возникшее при Монархическомъ образѣ Правленія, непремѣнно упадетъ въ силѣ и славѣ при измѣненіи онаго; увидѣли бы и многія другія вѣковыя истины, столь же полезныя. Мнѣ не возразятъ, что заговорщики были люди начитанные, что они знали Рейналя, Филанджери, Бентама, Бенжаменъ-Констана. Они знали сихъ авторовъ поверхностно, читали ихъ безъ предварительныхъ познаній и, вмѣсто блага, извлекли ядъ изъ ихъ творений. Основательное ученіе истребило бы слѣды сихъ пансіонныхъ мечтаній. Человѣкъ, который лѣтъ десять провелъ въ строгомъ ученіи въ Гимназіи и Университетѣ, не способенъ къ мятежу. Основательное, строгое, сообразное съ цѣлію народное воспитаніе можетъ на будущее время отвратить повтореніе подобныхъ заблужденій.

Второю причиною полагаемъ распаленное воображеніе. Чѣмъ можно утолить оное? — Здоровою, безвредною и крѣпительною пищею. При преподаваніи наукъ важныхъ и суровыхъ не худо было бы занимать молодыхъ людей пріятными и развлекательными искусствами. Молодой человѣкъ, окончивъ занятія по службѣ, является домой или къ товарищамъ и ищетъ занятія карандашемъ, скрипкою, перомъ; но если не находитъ этого, то нечувствительно за трубкою начинаетъ мечтать и толковать о предметахъ непозволительныхъ. Скажутъ, что между заговорщиками были стихотворцы и литераторы. Къ сожалѣнію, это правда. Но не стихи и статьи виноваты въ ихъ заблужденіи, а невозможность, при стѣснительныхъ мѣрахъ Цензуры, заниматься Литературою невинною, невозможность пользоваться удовольствіями театральныхъ зрѣлищъ. Пылкое воображеніе ихъ искало пищи: злодѣи ее приготовили и отравили неопытное юношество!

Постараемся извлечь еще нѣкоторыя полезныя замѣчанія и изъ плановъ и намѣреній заговорщиковъ. Первоначально соста-

вленный ими Союзъ Благоденствія былъ въ нравственномъ отношеніи гораздо извинительнѣе послѣдовавшихъ замысловъ и покушеній; но въ отношеніи Государственномъ и политическомъ гораздо оныхъ опаснѣе. Умыселъ противъ любимаго, законнаго Государя, явное возмущеніе, употребленіе средствъ безнравственныхъ и злодѣйскихъ возбуждаютъ ужасъ, негодованіе и омерзеніе и въ Правительствѣ, и въ народѣ. Но тайное общество людей, полагающихъ или хотящихъ быть добродѣтельными, дѣйствующее тихо, медленно, но вѣрно, подъ благовидными предлогами, вооружающееся противъ явныхъ злоупотребленій, жертвующее мнимому общему благу собственнымъ достояніемъ и проч., — есть опасный внутренній наростъ, который со временемъ, нечувствительно, безъ видимыхъ потрясеній, можетъ задавить Государственную жизнь или, сдѣлавшись орудіемъ злодѣйства, ниспровергнуть Правительство, мало по мало лишенное имъ уваженія, довѣренности и силы. Какимъ образомъ отвратить составленіе подобныхъ союзовъ? Запрещеніемъ, угрозою наказаній? Сіе необходимо нужно, но не достаточно. Мы видѣли, что тайна, опасность, мысли объ эшафотѣ воспламеняли нашихъ сумасшедшихъ либераловъ. По нашему мнѣнію, лучшее средство къ уничтоженію подобныхъ, благовидною мантіею покрытыхъ скопищъ состоитъ въ лишеніи ихъ всякаго къ тому предлога. Изъ показанія членовъ Союза Благоденствія видно, что они старались укоренить дѣйствія свои въ народѣ и пріобрѣсть его довѣріе тихимъ дѣйствіемъ на слабыя стороны Правительства. Укрѣпите сіи слабыя стороны — и всѣ предлоги подобныхъ названныхъ реформъ исчезнутъ. Средства къ укрѣпленію сему суть:

1. Исправленіе законодательной части изданіемъ Уложеній Гражданскаго и Уголовнаго.

2. Исправленіемъ Судопроизводства, дарованіемъ оному гласности, выборомъ и опредѣленіемъ достойныхъ людей, наказаніемъ лихоимства, поданіемъ чиновникамъ средствъ къ пропитанію себя безъ взятокъ, истребленіемъ гнуснаго племени подъячихъ, которые злодѣйствуютъ и грабятъ именемъ Правительства. Сіе можно произвесть постепеннымъ, сообразнымъ съ цѣлію приготовленіемъ способныхъ и честныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

3. Обузданіе своевольства управляющихъ Губерніями и Уѣздами подчиненіемъ ихъ строгой отвѣтственности. Съ симъ должно соединить наблюденіе за помѣщиками, безъ потворства крестьянъ.

4. Постепенное уничтоженіе нѣкоторыхъ тягостныхъ налоговъ; стараніе не вводить новыхъ податей или, по крайней мѣрѣ, новыхъ формъ, ибо при всякой новой формѣ рождаются новыя злоупотребленія и притѣсненія со стороны чиновниковъ.

Сими средствами утвердилась бы въ народѣ любовь къ Правительству, а гдѣ есть любовь, слѣдственно довѣренность и уваженіе, тамъ весь адъ потеряетъ свою силу; тамъ ничтожны всѣ Союзы Благоденствія, всѣ Думы и Директоріи. Исторія всѣхъ странъ и вѣковъ въ томъ свидѣтельствуетъ.

Сказавъ мнѣніе свое о существѣ сего дѣла, присовокуплю къ тому нѣсколько словъ о его формѣ и производствѣ. Честь и слава нашему Правосудному Монарху! Безпристрастнымъ, основательнымъ и строгимъ изслѣдованіемъ сего процесса доказана вся правота великаго дѣла его, вся ничтожность и подлость бунтовщиковъ. Не менѣе достойна хвалы великодушная гласность, въ производствѣ онаго наблюдаемая. Обнародованіе сего доклада уничтожитъ всѣ слухи и толки. Въ противномъ случаѣ, непремѣнно появились бы безчисленныя рукописныя реляціи ложныя, нелѣпыя и вредныя. Удивительная точность и вѣрность въ изложеніи дѣла поразительны: характеръ каждаго заговорщика изображенъ весьма удачно. Сія безусловная гласность въ дѣлѣ толикой важности подаетъ надежду, что и въ другихъ дѣлахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, оная будетъ введена къ устрашенію злонамѣренныхъ и успокоенію честныхъ людей. Не могу, въ заключеніе, умолчать о самой редакціи сего доклада: порядокъ, изложеніе, слогъ, языкъ его могутъ назваться образцовыми. Умѣренность въ выраженіяхъ, изрѣдка невольно нарушаемая сильнымъ чувствомъ негодованія, легкіе, насмѣшливые, но пристойные намѣки на безнравственность и безразсудство виновныхъ, даютъ сему изложенію необыкновенную силу и живость.

7 іюня [1826 г.].

II.

Отзвуки декабрьских событий 1825 г. в Новороссии.

ПОИМКА ПОРУЧИКА И. И. СУХИНОВА.

(По неизданным материалам).

Трагические перипетии бегства и ареста командира арьергарда восставшего Черниговского пехотного полка поручика И. И. Сухинова известны нам по собственным его признаниям, зафиксированным в официальных протоколах дознания по его делу [1]) и в воспоминаниях его товарищей по Тайному Обществу и Читинской каторжной тюрьме [2]).

Показания Сухинова во время следствия, как вынужденные, принадлежат к числу тех тенденциозных свидетельств, фактиче-

---

[1]) Выписки из них включены в рапорты Военно-судной Комиссии главнокомандующему 1-ой армией, опубликованные в «Русск. Арх.» 1902, II, 301.

[2]) Записки декабриста И. И. Горбачевского (под ред. Б. Е. Сыроечковского, М. 1916, стр. 165 — 173. Ср. «И. И. Сухинов», биографический очерк, опубликованный в «Русск. Арх.» 1870, стр. 908 — 926, с глухой ссылкой на принадлежность его «одному из товарищей Сухинова». Б. Е. Сыроечковский, отметив, что «слог, тон рассказа, его близость, по существу, к Запискам Горбачевского дают все основания считать автором этой заметки Горбачевского», перепечатал ее в приложениях к своему изданию Записок последнего (op. cit, 217 — 235). Между тем, показания Горбачевского не только не во всем совпадают со сведениями автора анонимного очерка, но подчас и явно ему противоречат (ср., напр., данные о пребывании Сухинова в Бессарабии и о попытках перехода им там границы, хронологию событий, некоторые обстоятельства проезда через Каменку, характерные детали организации восстания каторжан и пр.). С гораздо большим основанием можно приписать биографию Сухинова его товарищу по Черниговскому полку, по Тайному Обществу и Читинской тюрьме бар. В. Н. Соловьеву. По крайней мере, автор известной работы «Сибирь и Каторга» С. В. Максимов в своем «Ответе» на некоторые замечания по поводу его труда, между прочим, отметил, что им

ские детали которых — по понятным соображениям — способствуют лишь затемнению истины; что же касается мемуарных данных, то, весьма быть может авторитетные в части, связанной со скитаниями Сухинова после бегства, они поимку его освещают лишь мимоходом, в субъективном аспекте самого арестованного и, помимо совершенно неизбежных неясностей и недомолвок, в существеннейших пунктах не свободны от вопиющих противоречий.

Новые материалы, обнаруженные нами в секретной части архива Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства [1]), позволяют ныне документально восстановить определяющие моменты не только самой поимки, но и всего ей предшествовавшего розыска единственного из бежавших организаторов декабрьского вооруженного восстания в первой армии [2]).

28-го января 1826 г. Херсонский гражданский губернатор А. Ф. Комстадиус представил на благоусмотрение Новороссийского генерал-губернатора гр. Воронцова копию предписания, данного им советнику Губернского Правления Савоини «по слу-

---

«дело Сухинова рассказано по записке его товарища и друга Соловьева» («Русск. Арх.» 1871, I, 326). Так как все данные о Сухинове, приводимые С. В. Максимовым («Сибирь и Каторга», ч. III. С.-Пб. 1871, стр. 178—181), буквально совпадают с занимающей нас анонимной биографией, то вывод о принадлежности ее бар. В. П. Соловьеву представляется совершенно естественным. Ср. официальные данные об участии Сухинова в возмущении каторжан, опубликованные в «Русск. Стар.», 1892, VII, 160 — 161 и «К истории заговора Сухинова» («Былое» 1906, VIII, 130 — 135).

[1]) Архив Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства. Часть секретная. 1826 г., № 5. Дело по донесению Херсонского губернатора об отыскании поручика Сухинова (он же Емельянов), бывшего в числе главных мятежников Черниговского пехотного полка, на 140 листах.

[2]) Действия Сухинова во время мятежа освещают, помимо свидетелей, означенных нами выше, Ф. Ф. Вадковский в записке «Белая Церковь» (со слов Соловьева, Быстржицкого и Мозалевского) — «Зап. Декабристов, вып. II — III. Лондон, Вольная Русская Типогр., 1863, стр. 171 — 172; материалы М. Ф. Шугурова «Бунт Черниговского полка» («Русск. Арх.» 1871, 257 - 288), его же работа «О бунте Черниговского полка» («Русск. Арх.» 1902, II, 268—302) и «Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола» («Русск. Стар.» 1905, V, 374 — 391).

чаю требования» начальника штаба 1-ой армии ген.-лейт. Толя «об учинении розысканий на счет подпоручика Сухинова, бывшего в числе главных мятежников Черниговского пехотного полка»:

«В числе главных мятежников, произведших известное из Ведомостей возмущение в Черниговском пехотном полку, состоит подпоручик Сухинов, который, служа прежде в сем полку, незадолго до мятежа переведен в Александрийский гусарский полк, но не успел еще к оному отправиться, а оставался в Черниговском полку.

Сей Сухинов, как из формулярного списка и собранных сведений оказалось, в 1809 г. завербовался в Лубенский гусарский полк из свободного состояния рядовым; в 1815 г. произведен в унтер-офицеры, потом за неспособностью переведен в инвалид, из оного в Изюмский гусарский полк, а оттоль в Черниговский пехотный. Здесь он нашел средство доказать дворянство и на праве оного произведен в офицеры [1]). В прошлом же годе представил свидетельство Херсонского предводителя дворянства майора Касинова, якобы имеет достаточное состояние содержать себя в кавалерии, и на сем удостоверении переведен в Александрийский гусарский полк.

Начальник Главного Штаба г-н генерал-лейтенант барон Толь в отношении ко мне замечает, что поступление Сухинова на службу по вербунку, перевод его в инвалид и потом из Изюмского гусарского полка в пехоту, — все сии обстоятельства

---

[1]) «На 15-ом году своего возраста, — повествует анонимный биограф Сухинова, — он завербовался в Лубенский гусарский полк. От сего времени началась его жизнь не совсем обыкновенная. Кроме трудов, и в мирное время неразлучных с званием, он на заре жизни совершил тягостную кампанию 1812, 13 и 14 годов. Семь ран — свидетельство, но не награда храбрости, — вот все, что приобрел он в славной войне. Труды не по летам и раны расстроили его здоровье и заставили рядовым выйти в отставку. В 1816 г. он отправился на родину. На пути в Херсон вошел он в сношения с графом Тимоном, командиром Изюмского гусарского полка, который убедил его выхлопотать свидетельство о дворянстве и определиться к нему в полк. Предложение было принято: получив от Тимона денег на дорогу, Сухинов поспешил в Херсон, достал нужные бумаги и вскоре определен юнкером в Изюмские гусары» («Русск. Арх.» 1870 г., стр. 909).

заставляют сумневаться, чтобы Сухинов имел достаток; а вероятнее, что как дворянские его достоинства, так и вышеупомянутое свидетельство Херсонского предводителя доставлены ему посредством тайных связей. По елику же Сухинов, по забратии мятежников, бежал и по сие время неотыскан, между тем, для дальнейшего открытия злоумышленников необходимо нужно обнаружить, с кем он имел связи и кто ему покровительствовал: то г. начальник Главного Штаба 1-ой армии, по поручению г. главнокомандующего армиею, требует сделать наперед тайный розыск: по чьим прошскам и ходатайству предводитель дворянства выдал Сухинову помянутое свидетельство, а потом сделать о том формальное строгое исследование, потребовав объяснения от предводителя, какой достаток Сухинова имел он в виду, выдавая ему свидетельство, точно ли достаток сей существует и кто о том ходатайствовал. Независимо от сего, сделать тайные разведывания, какие и с кем Сухинов имел связи в губернии и поиски, не скрывается ли он где у родственников или знакомых.

Важность требования сего поручаю к исполнению вашему высокоблагородию по уважению к испытанной вашей осторожности, расторопности, деятельности и к давнему служению в Херсонской губернии, по которому легко можете узнавать сторонние лица. Посему предписываю:

1. Врученное вам предписание о собрании сведений, относящихся к составлению сметы земских повинностей, иметь и по оному заниматься для отклонения общего внимания к поручению о Сухинове и о подобных делах.

2. Прибывши прямо в Александрию, старайтесь прежде узнать секретнейшим образом о родственниках и знакомых Сухинова, а затем приступите к дальнейшим разведываниям. Ежели бы случилось найти его самого или открыть место пребывания: то и тогда не упускайте из виду связей его, не давая заметить надобности в оных, дабы люди, ему покровительствующие, или находящиеся с ним в связях, не имели побуждение скрыться.

3. Проведайте осторожнейше в Александрийском уезде, не имел ли Сухинов связей с Владимиром Романовым, который, вследствие предписания ко мне г. военного министра, в поло-

вине сего месяца взят и отправлен к его императорскому величеству, и не по ходатайству ли Романова и его приближенных Сухинову выдано свидетельство [1]). При оборотливом разговоре сам предводитель может это открыть, ежели ему что-либо известно, и ежели привесть его к напоминаниям ближайших обстоятельств.

4. Поставьте себе в равных обязанностях: найти Сухинова и открыть его местопребывание и людей, находившихся и находящихся с ним в связях. Засим — приступите к формальному и строгому исследованию и к истребованию сведения от пред-

[1]) В архиве Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства (часть секретная, 1826 г., № 3, л. 1 — 2) сохранилось секретное донесение А. Ф. Комстадиуса от 24 янв. 1826 г. об исполнении им высочайшего повеления об аресте лейтенанта В. П. Романова: «Тотчас командировал в г. Александрию служащего в Херсонском Губернском Правлении титулярного советника Дойбана с одним полицейским жандармом, для взятия Владимира Романова и всех его бумаг и для доставления к его императорскому величеству. Александрийскому городничему я велел в первую минуту с получения предписания взять Романова под караул, опечатать при бытности стряпчего и Дойбана все его бумаги, какие в доме или квартире найдутся, и, не рассматривая содержания оных, сдать на руки одного и другие Дойбану. На случай же Романов находился бы в Александрийском уезде, то такового-ж содержания и для равномерного исполнения было препровождено к Александрийскому земскому исправнику предписание. По розыскании местопребывание Романова открыто Александрийского уезда в селении Березовке, помещицы полковницы Коншиной. Земский исправник вместе с г. Дойбаном и исправляющим должность стряпчего не могли тотчас приступить к исполнению предписания, по причине отлучки Романова в Полтавскую губернию; по прибытии же его в имение помещицы Коншиной 17-го числа, исправник арестовал его, Романова, и все бумаги какие только найдены, при бытности стряпчего опечатал и сдал оные с Романовым титулярному советнику Дойбану, для доставления в С.-Петербург к его императорскому величеству». Ср. упоминания о Романове у В. И. Семевского: «Полит. и обществ. идеи декабристов», С.-Пб. 1909, 250 и у П. Е. Щеголева: «Николай I и декабристы», Петр. 1919, стр. 13. В «Списке лиц, прикосновенных по разным случаям к делу о Тайных Обществах», значится, что «Балтийского флота лейтенант Романов продержан еще 3 месяца в крепости и отправлен на службу в Черноморский флот; из-под надзора освобожден в июле 1828 г. (Н. К. Шильдер, «Император Николай I», С.-Пб. 1903, I, 778). Наиболее полные сведения о судьбе В. П. Романова дает неизданный указатель к «Алфавиту декабристов» под. ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.

водителя Касинова: какой достаток имел он в виду, выдавая ему свидетельство, точно ли достаток сей существует и кто о том ходатайствовал.

5. В случае найдете следы Сухинова: то поспешите для отыскания его. Прочее все может открыться чрез его самого.

6. Ежели будете предвидеть, что без содействия нельзя успеть в исполнении сего поручения: тогда отдайте Александрийскому исправнику прилагаемое при сем предписание. Я предписываю ему исполнять слепо все ваши требования, угрожая ответственностью за малейшую несоответственность.

7. Но ежели бы и при содействии земского исправника вы не нашли Сухинова и не открыли его местопребывания и людей, находившихся и находящихся с ним в связях: тогда требуйте сведения от г. предводителя Касинова, какой достаток Сухинова имел он в виду, выдавая ему свидетельство, точно ли достаток сей существует и кто о том ходатайствовал. Из сведения сего старайтесь открыть связи и покровительствующих Сухинову. В отвращение того, чтобы предводитель Касинов не отказывался от дачи объяснения, вручите ему, в случае отказа, прилагаемый при сем на имя его пакет.

На проезд вам вручаю две подорожные: одну по Херсонской губернии, а другую в Полтавскую, Киевскую, Екатеринославскую и Подольскую; — для оказывания законных пособий и взимания обывательских лошадей открытое предписание; а для прогонов пятьсот рублей.

Приметы Сухинова следующие [1]): росту 2 аршин около 8 вер., лица смуглого, худощавого, чистого, волосы на голове и усах черные, бакенбардов нет, глаза черные, говорит сиплым голосом, лет около 35, на левой руке — между кистью и

---

[1]) Краткие и неточные сведения о «приметах» Сухинова, данные в секретном отношении министра внутренних дел от 11-го февраля 1826 г. к Архангельскому губернатору, опубликованы в «Русск. Стар.» 1899, VI. 586. В неизданном рапорте ген. Рота от 24-го февраля 1826 г. о приметах Сухинова отмечено, что последний «говорит на Русском и Малороссийском языках твердо». В официальных бумагах о розыске Сухинова он неправильно именуется иногда подпоручиком. Данные о возрасте его — «лет около 35» — ныне могут быть уточнены, благодаря приводимой ниже «выписке».

локтем знак от раны пулею на вылет: имя его Иван Иванов сын». (л. 2—3).

Весьма характерно, что сомнения «в достатке» И. И. Сухинова, равно как и в правах его на дворянство [1]) направили следствие прежде всего на выяснение социального положения сразу взятых под подозрение родных и знакомых «мятежника».

Декабрист-разночинец, деятель Тайного Общества, заслуживший офицерские погоны лишь после нескольких лет тяжкой солдатской лямки и походной службы «по вербунку», — представлял и в глазах военного начальства и губернской адми-

---

[1]) «Выписка изъ дѣла состоящаго въ Херсонскомъ Дворянскомъ депутатскомъ Собраніи подъ № 222-мъ о доказательствахъ на Дворянство Александрійскаго уѣзда Помѣщика Прапорщика Михайлы Сухинова».

1795 года Іюня 10 дня Помѣщикъ Александрійскаго уѣзда Прапорщикъ Михайло Сухиновъ при прошеніи, поданномъ въ Екатеринославскую Коммисію о разборѣ Дворянства, представивъ въ доказательство Дворянскаго его рода и достоинства въ засвидетѣльствованныхъ копіяхъ: Выпись изъ Градскихъ книгъ вѣдомства Познанскаго, Указъ объ отставкѣ изъ Государственной Военной Коллегіи и Свидѣтельство отъ двадцати человѣкъ Штабъ и Оберъ Офицеровъ, просилъ разсмотрѣть оныя и внесть его съ родомъ и семействомъ въ подлежащую часть родословной книги Дворянства Екатеринославскаго Намѣстничества и выдать въ родъ грамоту.

Свидѣтельствомъ, даннымъ ему Михайлѣ Сухинову, Штабъ и Оберъ Офицеры удостовѣряютъ: что казеннаго села Красно-Каменки военный Поселянинъ Анисимъ и Губернскій Регистраторъ Иванъ Емельяновъ Сухиновы дѣйствительно имѣютъ произхожденіе свое отъ одного рода съ Прапорщикомъ Михаиломъ Сухиновымъ и есть они Анисимъ и Иванъ ему Михайлу по мужской линіи троюродные братья и что они точно произошли отъ одного съ прапорщикомъ Сухиновымъ предка по мужской линіи.

Изъ выписки воеводства Познанскаго значитъ: что Михайло, въ Россійской Имперіи служащій кадетомъ, Сухиновскій есть сынъ бывшихъ урожденныхъ Осифа и Настасіи изъ Полоцкихъ Сухиновскихъ, и что предки его отъ Королеи Польскихъ награждены за служеніе, храбрость и вѣрность на Шляхетское достоинство Гербомъ. Въ указѣ объ отставкѣ, данномъ изъ Государственной Военной Коллегіи Михайлу Сухинову 1785 года Февраля 27 дня подъ № 2235-мъ написано: что онъ Сухиновъ въ Елисаветградскомъ легко-конномъ полку состоялъ кадетомъ изъ Польскаго Шляхетства, въ службѣ 768 Ноября съ 1-го. По опредѣленію Военной Коллегіи, учиненному Февраля 11, онъ Михайло Сухиновъ отъ военной службы отставленъ съ награжденіемъ Прапорщикомъ. Въ посемейномъ спискѣ, писанномъ в 1795 году Августа 4-го показано: Михайло Осиповъ сынъ Сухиновъ, 36-ти лѣтъ, женатъ, дѣтей имѣетъ сыновей: Анисима 4-хъ, Гри-

нистрации явление настолько еще необычное, что даже в официальных бумагах только действием каких-то «тайных связей» стал мотивироваться поистине авантюрный формуляр командира Муравьевского арьергарда.

Между тем, чиновник Херсонского Губернского Правления Савоини, командированный в места постоянного жительства родных Сухинова, 30-го января 1826 г. был уже в Александрии и, как свидетельствует его секретное представление начальству, «тотчас приступил к секретному разведыванию о родственниках и знакомых скрывшегося из Черниговского пехотного полка подпоручика Сухинова, и по оному первоначально сам, а потом по некоторым неудобствам, разъезжая по уезду с земским исправником г. майором Центеловичем, под видом для понуждения неисправных плательщиков ко взносу в казначейство земской повинности, с ним, промежду самых в настоящем случае осторожнейших разговоров, открыл:

1. Жительствующий на собственной земле, смежной почти с последнею избой, Стародубовского кираспрского полка военгорія 1, дочерей Ульяну 3-хъ, и Марьяну 2 хъ годовъ, подданныхъ вывербованныхъ его коштомъ изъ Польши Мужеска 14, Женска 10 душъ въ одной слободѣ; жительство имѣетъ Александрійскаго уѣзда въ своемъ помѣстьѣ, Прапорщикъ въ отставкѣ. Троюродные братья его Анисимъ Трофимовъ сынъ Емельяно-Сухиновъ 28 лѣтъ, женатъ, дѣтей нѣтъ, Иванъ Трофимовъ сынъ Емельяно-Сухиновъ 25 лѣтъ, женатъ, имѣетъ сына Ивана одного года, подданныхъ и крестьянъ не имѣютъ, а имѣютъ Александрійскаго уѣзда въ селеніи Красно-Каменномъ домы и недвижимое имѣніе, жительствуютъ и по ревизіи записанными состоятъ въ томъ селеніи Красно-Каменномъ; первыій чина не имѣетъ, а послѣдніій Губернскій Регистраторъ, служитъ въ Александрійскомъ Земскомъ Судѣ Столоначальникомъ. Екатеринославская Коммисія о разборѣ дворянства опредѣленіемъ, состоявшимся въ 3 день Февраля 1796 года, по разсмотрѣніи вышеписанныхъ документовъ опредѣлила: внесть его Михайла Сухинова и братьевъ съ семействомъ въ четвертую часть родословноій книги Дворянства Екатеринославскаго Намѣстничества и на основаніи 85 статьи Высочайшей грамоты выдать въ родъ ихъ грамоту.

Дѣло о семъ было въ разсмотрѣніи Герольдіи и указомъ, изъ оноій въ Херсонское дворянское депутатское Собраніе 25-го Іюня 1808 года послѣдовавшимъ дано знать, что Герольдія доказательства онаго Сухинова на дворянское его достоинство нашла недостаточными и опредѣленіе Екатеринославскаго депутатскаго Собранія признала недѣйствительнымъ.

Скрѣпилъ Гражданскій Губернаторъ Комстадіусъ.

ного селения Красно-Камянки, не у дел коллежский регистратор Иван Трофимов сын Емельяно-Сухинов, служивший за существование Александрийского уезда в городе Крылове в Нижнем Земском Суде столоначальником и потом, за уничтожением сего и учреждением такого-ж в Елисаветграде — увольнившийся, и по восстановлении паки Александрийского уезда в селе Устовке, что ныне город Александрия, вступивший в тот Суд на службу, по получении чина коллежского регистратора и увольнении вовсе от оной, бывший затем Камянским волостным головою — сельским заседателем, есть действительно родной отец скрывшегося после мятежа с Черниговского пехотного полка подпорутчика Ивана Ивановича Сухинова.

2. У сего коллежского регистратора Емельяно-Сухинова есть дети сверх подпорутчика Ивана — сыновья: 1-й Симон, служащий во 2 морском полку капитаном, который с баталионом находится в Новгородском поселении; Григорий, губернский секретарь, служивший в Александрийском Нижнем Земском Суде, и по желанию перешедший на службу в Грузию, где и теперь находится; Степан, губернский регистратор, и Василий подканцелярист, служащие в Александрийском Уездном Суде; Семен и Николай, малолетние, находятся при отце в доме.

3. Имение коллежского регистратора Ивана Емельяно-Сухинова заключается в следующем: 112-ти десятинах земли и двух душах мужска пола крестьян, по духовному завещанию от тиотки его, подпорутчицы Анны Зерваницкой в 1818 году доставшихся, и по указу Херсонской Казенной Палаты 24 марта 1821 года № 1659-й за ним в 1822 годе перечисленных; двух душах крестьян, собственно ему принадлежащих и по ревизии 1816 года за ним записанных, скотоводстве, овцеводстве и посредственной постройке.

4. Занятие его Сухинова, как из разговоров его и других заметить можно было, состоит в хлебопашестве и солепромышленности.

5. Образ жизни и обращение его и семейства — обыкновенное, простое и свойственное мало или, лучше сказать, вовсе необразованному человеку.

6. Родственники Емельяно-Сухинова, происходящие от брата его, уже умершего Александрийского уезда помещика прапор-

щика Михаила Сухинова, суть следующие: 1. Отставной подполковник Григорий Михайлов Сухинов, женатый на дочери Екатеринославской губернии Верхнеднепровского уезда помещика действительного статского советника Ширая, который, получа с имения отца своего 9-ть душ мужска пола крестьян, переселился с оными на жительство Верхнеднепровского уезда в село Шаровку. 2. Исключенный из Козловского пехотного полка за болезнею подпрапорщик Константин Михайлович Сухинов, который, получа 10-ть душ мужска пола крестьян, переселился с оными и живет на собственной земле Верхнеднепровского уезда при урочище Базавлуке. 3-й Иван, 4-й Петр Михайловы Сухиновы служат подпрапорщиками Саратовского пехотного полка, в баталионе, находящемся ныне в Новгородском поселении, каждому из них отделено по 10 душ мужска пола крестьян, из которых первого, по переводе Верхнеднепровского уезда на Базавлук, тамо находятся на общей земле с братом Константином, а последнего в сельце Михайловке Александрийского уезда общего владения с матерью. 5-й Михайло Михайлов, и 6-я девица Татьяна Михайловна Сухиновы находятся при матери своей, бывшей прапорщика Михаила Сухинова второбрачною женою и вышедшей в последствии времени в замужество за ротмистра Хлусовича, Александры Тимофеевой, и имеют в своем общем владении 700 десятин земли и 14 душ крестьян при сельце Михайловке Александрийского уезда.

7. Подпоручик Иван Сухинов прошедшего 1825 года, по полученному отпуску с Черниговского пехотного полка, в июне м-це, из Василькова приезжал к родителю в дом и здесь находился некоторое время, потом, отъехавши в полк, к отцу своему ничего не писал и, как из разговоров отца заметить было нетрудно, где теперь находится — неизвестно.

8. Чтобы он имел знакомство или связь с помещиком Романовым, который по повелению вашего превосходительства отправлен в С.-Петербург, ни по чему дойтить не было возможности, да и сколько я узнать мог, едваль он с ним имел знакомство.

9. Сей Иван Сухинов, по прибытии с полку в отпуск, как случайно отставной капитан Иван Сухомлинов, во время моего ночлега в доме его, между общим о соседах разговоре, сказы-

вал, бывал у него, и хвалился, что хотит с пехоты испросить перевода в гусары, в коих он некогда, по вербунку, уже служил. Впрочем по малозначительности в Александрийском уезде фамилии Сухиновых и жительству их на границе Верхнеднепровского уезда, о дальнейшем знакомстве его с кем-либо, связи и о местопребывании никакого сведения до сих пор я обресть не мог.

10. По сделанной сего числа в Александрийской Почтовой Экспедиции, чрез испрошение от экспедитора, под видом для собственной надобности почтовых карт, секретной выправки по карте из Василькова, где Черниговский полк квартирует, 9 декабря 1825 года открыл: «показано в отправленном отътоль в Александрию — Степану Сухине письмо весом 1 лот, платы 24 коп.» Получитель сего письма есть подпорутчика Ивана Сухинова родной брат и находится ныне на действительной службе при Александрийском Уездном Суде.

Имея честь донесть обо всем вышеизъясненном вашему превосходительству с эстафетою и по случаю открытия, что из Василькова братом Сухинова Степаном, от 9 декабря 1825 года получено письмо, приемлю смелость испросить насчет дозволения мне, под каким-нибудь предлогом, сделать, как в квартире Степана, так и в доме отца его — Ивана Емельяно-Сухинова обыск — повеления; посредством сего и открытия письма, Степаном полученного, дойтить будет возможно к открытию места пребывания и поимки скрывшегося подпорутчика Ивана Сухинова, без тогож все преследования могут быть напрасны и бесполезны. Сам же собою я решиться к произведению обыска, по непредставлению мне права, и дабы тем не обнаружить преждевременно тайны порученности, не осмеливаюсь.

Пока удостоюсь получить на сие разрешение, отправляюсь в имение г-на Херсонского губернского предводителя дворянства, для отобрания от него повеленного объяснения и дальнейшего о часторечением Сухинове розыска по уезду» (л. 15 — 18).

Производство обыска было немедленно разрешено, но, как отмечалось в губернаторской инструкции, лишь «под каким-нибудь предлогом», по «какой-либо полицейской надобности» и притом до посещения губернского предводителя, дабы «предупредить известие о настоящей цели командирования в Александрий-

ский уезд, и тем не отклонить направления в сии места или пребывания в оных Ивана Сухинова, ежели он там скрывается или имеет намерение скрыться» (л. 19). Все эти предосторожности оказались, однако, излишними, ибо в ночь на 12-ое февраля губернатор уведомлен был «по эстафете» о перехваченном Савоини в Александрийской почтовой экспедиции собственноручном письме подпорутчика Сухинова из Дубоссар к брату Степану [1]).

Письмо это, отправленное 4-го февраля, было следующего содержания: «Спѣшу тебя увѣдомить, что еще слава Богу живъ и здоровъ и докудова щасливъ, но безъ пріюта и мѣста, и притомъ крайне меня влечетъ любопытство на щетъ моей бумаги, извѣстной тебѣ. Незнаю, пошла ли она въ дѣло или нѣтъ; пожалуста, другъ, поспѣши увѣдомить съ первой почтой, ни мало не откладывая. Да пожалуста опиши обстоятельнѣе обо всемъ и пиши ко мнѣ Кишиневской области въ городъ Кишиневъ; ибо въ случаѣ твоего замедленія, что уже можетъ быть и не застанетъ меня въ томъ мѣстѣ, если только не буду имѣть мѣста. За тѣмъ прощай и прочее.

P. S. Пожалуста, Любезный Другъ, не можно-ли будетъ выпросить у батюшки денегъ хотя рублей 50, или сколько можно будетъ; ибо ты самъ знаешь мое теперешнѣе положеніе, что крайне нахожусь во всемъ, что даже остаюсь безъ дневнаго пропитанія. Пожалѣйте обо мнѣ. Адресъ же ко мнѣ Кишиневской области въ Г. Кишиневъ. Его Благородію Мил. Гос. И. И. Емельянову».

Заключив, что «Иван Сухинов имеет направление в Кишинев и повидимому будет ожидать пособия от брата» [2]), и для прегражденія

---

[1]) Как свидетельствует рапорт Херсонского губернатора графу Воронцову от 11-го февраля, Савоини доставил ему перед тем «некоторые бумаги, относящиеся к фамилии Сухиновых, и письма подпорутчика Ивана Сухинова к брату Степану Сухинову. В последнем, из Василькова от 16-го декабря прошедшего года, уведомляет, что того же самого дня он был у присяги Константину Павловичу и просит писать к нему в г. Житомир, куда он в скорости отправляется в полк. К подозрениям нет никакого повода; видно сильное огорчение противу отца и мачехи за неоказание пособия и благодарность брату за одолжения» (л. 13). Все бумаги Сухинова препровождены были из Херсона начальнику штаба 1-ой армии.

[2]) Перехваченное в Александрии письмо И. П. Сухинова от 4-го февраля препровождено было Комстадиусом 12-го графу Воронцову (л. 6), а 18-го

возможного побега мятежника «за Прут» [1]), Комстадиус срочно уведомил о всех обстоятельствах дела Бессарабского гражданского губернатора и, предупредя его о необходимости «стеречь Сухинова в почтовой конторе, куда он должен явиться для получения письма от брата», предлагал «для сего составить подложную карту из Александрии с написанием письма на имя Ивана Емельянова, поелику настоящая его фамилия есть Сухинов-Емельянов, и теперь подписывается Емельяновым: и кроме сего написать на имя его объявление с посылкою 50-ти рублей» (л. 6 — 7). Одновременно с этим отношением в Кишенев, для преследования Сухинова отряжен был из Херсона в Бессарабию чиновник особых поручений Рубанович.

Как свидетельствует секретный рапорт Рубановича от 18-го февраля на имя Новороссийского генерал-губернатора, возложенное на него задание осуществлено было следующим образом:

«По откомандировании для преследования государственного преступника, бежавшего из Черниговского пехотного полка подпоручика Ивана Сухинова, за прибытием в город Дубосары 13-го числа сего февраля в 1-м часу дня, я по стражайшему и секретному разведыванию открыл следующее: что сказанный Сухинов 3-го числа сего же месяца, прибыв в Дубосары на одной лошади в саночках, остановился в доме тамошнего мещанина еврея Абрама Шамикиса. На вопрос сего откудова, он отозвался, что прибыл из одной деревни, состоящей около Балты для приискания места или должности учительской [2]). На другой

возвращено по просьбе первого в Херсон, откуда отослано в штаб 1 армии (л. 21 и 26). Копии письма в архиве Новороссийского генерал-губернаторства, к сожалению, не сохранилось, но мы восстановили его текст по «делу» Штаба 1-ой Армии о восстании Черниговского полка (лист 744-й).

[1]) Командир 9-й пехотной дивизии 31-го января 1826 г. довел до сведения Херсонского губернатора, что «означенный Сухинов назад тому несколько дней был примечен во фраке проезжавшим чрез Богуславский уезд с каким-то товарищем, как видно, с намерением пробраться в Херсонскую или Екатеринославскую губернию, или, наконец, пройти заграницу» (л. 13). Сведения эти, однако, оказались ошибочными.

[2]) Скрывшись после разгрома мятежников, Сухинов, несмотря на производившиеся везде розыски его, благополучно добрался через Гребенку и Каменку до Александрии, где, как передает с его слов Горбачевский, «отыскал своего родного брата, служившего там в гражданской службе,

день, 4-го февраля сей самой Сухинов заявил свой паспорт в Дубоссарскую градскую полицию, которой записан в книге ее под № тако: «пашепорт данной Херсонской губернии из Александрийского Уездного Суда жительствующему в Александрий-

и был принят им с братским участием; но, как человек недостаточный, он ничем не мог ему помочь и, живя в наемном доме, не решался долго скрывать его у себя. Посему Сухинов, пробыв в Александрии несколько дней, написал себе паспорт отставного офицера и поехал в Кишинев с целью пробраться в Турецкие владения. Путь его к Кишиневу был весьма труден и опасен; очень часто он думал, что его узнают, часто он читал объявления правительства о бежавшем мятежнике Сухинове. Иногда ему случалось ночевать вместе с отыскивавшими его чиновниками; несколько раз спрашивали его: «не случалось ли ему встретить где-нибудь человека с такими-то приметами, прозываемого Сухиновым?» Наконец, после долгого и трудного странствования он приехал в Кишинев 6-го февраля 1826 г. и остановился у одного мещанина. Расспросив в городе у разных людей дорогу и место переправы через Прут и узнавши, что очень легко сие исполнить, он решился, наконец, оставить Кишинев и вместе с ним отечество. «Горестно было расставаться с родиною,—говорил он после с сильным чувством своим товарищам:—я прощался с Россией, как с родною матерью, плакал и беспрестанно бросал взоры свои назад, чтобы взглянуть еще раз на Русскую землю. Когда я подошел к границе, мне было очень легко переправиться через Прут и быть вне опасности; но, увидя пред собою реку, я остановился... Товарищи, обремененные цепями и брошенные в темницы, представились моему воображению... Какой-то внутренний голос говорил мне: ты будешь свободен, когда их жизнь пройдет среди бедствий и позора. Я почувствовал, что румянец покрыл мои щеки; лицо мое горело, я стыдился намерения спасти себя, я упрекал себя за то, что хочу быть свободным... и возвратился назад в Кишинев. Пробыв несколько дней в городе у прежнего своего хозяина, я снова вознамерился бежать, опять на берегу Прута.—Та же тяжесть расстаться с родиною и опять тот же упрек совести—и я опять возвратился снова в Кишинев». Когда он возвратился во второй раз в Кишинев, он был уже без денег... Без всякой предосторожности написал он к своему отцу, где подробно изобразил свое положение, место своего пребывания и отослал сие письмо на почту» (op. cit., 170—171). Некоторые основания этого неожиданного решения вскрывает бар. Соловьев: «Затрудненный крайностью, удрученный бездействием и ежеминутным опасением, Сухинов решился писать к своему отцу с двоякою целью: получить от него денежное пособие, а с ним и способ к такому или другому предприятию, или же через умышленную неосторожность обнаружить правительству свое убежище. Как ни тягостно было последнее намерение, но оно казалось ему лучше неопределенного его положения, которое совершенно утомило его» («Русск. Арх.» 1870 г., стр. 917).

ском уезде коллежскому регистратору Ивану Емельян-Сухинову от 10-го ноября 1825 года за № 36-м, на следование Российской империи в разные города имеется по надобности».

«Аншит сей, как частный пристав ее Моисеев мне объявил, приметной по тому, что в двух местах мышами проеден. По бытности же в полиции Сухинов, признаваясь к бывшему одно-служивцу своему, нынешнему той полиции письмоводителю, объяснял, что он, по увольнении из Александрийского Земского Суда, поступил было в вербуники, но после увольняясь ищет теперь службы. В продолжении сего дня, как хозяин его Шамикис на вопрос мне объяснил: Сухинов писал письма, сам на почту носил, продал свою лошадь Дубосарскому мещанину Смуле Тамбульскому за 20 рублей и покупал себе из базару хлеб. Засим 5-го числа напявши на базаре извощика за 40 к. поехал из города в Дубосарскую таможню, где предъявя вышесказанный свой паспорт, по записке в книгу ее, пропущен через реку Днестр пешой в Бессарабию».

«Приметы и одеяние на нем, Сухинове, как хозяин покупщик лошади, так и полицейский десятский мне объявили, суть следующие: росту высокого, лет около 33-х, лицом смугло рябоват, волосы на голове темно-русые, глаза черные, говорит пространно, одет в старом черного сукна сертуке, шинеле байковой поношеной верблюжего цвету, райтузах черных же, обшитых кожею, шапке черной из барашков на подобие крымке или жидовской ярмулке. Имел при себе нагольной короткой белых авчин тулуп, войлок небольшой серой, мешок холщевой на подобие торбы. Почему я, не теряя ни минуты времени, как в деле весьма важном, взял с собою пристава Моисеева, видевшего Сухинова в Дубосарах и очень его приметившего, того же 13-го числа на всю ночь поскакал в Кишинев, с рассветом прибывши туда прямо к полицмейстеру, г. полковнику Радичу,—с ним тот час явился к управляющему Бессарабской областию г-ну Арсеньеву и о всем вышеписанном донеся рапортом, вручил ему повеление вашего сиятельства и отношение Херсонского гражданского губернатора» (*л.* 41—43).

Как свидетельствует рапорт Арсеньева, он, немедленно отдав «строжайшее и секретное распоряжение об отыскании и поимке сего Сухинова», отправился с Радичем и Рубановичем в област-

ную почтовую контору, где, учинив «по почтовым актам вернейшую выправку», установил, что «ни Сухинов, ни брат его переписки еще не имели [1]). Посему, составив в почтовой же конторе подложную карту из Александрии с написанием письма на имя Ивана Емельяно-Сухинова... и кроме сего, написав на имя его объявление с посылкой 50-ти рублей, разослали по городу почтальонов для поисков оного Сухинова и оповещения его, чтобы он прибыл в контору для получения денег. Окончивши это, приняты сейчас строжайшие надежные меры, чтобы Сухинов никак не мог ускользнуть из полицейских рук. Между тем, хотя и нельзя было сомневаться, что Сухинов не успеет избежать в Кишиневе полицейского преследования, однако же, на всякий случай 14-го же февраля послал по эстафетам циркулярные бумаги именно: г.г. генерал-лейтенантам Желтухину и Иванову, окружным начальникам карантинному и таможенному, градским и земским полициям, чтобы оные лица и места приняли строжайшее наблюдение о поимке Сухинова, на случай бы он успел из Кишинева бежать и появился в местах им ведомых (л. 23—24). В тот же день полицмейстером было обнаружено по явочной паспортной книге, что 6-го с. м. зарегистрирован был в Кишиневе паспорт «коллежского регистратора Ивана Емельянова Сухина». Для скорейшего «открытия убежища» последнего, как отмечал в своем рапорте на имя губернатора полковник Радич, он «кроме разных средств употребил в особенности под личным своим руководством и собственными розысканиями известного в усердии на пользу службы и отличной расторопности квартирмейстера сдешней квартирной комиссии Сербского, чиновника Ефтимия Кристича и Дубосарского частного пристава Моисеева, яко видевшего Сухинова при заявлении им паспорта своего в той полиции». Чиновники эти, «быв наставлены в средствах отыскать упомянутого Сухинова,

---

[1]) Биографы Сухинова ошибочно полагают, что перехваченное в Александрии письмо отправлено было из Кишинева (Записки Горбачевского, 171; «Русск. Арх.» 1870, стр. 917). «В сем письме—как свидетельствует отметка в рапорте от 7-го марта 1826 г. главнокомандующему 1-ой армией Комиссии военного суда,—Сухинов просил брата выпросить ему у отца денег 50 р. и переслать в Кишинев, ибо он сам знает теперешнее его положение, что крайне находится во всем» («Русск. Арх.» 1902, II, 301).

оправдали возложенное на них поручение и открыли убежище его в 3-ей части города в доме сдешнего жителя Семена Николаева Чернова» (л. 26) [1]). Донесение полицмейстера заканчивалось указанием, что «при первом взгляде на паспорт, при Сухинове отысканный, нельзя не заметить фальшивости оного, и есть ли бы пристав следственных дел здешней полиции, засвидетельствовавший явочную на оном надпись, был более осмотрителен и расторопен, то поимка столь важного преступника была бы несколькими днями ранее, которого ныне, заковав в кандалы, честь имею представить при сем за крепчайшим караулом, с отысканным при нем вышеупомянутым паспортом и посильными, ничего незначущими вещами» (л. 27).

17-го февраля Сухинов доставлен был под строгим караулом в Одессу [2]), а на следующий день, закованный в «ножные и

---

[1]) В своих Могилевских показаниях Сухинов утверждал, что «решился написать к своему брату, чтоб правительству дать случай его взять, зная, что письма такового рода перехватываются, ибо он неоднократно и сам намеревался явиться начальству, но ужас содеянного им преступления колебал его в сем предприятии и потому, по разнесшимся слухам, что его ищут, он, Сухинов, пробрался в Кишинев, там нанял себе квартиру с платою за месяц по 15 рублей и проживал только одиннадцать дней, до самого взятия его Сухинова под арест» («Русск. Арх.» 1902, II, 301). Об обстоятельствах последнего картинно повествует И. И. Горбачевский: «15 февраля Сухинов сидел один в дальней комнате, преданный самым мрачным мыслям, как вдруг увидел пред собою полицеймейстера, который, посмотрев на него пристально, вышел вон, не сказав ни слова. Нельзя было не догадаться, что его узнали; но Сухинов спокойно ожидал своей участи. Вскоре после сего приехал генерал Желтухин с помянутым полицеймейстером. На вопрос генерала, кто он таков, Сухинов отвечал смело: офицер Черниговского полка; после разбития С. Муравьева, я бежал, скрывался до сих пор в Кишиневе и других местах; я с радостию отдаюсь в руки правительства, мне тягостно мое положение» (op. cit., 171—172). Ср. неточные и глухие сведения об аресте Сухинова (без имени последнего) в «Воспоминаниях» проживавшего в 1826 г. в Кишиневе Ф. Ф. Вигеля (ч. VII, М. 1893, стр. 83).

[2]) Как свидетельствует И. И. Горбачевский, дорога из Кишинева в Одессу была весьма тягостна для Сухинова: «цепи, обременявшие его руки и ноги, были столь тесны, что железо впилось в тело. Холодная и сырая погода, трудный путь, боль, производимая цепями, расстроили его здоровье; раны, полученные им в Отечественную войну, открылись, и он чувствовал лихорадку. В Одессе он был представлен немедленно гр. Воронцову, который принял его очень ласково и оказал величайшее

ручные кандалы», при полицейском чиновнике Кристиче и двух жандармах препровожден в штаб главнокомандующего 1 армией в г. Могилев [1]). 25-го февраля, как видно из «квитанции» коменданта главной квартиры, «беглый мятежник Сухинов» был «исправно принят» (л. 55), а 26-го уже предан военному суду.

В Александрии, между тем, продолжалось строжайшее розыскание о пребывании Сухинова в Херсонской губернии и о «людях, знающих о его преступлении». Особенное внимание следственных властей привлекла загадочная фраза в перехваченном Дубоссарском письме — «при том крайне влечет меня любопытство насчет моей бумаги известной тебе, пожалуйста, друг, поспеши уведомить с первой почтою, ни мало не откладывая». Степан Сухинов, в снятом с него 24-го февраля показании, об этом написал: «не знаю ни о какой бумаге, которая будто бы от меня должна была пойти в действие и за которую влечет любопыт-

---

соболезнование. Цепи с Сухинова были сняты, по приказанию графа. Ему была отведена особенная комната в доме генерал-губернатора, дано новое белье, предложен обед и ужин». Более сдержанно передает о приеме Сухинова Воронцовым бар. Соловьев (op., cit., 918), данные которого совпадают с рапортом Одесского полицмейстера от 18-го февраля о содержании «государственного арестанта подпоручика Сухинова в Одесской полиции» (л. 47).

[1]) В начале пути — свидетельствует Горбачевский — «обхождение полицейского чиновника было грубо и даже жестоко. Сухинов переносил оное с терпением. Приехав в Житомир, частный пристав остановился в трактире обедать. Сухинов, пользуясь сим, просил позволения отдохнуть несколько времени, представляя ему, что открывшиеся раны и расстройство здоровья лишают его возможности продолжать попрежнему дорогу. Грубости были ответом на его просьбу. Сухинов, выведенный из терпения и раздраженный жестокостями частного пристава, схватил нож, лежавший на столе и, бросившись на него, вскричал в бешенстве: «я тебя, каналья, положу с одного удара; мне один раз отвечать; но твоя смерть послужит примером другим мошенникам, подобным тебе». Испуганный полицейский чиновник упал на колени и, дрожа весь от страха, просил прощения во всех оскорблениях, нанесенных им Сухинову, обещал впредь быть вежливым и делать все, что от него будет зависеть. Частный пристав сдержал свое слово: от Житомира до Могилева заботился о Сухинове, как о своем родном, позволяя ему отдыхать, сам перевязывал ему раны, был учтив и вежлив» (op. cit., 172 — 173). Как видно из «дела» на уплату прогонов при командировании для отвода из Одессы до Могилева-Белорусского одного государственного преступника и на продовольствие в пути — Кристичу отпущено было 868 руб. 80 коп. ассиг. (л. 65).

ство брата моего от меня узнать, — я не известен, в чем оная заключается не знаю и у меня таковой нет и таковых нигде я не скрывал и не скрыл» (л. 91). Между тем, по просьбе Херсонского губернатора препровожден был из штаба 1-ой армии акт допроса Ивана Сухинова, в коем арестованный отмечал: «О бумаге, означенной в письме моем к брату Степану, действительно писал я, желая удостовериться, отправил ли он ее на почту. Бумага сия заключала в себе прошение, написанное мною к государю императору еще в дороге о помиловании моей участи, которое я, запечатавши с надписью на конверте рапорта от меня на имя генерал-адъютанта барона Дибича, по прибытии к братьям отдал Степану с тем, чтобы он отправил только ее на почту, не сказав ему ничего о содержании ее, хотя он из любопытства у меня и спрашивал, но отправил ли он ее или нет, мне неизвестно» (л. 91). Перехваченное письмо Сухинова еще раньше привлекло, однако, внимание самого императора Николая, который 25-го марта через начальника Главного Штаба предложил гр. Воронцову «допросить служившего в Александрийском Уездном Суде Сухинова-Емельянова, о какой бумаге говорил брат его и буде она у него, то чтобы ее представил» (л. 64).

Следствие в виду этого пошло усиленным темпом, и уже 21-го апреля было по существу закончено. Как свидетельствует рапорт Савоини Херсонскому губернатору,

«В первом показании апреля 21-го дня Степан Сухинов написал:

1) Он советовал брату Ивану изобресть средство и вымыслить сделать прибавку к написанным цифрам крестьян в свидетельстве, исходатайственном на переход из пехоты в кавалерию.

2) На получение свидетельства сего от предводителя дворянства прошение от имени отца, без ведома и дозволения его, по совету брата Ивана, им Степаном написано и подложно им же подписано.

3) Во время пребывания Ивана Сухинова в средних числах генваря в квартире Степана, он Иван, оставя запечатанный конверт с надписью на имя начальника Главного Штаба его императорского величества, просил отправить по адресу. По недосугам и по не имению денег на заплату за пересылку, пакет сей не был отправлен: он Степан не знал о содержании рапорта.

Замечаю, что сему не должно верить, ибо пакет, который впоследствии отыскан, был написан рапортом № 6-ой; следовательно не нужно никакой заплаты за пересылку.

Далее Степан Сухинов продолжает: при учинении в квартире его обысков, полагая, что пакет заключает в себе важность, спрятал на дворе в скрытном месте, которое ныне указать может. Более ни о каких бумагах он не известен и не писал брату о не отправлении пакета.

4) Паспорт на имя коллежского регистратора Ивана Емельянова-Сухинова, как он Степан замечает, написан рукою брата Ивана, но кто на оном подписал судью, секретаря и протоколиста, где написан и какая приложена печать, о том он Степан неизвестен. Впрочем, признавая, что показанные ему письма им писаны к брату Ивану и отзываясь неведением о преступлениях сего последнего, извиняется в объявленных им поступках глупым рассудком, молодостью и любовью к брату.

Пакет на имя начальника Главного Штаба его императорского величества найден советником Савоини на дворе бывшей квартиры Степана Сухинова под землею в хлевце заложенный под окладиною.

Судья, секретарь и протоколист отреклись от подписов на паспорте, с коим Иван Сухинов взят в Кишиневе; секретари Земского Суда и Городовой Ратуши за присягою показали, что подпис судьи имеет сходство, кем оный учинен неизвестны. и что подпис секретаря Уездного Суда и протоколиста совсем несходен; кто вместо их подписал и писал паспорт, также неизвестны; печать оказалась действительною.

На вторичном перепросе того же апреля 21-го дня губернский регистратор Степан Сухинов показал:

Паспорт братом его Иваном Сухиновым, в бытность в квартире его Степана, на данной им Степаном гербового клейма бумаге написан Иваном на имя коллежского регистратора Ивана Емельяно-Сухинова и подписан подложно по соображению почерком судьи, секретаря и протоколиста с бывшей в квартире Степана инструкции, данной копинсту Василию Сухинову для вручения дворянину Льву Цыбульскому грамоты о явке сего в суд на 28-го октября прошедшего года. Обстоятельство сие подтвердилось справкою.

Печать для приложения к паспорту была тайно вынесена из Уездного Суда домой Степаном Сухиновым, отдана Ивану и сим к фальшивому паспорту приложена; затем обратно в Суд отнесена. О сем поступке никто, ниже брат Василий не был известен.

Причинами сего и первого отрицательства Степан Сухинов поставляет молодость, страх, глупость, а более то, что брат Иван, приехавши к нему, расплакался пред ним, говоря: «теперь моя жизнь зависит от тебя, ибо я несчастнейший человек». Но от каких причин и что он сделал, о том ничего не открывал, сим якобы тронуто было сердце Степана, ослепленное братскою любовью и он не рассудя обстоятельств решился то учинить. Утверждая, впрочем, во всей силе взятые с него первые два показания, дополняет, что не знает ни о какой бумаге, которая брата его Ивана влекла в любопытство узнать, кроме врученной по открытии.

Степан Сухинов объяснил сие якобы по сущей справедливости и даже по христианскому раскаянию, вторично изличает всенижайшую пред правительством просьбу воззреть на заблудшее его положение, в которое он вовлечен не с каким иным умыслом, а единственно по молодости лет и слепой расположенности к брату, который как бы существовал единственно для пагубы его Степана и для очернения чести всего их рода, до него ни малейшим пятном не замаранной.

Три канцелярские служителя Александрийского Уездного Суда титулярные советники Комарницкий, Макаревский и Недюков за присягою показали: что паспорт, с которым Иван Сухинов пойман в Кишиневе, и надпись на рапорте от поручика Сухинова на имя начальника Главного Штаба его императорского величества действительно суть одного почерка слов руки, писанной служащим в здешнем Уездном Суде губернским регистратором Степаном Сухиновым, но точно ли сие от него произошло, настоящие знать не могут.

Посему должно подозревать, что Степан Сухинов знал о преступлении своего брата. Наконец, подозрение сие может оправдаться, ежели и самый рапорт начальнику Главного Штаба его императорского величества им писан и ежели почерк его будет признан чиновниками, знающими оный. Тогда гораздо удобнее

извлечь от него признание, а засим решение его судьбы должно быть основано на большей строгости закона» (л. 93 — 95) [1]).

Показания Степана Сухинова, вместе с обнаруженным «в хлевце» запечатанным рапортом Ив. Сухинова на имя начальника Главного Штаба, были 1-го мая доставлены Новороссийскому генерал-губернатору, а последним препровождены в Петербург с ходатайством о присылке таинственного пакета «по распечатании» в Одессу «для исследования, кем именно он переписан, буде сего не откроет сам преступник» (л. 97). Начальником Штаба признано было, однако, излишним не только возвращение пакета, но и уведомление местной администрации о его содержании. Результаты произведенного в Александрии «изыскания» доведены были до сведения императора Николая, который, как видно из официального отношения ген. Дибича на имя гр. Воронцова от 5-го июня 1826 г., «высочайше повелеть соизволил: прекратя дальнейшее изыскание и суд над служащим в Александрийском Уездном Суде губернским регистратором Степаном и юнкером Василием Сухиновыми, из них Степана Сухинова, подлежавшего за обнаруженные противузаконные его действия строжайшему суждению, во уважение того, что преступление сделано им для защиты родного своего брата, посадить на шесть месяцев в крепость и после допустить к должности по прежнему» (л. 103).

По всеподданнейшему представлению гр. Воронцова, всем представителям местной администрации, оказавшим «особенное усердие» при поимке Сухинова, выражено было «высочайшее благоволение», титулярному советнику Рубановичу пожалован орден Анны 3 степени, а полицейским чинам выдано «не в зачет» годовое жалованье.

Ю. Оксман.

---

[1]) «Действия советника Савоини — отмечал Херсонский губернатор, препровождая рапорт этот гр. Воронцову, — по началу и продолжению его розысканий показывают отличное его усердие, точность, расторопность и благоразумие и, вместе с тем, удостоверяет, что вся служба его сопровождается сими превосходными и редко соединяющимися в одном лице качествами. Посему поставляю себе в непременный долг усугубить пред вашим сиятельством нижайшую и убедительнейшую просьбу об исходатайствовании ему чина коллежского ассесора. Награда сия откроет г-ну Савоини путь к высшим должностям и будет сколько для него лестна, столько для службы полезна».

ПИСЬМО В. И. СУХАЧЕВА К ГР. М. С. ВОРОНЦОВУ ИЗ ТАГАНРОГСКОГО ТЮРЕМНОГО ЗАМКА.

Мещанин, В. И. Сухачев, — организатор в Одессе, в начале 20-х годов, тайного «Общества Независимых», следы существования которого были неожиданно обнаружены в пору розыска и ликвидации на юге всех «гнезд заговора», принадлежал, по собственному его определению, к числу «невинно-страждущих по сомнению участия в деле случившегося в столице происшествия в 14-й день декабря 1825 года».

Арестованный в Ростове, где он привлек внимание провинциальной администрации тем, что «вел жизнь самую уединенную, ни к кому не ходил, никого к себе не принимал, занимался письмом и чтением, имея при себе библиотеку, из 600 томов состоящую», В. И. Сухачев сразу признан был одним из деятелей «заговора» 14-го декабря, ибо при обыске обнаружены были у него «между вещами и бумагами» кинжал, пара пистолетов, ружье, сабля, «злодейское клятвенное обещание», алфавит для тайной переписки и несколько писем, «писанных буквами сего алфавита». На первом же допросе, 1-го марта 1826 года, В. И. Сухачев показал, что от роду ему 28 лет, исповедания греко-росспйского, принадлежит к сословию Бендерского малороссийского общества, служил несколько лет в Одессе приказчиком торгового дома Серато и Верапп, в 1822 г. «приобрел знакомство» с кол. секр. Г. С. Радуловым и купеческим сыном М. К. Аристовым, в 1824 г. отправился вслед за ними в Грузию для «определения в статскую службу», но, проработав «приватно» в течение года в Исполнительной Экспедиции при Верховном Грузинском Правительстве, в должности, как лицо податного сословия, утвержден не был и, решив «употребить

себя попрежнему в дела коммерческие», 4-го декабря 1825 г. прибыл в Ростов «собственно для того, что бы распродать библиотеку, которая заключается в 600 с небольшим книгах разных лучших сочинителей, и, выруча за оную деньги, следовать на оные до Одессы». Что же касается отобранных у Сухачева при обыске бумаг и писем, то, как он объяснял, «клятвенная присяга» извлечена была им «по точным словам из книги театра сочинителя Авг. фон-Коцебу», перевод на русский язык «Декларации прав человека и гражданина» имел «для одного любопытства, а ничуть не для руководства», шифр, которым он пользовался в переписке со своими друзьями, «составлен из литер греческих, еврейских, арабских, турецких, китайских, латинских и русских», выписки всякого рода заимствованы у разных иностранных авторов, «коими все мы начитаны», и т. д.

Делом Сухачева, к которому немедленно привлечен был ряд его «сообщников», чрезвычайно заинтересовался на первых порах Петербургский «Комитет для следственных изысканий о злоумышленных обществах», но, как только обнаружено было, что к событиям 14-го декабря «Общество независимых» прямого отношения не имеет, окончание розыска возложено было на Новороссийского генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова. Последний отнесся к делу Сухачева чрезвычайно снисходительно и старался всячески умалить значение данных предварительного дознания, несмотря на то, что не оставалось никаких сомнений в том, что действовавшее в Одессе между 1820 и 1824 г. «Общество независимых» представляло собою безусловно враждебную существующему строю организацию. Оно объединяло вокруг В. И. Сухачева довольно широкие слои кристаллизовавшейся в бойком торговом порте раньше, чем где бы то ни было в России, буржуазной демократии («купеческие сыновья» Аристов, Спасский, Протасов, мелкие чиновники Радулов и Леонтьев, преподаватель лицея Шкляревич) и, интеллектуально тяготея к идеям «общественного договора» Руссо («Общество независимых. Закон его — следовать природе. Монаршей власти не признавать, а быть всем равными, признавать натуру творцом всего»), вдохновлялось в своей политической программе «Декларацией прав человека и гражданина».

В своем всеподданнейшем рапорте от 8-го июня 1826 г. об окончании дознания по делу «Общества независимых» гр. М. С. Воронцов, избегая точных ссылок на инкриминируемый материал, в самых общих выражениях констатировал, что «поелику ничто не показывает в сообществе злых умыслов против правительства или общего спокойствия, то и нельзя судить их формальным порядком. В наказание же некоторых свободных мыслей, в переписке их найденных, не благоугодно ли будет вам, всемилостивейший государь, повелеть выдержать их еще несколько месяцев под стражею, и потом дозволить продолжать службу, или оставаться без оной, вменив начальствам тех мест, где они будут находиться, иметь над ними наблюдение».

В силу собственноручной резолюции императора Николая от 11-го июня—«Можно велеть выпустить, взявъ росписки, что они никакимъ обществамъ принадлежать не будутъ; и употребить на службу; имѣя, гдѣ будутъ, подъ присмотромъ»—Воронцов 21-го июня распорядился о немедленном освобождении Сухачева из Таганрогского тюремного замка. В тот же день, когда сделано было это распоряжение, до Канцелярии графа дошло пламенное воззвание злосчастного инициатора «Общества Независимых» о милости к «невинно страждущим» (Архив. Новор. и Бесс. генерал-губернаторства, часть секретная, 1826 г., № 12. Дело о Сухачеве, лист 91). Как «человеческий документ», воззвание В. И. Сухачева (единственное, кстати сказать, из дошедших до нас его писаний) одинаково интересно и своими автобиографическими подробностями, и оправдательной аргументацией, и даже некоторыми стилистическими тенденциями, столь характерными для поклонника патетических тирад Августа Коцебу.

Однако, письмо это несколько запоздало. Лаконическая канцелярская отметка—«участь просителя решена уже по представлению графа государю императору»—была единственным откликом на обращение узника. Как видно из его позднейшего прошения в III Отделение, он, по выходе из тюрьмы, «около 6 лет употреблял все усилия к поступлению в коронную службу, но тщетно, о приискании же частной должности не имел ни малейшей надежды, ибо все опасались его, как человека, под над-

зором полиции состоящего». Лишившись «всех средств к изысканию себе и престарелому отцу своему дневного пропитания», В. И. Сухачев только в 1831 г. был освобожден от полицейского «присмотра» [1]). Никаких сведений о последующих годах его жизни и деятельности до нас не дошло.

Ю. Оксман.

Сіятельнѣйшій Графъ
Милостивѣйшій Государь!

Благодѣянія Вашего Сіятельства ко ввѣренному отъ Монарха Народу достойны Величайшихъ жертвъ; Слава Имени Вашего, содѣлавшаяся незабвенною въ памяти не только Россіянъ, но и всей Европы, ободряетъ меня просить Милостивой Защиты въ Храмѣ Вашего Великодушія.

Я изъ числа тѣхъ невинно-страждущихъ, которые заключены въ темницу по сомнѣнію участія въ дѣлѣ случившагося въ Столицѣ произшествія въ 14 день декабря 1825 года; но я совершенно чуждъ сего ужаснаго умысла Заговорщиковъ.—По увольненіи Моемъ изъ Бендерскихъ жителей, возимѣлъ я Ревностное желаніе отправиться на Собственномъ Иждивеніи въ Грузію, для Поступленія въ Статскую Службу. Прибывши въ Тифлисъ, Находился долгое время удручень Свирѣпствующими въ Томъ Краѣ Болѣзнями, поступилъ въ Исполнительную Экспедицію, Которая представила въ Правительствующій Сенатъ объ утвержденіи меня въ Канцелярскомъ Званіи, но, прослужившп въ Оной пять месяцевъ, Получилъ я изъ С.-Петербурга Партикулярное Письмо, что Сенатъ не Соблаговоляетъ утвердить Меня въ Семъ Званіи, потому что я изъ Податнаго Сословія. Получивъ Сіе Горестное для Меня Извѣстіе, съ Сокрушеннымъ Сердцемъ, съ Потерею Здоровья и Значительными Издержками, Принужденнымъ себя нашолъ увольниться изъ Экспедиціи.—Получивши о Безпорочной Моей Службѣ Аттестатъ, Продавши часть бѣднаго моего Имущества, Рѣшился ѣхать въ Одессу и посвятить себя Коммерціи.

На Пути Моемъ изъ Грузіи, остановился я зимовать въ Ростовѣ, собственно потому, что у меня оставалось весьма мало

---

[1]) О «деле» В. И. Сухачева и его сообщников см. наш специальный экскурс «Одесские вольнодумцы Пушкинской поры» («Былое» 1923 г., № 23, стр. 49—56).

денегъ, такъ же и за слабостью моего Здоровья; въ семъ Случаѣ предпринялъ намѣреніе продать Собственную Мою Библіотеку,— Единственное мое Сокровище, которую тщательно я собиралъ 12 лѣтъ, и послѣ сего по весиѣ продолжать предпринятый мною путь. Живши въ Ростовѣ я былъ извѣстенъ Полиціи, присягалъ на вѣрность и подданство Государю Императору Николаю Павловичу, велъ себя сообразно правиламъ, благочинія и не подалъ ни малѣйшей причины къ Нарушенію Общаго Спокойствія; но не знаю по какому поводу, тамошній Городничій возимѣлъ во миѣ Подозрѣніе и отправилъ Меня 25 февраля къ Господину Таганрогскому Градоначальнику.

Между Моими Бумагами находились Іероглифическія Азбуки, которыя отобраны отъ меня Полиціею, есть не иное что, какъ плоды праздпаго времени, сдѣланныя безъ всякой цѣли; равно какъ и въ перепискѣ съ друзьями Моими Егоромъ Радуловымъ и Михаломъ Аристовымъ, находятся выраженія въ разныхъ отрывкахъ между бумагами, написанныя безо всякаго умысла и совершенно безъ смысла, есть не иное что какъ плоды Безразсудной Молодости, могущія случиться со всякимъ Молодымъ человѣкомъ, воспитаннымъ въ такомъ городѣ, гдѣ существуетъ университетъ или другія учебныя заведенія. Сіятельнѣйшій Графъ! Ежели я подвергаюсь страданію за это, то къ оправданію моему могутъ послужить многія книги съ безчисленными выраженіями и Сочиненія Лучшихъ Россійскихъ Авторовъ, при чтеніи которыхъ, я и мои друзья иногда дѣлали изъ Любопытства наши выписки. Всѣ Сіи Бумаги отправлены къ Вашему Сіятельству на Разрѣшеніе, отъ котораго и зависитъ Судьба Нещастныхъ Арестантовъ.

Дружба моя съ Радуловымъ и Аристовымъ состояла единственно въ томъ, чтобы честнымъ образомъ помогать одинъ другому, быть Вѣрными нашему Государю и повиноваться Монаршей Волѣ, Исполнять всѣ обязанности возложенныя на насъ Начальниками, быть добрыми и жить въ единодушіи. Истина сего изложенія можетъ быть подтверждена всею нашею перепискою, такъ же и засвидѣтельствована Грузинскимъ начальствомъ, въ которомъ я и мои друзья имѣли щастіе служить. Я имѣлъ и имѣю не преоборимое желаніе съ Ревностью продолжать службу, и никогда бы не оставилъ Тифлиса, ежели бы былъ утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ въ Канцелярскомъ Званіи.

Сіятельнѣйшій Графъ! Монархъ вручилъ Вамъ Жезлъ Правосудія для пораженія пороковъ и пресѣченія злоупотребленій;— Праведное Ваше Исполненіе Власти, грозной для злодѣевъ, должно приводить въ ужасъ Своевольство, гибельное для общественнаго Благоустройства; но сія самая власть Благосклонна къ Невинно-страждущимъ, освобождающая изъ оковъ заключенныхъ въ темницѣ узниковъ, открываетъ мнѣ путь во святилище Вашихъ Милостей. Осмѣливаясь Вашего Сіятельства Всѣпокорнѣйше просить о Разрѣшеніи участи моей и моихъ друзей, умоляю Васъ! Спасите безвинныхъ, наказанныхъ уже всею Строгостію тюремнаго заключенія. — да присовокупятся ко многимъ мольбамъ облагодѣтельствованныхъ Вами Людей и мои мольбы ко Всевышнему Творцу о Вашемъ Благодѣяніи, и да исполнится весь свѣтъ добродѣтелей Вашихъ.

Повергаясь съ Глубочайшимъ Высокопочитаніемъ въ Лоно Милосердія Вашего, Имѣю щастіе Быть, Сіятельнѣйшій Графъ! Вашего Сіятельства, Милостивѣйшаго Государя, Всепокорнѣйшій Слуга.

Василій Сухачевъ.

Таганрогскій
Тюремный Замокъ
9 Іюня 1826.

МЫТАРСТВА ДЕКАБРИСТА РИНКЕВИЧА.

Перед самым раскрытием тайных организаций во второй армии был принят в Южное Общество проживавший в семействе известных деятелей заговора Юшневских воспитанник Благородного Пансиона при Московском Университете Иосиф Ринкевич. Прием молодого человека в Тайное Общество, как свидетельствовал в своих показаниях Н. С. Бобрищев-Пушкин [1]), продиктован был необходимостью «в последнее время» отправки из Тульчина «каких-то известий» к П. И. Пестелю, при чем самое поручение это (в «Алфавите» оно разъяснено, как предупреждение Пестеля ген. Юшневским и кн. Барятинским «о смерти покойного государя») не могло быть, очевидно, возложено на человека, чуждого замыслам заговорщиков. Комитет для следственных изысканий о злоумышленных обществах отнесся к «дворянину Рынкевичу», вся работа которого в тайных обществах ограничилась лишь ролью случайного курьера Тульчинской Управы, довольно снисходительно: Верховному уголовному суду он предан не был, и меры предосторожности в отношении Ринкевича на будущее время ограничились «поручением секретному надзору местного начальства с ежемесячным донесением о поведении его» [2]).

Проживая во время следствия и суда над декабристами в Подольской деревне Юшневских (Ольгопольского повета с. Хрустовая [3]), молодой человек, по-своему «сиротству и бедности», не

---

[1]) М. В. Довнар-Запольский. Мемуары Декабристов, Киев. 1906, стр. 280.

[2]) «Список лиц, названных членами обществ, составившихся после уничтожения Союза Благоденствия, но по маловажности показаний не требовавшихся к следствию» (Н. К. Шильдер, «Император Николай I», С.-Пб. 1903, 1, 775).

[3]) Здесь же проживал в это время, под надзором полиции, отбывший заключение в крепости товарищ Ринкевича по Моск. Унив. Пансиону и Южному тайному обществу — Семен Петрович Юшневский.

мог долго оставаться без определенных занятий и, как установил «из разговоров» Ольгопольский исправник, ближайшим образом наблюдавший за «поведением» Ринкевича, он к осени намеревался «отправиться в Кишинев для приискания себе места по гражданской службе». Осведомленный о намерениях поднадзорного, Подольский губернатор немедленно известил о них министра внутренних дел В. С. Ланского, а последний, в свою очередь, обратился 11-го сентября 1827 г. за разъяснением к начальнику III Отделения и шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, «дозволено ли будет снабдить Ринкевича надлежащим видом, в случае, что он пожелает удалиться куда-либо из Подольской губернии». Не разрешая вопроса принципиально, А. Х. Бенкендорф направил представление В. С. Ланского в Варшаву «на благоусмотрение» великого князя Константина Павловича, который «в уважение того, что Ринкевич принят был в общество злоумышленников пред самым открытием оного и вообще ни о чем в сем обществе происходившем не знал, теперь же, по уверению Подольского губернатора ведет себя скромно, уединенно, не входит ни в какие связи и отличается кротостью и хорошею нравственностью», уведомил шефа жандармов, что «не находит причины препятствовать ему в переезде его в Кишинев, для вступления в гражданскую службу, с тем, чтобы для предосторожности, учрежден был за ним в Кишиневе секретный надзор местной полиции». 18-го ноября 1827 г. резолюция великого князя была сообщена А. Х. Бенкендорфом министру внутренних дел, а 30-го того же месяца о ней осведомлен был исполняющий должность Новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области тайный советник граф Пален.

Затянувшаяся административная переписка [1]) не позволила поднадзорному декабристу своевременно привести в исполнение план переселения в Кишинев. Возможно, что некоторая задержка в деревне обусловлена была и отсутствием необходимых «рекомендаций», без которых поступление на государственную службу для бывшего члена Тайного Общества вообще было более, чем

---

[1]) Архив III Отдел. Собств. его велич. Канц., 1826 г., № 61, ч. 191. Ср. Архив Ден. полиции исполнит. Мин. вн. дел, 1826 г. № 306, л. 1.

проблематично. Только 27-го мая 1827 г. Рынкевич заручился письмом главнокомандующего 2-й армией графа Витгенштейна к графу Ф. П. Палену [1]) и в конце июня с этим письмом прибыл в Одессу [2]).

Милостивый Государь
Графъ Федоръ Петровичъ!

Вручитель сего дворянинъ Іосифъ Рынкевичъ, обучавшійся въ Благородномъ Пансіонѣ Московскаго университета, сдѣлавшись по приключившейся ему болѣзни неспособнымъ къ поступленію въ военную службу, желаетъ нынѣ опредѣлиться въ статскую подъ начальствомъ Вашего Сіятельства.

Изъ уваженія къ молодымъ сего дворянина лѣтамъ, а также и недостаточному состоянію, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, принять его подъ свое покровительство опре-

---

[1]) Как отмечает в своих Записках член Южного тайного общества Н. В. Басаргин, главнокомандующий 2-ой армией «граф Витгенштейн, герой 12 года, был вполне добрейший и отличный человек. Он пользовался во всей России и в Европе огромной военной репутацией. Эта репутация была, может быть, несколько преувеличена; впрочем, я не раз слышал от Пестеля, который был при нем во время кампании 12-го года, что он действительно имел верный военный взгляд и замечательную храбрость. В это время он был уже в преклонных летах и мало занимался службою, предоставляя все управление армией начальнику Главного Штаба. Сверх того, он был не очень любим покойным императором Александром. Некоторые приписывали это его огромной народности, что будто бы не нравилось государю; но я думаю скорее потому, что граф пренебрегал службою в мирное время и не умел быть царедворцем. Во время командования второю армиею он жил более в своем поместье, находившемся в 70 верстах от Тульчина, и с увлечением занимался хозяйством, уделяя неохотно самое короткое время на дела служебные. Вообще, его все любили, и он готов был всякому, без исключения, делать добро, нередко даже со вредом службе. Сын его Людвиг... был членом нашего Общества» («Записки Н. В. Басаргина», Пгр. 1917 г., стр. 3—4).

[2]) Архив Новорос. и Бесс. генерал-губернаторства (А.Г.Г.) часть секретная, 1826 г., № 27. Дело по отнош. управ. Мин. вн. дел о дворянине Рынкевиче, проживавшем в Ольгопольском повете под надзором полиции, л. 8.

дѣленіемъ къ мѣсту, соотвѣтственному его познаніямъ и способностямъ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

Вашего Сіятельства

Покорнѣйшій слуга

Графъ Витгенштейнъ.

27 мая 1827.
М. Тульчинъ.

Его Сіятельству
Графу Ф. П. Палену.

К моменту появления в Одессе Ринкевича, город этот уже успел совершенно изжить те тщательно вытравляемые в нем с 1823 г. традиции «демократической республики», «местного либерализма» и тайного «гнезда заговора», которые неразрывно были связаны в представлениях высших правительственных кругов с главным городом Новороссии [1]). О том, как переживала Одесса последекабрьскую реакцию, всего лучше можем мы судить по относящемуся к 8-му июня 1827 г. секретному донесению на имя начальника Главного Штаба от одного из тех тайных агентов, которые разосланы были в это время по всей России для ознакомления с общественными настроениями на местах и действиями провинциальной администрации:

«Все, что я только могъ въ продолженіе трехнедѣльнаго пребыванія моего въ городѣ Одессѣ замѣтить и слышать отъ разныхъ лицъ, заключается въ слѣдующемъ:

О духѣ и образѣ мыслей здѣсь живущихъ дворянъ, негоціантовъ и разнаго званія людей ничего болѣе нельзя сказать, кромѣ того, что вниманіе всѣхъ устремлено къ пріобрѣтенію богатствъ; всякій по своей части поднимается на аферы и употребляетъ всѣ способы къ сдѣланію выгоднаго оборота, какимъ бы то образомъ ни было. Это, можно сказать, составляетъ почти всякаго ежедневное занятіе. О политическихъ сужденіяхъ и разсказахъ но-

---

[1]) «Как по всему делу видно, что в Одессе должно быть гнездо заговора»—писал император Николай 12-го декабря 1825 г. о своих впечатлениях от извета Шервуда ген.-ад. бар. Дибичу (Н. К. Шильдер, «Николай I», т. I, 247). Ср. Д. Атлас: «Старая Одесса, ее друзья и недруги» («Труды слушат. Одес. Высш. жен. курсов», I, вып. 2, Одесса. 1911).

востей ни отъ кого не услышишь. Я замѣтилъ, что даже въ клубахъ, казино и другихъ публичныхъ собраніяхъ никакихъ политическихъ журналовъ не имѣется, кромѣ «С.-Петербургской газеты», «Сенатскихъ Вѣдомостей» и коммерческихъ газетъ, которыя читаютъ съ большимъ вниманіемъ. Повидимому, даже греки не много заняты своими единоземцами.

Правленіемъ графа Воронцова всѣ вообще не такъ довольны; говорятъ о немъ, что онъ дѣлами весьма мало занимается, не входитъ въ подробности, какъ бы слѣдовало, полагается на своихъ чиновниковъ, которые, какъ слышно, не безъинтересны. Бумаги по восьми и десяти дней лежатъ безъ подписи; ввѣряется нѣкоторымъ своимъ любимцамъ, кои дѣйствуютъ въ дѣлахъ почти по своему произволу; онъ же неприступенъ.

Производство дѣлъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ идетъ медленно и сопряжено съ издержками тяжущихся или, лучше сказать, рѣшеніе дѣлъ основано на интересѣ.

Кромѣ безпечности его въ отношеніи текущихъ дѣлъ, еще замѣтно слѣдующее: въ городѣ нечистота до такой степени, что осенью и весною даже по большимъ улицамъ почти проѣзду нѣтъ, несмотря на то, что мостовыя, какъ говорятъ, стоили милліоновъ, и при ежегодной починкѣ оныхъ не было обращено вниманіе сдѣлать для стоку воды канавы до сего времени и не заботились о пріисканіи дикаго камня.

О Лицеѣ говорятъ, что оный, какъ въ отношеніи ученья, равно и нравственности питомцевъ, дошелъ было до такого жалкаго состоянія, что родители стали отнимать дѣтей своихъ, опасаясь худыхъ послѣдствій такого воспитанія; но со вступленіемъ новаго директора всѣ, видя его неутомимую дѣятельность и строгую нравственность и имѣя надежду, что стараніемъ его возстановится порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ, стали опять отдавать дѣтей своихъ не токмо жители Одессы, но даже привозить и изъ дальнихъ мѣстъ.

Въ Городовомъ Магистратѣ также большіе безпорядки: хорошіе купцы уклоняются отъ выборовъ потому, что у нихъ бываютъ такіе расходы, кои при сдачѣ должности нельзя показать въ формальныхъ отчетахъ, и сіи падаютъ всегда на ихъ собственность, отчего въ мартѣ мѣсяцѣ еще не были выбраны новые судьи, кои должны были быть выбраны въ декабрѣ.

Въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, какъ говорятъ, долженъ быть большой ущербъ, потому что деньги раздаваемы были подъ залогъ домовъ, заводовъ и проч., кои по слабости начальства были оцѣнены слишкомъ дорого; но когда они за неплатежъ подверглись аукціонной продажѣ, то за нихъ не даютъ той суммы, въ коей были заложены.

Въ разговорахъ же съ нѣкоторыми насчетъ графа Палена всѣ относятся о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, дѣятельномъ и достойномъ занимать ту должность, которую обнимаетъ во всѣхъ частяхъ и въ состояніи былъ бы исправить всѣ существующіе безпорядки, если бы не былъ въ зависимости отъ графа Воронцова, и притомъ, окруженный всѣми его чиновниками, не можетъ принять мѣръ къ улучшенію нѣкоторыхъ частей» [1]).

Таковы были впечатления тайного правительственного агента от города, на плодотворную работу в котором имел все основания рассчитывать прибывший к графу Палену молодой декабрист. Однако, надежды Ринкевича на получение службы в Одессе не оправдались. Столь возвеличенный в рапорте штабного шпиона, граф Пален в действительности ничем не мог никому импонировать: сухой, ограниченный формалист, крайне тяготившийся и своей должностью (заместителя находящегося по служебным и личным делам в столице графа М. С. Воронцова), и самым пребыванием в нелюбимой им Новороссии, он — по авторитетному свидетельству ген. П. Д. Киселева — «не знал ни языка, ни законов наших» и свою административную работу ограничивал «беспрекословным подписыванием бумаг», изготовляемых в генерал-губернаторской Канцелярии [2]). Под предлогом отсутствия подходящих вакансий, он, прежде всего, постарался выпроводить из Одессы скомпрометированного участием в Тайном Обществе просителя, и — так как тот «повторил прежнее свое желание служить в Бессарабии» — граф Пален «обратил сего молодого человека» к Бессарабскому гражданскому губернатору В. Ф. Тимковскому [3]). Как свидетельствует отношение последнего в Одессу от 9-го июля 1827 г., тотчас по прибытии

---

[1]) «Русск. Стар.» 1897, IV, стр. 33—34.

[2]) Письмо П. Д. Киселева к А. А. Закревскому из Тульчина, от 26-го окт. 1824 г. (Сборн. Русск. Истор. Общества, т. 78, 1891 г., стр. 119).

[3]) А.Г.Г., л. 9.

Рынкевича в Кишинев (2-го июля), «над ним принято было здешнею полициею секретное наблюдение»; что же касается предоставления прибывшему какой-нибудь работы, то губернатор глухо «присовокуплял» лишь о том, что «о роде службы Рынкевича, какую он изберет здесь, я не упущу впоследствии представить Вашему Сиятельству» [1]).

В. Ф. Тимковский, в распоряжении которого оказался злополучный курьер Тульчинской Управы Южного тайного общества, представлял собою администратора не совсем обычного типа. Воспитанник Киевской Духовной Академии и Московского Университета, чиновник Государственной Канцелярии при Сперанском, впоследствии сотрудник Н. С. Мордвинова и А. С. Шишкова, он по своем назначении в 1825 г. Кишиневским губернатором настолько уже опустился, что зарекомендовал себя здесь лишь «недеятельностью, пьянством и совершенным пренебрежением к обязанностям своей должности». По едкой характеристике Ф. Ф. Вигеля, «родившись в веке филозофизма и либерализма, он не веровал ни в бога, ни в добродетель, мысленно ставил себя выше всех, не питая ненависти к людям, но глубочайшее презрение к ним и к самым серьезным, самым важным их предприятиям. Он думал только забавляться ими и, не думая, забавлял их. Всякою должностью он брезгал и чувством превосходства своего извинял в себе другой порок, — чрезвычайную леность» [2]). Все эти особенности душевного склада Тимковского не помешали Пестелю считать его в числе членов предполагаемого Кавказского тайного общества; сведения эти были слишком фантастичны, чтобы привлечь В. Ф. Тимковского к дознанию, но в «Алфавит Декабристов» он все-таки был, на всякий случай, внесен.

Так или иначе, встреча поднадзорного декабриста с губернским циником и мизантропом, несомненно боявшимся себя скомпрометтировать новым знакомством, не сулила ничего положительного. И действительно, уже 12-го июля, с негодованием, прорывающимся даже сквозь условные рамки полуофициального обращения [3]), Рынкевич извещал графа Палена о следующем:

---

[1]) А.Г.Г., л. 10.

[2]) Воспоминания Ф. Ф. Вигеля, М. 1893, ч. VII, стр. 54 — 56.

[3]) А.Г.Г., л. 11.

Ваше Сіятельство
Милостивый Государь!

Имѣя честь получить рекомендательное письмо отъ Вашего Сіятельства къ Кишиневскому Гражданскому Губернатору и пользуясь покровительствомъ Главнокомандующаго 2-й Арміей Графа Витгенштейна, я питалъ себя надеждой, что получу въ Кишиневѣ приличное для себя мѣсто; но послѣ нѣсколькихъ моихъ посѣщеній Василій Федоровичь объявилъ, что я здѣсь не получу никакого мѣста и сожалѣетъ, что не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта на письмо Вашего Сіятельства, и послѣ многихъ моихъ прозьбъ Господинъ Губернаторъ совѣтовалъ мнѣ какъ можно больше веселиться въ Кишиневѣ.—Получа такой невыгодный пріемъ отъ Господина Тимковскаго, я нахожусь въ такомъ затруднительномъ положеніи, что не смѣю уже явиться съ письмомъ къ здѣшнему Господину Вицъ-Губернатору.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть
Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя
Всепокорнѣйшій слуга
Іосифъ Ринкевичь.

Кишиневъ.
12 іюля 1827 г.

Письмо это оставлено было без ответа. Тщетно ожидая последнего, Ринкевич еще несколько недель оставался в Кишиневе — и только в конце августа, как видно из полицейского рапорта, выехал оттуда в Тульчин.

Для провинциальной администрации, совершенно терроризированной беспощадной ликвидацией действенного и интеллектуального «декабризма», оказались мало убедительными и благожелательный отзыв о Ринкевиче цесаревича Константина, и необычная снисходительность к нему А. Х. Бенкендорфа, и «покровительство» гр. Витгенштейна. Мытарства случайного декабриста продолжались еще шесть лет, до самого конца 1833 г., когда, по особому представлению Подольского генерал-губернатора, «бывший в обществе злоумышленников дворянин Ринкевич» был «для беспрепятственного вступления в службу» освобожден от тяготевшего над ним тайного надзора.

Ю. Оксман.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА «ОБЛЕГЧЕНИЯ УЧАСТИ» А. А. БЕСТУЖЕВА.

«Мне пишут, будто я переведен по инвалидам в 10-й Черноморский батальон, в Кутаис. Это мало отрады. Мингрельские лихорадки свирепствуют там, а жаркий климат вообще для меня гибелен — сообщал А. А. Бестужев 15-го ноября 1836 г. брату. Если это сделано, снисходя на письмо мое, писанное к графу Бенкендорфу, милость для меня важна, как знак благоволения, но в сущности нисколько не улучшает моей судьбы. Боже мой, боже мой! Когда я кончу это нищенское кочевание по чужбине, вдали от всех средств к занятиям?! Об одном молю я, чтоб мне дали уголок, где бы я мог поставить свой посох и, служа в статской службе государю, служил бы русской словесности пером. Видно не хотят этого. Да будет! Но могу ли, гоняемый из конца в конец, не проводя двух месяцев на одном месте, без квартиры, без писем, без книг, без газет, то изнуряясь военными трудами, то полумертвый от болезней, не вздохнуть тяжело и не позавидовать тем, которые уже кончили земное скитальничество» [1]). Весь во власти этих тягостных переживаний, физически и интеллектуально надломленный одиннадцатью годами лишений — Петропавловской крепости, форта «Слава» в Финляндии, ссылки в Сибирь и солдатской лямки на Кавказе — он в следующем своем письме, от 19-го декабря, мог поделиться с братом лишь некоторыми случайными сведениями об обстоятельствах, обусловивших предстоящий его переезд:

---

[1]) «Отеч. Зап.» 1860, VII, 66. Письмо А. А. Бестужева к гр. А. Х. Бенкендорфу до сих пор остается неизвестным, но, возможно, что именно к нему относится та цитата из «прошения» Бестужева от 13-го июля 1836 г., которую приводит в своей книге «Декабристы кн. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский. Их жизнь и литературная деятельность», С.-Пб. 1907, Н. А. Котляревский: «Одна и единственная мольба перед Отцом Монархом есть: увенчать свои благодеяния дарованием затишья этой бедами и раскаяньем измученной душе» (стр. 204).

«Вот история этого перевода: граф Воронцов видел меня летом больного в Керчи и принял участие в моей судьбе. Он ходатайствовал перед государем императором о переводе меня в статскую службу в Крым или для сношения с горцами, оставив в военном чине. Высочайшего соизволения не последовало, но меня, по расстроенному здоровью, перевели в 10-й Черноморский батальон из Гагр в Кутаис. Ты знаешь этот край и потому судить можешь, как благотворен Мингрельский климат для полубольного. Между тем, я прослужил экспедицию, и с нового года из Тамани, где был прикомандирован к Тенгинскому полку, еду кочевать в ужаснейшую пору года за Кавказ. Видно, в могиле только успокоюсь я» [1]).

В существеннейших частях восполняя, исправляя и до конца расшифровывая прежние скудные данные о неудавшихся официальных попытках облегчения участи Бестужева, секретные материалы архива Новороссийского генерал-губернаторства позволяют совершенно документально восстановить одну из последних страниц биографии погибшего 7-го июня 1837 г. у мыса Адлер основоположника и пропагандиста русского романтизма.

Во время объезда Новороссийским генерал-губернатором гр. Воронцовым Черноморско-Азовского побережья, ему представлен был летом 1836 г. в Керчи прапорщик «из декабристов» А. А. Бестужев. Репутация выдающегося романиста современности и героический ореол в войсках Кавказской линии обеспечивали внимание к нему начальника края, а предстательство давнишнего знакомого Бестужева — Таврического губернатора А. И. Казначеева [2]) несомненно заранее располагало гр. Воронцова

[1]) «Отеч. Зап.». 1860, VII, 68.

[2]) А. И. Казначеев (1788 — 1880), человек с большими литературными связями, Таврический губернатор и Феодосийский градоначальник, бывший правитель Канцелярии гр. М. С. Воронцова в годы пребывания в Одессе Пушкина. Все писавшие о нем единодушно отмечают его высокую честность, прямоту и благородство («белый голубь» — по определению С. Т. Аксакова), а также «либеральное, редкое в то время направление» (О. О. Чижевич, «Город Одесса и Одесское общество в 1837—1877 гг.» в сборнике Л. М. Де-Рибаса: «Из прошлого Одессы», 1894 г., стр. 31). Ср. «Архив Раевских», т. II, 230.

в пользу опального писателя. Возможность оставления им службы, равно как и возвращения на север была, конечно, совершенно исключена, но перевод, при поддержке гр. Воронцова, из действующей армии в один из городов побережья, — например, в Керчь, пребывание в которой открывало некоторые перспективы культурной работы, представлялся и самому Бестужеву, и его покровителям вполне в это время осуществимым.

Соблюдая чрезвычайную осторожность и не рискуя даже отдаленно касаться своих планов в переписке, подлежащей всем случайностям перлюстрации, А. А. Бестужев в письме к братьям Николаю и Михаилу от 19-го июня 1836 г. посвятил лишь несколько самых общих строк своим Керченским впечатлениям: «Керчь, старинная Пантикапея, из пепла возникающий городок, премиленькой наружности, у слияния Азовского и Черного морей. Он родился и крещен под крылом графа Воронцова, вельможи, которого каждый шаг есть уже доброе дело. Здесь все суда, идущие в Таганрог, очищаются карантином, и уже вольно идут на сгруз в Азовское, а потому, не имея своей торговли, жители бедны, и надо дивиться, как в такое короткое время Керчь так отстраивается. Окружена курганами, богатыми древностями, открывают много золота. Музей ее стоит внимания и изучения; почва еще более: вся почти состоит из обломков горшков и стен» [1]).

По этим строкам можно судить, как волновала романтическое воображение Бестужева воскресающая Пантикапея, стремление добиться оставления в которой даже заставило его усвоить на время роль, совершенно не уясненную в своих основаниях и поэтому с излишней суровостью осужденную в недавно дошедших до нас воспоминаниях доктора Э. С. Андреевского, состоявшего в свите гр. М. С. Воронцова: «Я знал Бестужева с 1836 г. Он шел с нами на корвете «Ифигения» из Керчи в Суджук-Кале и вдоль по восточному берегу. Сознаюсь, что личность его оставила во мне не совсем приятные впечатления. С мордою Петербургского аристократа он соединял незавидные качества чванливого и, кажись, недоброго характера. Он все терся возле знати и влиятельных лиц, которых ловил, чтобы витийствовать

---

[1]) «Русск. Вести.» 1870, VII, 68 — 69.

перед ними. На нашего брата он смотрел свысока, почти что с пренебрежением, но вместе с тем и не без зависти, в архалуке, с черными длинными усами, напомаженною головою и сверкающими огненными глазами он любил рисоваться» [1]). Случайный наблюдатель и не подозревал, разумеется, что с линией поведения Бестужева на генерал-губернаторском корвете связан был вопрос о всем будущем невольно «трущегося возле знати» декабриста, — и малейшие сомнения любого из «вельмож» могли разрушить его последние надежды на спасение. Обстоятельства продолжали, однако, складываться для Бестужева вполне благоприятно. Гр. Воронцов не только согласился передать начальнику III Отделения А. Х. Бенкендорфу ходатайство Бестужева о переводе куда-либо на службу «по гражданской части», мотивированное как страданиями «от пагубного влияния знойного климата в Гаграх на здоровье, расстроенное уже от несчастий и военных трудов», так и стремлением «быть полезным отечеству и употребить досуг на занятия словесностью», — но с своей стороны — подкрепил это ходатайство особым представлением о назначении Бестужеву жительства в Керчь-Еникале «с употреблением на службу при тамошнем градоначальнике; сношения сего города с Черноморьем и Закавказским краем представляют Бестужеву возможность употребить с пользою для службы приобретенные им о том крае сведения».

Случай для передачи этих бумаг по назначению представился гр. Воронцову около середины сентября, а 20-го этого же месяца последовала уже на докладе А. Х. Бенкендорфа о Бестужеве неожиданно жестокая резолюция императора Николая: «Мнение гр. Воронцова совершенно неосновательно; не Бестужеву с пользой заниматься словесностью; он должен служить там, где сие возможно без вреда для службы. Перевесть его можно, но в другой баталион» [2]).

До сведения гр. Воронцова резолюция эта была доведена в значительно смягченной форме: «Г. генерал-адъютант гр. Бенкендорф — официально извещал Новороссийского генерал-губер-

---

[1]) «Из архива К. Э. Андреевского», т. I, Одесса. 1913, стр. 234 — 235 (издание в продажу до 1920 г. не поступало).

[2]) П. Е. Щеголев, «Николай I и декабристы», Игр. 1919 г., стр. 13 (первонач. в «Гол. Минув.» 1913, XI, 199).

натора управляющий III Отделением А. Н. Мордвинов — имел счастие докладывать государю императору доставленную при письме Вашего Спятельства просьбу прапорщика Бестужева о переводе его, по случаю расстроенного его здоровья, из военной в гражданскую службу. Его величество, не изъявив на сие соизволения, всемилостивейше повелеть изволил перевесть Бестужева из 5-го Черноморского Баталиона, расположенного в крепости Гаграх, где климат оказывается для него вредным, в другой баталион. О сем я, за отсутствием графа Александра Христофоровича, имею честь довести до сведения вашего спятельства, присовокупляя, что высочайшая воля на счет перевода Бестужева в другой баталион сообщена вместе с сим, к исполнению, Г. Военному Министру» [1]).

О результатах своих хлопот гр. Воронцов 13-го ноября 1836 г. письменно уведомил А. И. Казначеева, ссылаясь на участие его в этом деле, а также «по случаю нахождения г. Бестужева в Крыму». Письмо гр. Воронцова к А. И. Казначееву явилось как бы некоторым комментарием к лаконическим строкам незадолго до того опубликованного приказа по Военному ведомству о переводе прапорщика 5-го линейного Черноморского батальона Бестужева в 10-й батальон, в Кутаис. Вместо желанного освобождения, Бестужева. только что возвратившегося из тяжелого похода за Кубань, ожидало извещение о значительнейшем ухудшении его прежнего положения [2]).

Полное отчаяния обращение к гр. Воронцову необычайно

---

[1]) Архив Новороссийского Генерал-Губернаторства. Дело по частной канцелярии гр. М. С. Воронцова о прапорщике Бестужеве, просившем перемещения из военной в гражданскую службу. 1836 г., № 74, на 11 листах.

[2]) Бар. А. Е. Розен в «Записках Декабриста» (Лейпциг. 1870 г., стр. 367) передает характерный слух о попытке В. А. Перовского перевести Бестужева на службу в Оренбургский край, при чем «сверху» вместо ответа якобы последовала резолюция: «Бестужева следует послать не туда, где он может быть полезнее, а туда, где он может быть безвреднее». Документального подтверждения рассказ бар. Розена до сих пор не получил и, возможно, что он целиком основан на неизвестных ранее данных о вмешательстве в «дело Бестужева» гр. Воронцова, самое имя которого заменено было в ошибочной версии мемуариста именем другого Николаевского администратора — В. А. Перовского.

ярко характеризует настроение А. А. Бестужева перед вынужденным отъездом его в Грузию [1]):

Сіятельнѣйшій Графъ.

Его Превосходительство Александръ Ивановичь Казначѣевъ увѣдомилъ меня о Высочайшемъ отказѣ на представленіе Вашего Сіятельства: о назначеніи меня в Керчь, въ военномъ званіи для сношеній съ Горцами. Чѣмъ лестнѣе было вниманіе Вашего Сіятельства, чѣмъ отраднѣе участіе Вашей истинно высокой души, тѣмъ большимъ прискорбіемъ поразила меня вѣсть, что я не могу горячимъ усердіемъ и всѣми усиліями нравственныхъ силъ доказать преданность мою къ Престолу и признательность за отеческое предстательство Ваше. Но я смиряюсь передъ перстомъ меня испытующимъ. Успѣхъ всего человѣческаго зависитъ отъ воли Бога и Власти имъ поставленной. Мой долгъ утѣшительный, священный долгъ благодарности Вамъ, Графъ, за желаніе блага, какъ бы за исполненіе желаній; и я надѣюсь, что благодарность эта переживетъ меня.

Александръ Ивановичъ присовокупляетъ, что вмѣсто испрашиваннаго перевода Государь Императоръ соблаговолилъ позволить мнѣ избрать для служенія любой полкъ Кавказскаго Корпуса. Но такъ какъ я доселѣ не имѣю о семъ Монаршемъ соизволеніи никакого официальнаго извѣщенія, а Высочайшимъ приказомъ отъ 15-го октября переведенъ безъ всякаго съ моей стороны согласія, изъ 5-го Черноморскаго баталіона, въ 10-й, въ г. Кутаисъ, немного лучшій Гагръ по своему политическому быту, но все еще вредный по климату, то осмѣливаюсь усерднѣйше просить Ваше Сіятельство удостоить приказать меня и начальство мое о сей Волѣ Государя увѣдомить; дабы опираясь на то, я могъ ходатайствовать о переводѣ изъ гарнизона, гдѣ осужденъ я тлѣть безъ случаевъ къ отличіямъ, въ какой-либо полкъ, въ рядахъ котораго можно положить голову съ честью. Иначе, всѣ благодѣтельныя мѣры Ваши къ улучшенію моей участи исчезнутъ безъ слѣда подобно звуку.

---

[1]) Op. cit., лл. 3 и 8.

Едва возвратясь изъ многотрудной экспедиціи за Кубанью — я долженъ съ Новаго года начать мое тяжкое кочеванье въ Тифлисъ и въ Мингрелію — царство лихорадокъ, и предать свое полуразрушенное здоровье прихотямъ жаркаго климата надолго, можетъ навсегда. Не могу однакожъ исторгнуть изъ моего сердца надежды: когда-нибудь служить подъ благотворительнымъ начальствомъ Вашимъ — эта надежда жизнь моего сердца!

Ожидая благосклоннаго соизволенія Вашего Сіятельства и проникнутый глубочайшимъ уваженіемъ къ доблестямъ Вашимъ, съ полною преданностію честь имѣю быть,

Вашимъ
Сіятельнѣйшій Графъ,
Покорнѣйшимъ слугою,
Александръ Бестужевъ,
Черноморскаго Линейнаго № 10-го Батальона прапорщикъ.

5 декабря 1836.
г. Керчь.

Ответ гр. Воронцова, о содержании которого мы можем судить по исчерканному черновому отпуску в том же деле частной канцелярии Новороссийского генерал-губернатора (л. 4 и 7), к которому приобщено было и письмо А. А. Бестужева, заготовлен был одновременно с официальным отношением на имя командира Кавказскаго корпуса бар. Г. В. Розена [1]).

Милостивый Государь
Александръ Андрѣевичь!

Получивъ письмо Ваше отъ 5-го декабря, и полагая, что съ сообщеніемъ вамъ Высочайшей Государя Императора воли на просьбу вашу, Александромъ Ивановичемъ Казначеевымъ, произошло какое-нибудь недоразумѣніе, поспѣшаю увѣдомить Васъ

[1]) В письме гр. Воронцова А. А. Бестужев ошибочно именовался «Андреевич» вместо «Александрович».

о полученномъ мною отъ графа А. Х. Бенкендорфа увѣдомленіи что Его Величество, не изъявивъ соизволенія на переводъ Васъ изъ военной въ гражданскую службу, Всемилостивѣйше повелѣть изволилъ: перевесть Васъ изъ 5-го Черноморскаго Баталіона, расположеннаго въ крѣпости Гаграхъ, гдѣ климатъ оказывается для васъ вреднымъ, въ другой баталіонъ, и что таковая Высочайшая Воля сообщена г. Военному Министру къ исполненію. Мнѣ кажется, что на основаніи такового Всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора къ Вашему разстроенному здоровью, вы можете просить о переводѣ Васъ изъ Кутаиса, гдѣ климатъ для васъ также вреденъ, какъ и въ кр. Гаграхъ, — въ другое какое-нибудь мѣсто, Командира Кавказскаго Корпуса Барона Розена, к которому я теперь же о васъ пишу.

24 декабря 1836.
Одесса.

Полуофициальное отношение гр. Воронцова на имя барона Г. В. Розена, которого он, осведомляя вкратце о прежних своих ходатайствах за опального писателя, просил о «благосклонном принятии участия в просьбе г. Бестужева; и если действительно климат Кутаиса вреден для него, то перевести его в другое место, где здоровье его может быть сохранено», — командиром Кавказского корпуса было, очевидно, удовлетворено. «Тлеть без случаев к отличиям» Бестужеву долго не пришлось, и риторическое пожелание его о переводе из гарнизона «в какой-либо полк, в рядах которого можно положить голову с честью», исполнилось очень скоро с буквальной точностью: прикомандированный к Грузинскому гренадерскому полку, он принял участие в военной экспедиции бар. Г. В. Розена к мысу Адлер, где и погиб во время ожесточенной схватки с горцами 7 июня 1837 года.

Ю. Оксман.

III.

Каторга и поселение.

ДЕКАБРИСТЫ НА ПУТИ В СИБИРЬ.

Донесения сенатора князя Б. А. Куракина. 1827 г.

Печатаемые ниже извлечения из донесений сенатора князя Бориса Алексеевича Куракина к шефу жандармов и главноуправляющему III Отделением А. Х. Бенкендорфу приводятся нами по копии с этих донесений, сохранившейся в личном архиве редактора «Русской Старины» М. И. Семевского; последний мог получить их от кого-нибудь из потомков Куракина, знаменитый архив которого, находившийся в не менее знаменитом Саратовском Куракинском имении — селе Надеждине (и в Москве) Семевский издавал с 1890 г. на средства внука князя Б. А. Куракина — Федора Алексеевича, почетного члена Русского Археологического Института. Донесения писаны на французском языке [1]), дошли до нас, к сожалению, не в полном виде [2]), — с недохваткою №№ 9 и 10, — и обнимают время с 14-го мая 1827 г. по 13-е марта 1828 г.; писаны они из Тобольска, Томска и Омска (откуда послано последнее донесение, за № 15) и главным своим содержанием касаются той ревизии Западной Сибири, ради которой был послан туда князь Куракин вместе с другим сенатором — В. К. Безродным. Содержа в себе материал обще-исторического значения, донесения Куракина особенно ценны сведениями, заключающимся в них о тех декабристах, которые в эпоху пребывания ревизоров в Тобольске и Томске следовали на каторгу в различные местности Сибири из Петропавловской, Шлиссельбургской и других крепостей.

Значение печатаемых нами сообщений будет ясно из ознакомления с ними; поэтому, не распространяясь здесь о них, счи-

---

[1]) Мы даем их в русском переводе, сделанном В. Н. Модзалевской.

[2]) В полном составе они, быть может, найдутся в архиве б. III Отделения, — ныне в Историко-Революционном Архиве.

таем небесполезным сказать здесь несколько слов о самом авторе сообщений — князе Борисе Алексеевиче Куракине, умершем 2-го октября 1850 г. в Харькове [1]).

Биография этого человека, совершенно, повидимому, мало одаренного, а может быть даже и безо всяких дарований, очень любопытна своими характеристическими для эпохи чертами. Будучи единственным сыном типичного Екатерининско-Александровского «вельможи» князя Алексея Борисовича Куракина (ум. 1829 г.) и жены его Наталии Ивановны, рожд. Головиной (ум. 1831 г.), князь Борис Алексеевич родился 13-го сент. 1784 г., когда отец его был камер-юнкером и служил в Экспедиции для ревизии счетов; воспитывался он под руководством немца, проф. Брюкнера, «ученейшего и честнейшего человека, но поклонника французских революционных идей»; впрочем, он скрывал от ученика свое вольнодумство и лишь впоследствии стал допускать его присутствовать при своих беседах со Сперанским, в котором Брюкнер имел единомышленника. Сперанский одно время преподавал Куракину закон божий. Быстрая карьера Куракина-отца при Павле, назначившем его генерал-прокурором, отразилась и на сыне, который, уже на 14-м году от роду, был назначен «коллегии юнкером» за обер-прокурорский стол в Сенат, причем служба его была, конечно, лишь номинальной. В сентябре 1801 г. имп. Александр пожаловал юношу Куракина в камер-юнкеры, а в 1802 г. он был причислен к Малороссийскому генерал-губернатору, каковым тогда только что назначен был... его собственный отец, князь Алексей [2]); через два года уже действительный камергер 4-го класса (20-го июля 1804 г.), Борис

---

[1]) Для этого мы пользуемся его формулярным списком (в копии), находившимся в архиве Русского Исторического Общества; некролог Куракина, написанный кн. Н. Г. (Голицыным?), помещен был в «Харьковских Губернских Ведомостях» 1850 г., № 44, стр. 361 — 362. Биография Куракина, не лишенная ошибок и дающая неверное освещение его личности (автор пристрастен к Куракину и слишком его хвалит), напечатана в издании вел. кн. Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий», т. 1, С.-Пб. 1905, № 151, при его портрете; небольшая биографическая заметка есть и в «Остафьевском Архиве», т. III, стр. 424.

[2]) О нем см. книжку И. Ф. Павловского: Очерк деятельности Малороссийского генерал-губернатора князя А. Б. Куракина (1802 — 1808 гг.), Полтава. 1914 г., с портретом.

Куракин в декабре 1807 г., за месяц до увольнения отца из Малороссии и назначения его вслед затем министром внутренних дел, был определен в это же самое Министерство начальником Отделения. В 1808 году, находясь в Вене, он женился на княжне Елизавете Борисовне Голицыной, а в 1810 г. ездил с отцом в Париж для поздравления Наполеона по случаю брака его с Марией Луизой. С февраля 1811 г. он служил уже в Министерстве Финансов — по делам соляным и по Канцелярии — вплоть до 13-го января 1822 года, когда был произведен в тайные советники и назначен сенатором. В этом звании он, в числе других 35 сенаторов, принимал участие в Верховном Уголовном Суде над декабристами [1]). Любопытно при этом отметить, что коронация 22-го августа 1826 г., по случаю которой были рассыпаны щедрою рукою «милости» всем участникам следствия и суда, не принесла Куракину никакой награды (быть может, впрочем, от того, что он еще раньше суда, — к пасхе 1826 г., получил крупную награду — звезду ордена Владимира 2-ой степени большого креста); отец же его, князь Алексей Борисович, в Верховном Уголовном Суде над декабристами бывший членом и заместителем председателя (князя П. В. Лопухина), был награжден высшим почетным отличием — званием канцлера Российских орденов...

14-го февраля 1827 г. состоялся высочайший указ о командировании князя Б. А. Куракина и другого сенатора, В. К. Безродного, для обревизования Западной Сибири [2]). Командировка длилась больше года, и хотя, по возвращении из нее, Куракин и был награжден алмазными знаками ордена Анны 1-ой степени (20-го октября 1828 г.), однако, результаты его поездки были для него не слишком благоприятны, хотя это и сказалось лишь через пять лет: 11-го марта 1833 г. состоялось высочайшее повеление о том, чтобы «поставить на вид ревизовавшим Западную Сибирь сенаторам князю Куракину и Безродному неосновательные их донесения, по которым удален был от должности Тобольский губернатор Бантыш-Каменский, а сего, избавив от всякого взы-

---

[1]) Н. Шильдер, имп. Николай I, т. I.

[2]) 25-го февраля об этой командировке Куракина и Безродного уже сообщал К. Я. Булгаков своему брату из Петербурга в Москву («Русск. Арх.» 1903 г., кн. II, стр. 556); см. еще «Русск. Арх.» 1898 г., кн. III, стр. 513 — 515.

скания, принять вновь на службу»; но еще за неделю до вышеуказанного повеления, 4-го марта 1833 г., Куракин, согласно поданному им прошению, был уволен в отставку... Для нас не так важно знать в подробностях, в чем, собственно, обвинялся Куракин; но ему нужно было совершить очень много вопиющих неправомерных поступков, чтобы навлечь на себя такую, почти неслыханную кару: увольнение в отставку сенатора, единственного сына канцлера (правда, уже за несколько лет перед тем умершего), к тому же одного из богатейших людей своего времени — было явлением чрезвычайным... А о том, как был богат Куракин, можно заключить из того, что только после смерти своего дяди Александра (тоже канцлера), умершего в 1818 году, он получил 5.000 душ крестьян и множество бриллиантов [1]); нет сомнения, что и своих собственных «душ» у него было вряд ли многим меньше; во всяком случае, как наследник бездетного (т.-е., не имевшего законного потомства) дяди и как единственный сын своего отца, он сосредоточил в своих руках огромные богатства (которыми и владели до революции его довольно многочисленные потомки) [2]); служба была для него лишь почетным времяпрепровождением, дорогою к почетным отличиям, — тем больнее должно было ударить его по самолюбию его увольнение в отставку...

О задачах сенаторской ревизии Сибири, о самой ревизии и о ее результатах, а также о приемах ревизоров подробно рассказал в специально для того написанном очерке «Шемякин суд в XIX столетии» тот самый Тобольский губернатор Д. Н. Бантыш-Каменский (известный историк и автор «Словаря достопа-

---

[1]) Дядя этот и носил прозвище «бриллиантового Куракина», — по обилию драгоценных камней, которыми обладал. По поводу того, что молодой наследник всем приходящим показывал эти бриллианты, Ф. Кристин писал княжне В. И. Туркестановой (6-го апреля 1819 г.): «Каким образом Борис Куракин, рожденный на лоне богатств и предназначенный к тому, чтобы много их иметь, не мог предохранить себя от приемов выскочки? Ибо итти и показывать свои бриллианты всякому приходящему — похоже на новых богачей (nouveaux riches), которые не рассчитывали на свои богатства» («Русск. Арх.» 1883 г., кн. III, прил., стр. 681, 686, 783, 785). О богатстве Куракиных см. в книге Е. П. Карновича: «Замечательные богатства частных лиц в России», С.-Пб. 1885, стр. 320 — 321, 324 — 326.

[2]) См. о них «Архив кн. Куракина», т. I, стр. 367 — 368.

мятных людей»), который сперва был отдан под суд по представлению ревизоров, а потом оправдался и навлек кару на них самих. Этот очерк Бантыша-Каменского в извлечениях напечатан был в «Русской Старине» 1873 г., № 6 (стр. 735 — 784); в нем находим мы много штрихов для составления портрета обоих ревизоров. «В то время, как Безродный кричал, нахмуря брови, кидая грозные, огненные взоры, пуская пену изо рта, топая ногами, и несчастные чиновники, как листья, трепетали перед сим надувшимся временным Бореем», — читаем здесь при описании приезда сенаторов в Тобольск [1]), — «товарищ его, князь Куракин, хранил глубокое молчание, поправляя только, по временам, свою черную косынку, дергая кверху черными бровями, гладя черные, густые бакенбарды и завивая черные букли, из которых одна красиво клубилась у него на лбу. Он молчал не для того, как думаю, что не умел говорить, получив отличное воспитание, но потому, что старший блюститель правосудия шумел за десятерых!» [2]) Куракин, несомненно, часто бывал шокирован поведением своего товарища и старался смягчить тот грубый тон, который ревизор] принял против губернатора: «В то время, как Безродный, явным образом, теснил меня, князь Куракин ласкал до-нельзя: приглашал неоднократно к своему столу, проводил в доме моем вечера два раза в неделю, любезничал с дамами, дурачил своего товарища, хвалил беспрестанно чиновникам Тобольской губернии доброту души своей, справедливость, его отличающую, говорил мне и им, «что мы должны благодарить бога за назначение его ревизором вместе с Безродным; что он удерживает в границах благоприличия порывы его жестокости; почитает тот день счастливейшим в жизни своей, когда удается ему смягчить бесчеловечные нападки товарища», и проч., и проч. Между тем, выхваляя правоту свою, сострадательность, чувствительное сердце, тот же самый князь Куракин подписывал с Безродным весьма жесткие для местного начальства и вообще для чиновников бумаги. Я объяснился с ним по сему предмету и получил в ответ, что «он смягчает, по возможности, означенные бумаги, подписывает оные для одной

---

[1]) Они прибыли сюда 9-го мая 1827 г.

[2]) «Русск. Стар.» 1873 г., № 6, стр. 749 — 750.

только формы; но что они вредить мне не могут, ибо он имеет прямую дорогу к государю через приближенного сановника [1]) и доводит до высочайшего сведения все несправедливости Безродного...» [2]).

Описывая, далее, некоторые странности Безродного, человека невысокого происхождения, Бантыш-Каменский пишет: «Князь Куракин не менее был забавен в утренном наряде своем: в турецком шалевом халате с откидными назад длинными рукавами, в камзоле также шалевом, в черных бархатных панталонах, в красных туфлях и с расчесанными на голове пуклями. Сибиряки смотрели на него с удивлением, спрашивая друг у друга: что за наряд?» [3]).

Пробыв в Тобольске четыре месяца, Куракин выехал оттуда с Безродным в Томск; «на прощанье, самою любезною французскою фразою, он старался уверить губернатора (Бантыш-Каменского) в своем расположении и всегдашней готовности ходатайствовать за него перед государем императором...» [4]).

Одним из любопытных моментов ревизии в Тобольске было возбуждение против Бантыша дела о самовольном разрытии им в Березове, для обследования, могилы некогда умершего там в ссылке знаменитого сподвижника Петра Великого—светлейшего князя А. Д. Меншикова. По поручению управляющего Министерством Внутренних Дел В. С. Ланского и министра юстиции князя Д. И. Лобанова-Ростовского ревизорам поручено было произвести соответствующее следствие; правда, донесение сенаторов (от 2-го июля 1827 г., № 256) подтверждало правильность показаний, уже ранее данных самим Бантышем-Каменским [5]), но в конце-концов последний, — повидимому, в угоду Сперанскому, бывшему Сибирскому генерал-губернатору, питавшему вражду к генерал-губернатору Западной Сибири — П. М. Капцевичу (начальнику Бантыша),—был уволен от должности (30-го июля 1828 г. [6]).

---

[1]) Это был, очевидно, А. Х. Бенкендорф; в донесениях ему Куракина, из которых мы ниже делаем выписки, действительно много сведений о Безродном и о его способе действий.

[2]) Там же, стр. 757.

[3]) Там же, стр. 757 — 758.

[4]) Там же, стр. 762.

[5]) Там же, 1903 г., № 1, стр. 68 — 72.

[6]) Там же, 1888 г., № 11, стр. 520.

Мы уже сказали, что в конечном результате «Шемякин суд» окончился в пользу Бантыша-Каменского и не в пользу сенаторов: резолюцией Николая I, 6-го марта 1833 г., было повелено первого, «избавив от всякого взыскания, обратить в службу; гг. же сенаторам поставить на вид неосновательность их донесения» [1]). Таким образом, нелицеприятная правда на этот раз восторжествовала. Однако, для нашей цели было важно указать не на конечный результат этого дела, столь для своего времени характерного, а собрать материал для характеристики лица, суждения и сообщения которого о декабристах мы дальше приводим. Мы полагаем, что сообщениям его в фактической их части можно вполне доверять, что же касается суждений Куракина по разным поводам, — то нравственная фигура его дает все основания относиться к ним с определенной стороны. Богатейший человек, вполне не заинтересованный в службе, занимающий одно из видных мест в современном высшем обществе,—он, как увидим ниже, из приводимых нами выписок, проникнут чисто холопским низкопоклонничеством: не говоря уже о постоянном, казалось бы, совершенно излишнем изъявлении чувств верноподданнической своей верности и преданности монарху (сомневаться в которых, вероятно, никому и в голову притти не могло), — он в высшей степени приниженно держит себя перед Бенкендорфом, человеком, по существу, ничтожным и сильным лишь своим временным официальным положением главы явной и тайной полиции. Его донесения полны отталкивающего раболепства, лишены чувства всякого собственного достоинства. Разыгрывая большую роль, представляясь важным там, в далекой Сибирской провинции, перед маленькими людьми, темными и загнанными, — он в сношениях с Бенкендорфом ведет себя, как самый мелкий чиновник, робеющий перед начальником и постоянно опасающийся сделать промах, быть не так понятым, попасть в подозрение... Правда, посылая свои донесения Бенкендорфу, он полагал, что они попадают и выше — в руки самого Николая I, — быть может, потому именно он и

---

[1]) «Русск. Стар.» 1873 г., № 6, стр. 782; С. М. Середонин, Исторический очерк деятельности Комитета Министров, т. II, ч. 2, С.-Пб. 1902, стр. 68 — 69.

наполнены столь многочисленными изъявлениями верноподданнических чувств, — но, повторяем, эти изъявления были, конечно, совершенно излишни со стороны облеченного почти неограниченными полномочиями ревизующего сенатора и человека, столь близко стоявшего к трону; и если они делались, то делались или из любви к искусству и по привычке, или из боязни, чтобы только что закончившееся дело декабристов, еще столь свежее в памяти у всех, не навлекло и на него, — хоть и одного из судей ex-officio, — подозрений в сочувствии к деятелям заговора и вооруженного восстания...

Как бы то ни было, сообщения Куракина очень ценны и интересны. Мы не имели до сих пор таких ж и в ы х, таких н е п о с р е д с т в е н н ы х свидетельств очевидца о направлявшихся в ссылку декабристах; теперь мы их имеем и должны пожалеть, что сообщения Куракина касаются лишь 72 человек, тогда как всех декабристов (и их жен), проследовавших в Сибирь, было более ста. Тем ценнее те данные, которыми мы теперь располагаем о нескольких крупных и мелких фигурах деятелей декабрьской эпопеи. Пущин, Якушкин, А. Бестужев, Соловьев, Муханов, Панов, Завалишин, Муравьев-Апостол, Сухинов, Спиридов и некоторые другие очерчены живо и ярко и выставлены своими наиболее характерными сторонами. То, что сообщает о них Куракин, является очень важным материалом для их портретов, да еще в такой переломный момент, как вступление их, по выражению Пушкина, в «Сибири хладную пустыню».

Сами декабристы в своих воспоминаниях и записках не были щедры на описание встреч своих с Куракиным, — но все же мы располагаем несколькими их сообщениями. Остается жалеть, что ни М. И. Муравьев-Апостол, ни Д. И. Завалишин ни словом не обмолвились о свидании с ревизором-сенатором, который, с своей стороны, довольно подробно описал Бенкендорфу свои встречи с ними. Ничего не говорят о Куракине и А. П. Беляев, Грабя-Горский и другие декабристы-мемуаристы. Приведем последовательно рассказы Н. И. Лорера, М. А. Бестужева, И. И. Горбачевского (о Сухинове) и И. Д. Якушкина, — в порядке свидания Куракина с ними.

Лорер видел Куракина, как он пишет, по прибытии в И р к у т с к и й острог; но он ошибается: свидание их произошло

в Тобольске (см. ниже, в 4-м донесении Куракина от 18-го июня 1827 г.), — вероятно, в мае 1827 г. Вот что он пишет в своих Записках: „На другой день посетили нас два сенатора, бывшие в то время в Иркутске, кажется для ревизии. Одного из них я знал в Варшаве: это был Безродный, тогда криге-комиссар Константина Павловича. Про него-то А. П. Ермолов, когда был в главной квартире в Польше, сказал: «Я нашел здесь всё немцев и одного русского, да и тот Безродный» [1]). — Оба ревизующие сенатора начали свое дело в Сибири как будто бы хорошо: разослали объявления, что присланы оказать помощь угнетенным, обиженным, приглашали всякого подавать просьбы, жалобы... Бедный народ думал вздохнуть: ничуть не бывало. Сенаторы забрали с собой кипы просьб и увезли их в Петербург, в полной уверенности, что сделали свое дело; а между прочим, плуты-чиновники остались на своих местах, продолжая грабить и обижать народ; да к довершению всего пересекли всех подававших какие бы то ни было жалобы или просьбы [!?]. Когда мы удостоились посещения этих двух важных лиц, то, признаюсь, они показались нам оба очень странными, удерживаясь в разговоре обращаться к нам прямо и не зная, как говорить нам: вы или ты, и употребляли вопросы в третьем лице [!?]. Освобожденные от этого посещения, мы, каждый по-своему, предались своим занятиям»... [2])

Декабрист М. А. Бестужев, в свою очередь, рассказывает: «Не доезжая до Тобольска, не помню, в каком городке, нас ожидал сенатор Куракин, имевший, по его словам, приятное поручение узнать о наших нуждах, не имеем-ли жалоб, не желаем-ли о чем просить его. Когда мы объявили, что ни в чем не нуждаемся, ни на кого не жалуемся, ничего не хотим просить у него, — я объявил просто, без всякой просьбы, что кузнец в Шлиссельбурге второпях заковал мои ноги «в перевёрт», что железа растерли мне ноги, и я не могу ходить.

— Чего же вы хотите? — спросил он с удивлением.

— Как чего, ваше сиятельство? чтобы вы приказали меня заковать, как следует: это должен бы сделать наш фельдъегерь, но он не хотел.

---

[1]) Ср. «Древн. и Нов. Россия» 1878 г., № 12, стр. 354. *Б. М.*

[2]) «Русск. Бог.» 1904 г., № 6, стр. 66 — 67.

— Извините, я этого сделать не могу, — ответил он, вежливо кланяясь» [1]).

Декабрист Горбачевский, видавший Куракина также в Томске, 1-го ноября 1827 г. [2]), в Воспоминаниях своих не оставил рассказа об этом свидании с Куракиным, но передает (со слов, вероятно, Соловьева) о свидании с Куракиным Соловьева, а также Сухинова и Мозалевского. Рассказывая о тягостях перехода в Сибирь Соловьева и его товарищей, Горбачевский пишет, между прочим: «Сенатор князь Куракин, бывший в Западной Сибири ревизором, при проезде через Тобольск виделся там с Соловьевым и его товарищами. Он спросил, не может-ли им быть чем-нибуь полезным? Но когда Соловьев, Мозалевский и Сухинов представили страшную картину их жизни и просили, чтобы он приказал или отправить их поскорее к месту назначения, или снять с рук и ног обременяющие их железа, то князь, тронутый их бедственным положением, соболезновал и в заключение всех утешений и состраданий объявил, что в сем отношении не может им ни в чем помочь и не имеет права удовлетворить их просьбам» [3]). В другом месте Горбачевский говорит еще короче: «В Тобольске видел их князь Куракин, изъявляя, как водится, бесплодное сожаление»... [4]).

Наиболее красочный, хотя и краткий рассказ о свидании ревизора с декабристами находится в Записках И. Д. Якушкина,— на описание которого, в свою очередь, не пожалел в своем донесении красок и князь Куракин (см. ниже, в письме Куракина от 18-го ноября 1827 г.).

Якушкин пишет: «В Томске мы пробыли сутки. Тут посетил нас сенатор князь Куракин. Он в это время вместе с сенатором Безродным ревизовал Сибирь. Вечером при свечах меня оставили одного в особенной комнате, куда вскоре потом взошел мужчина лет сорока, в шляпе, раздушенный и распомаженный; он подошел к зеркалу, снял шляпу, поправил при-

---

[1]) Воспоминания братьев Бестужевых, изд. «Огней», 1917, стр. 187—188. Ср. с этим рассказом рассказ Куракина о Бестужеве — ниже, в донесении №. 11, от 4-го ноября 1827 г.

[2]) См. ниже, в том-же донесении от 4 ноября.

[3]) Записки Н. И. Горбачевского, изд. «Задруги», М. 1916, стр. 193.

Там же, стр. 228.

ческу и, обернувшись, дал знак рукой сопровождавшему его чиновнику полиции, при чем чиновник исчез. Все это вместе было очень похоже на сцену из какого-нибудь французского водевиля. Потом князь Куракин подошел ко мне, спросил об обращении фельдъегеря с нами и, изъявив соболезнование об участи, нас постигшей, утверждал очень уверительно, что происшествие 14-го декабря не более, как следствие расформирования Семеновского полка. Я не пустился в объяснение с его сиятельством: он был один из наших судей, а потому, казалось, должен бы был вполне понимать значение 14-го декабря и всего нашего дела. Пробыв несколько минут с сенатором, я вышел, и меня постепенно заменили мои товарищи Арбузов и Тютчев» [1]).

Если мы упомянем, что в середине января 1828 г., проезжая через Томск, видела сенаторов в местной церкви молоденькая Полина Гёбль, направлявшаяся к своему жениху И. А. Анненкову [2]),—то мы, кажется, исчерпаем все свидетельства декабристов о свиданиях их с Куракиным.

Свидания эти, как видно и из рассказов декабристов, и из донесений самого Куракина, не имели никаких реальных последствий и значения для тех, кто проходил перед сановником, направляясь в каторгу: ни одному из пострадавших Куракин не оказал никакой услуги, мало-мальски существенной, — даже тем, которые, по его выражению, находились «в раскаянном и совершенно отчаянном положении»; а он, конечно, мог многое сделать, если даже рядовые губернаторы (Тобольский — Бантыш-Каменский; Енисейский — А. П. Степанов; Иркутский — И. Б. Цейдлер) находили способы облегчать положение декабристов-каторжников, в которых они не могли не видеть людей высоких нравственных и умственных достоинств... Ничего, повидимому, не сделал для них и всесильный Бенкендорф, хотя на одном донесении Куракина, от 18-го ноября 1827 г., и имеется его карандашная помета (по-французски): «Сделайте небольшую заметку о сосланных, которые показывают искреннее раскаяние, и о тех, которые ведут себя дурно». Справка понадоби-

---

[1]) Записки, М. 1905, стр. 133 — 134.

[2]) «Русск. Стар.» 1888 г., № 4, стр. 4; то же: Записки П. Е. Анненковой, изд. «Прометея», стр. 104.

лась ему, вероятно, лишь для того, чтобы, при очередном докладе государю, иметь лишнюю тему для разговора и доказать осведомленность своего «недремлющего ока»: призывать «милость к падшим» Бенкендорф не любил и не умел,—он был вполне похож на того «лукавого льстеца», который, по выражению Пушкина (в стих. «Друзьям», как-раз 1828 года) из «державных прав» самодержца способен был ограничивать «одну лишь милость»... Итак, те сведения, которые посылались Куракиным в Петербург из Тобольска и Томска, не имели никаких для декабристов последствий, как не имело никаких результатов для Бантыша-Каменского и то, что̀ писал он Бенкендорфу о нем, о Безродном и о других лицах, которых встречал во время своей ревизии; впрочем, однажды Бенкендорф заинтересовался хорошим отзывом Куракина — о Малмыжском капитан-исправнике Леопольде Христиановиче Фрезе, бывшем раненом гусарском штабс-ротмистре и остзейце родом: он немедленно распорядился написать этому «компатриоту» письмо с предложением перейти в корпус жандармов и пригласить его приехать в Петербург, чтобы шеф жандармов мог лично с ним познакомиться... [1]).

Таким образом, сообщения Куракина о декабристах представляли для Бенкендорфа, в сущности, лишь «академический» интерес; теперь, в наших глазах, они являются очень ценным и важным историческим документом; нет сомнения, что в биографии каждого из упомянутых Куракиным декабристов сообщенные последним сведения найдут должное место; имеют они значение и для общей картины ссылки декабристов из крепостей Европейской России в Сибирскую каторгу.

[Из донесения за № 1. Тобольск. 14 мая 1827 г.].

.... У меня имеются еще для сообщения вам сведения, думаю достаточно точные, об общем мнении, касающемся государственных преступниках и различных наказаний, к

[1]) Интерес к личности Фрезе со стороны Куракина и Бенкендорфа объяснялся, быть может, еще тем, что Фрезе был, повидимому, сродни «правой руке» Бенкендорфа — Управляющему III Отделением М. Я. фон-Фоку, который был женат на Наталии Фрезе... В 1828 г. в Малмыже был уже, судя по Месяцеслову, новый капитан-исправник.

которым они были приговорены Верховным Уголовным Судом прошедшего года. От Петербурга до Москвы, по моему разумению, мне было безполезно заниматься обследованием: эта часть Империи находится, так сказать, под непосредственным наблюдением администрации, которая может, при всяких обстоятельствах, быть поставлена в известность самым точным образом о том, что там происходит, что говорится и даже о том, что там думают. Но уже тотчас по выезде из Москвы я не пропускал ни одного случая, чтоб им не воспользоваться, часто даже в самых низших слоях общества: как только мне приходилось встретить человека с природным умом, я старался узнать его мысли об самом заговоре, лично о заговорщиках, о наказаниях, которым они подверглись, и т. д. Мне не хотелось Вам о всем этом говорить раньше моего прибытия в Тобольск, так как я не знал положительно, не будут-ли суждения по этому поводу на расстоянии трех тысяч верст различны, в особенности в местах, в которых у многих заговорщиков были семьи, родители, земляки, имения. Но должен сказать, что повсюду, без исключения, я обнаружил только одно мнение, слышал только один отзвук - это громко высказываемое негодование против этого ужасного заговора и против его зачинщиков, и это до такой степени, что во многих местах удивляются милосердию императора относительно преступников перваго разряда, — т.-е. того, который Верховный Уголовный Суд приговорил к смерти и которому его величество смягчил наказание, назначив срочныя каторжныя работы, а затем ссылку. Но с тою же откровенностью я не скрою от вас, что общественное мнение вообще довольно громко говорит и о суровости приговора: его находят несколько тяжким по отношению виновных, возраст или раскаяние которых, как говорят, заслуживают немного большей снисходительности.

Вот точнейшая истина, собиранием которой Вы желали, чтоб я занялся в отношении общих идей, распространенных на протяжении неизмеримой Империи и касающихся обстоятельства столь важнаго. Я исполнил это с тем усердием, с каким всегда буду делать все, что может быть полезно государю, который, я надеюсь, будет узнавать все больше и больше и мою верность и мою преданность его особе.

Что касается личного поведения заговорщиков со времени их прибытия в этот край, я сделаю всё для меня возможное, чтобы попытаться узнать о нем, и если успею в этом, не премину Вам разсказать о нем; но чтобы сделать это с точностью и добросовестно, следовало бы, собственно, видеть их самих, а я еще не знаю, много-ли их находится в той части Сибири, которую я должен был проѣхать и в каком именно месте...

[Из донесения за № 3. Тобольск. 4 июня 1827 г.].

Генерал! Получив донесение о прибытии в Тобольск двадцатой партии арестантов, в числе которых находилось трое государственных преступников, — бывшие офицеры Черниговского пехотного полка, — я отправился секретно в тюрьму, сопровождаемый одним полицеймейстером, которому я отдал соответствующие распоряжения. Для этого была приготовлена отдельная комната и приняты все предосторожности для того, чтобы арестанты, которые должны были быть вводимы туда ко мне, не будучи об этом предупреждены, не имели возможности, выходя оттуда, сообщать друг другу о результатах встречи со мною. В их глазах я выставил предлогом свидания с ними два вопроса: один — желание узнать, не было-ли, в их долгом, только что законченном путешествии от Киева, со стороны надзирателей чего-либо такого, на что они могли бы жаловаться и что запрещал закон, и второй — не было-ли у них какихлибо просьб, которые, однако, не расходились бы с наказаниями, на них наложенными за их преступления. На первый вопрос их ответы были единогласны: «нет», на второй — их просьбы ограничивались желанием, чтобы им возвратили.... (неразб.), который им принадлежал и на который они получили квитанции для их освобождения по прибытии на место назначения. Так так последняя статья есть общий закон для всех ссыльных, какой бы категории они ни были, то просьбу их нельзя было исполнить, что я им тотчас и объяснил. Сознаваясь, что они не имели никакого права на милосердие Государя, они все трое очень горевали по тому поводу, что с более виноватыми было поступлено сравнительно менее строго: их везли на почтовых и приговорили к каторжным работам на срок, тогда

как они шли пешком в цепях в течение девяти месяцев, будучи смешанными с убийцами и с разбойниками с большой дороги и имея, сверх того, в перспективе сделать таким же образом еще 4300 верст, а также, что они осуждены на пожизненные каторжныя работы... Я излагаю все эти подробности, генерал, потому, что дал вам обещание ничего от вас не скрывать, а вы обещали мне не утомляться чтением этих подробностей, как бы мелочны они ни были.

Не входя в подробности тех приемов, которые я употреблял для того, чтоб раскрыть их сокровенные чувства как в отношении того, что̀ могло их вовлечь в этот ужасный заговор, так и в отношении того, чтобы заставить их в этом раскаяться, — я ограничусь сообщением вам результатов и сделаю это по чистой совести. Все трое в общем удручены своим положением. Последнее очень естественно, так как положение это ужасно, но не в этомъ дело.

Самый старший из них, по имени Соловьев, бывший барон и штабс-капитан, несомненно тот из троих, который испытывает искренние и истинные угрызения совести: он не позволил себе ни одной фразы, ни одного слова, ни одного оправдания (последнее было бы и невозможно), — даже извинения, чтобы уменьшить свое преступление. Он удовольствовался единственным объяснением, сказав, что несчастный случай вовлек его в этот гибельный заговор, о существовании котораго он узнал лишь за немного месяцев до его осуществления; что он заслужил свою участь и что бог и государь, наказывая его, наказывают крупного преступника. Прибавлю, что один вид этого несчастнаго доказывает искренность его признаний, так как он не мог ни слушать меня, ни мне отвечать, не обливаясь слезами...

Второй, по имени Сухинов, бывший поручик (участник последней войны против французов до вступления в Париж, получивший 7 ран), сознавая, что заслужил свою участь, старался ослабить свой проступок, выставляя на вид тиранство полковых командиров, бригадных и дивизионных генералов,—тиранство, которое, приводя в отчаяние, было причиною его несчастия и вовлекло его в заговор с тем большею легкостью; о существовании же заговора он не знал еще за несколько меся-

цев до события. На мой вопрос о цели, которую он себе ставил, присоединяясь к заговорщикам, он брал бога в свидетели того, что у него не было никакого злого умысла против особы покойного императора, но что их целью было просто приобретение свободы. «Свободы!» — возразил я ему: «мне это было бы понятно со стороны крепостных, которые ея не имеют; но со стороны русского дворянина?... Какой еще большей свободы может желать он, чем той, которою мы все пользуемся, благодаря нашим монархам со времен Екатерины Великой до наших дней! На этом он замолчал, перестав жаловаться на свое несчастие. Впрочем, он был растроган и говорил, что он раскаивается жестоко, но, по своей слепоте, слишкомъ поздно.

Третий, по имени Мозалевский, — бывший прапорщик, совсем еще молодой человек двадцати лет; природа, повидимому, не даровала ему большой чувствительности. Он из числа тех, которые переносят свою участь с совершенным безразличием. Чтобы более в этом удостовериться, я, узнав из допроса, который я ему сделал, что родители его еще живы и что он их единственное дитя, спросил его, не чувствует ли он, при воспоминании о своих престарелых родителях, угрызения совести или страха, что они могут умереть от тоски. Он отвечал мне с глубоким вздохом: «Да, я должно быть их убил». Но я не заметил в нем ни уныния перваго [Соловьева], ни даже раскаяния второго [Сухинова]. Когда я допрашивал его о цели, которую он имел в виду, — он не захотел мне отвечать, говоря, что это «известное дело». Мне хотелось бы иметь возможность всех их троих поставить на одну и ту же линию, представив их всех одинаково раскаивающимися и удрученными, — так как жалость к несчастным людям, как бы преступны они ни были, есть чувство невольное; но, дав вам слово говорить по всей совести точную правду, я сообщаю вам здесь ее во всей чистоте, и вы в этом можете быть уверены, как если бы вы сами лично были при этом....

P. S. Я буду незамедлительно давать Вам справки о преступниках большого заговора, которые за последнее время прошли через Тобольск, и сообщу Вам некоторые довольно важные подробности, касающияся поручения, которое его величеству угодно было возложить на меня.

[Из донесения за № 4. Тобольск. 18 июня 1827 г.].

Генерал! Мне бы очень хотелось как можно скорее передавать вам справки, которыя вы поручили мне собирать относительно государственных преступников, находящихся в Западной Сибири, и о тех, которые прошли через Тобольск; в этом городе каждый из них останавливался на 24 часа, ибо в Тобольске все ссыльные, какой бы категории они ни были, получают свое дальнейшее назначение по правилам Приказа о ссыльных или по особому приказу его величества. Но поручение, данное мне, крайне деликатного свойства как по тайне и по лицам, которых я мог употреблять для этого дела, так и по трудности его вообще,— чтоб иметь возможность, хотя бы с некоторою долею уверенности сообщать вам эти сведения не наобум, а основываясь на сущности вещей, — не позволяло мне сделать это раньше.

Теперь, после шести недель пребывания здесь и после неослабных моих стараний, внимательно сравнивая донесения одних и других, — мне кажется, я могу дать вам с некоторою уверенностью понятие об этих важных преступниках, разделив их при этом на три разряда. Первый — это те, уныние и раскаяние которых не поддаются никакому выражению и не могут подавать повода к малейшему сомнению; среди этих я отмечу нескольких, которые превзошли своих товарищей по несчастию сожалениями и угрызениями совести, еще более ярко выраженными. — Второй, самый многочисленный, — будет состоять из тех, которые кажутся постоянно удрученными своею судьбой, но не дают при этом никакого особенно определенного признака своих сокровенных чувств.

Третий—и самый особенный, составится хотя и из небольшого числа (какъ и первый) людей, но таких, которые, будучи далекими отъ того, чтобы быть удрученными или просто несчастными, притворялись или действительно испытывали (чему, однако, трудно поверить) самую неумеренную и постоянную веселость. Среди последних я отмечу также нескольких, которые простирали свою невоздержность до еще более дерзкой степени.

Все те, о которых здесь идет речь, случайно такие личности, которых я никогда не знал и даже никогда не встречал, за исключением лишь бывших князя Одоевского, котораго я один раз в жизни видел у моей тёщи [1]) в продолженне $^1/_4$ часа, но не вступал с ним в беседу, и графа Чернышева и Свистунова, которых я видывал, но не говорил съ ними. Но, опираясь на доверие, которое, думаю, я заслужил во всяком случае со стороны его величества, я присоединяю это обстоятельство, чтобы доказать еще более полное отсутствие пристрастия с моей стороны. Мне нет необходимости говорить Вам, что эти господа были совершенно неизвестны тем, от которых я мог собирать интересовавшие меня данныя, но последние лица с своей стороны также совершенно беспристрастны и заслуживают, по моему мнению, полнаго доверия. Чтобы избежать некоторых трудностей при написании имен, даю Вам три списка по-русски.

I. Государственные преступники, следовавшие чрез Тобольск, коп находились въ раскаенном и совершенно отчаенном положении:

Бывшие:

1) Полковник Враницкий.
2) Порутчик Шахирев.
3) Полковник Нарышкин.
4) Майор Лорер.
5) Ротмистр Ивашев.
6) Князь Одоевский.
7) Отставной генерал-майор Фон-Визин.
8) Полковник фон-дер Бриген.
9) Камер-юнкер князь Голицын.

Отчаяние последних трех превосходило, если это только возможно, отчаяние прочих: они отказывались почти от всякой пищи и всё время заливались слезами.

---

[1]) Княгини Анны Александровны Голицыной, рожд. княжны Грузинской (род. 1763, ум. 1842).

II. Государственные преступники, следовавшие чрез Тобольск, кои находились в растроганном положении:

Бывшие:

1) Подпорутчик Мозгалевский.
2) Корнет Свистунов.
3 и 4) Порутчики два брата Крюковы.
5) Порутчик Басаргин.
6) Подпорутчик Фролов.
7) Подполковник Фаленберг.
8) 10-го класса Иванов.
9) Подпорутчик Мозган.
10) Капитан Корнилович.
11) Полковник Аврамов.
12) Порутчик Бобрищев-Пушкин.
13) Прапорщик Шимков.
14) Подпорутчик Лихарев.
15 и 16) Мичманы два брата Беляевы.
17) Подполковник Янтальцов.
18) Полковник Тизенгаузен.
19) Подпорутчик Кривцов.
20) Прапорщик Толстой.
21) Ротмистр Чернышев.
22) Порутчик Загорецкий.
23) Капитан Фурман.
24) Подпорутчик Фок.

III. Государственные преступники, следовавшие чрез Тобольск, кои находились в веселом виде:

Бывшие:

1) Лейтенант Завалишин.
2) Дворянин Люблинский.
3) Канцелярист Выгодовский.
4) Порутчик Абрамов.
5) Порутчик Лисовский.
6) Штаблекарь Вольф.
7) Сверх сего Статский Советник Горский.

NB. Последний находился скорее в состоянии исступления, чем радости. Он жаловался на то, что не заслужил наказания, и говорил, будто бы у него украли 200 тысяч рублей. Первые трое выделялись особенно своей преувеличенной веселостью и дерзким нахальством. Из всех этих государственных преступников только пятеро находятся в Западной Сибири: в первом списке двое, столько же во втором и пятый — в последнем. Вот именной список их и места их нахождения:

1. Бывший полковник Враницкий — Тургайской округи в Пелымском отдельном коммиссарстве.

2. Бывший порутчик Шахирев — Березовской округи в Сургутском отдельном коммиссарстве.

3. Бывший капитан Фурман — Березовской округи в Кондинском отдельном коммиссарстве.

4. Бывший подпорутчик Фок — в городе Березове.

5. Статский советник Горский — в городе Березове.

Этим оканчиваются, генерал, подробности, которыя Вы желали иметь; благоволите сообщить мне, исполнил-ли я Ваши желания, и в том случае, если бы я мог еще в каких-нибудь других отношениях доказать мое усердие императору, прошу Вас употребить меня, как Вы сочтете необходимым; я всегда готов служить моему августейшему повелителю во всем и везде...

[Из донесения за № 5. Тобольск. 9 июля 1827 г.].

Генерал! Прошло уже две недели, как в Тобольск привезли семерых государственных преступников, следующих из Польши, где они содержались секретно втечение пяти или шести [месяцев] — до получения касающихся их бумаг, которыя должны были дать Приказу о ссыльных необходимыя указания о их дальнейшем назначении; этих несчастных везли не фельдъегеря, а полицейские офицеры, которые сменялись в каждом губернском городе и которым было поручено только сдавать их по начальству. Эти большие преступники суть:

1) Бывший капитан Игельстром.
2) Бывший поручик Вегелин.
3) Рукевич.

4) Феликс Ордынский
5) Карл Ордынский
6) Высоцкий
7) Вронский

} Бывшие дворяне.

Первые трое осуждены на 10 лет каторжных работ и затем в ссылку, четверо других — на 5 лет работ в одну из крепостей и затем также в ссылку. Так как их путешествие до сих пор совершалось на почтовых и они еще не испытали ужасного положения тех, которые, будучи смешаны со всевозможного рода людьми, совершают свой путь пешком, то они вовсе не имеют вида людей, угнетенных своею участью; это единственное объяснение, которое я могу подыскать для того рода безразличия, которое они проявляли во время своего пребывания в Тобольске, но отсюда они отправились с обыкновенною цепью каторжников всяких сословий, и их настоящее наказание может считаться лишь с этого времени.

Вчера утром прибыли сразу, хотя отбывали съ промежутками по три дня, шесть государственных преступников, сопровождаемых двумя фельдъегерями и десятью жандармами.

Преступники эти относятся к числу тех, которые были судимы Верховным Уголовным Судом прошлого года:

1) Бывший полковник Повало-Швейковский.
2) Бывший подполковник баронъ Штейнгель.
3) Бывший артиллерийский офицер Бечасной.
4) Бывший князь Щепин-Ростовский.
5) Панов
6) Суттгоф

} Бывшие офицеры лейб-гвардии Гренадерского полка.

Трое первых довольны гуманностью фельдъегеря, под наблюдением которого они совершили путешествие до этого места; трое других жалуются на своего в том, что он едва давал им время проглотить кусок и никогда не давал им облегчения отдохнуть несколько часов во время сильных жаров, что̀ особенно угнетало, в частности, Суттгофа, у которого грудь кажется больна.

Я применил по отношению к этим преступникам те же самые предосторожности и тот же самый образ действия, как

и тот, которым я пользовался в отношении трех других партий, о коих я вам говорил в моем сообщении от 4-го июля.

Чтобы не наскучить Вам бесполезными повторениями, скажу лишь, что результаты моего расследования представили мне бывшего подполковника Штейнгеля положительно наиболее удрученным и наиболее раскаивающимся: этот несчастный, имея жену и 8 человек детей, естественно должен страдать более, чем кто-либо другой. Щепин-Ростовский оплакивает свою участь, которая, по его словам, тем более жестока, что он никоим образом не принадлежал к большому заговору, о котором он совершенно не знал, но что обстоятельства, первая присяга, принесенная цесаревичу, и пр. бросили его в эту бездну.

Я поставил бы во втором разряде моего сообщения от 18-го июня Повало-Швейковского, Бечасного и Сутгофа: они удручены,— само собою разумеется, но они не показали никакого особеннаго знака их сокровенных чувствований. Что касается Панова, то что̀ скажу я Вам о нем? Что мое удивление при виде сего молодого человека столь мало чувствительным к своей участи было велико?— Это правда. Но что слышать его говорящим то, что̀ он говорил, превзошло меру разума, который даровала мне природа,— и это тоже правда! Дело шло о той цели, которую он и его сотоварищи поставили себе, т.-е. просить у императора «конституцию с оружием в руках, чтобы положить», как он говорил, «границы власти монарха»; это он находит весьма простым и очень естественным; когда же подумаешь, что такие вещи проявляются после полуторых лет тюрьмы и перед перспективой каторжных работ,— я думаю, что можно без колебания сказать, что этот молодой человек еще не исправился и не раскаялся...

P. S. Повало-Швейковский, Штейнгель и Бечасный вчера вечером отправились в Иркутск; другие — сегодня утромъ.

[Из донесения за № 11. Томск. 4 ноября 1827 г.].

...На сегодня я ограничусь сообщением, что первого числа сего месяца четыре преступника большого заговора — бывшие

штабс-капитаны князь Барятинский, Михаил и Николай Бестужевы и бывший поручик Горбачевский прошли через Томск, направляясь из Тобольска в Иркутск; я их видел, заставил их говорить, но в результате ничего не могу сказать Вам особенного на их счет: они ни слишком удручены своим положением, ни слишком безразличны к своей участи. Первое может объясняться, с одной стороны, привычкой к своему настоящему состоянию, продолжающемуся уже два года, а с другой — ужаснейшим мучением быть оставленными в четырех стенах так долго и без всякой помощи, — мучением, которому, если им верить, они предпочитают всякие, какие только можно представить, каторжные работы; это пункт, по которому между ними не было никакого расхождения во мнениях. Что касается второго, т.-е. безразличия, то они не проявляли никакой неуместной веселости и еще менее позволяли себе какое-нибудь странное или дерзкое суждение, чтобы извинить свое поведение: они были унылы и очень грустны; один только Николай Бестужев решился спросить меня, куда их везут и какая судьба их ожидает, так как молва о милостях, которые император соизволил излить на них при коронации, дошла и до глубины их тюрем, но без каких-либо подробностей. Я ему ответил, что приговор Верховного Уголовного Суда был им объявлен и следовательно должен быть им известен; что же касается милостей, то оне состояли в значительном уменьшении числа лет каторжных работ, к которым они были приговорены за их преступления. Эти четыре человека естественно входят, как вы видите, во вторую группу моего письма от 18-го июня. Они очень жаловались на свои цепи, которые, по их словам, были сняты с каторжников Шлиссельбургской крепости и надеты на них в самую минуту отправления — и надеты очень поспешно, так что в этой спешке их одели вперевёрт, а это отнимало у них всякую возможность идти; а так как, ввиду времени года, они оказались вынужденными переходить пешком через многия очень широкия реки, то опухоли (?), которыя причинялись вероятно трением цепей, были очень болезненны. Я хотел облегчить их в этом отношении, но так как цепи были пробуравлены и нужно было прибегнуть к кузнецу, я не осмелился позволить себе это; впрочем, $^3/_4$ пути были уже закончены...

[Из донесения за № 12. Томск. 11 ноября 1827 г.].

Генерал! 7-го числа сего месяца три [sic] государственных преступника: Юшневский, бывший статский советникъ; Михаил Спиридов, бывший майор, и бывшие подпоручики Пестов и Андреевич прошли чрез Томск, направляясь в Иркутск. Из Шлиссельбургской крепости, где они содержались, вплоть до Тобольска они были доставлены, по обыкновению, фельдъегерями и жандармами; от Тобольска до столицы Восточной Сибири сопровождать их поручено казачьему офицеру, также в сопровождении жандармов. Первый и двое последних на все вопросы, которые я мог им сделать, не проявили решительно ничего особенного — ни раскаяния, ни печали, ни дерзости; они имели вид скорее автоматов, нежели человеческих личностей, которых препровождают на каторжные работы. Михаил Спиридов, напротив, был очень взволнован, проливал обильные слезы при воспоминании о своих престарелых родителях, судьбу которых он пламенно желал узнать, так как втечение почти двух лет не имел о них никакихъ известий; когда я спросил его, как вели себя с ним фельдъегеря и казачий офицер, он ответил мне, что его преступление так громадно в глазах бога и людей, что он не заслуживает всех милостей государя, потому что, говорил он: «невозможно иметь более заботливости и жалости к их несчастному положению, чем те, которые в общем имели к ним все те, коим до сих пор поручалось наблюдение за ними, — а это, конечно, могло быть только следствием именных повелений его величества»; другие фразы были в том же роде, и все их он произносил с заметным и совершенно искренним волнением, которое не обманывает. Я хотел бы иметь более частые случаи свидетельствовать в пользу раскаяния этих господ, но из 24 человек, которых я видел и лично расспрашивал, это только второй, который мог бы заслуживать какого-нибудь особенного внимания: первый был бывший штабс-капитан баронъ Соловьев. Среди других были некоторые, которые, при воспоминании о своих женах и детях, были, конечно, очень болезненно расстроены, но раскаяние в своих преступленiях по

моему мнению (я обещал Вам говорить только правду) вовсе не входило в это огорчение...

P. S. У Андреевича не было меховых сапог. Я приказал их ему выдать.

[Из донесения за № 13. Томск. 18 ноября 1827 г.].

Генерал! В течение этой недели чрез Томск прошли, направляясь из Тобольска в Иркутск, три партии арестантов по преступлениям большого заговора: первая состояла из трех человек — бывших капитанов Якушкина и Тютчева и лейтенанта Арбузова; вторая из двух — бывших подполковника Матвея Муравьева-Апостола и штабс-капитана Александра Бестужева; третья из трех: бывших подполковника Александра Поджио, коллежского ассесора Ивана Пущина и штабс-капитана Петра Муханова, всего 8 человек: все они были отправлены отсюда по мере их прибытия.

Мое сегодняшнее донесение будет менее скучно, чем обыкновенно, так как я имел случай видеть между этими господами двух человек, которые подлинно меня очень удивили и удивили бы, я думаю, всех, кто повидал бы и послушал бы их. Начну с того, что Тютчев, Арбузов и Поджио входят в обыкновенный разряд несчастных людей, находящихся в их положении, — это несомненно, так как вид у них был очень грустный, однако же они не высказывали по этому поводу ничего достойного быть приведенным; Муравьев-Апостол, сын сенатора, и Бестужев, бывший адъютант герцога Вюртембергского, которым император недавно оказал чрезвычайную милость, заменив наказание каторжными работами простою ссылкою в Сибирь, не перестают высказывать свои славословия и выражения живейшей благодарности, в особенности последний. Этот показался мне до такой степени сильно тронутым, что под выражениями его признательности, мне кажется, я получил от него и выражение горьких сожалений в том, что он не может засвидетельствовать это самому монарху, которому он имел смелость пожелать сделаться врагом и которому теперь хотел бы служить из всех своих сил и всеми своими способностями. Иван Пущин, также сын одного из наших наиболее преста-

релых сотоварищей [1]), тронул меня, — не скрою этого от Вас — своим живым раскаянием в прошлом, очень искренним признанием в том, что он заслужил свою участь, и своей глубокой скорбью при мысли о родителях: он с такою настойчивостию просил меня позволить ему написать своему отцу, что я не мог отказать ему в этом, предупредив, что письмо его должно быть открытым и что оно достигнет своего назначения только со специальнаго разрешения его величества; я присоединяю его здесь, чтобы Вы видели, что̀ возможно сделать в этом отношении, и передаю решение вопроса Вашему собственному суждению. Пущин, без сомнения, может идти в ту же самую категорию, что Михаил Спиридов и Соловьев. Таким образом из числа тридцати двух не менее трех человек (не считая Муравьева и Бестужева), которые, среди столь тягостного для всякого гражданина, преданного своей стране и своему государю, зрелища, дают отдых душе видом раскаяния столь же искреннего, сколь и глубокого!

Теперь остается мне сообщить Вам мои наблюдения о Якушкине и Муханове. Начну с первого, который во всех отношениях может идти наравне с маленьким Пановым, о котором я говорил Вам в сообщении от 9-го июня за № 5. Он имеет тот же непринужденный вид, тот же легкомысленный тон, когда говорит о своих прошлых подвигах, а вместе с тем, несмотря на кандалы на ногах, очень занимается своими красивыми черными усами, к которым он присоединил еще и эспаньолку. Вы согласитесь, что есть отчего «растянуться во весь рост», как говорит известная пословица: молодой человек 25-ти лет, предающий своего государя, цареубийца хотя бы по намерению, лишенный чинов и дворянства, осужденный на 15 или 20 лет каторжных работ и затем на вечную ссылку, имеет смелость, несмотря на всё это, заниматься своей физиономией и находит совершенно естественным, раз войдя в члены тайного общества, не выходить из него по крайней мере до тех пор, пока истинная цель его не будет ему открыта; — всё это, как я говорил Вам, рассказывая о Панове, превосходит меру разумения, данного мне небом...

---

[1]) По Сенату. *Б. М.*

Что касается Муханова, то это совсем другое дело. Вы видели его, когда он еще носил военный мундир, и, следовательно, должны помнить, что вся фигура его тогда была довольно характеристична, — это касается, по крайней мере, меня, который видел его только один раз в жизни — именно в тот день, когда мы в крепости объявляли им приговор Верховного Уголовного Суда [1]). Фигура его поразила меня до такой степени, что я никогда с тех пор ее не забывал. Он был очень нехорош собою и некрасивость его была страшная; теперь же это положительно чудовище. Представьте себе голову льва, лежащую на плечах толстого и большого человека, — и Вы получите полное представление о личности, у которой видны только глаза, нос, совсем маленькая часть губ и едва-едва рот; при этом та небольшая часть кожи, которую можно рассмотреть, — пламенно-красного цвета. Остальная часть его головы — положительно грива самого яркого рыжего цвета [2]). Борода его, закрывающая часть лица и окружающая всю переднюю часть шеи, ниспадает вплоть до середины груди, усы его, очень густые и без преувеличения каждый длиною по меньшей мере в 4 вершка, свисают по бороде, а волосы невероятной густоты покрывают сверху его лоб, окружают всю голову и падают густыми локонами гораздо ниже плеч. Вот точный физический портрет этого человека. Что касается моральной стороны, то что̀ скажу я Вам? Привыкнув подходить к этим людям с мягкостью, как к людям, достаточно несчастным и вызывающим жалость, и желая внушить им этим более легкости в откровенном выражении их мнений, я хотел так же начать и с этим, но представьте себе мое изумление, когда на вопрос (всегда тот же самый), довольны ли они офицерами, которым поручено их сопровождать, — вместо того, чтобы получить спокойный ответ, какой я до сих пор получал, я увидел человека, который смеется мне прямо в лицо и, насмехаясь и повторяя мой вопрос, говорит мне: «Доволен-ли я офицерами? Мой бог, вполне, да я всем вообще доволен!...» Хотя и пораженный, я сохраняю хладнокровие и предлагаю ему

---

[1]) Т.-е. 13-го июля 1826 г. *Б. М.*

[2]) Вяземский называл Петра Муханова, в отличие от А. А. Муханова, «большим рыжиком» (Переписка Пушкина, Акад. изд., т. I, стр. 305). *Б. М.*

сказать мне, нет-ли у него какой-нибудь просьбы, достаточно-ли, по времени года, он тепло одет. — Новый смех, после котораго он говорит: «Я ни в чем не нуждаюсь, решительно ни в чем, кроме пары холодных сапог: мои сносились, я заказал их и прошу Вас только приказать подождать их и не заставлять вас выступать ранее их получения; однако, если это представляет хоть малейшее затруднение, я могу обойтись и отправлюсь в тех, которые на мне!..» Сохраняя всё время внешнее спокойствие, я говорю ему мягко и не делая вовсе вида, будто удивлен его тоном, что дело не представляет никаких затруднений. Этот человек, который скорее всего фанфарон, чем что-либо другое, и который думал привести меня в замешательство своим страшным видом и развязными манерами, в свою очередь изумленный холодным и серьезным тоном, который я сохранял с ним, «спускает флаг», пускается разсказывать мне всё, что перенес он в разных тюрьмах, в которых он находился, переводимый из одной в другую, и кончает тем, что говорит мне (несмотря на то, что я с своей стороны не сказал ничего, что могло бы вызвать эту фразу, но вероятно потому, как я предполагаю, что он проговорился и почувствовал неловкость своего поведения): «В конце концов Вы подумаете, что у меня медный лоб? Нет, у меня просто большая сила характера; я сознаю свое положение, подчиняюсь велениям провидения и полагаю, что, не будучи в состоянии изменить своей участи, лучше переносить ее с мужеством, чем позволить дать унизить себя малодушием, недостойным человека и к тому же ни к чему не служащим. Я прекрасно знаю, что я отправляюсь в каторжные работы, — и прекрасно! Бог дал мне силу и моральную, и физическую, — и я буду работать; это меня поддержит и поможет мне забыть мое положение... Одна только вещь удивляет меня (говорю о ней лишь потому, что случай представился): это то, что по приговору, который был мне вынесен, я помещен в четвертом разряде, а теперь путешествую с лицами первого разряда. Перевели-ли меня без суда и уже после приговора, но мне кажется, что это не было бы ни справедливым, ни законным. По крайней мере», прибавил он улыбаясь, «я очень мало интересуюсь подобным повышением».

Вот вкратце и в общих чертах разговор, который у меня был с этим несчастным; по моему, он похож на тех, которые напиваются пьяными, чтобы забыться, но которых пробужденпе должно быть ужасно...

[Из донесения за № 14. Томск. 23 декабря 1827 г.].

...Две недели тому назад я имел удовлетворение получить доказательство того, что сообщенные Вам наблюдения мои об участниках большого заговора, которых я вижу при их переходе, довольно справедливы. Письмо мое от 11-го ноября за № 12 сообщает Вам, между прочим, о бывшем майоре Михаиле Спиридове, о котором я имел случай отозваться хорошо, и о бывшем подпоручике Андреевиче, котораго я описал Вам, как автомата, не проявляющего ни раскаяния, ни горести. При своем проезде обратно офицер, который сопровождал их в Иркутск, доложил мпе, что Андреевич, бывший до самого Томска молчаливым и спокойным в дороге, делался более или менее упрямым, и что эта непокорность шла, все увеличиваясь по мере продвижения к столице Западной Сибири; что Михаил Спиридов отвел его в сторону на одной из станций, на которой они остановились, и предупредил его, чтоб он лучше наблюдал за этим человеком, потому что у него дурные намерения; и что он тогда удвоил бдительность, при чем Андреевич не мог этого заметить, и благополучно доставил его и передал местным властям...

ПЕРЕХОД ДЕКАБРИСТОВ ИЗ ЧИТЫ В ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД.

Дневник барона В. И. Штейнгейля.
7. VIII — 1830 г. — 23. IX.

29-го августа 1826 г. прибыла в Нерчинские заводы первая партия осужденных Верховным Уголовным Судом, — и с этого дня началось для декабристов отбывание каторги; переход в Читу и помещение в Читинском остроге стали для них вторым этапом пребывания в Сибири, когда, мало-по-малу, население острога постепенно увеличивалось приездом новых и новых сотоварищей, отбывавших наложенное на них приговором наказание в разных крепостях — в Петропавловской и Шлиссельбургской, в Роченсальмской и Свартгольмской и других. Уже истекал четвертый долгий год пребывания первых ссыльных в Сибирской каторге и приближалось начало пятого года, — когда семье декабристов, летом 1830 г., сделалось известно, что в недалеком будущем их переведут в новую, специально для них построенную каторжную тюрьму в Петровском заводе, к юг от Читы, — перевезут несмотря на то, что тюрьма или, как называли ее, каземат далеко не был к тому времени закончен: он не был еще ни обшит снаружи, ни оштукатурен внутри... Известие о переселении огорчило каторжан: они уже привыкли к месту своего поселения, а «необходимость смягчила многие суровые условия содержания». Женатые построили себе дома и, постепенно улучшая их, сделали уже вполне удобными для житья и, кроме того, обзавелись хозяйством. По словам декабриста Д. И. Завалишина, «не только дамы не имели уже надобности ходить в каземат на свидание или мерзнуть у частокола, но и мужья их постоянно уже жили в своих домах, чрез что и в казематах стало несравненно просторнее, независимо от большого числа казематов и частных домиков, построенных внутри

оград при них, владельцы которых также постоянно уже в них жили. Жизнь, вздорожавшая-было с начала нашего прибытия, сделалась потом очень дешева и изобильна, так что в Чите можно было достать всё, и в этом отношении она стояла выше многих провинциальных городов. Года нашего пребывания в Чите были необычайно благоприятные по урожаю и теплому времени»... Все это, вместе взятое, не располагало декабристов к переходу на новое место каторги,—тем более, что «известное уже положение и сделавшееся уже сносным и по действительному его улучшению, и по привычке к нему», они меняли «на неизвестное, которое притом, во всяком случае, должно было быть гораздо хуже. Мы знали уже», пишет Д. И. Завалишин: «что Петровский завод — место вообще невыгодное, и что каземат расположен на болоте и дурно построен, — вследствие воровства инженеров. К тому же не было уже тайною для нас и то, что в комнатах, назначенных для нас, нет окон. К довершению невыгоды, и время отправления подошло под осень; начались уже осенние дожди, а как переход был расписан на основании военных маршрутов, то и должен был он продолжаться полтора месяца. Все это с бесконечными хлопотами сборов, укладывания, отправления наперед обозов и всяческой, неизбежной в таких случаях суеты, порождало общее дурное настроение» [1]). Этому мрачному настроению содействовало, конечно, еще и то, что перевод в новую тюрьму окончательно разрушал те иллюзии насчет общей амнистии или, по крайней мере, сокращения сроков наказания, которые крепко держались среди декабристов, будучи поддерживаемы и их родными, и самим правительством, пускавшим соответствующие слухи как для успокоения общественного мнения, не перестававшего волноваться жестокостью кары, так и для удержания в спокойствии самих сосланных [2]).

Таким образом момент в жизни каторжан и их семейств был важный, переломный... Немудрено, поэтому, что в письмах своих к родным, равно как и в позднейших своих записках и воспоминаниях и сами декабристы, и их жены отвели не мало места описанию своего перехода из Читинского острога в каземат

---

[1]) Записки, т. II, Мюнхен. 1904, стр. 130 — 132.

[2]) См. там же, стр. 142 — 145.

Петровского завода. Укажем, например, более или менее подробные рассказы А. Е. Розена (Записки, изд. 1907, стр. 161—171), А. П. Беляева (Воспоминания, изд. 1882, стр. 233—238), Н. В. Басаргина (Записки, изд. 1917, стр. 123—136), М. А. Бестужева (Воспоминания, изд. 1917, стр. 202—204, 214—215, 273), П. Е. Анненковой (Записки, изд. «Прометея», стр. 145—148), княгини М. Н. Волконской (Записки, изд. 1914, стр. 92, 94—95), уже цитированного Д. И. Завалишина (Записки, изд. Мюнхен, 1904, т. II, стр. 145—152), Н. И. Лорера (Записки — «Русск. Бог.» 1904 г., № 7, стр. 31—35), И. Д. Якушкина (Записки, изд. 1905, стр. 168—172 [1]). Некоторые из названных мемуаристов описали путешествие в таких живых и поэтических красках, что трудно удержаться, чтобы не привести здесь хотя одного из них, а именно, — принадлежащего перу талантливого Басаргина. Вот, что́ он пишет:

«Поход наш в Петровский завод, продолжавшийся слишком месяц в самую прекрасную осеннюю погоду, был для нас скорее приятною прогулкою, нежели утомительным путешествием. Я и теперь вспоминаю о нем с удовольствием. Мы сами помирали со смеху, глядя на костюмы наши и на наше комическое шествие. Оно открывалось почти всегда Завалишиным в круглой шляпе с величайшими полями и в каком-то платье черного цвета своего собственного изобретения, похожем на квакерский кафтан. Будучи маленького роста, он держал в одной руке палку гораздо выше себя, а в другой — книгу, которую читал. За ним Якушкин в курточке à l'enfant, Волконский в женской кацавейке; некоторые в долгополых пономарских сюртуках, другие в испанских мантиях, иные в блузах; одним словом, такое разнообразие комического, что если бы мы встретили какого-нибудь европейца, выехавшего только-что из столицы, то он непременно подумал бы, что тут есть большое заведение для сумасшедших и их вывели гулять. Выходя с места очень рано, часа в три утра, мы к восьми или девяти часам оканчивали переход наш и располагались на отдых. Останавливались не в деревнях, которых по бурятской степи очень мало, а в поле, где заранее приготовлялись юрты.

---

[1]) См. еще письмо А. Е. Розена с описанием похода в «Русск. Стар.» 1903 г., № 3, стр. 547—548.

«Место выбирали около речки или источника на лугу и всегда почти с живописными окрестностями и местоположением. В Восточной Сибири и особенно за Байкалом природа так великолепна и так изумительно красива, так богата флорой и приятными для глаз ландшафтами, что бывало невольно с восторженным удивлением простоишь несколько времени, глядя на окружающие предметы и окрестности... Воздух же так благотворен и так напитан ароматами душистых трав и цветов, что, дыша им, чувствуешь какое-то особое наслаждение. При каждой партии находился избранный нами из товарищей хозяин, который отправлялся обыкновенно с служителями вперед на место отдыха и к приходу партии приготовлял самовары и обед. По прибытии на место мы выбирали себе юрты и располагались в них, по четыре или пяти человек в каждой. Употребив с полчаса времени на приведение в порядок необходимых вещей и постелей наших, садились или, лучше сказать, ложились пить чай и беседовали таким образом до самого обеда. Иванов, Муханов, двое братьев Беляевых и я располагались всегда вместе, в одной юрте. К нам обыкновенно собирались многие товарищи из других юрт. Один из пятерых обыкновенно дежурил по-очереди, т.-е. разливал чай, приносил обед, приготовлял и убирал посуду. После обеда часа два-три отдыхали, а с уменьшением жара выходили гулять и любоваться местоположением. Потом пили чай, купались и опять беседовали до вечера.

«Вечером маленький лагерь наш представлял прекрасную для глаз картину, достойную кисти художника-живописца. Вокруг становилась цепь часовых, которые беспрестанно перекликались между собой; в разных местах зажигались костры дров, около которых сидели в разнообразных положениях проводники наши — буряты, между которыми были и женщины, с своими азиатскими лицами и странными костюмами. В юртах наших светились огни, а в открытый вход их видна была вся внутренность и всё то, что происходило в каждой из них. Почти всегда в это время большая часть из нас ходили кучками внутри цепи, около костров, толковали с бурятами и между собой. Вид всего этого был бесподобный, и я часто проводил целые часы, сидя на каком-нибудь пне и восхищаясь окружающею меня карти-

ной. Особенно приятен для нас был день отдыха. Тогда мы оставались на одном месте почти два дня и, следовательно, имели время и хорошенько отдохнуть, и налюбоваться природой, и побеседовать между собой. Лишь только начинало светать, нас обыкновенно будили, и в полчаса мы были уже готовы к походу. Пройдя верст 12 или 15, мы на час останавливались у какого-нибудь источника и завтракали. Рюмка водки, кусок холодной телятины или жареной курицы всегда был в запасе у кого-либо из женатых и радушно предлагался всем. Во время похода многие отходили на некоторое расстояние в стороны и занимались ботаническим исследованием тамошней флоры или сбором коллекции насекомых. Последним предметом любили заниматься братья Борисовы. Они составили за Байкалом и в Сибири огромную и очень любопытную коллекцию насекомых, которую послали, кажется, знаменитому Московскому профессору Фишеру. Ботаником нашим был Якушкин» [1]).

Очень живописно и описание перехода, сделанное пламенным романтиком Н. И. Лорером. Но если одни декабристы не пожалели красок для рассказа, — другие ограничивались лишь самым кратким очерком этого памятного перехода; едва-ли не самым из них скупым на подробности оказался декабрист барон Владимир Иванович Штейнгейль (род. 1783 г., ум. 20-го сентября 1862 г.), один из старших по возрасту среди своих сотоварищей [2]); он в известных Записках своих выразился об этом переходе в таких кратких словах: «В 1830 году перешли пешком 600 верст в Петровский Завод и помещены в потемки вновь выстроенного для нас каземата. Ленарский исходатайствовал тотчас свет: прорубили окна. Здесь составили свои правила и жили, как в монастыре, занимаясь науками» [3]). Эту лапидарную запись Штейнгейля мы можем теперь заменить его же живым рассказом, составленным в виде дневника перехода из Читы в Петровский Завод; начинаясь с самого дня выступления в «поход» первой партии декабристов—7-го августа 1830 г.,—дневник этот

---

[1]) Записки, изд. 1917 г., стр. 130 — 133.

[2]) Ему в то время было уже 47 лет, тогда как большинство друзей его было лет на 10 его моложе.

[3]) Сборник «Общественные движения в России», т. I, 1905, стр. 418.

оканчивается на дне прихода в Петровскій Завод 23-го сентября; онъ дает вполне отчетливое и точное поденное описание всего, единственного в своем роде путешествия, сообщая много любопытных деталей, естественно пропущенных декабристами-мемуаристами в их Записках, писанных много лет спустя после памятного перехода. Имея склонность к литературным занятиям, обладая вполне литературным языком, будучи человеком хорошо образованным, Штейнгейль сумел,—повидимому, без намерения,—придать своему дневнику некоторый поэтический налет, некоторый романтический оттенок. Его записи кратки, но содержательны, выражения просты, но ярки. Перед нами встает, как живая, картина длинного, многолюдного, оживленного и кипучего каравана переселенцев, состоящего из людей, тесно сплоченных, дружных, любезных и веселых, доброжелательных друг к другу, объединенных общностью судьбы. Мы иллюстрируем рассказ Штейнгейля воспроизведением рисунка одного из участников путешествия [1]) и отсылаем затем читателя к самому дневнику [2]), который, не сомневаемся, прочтется и прочувствуется с удовольствием всяким, кто любит и ценит декабристов и кому дорог и близок их труд, подъятый на завоевание свободы себе и народу.

Б. Модзалевский.

ДНЕВНИКЪ

достопамятнаго нашего путешествія изъ Читы въ Петровскій заводъ 1830 года.

Чита. По предварительному распоряженію, мы расписаны были на двѣ партіи, изъ коихъ первая должна была идти подъ начальствомъ плацъ-маіора [3]), а вторая — съ самимъ комендантомъ [4]). На каждыхъ двухъ назначалась одна конная подвода для

---

[1]) Виды во время пути зарисовывал, между прочим, В. П. Киреев (Записки Басаргина, стр. 273).

[2]) Мы печатаем его по списку, сохранившемуся в бумагах М. И. Семевского, хранящихся ныне в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук.

[3]) Осипа Адамовича Лепарского.

[4]) Станиславом Романовичем Лепарским.

поклажи скарба: подъ предлогомъ хворости, ранъ и проч., имущимъ разрѣшено имѣть свои повозки. И такъ 7-го августа числа, поутру, въ ненастную довольно погоду, выступила первая партія. Суетливость Куломзина [1]) и громко изъявленное неудовольствие Волконского [2]) на то, что его разлучили съ женою [3]), а Муравьевъ [4]) еще у жены, обратили общее вниманіе.

Остальные изъ другихъ казаматовъ перебрались къ намъ. Завалишины [5]) помѣстились въ мое сосѣдство. Я перешолъ въ 5-й №.

8-го числа. Послѣ обѣда я былъ у Марии Ник[олаевны] Волконской. По ея настоянію распространилъ письмо мое къ Полинѣ [6]), при которомъ отправлялся портретъ. Вообще, я былъ восхищенъ ея ласкою и либерализмомъ.

9-го поутру, въ 9 часу, выступили и мы — тихо и въ стройномъ порядкѣ, ибо нашъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ потолковитѣе Куломзина. Взводъ солдатъ въ авангардѣ, другой въ аріергардѣ, конвойные по сторонамъ, — всѣ съ примкнутыми штыками, и сверхъ того нѣсколько конныхъ казаковъ съ пиками: мы въ серединѣ, около своихъ возовъ. Народъ толпился около воротъ. Служившіе у насъ прощались и плакали, особенно добрый Васька, мальчикъ Нарышкина [7]).

Не смотря на дождикъ и грязь, почти всѣ шли пѣшкомъ. Я предположилъ выпить чашу, не проронивъ ни капли.

Комендантъ насъ перегналъ, чтобы переправить чрез р. Читу, до коей 4 версты. На перевозѣ увидѣли, что Марія Николаевна

---

[1]) Племянник С. Р. Лепарского, плац-адъютант И. А. Куломзин, по определению М. А. Бестужева, — «глупец и пьяница».

[2]) Декабриста Сергея Григорьевича Волконского.

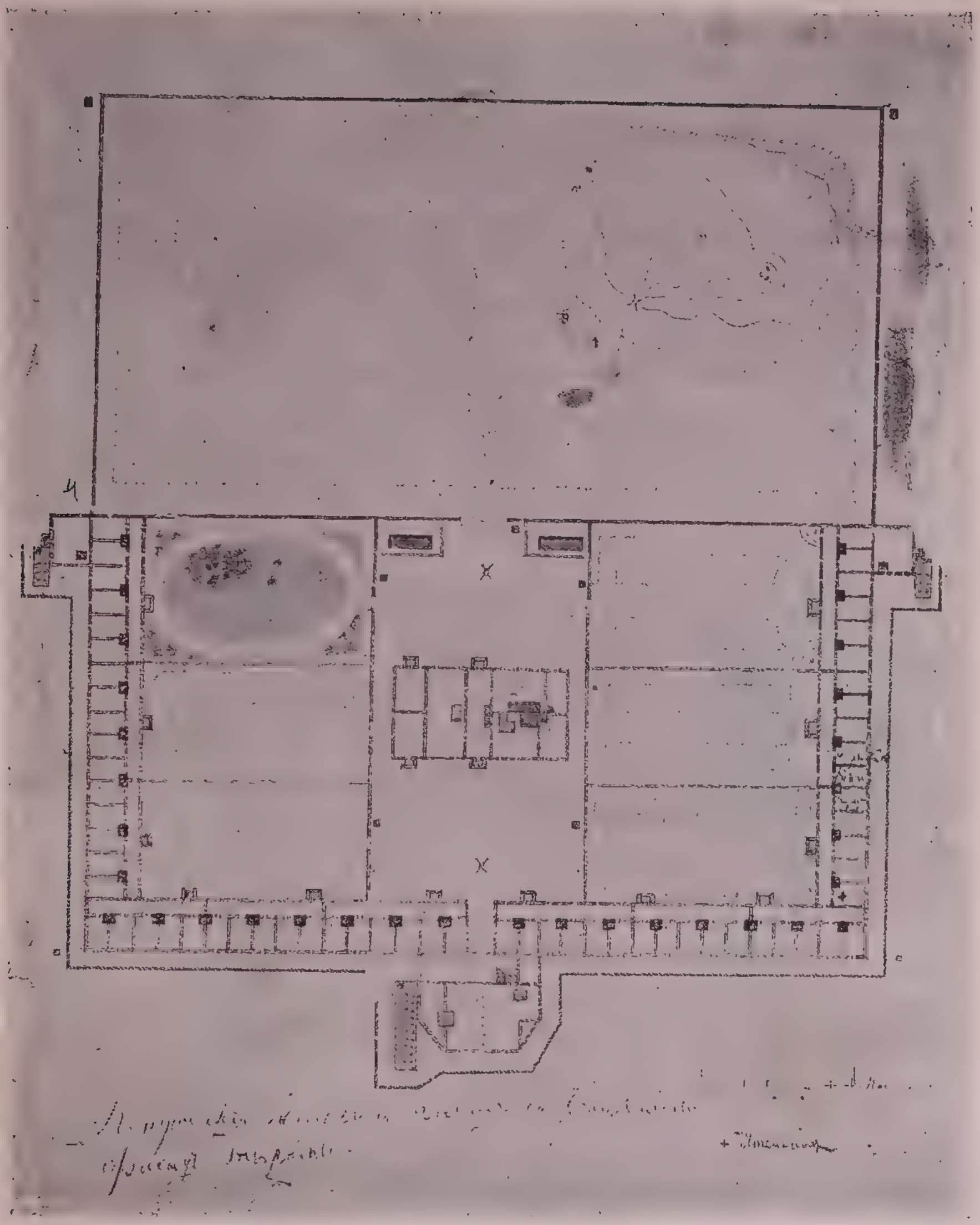
[3]) Княгиня Мария Николаевна Волконская, рожд. Раевская, была тогда «на сносях» и должна была остаться в Чите до выхода второй партии.

[4]) Никита Михайлович Муравьев, декабрист, и его жена Александра Григорьевна, рожд. графиня Чернышева, умершая в 1832 г.

[5]) Дмитрий Ипполитович и его брат (провокатор) Ипполит Ипполитович Завалишины.

[6]) Жена В. Н. Штейнгеля — Пелагея Петровна, рожд. Вонифатьева дочь Директора Кяхтинской Таможни.

[7]) Декабриста Михаила Михайловича Нарышкина.



«Петровскій желѣзный заводъ за Байкаломъ. Фасадъ тюрьмы».

План, сообщенный М. И. Семевскому М. А. Бестужевым в 1861 г.

Волконская только что переѣхала, и г-жа Смоленинова [1]) возвращалась съ двумя дочерьми на паромѣ на этотъ берегъ. Обѣ дѣвицы были въ однихъ платьицахъ, и дождь нимало не смягчался. Тотчасъ начался перевозъ при помощи проворныхъ Бурятъ и продолжался часа съ полтора. — Пошли очень скоро.

Когда скрылась Чита, вскорѣ вышли на р. Ингоду, оставя за собою вправѣ Кинонское озеро. Виды прекрасны.

Остановились въ юртахъ при деревнѣ Черной (изъ 8 дворовъ, въ 20 верстахъ).

Для насъ назначалось 7 юртъ, 8-я для офицера. Для коменданта поотдаль. Тайша его встрѣтилъ.

Нашу юрту посѣтилъ нашъ le petit médecin послѣ проводовъ и, слѣдовательно, очень веселъ. Онъ обращался съ своими увѣреньями къ Пущину [2]) и вообще надоѣлъ порядочно, насильно надѣвъ ему на палецъ женино кольцо. Оно ему возвращено на другой день.

Какой прелестный сонъ послѣ чистаго воздуха, движенія и усталости!

Нарышкинъ, Пущинъ, Лореръ [3]), Оболенскій [4]) и я составляли второе отдѣленіе и должны были становиться во второй юртѣ съ фланга.

10-е. Переходъ до станціи Домно-ключевской (20 верстъ, 13 дворов) сдѣлали очень легко. Близъ самаго станка въ топкомъ мѣстѣ встрѣтили насъ верхами посланные отъ Тайши Буряты и перевозили нашихъ на лошадяхъ. Вездѣ мостки: видна заботливость, чтобы не подмочили ногъ! Это насъ забавляло.

11-е число. — Дневка. Марья Николаевна [5]) уѣхала впередъ. — Дождь.

Почувствовалъ ломоту въ ногахъ. Употребленіе медвѣжьяго жира ее прекратило. На слѣдующій переходъ предварительно вымазалъ ноги жиромъ.

---

[1]) Фелицата Осиповна, жена обер-гиттен-фервальтера Семена Ивановича Смольянинова, горного начальника Нерчинских Заводов; на одной из их дочерей женился впоследствии декабрист Д. И. Завалишин.

[2]) Декабристу Ивану Ивановичу Пущину.

[3]) Николай Иванович Лорер, декабрист.

[4]) Евгений Петрович Оболенский, декабрист.

[5]) Волконская.

Окружной начальникъ съ г. Смолепиновымъ приходилъ въ нашъ лагерь прощаться съ знакомыми и раскланивался съ большими поклонами. NB. Нашъ Вольфъ [1]) пользовалъ его сына.

12-е. — Переходъ до станціи Ширпхопской (? верстъ, 23 двора, 15 юртъ). По каменистой и трудной дорогѣ шли чрезъ Яблоновый хребетъ. На самой вершинѣ, у креста, сдѣлали привалъ. Дождикъ шолъ съ перемѣжкою, но когда спустились съ хребта, дождь прекратился. Получили газеты. Прочитавъ, что 18 іюня н. с. Гардемарины съ капитаномъ Литке [2]) были въ Копенгагенѣ, я чрезмѣрно обрадовался, будучи увѣренъ, что и мой Всеволодъ [3]) въ числѣ ихъ.

13-е. — Переходъ до деревни и станціи Шакшинской ($15^1/_2$ верстъ, 6 юртъ).

Погода порядочная, но дорога очень грязная. Любовались видомъ Шакшинскаго озера. Юрты свои нашли на сыромъ мѣстѣ, за то небо прояснилось и ночь была прекрасная.

Катерина Ивановна Трубецкая [4]) уѣхала впередъ.

14-е. — Дневка. Чтеніе. Шашки.

15-е. — Переходъ до станціи Кондинской (32 версты, 15 юртъ). Не смотря на сильный холодный и противный ветеръ, неожиданно скоро сдѣлали этотъ большой переходъ съ однимъ только приваломъ.

Въ лѣвой рукѣ у насъ осталось озеро Иргень (мы его не видѣли), куда весною изъ Читы и другихъ мѣстъ ходятъ съ образами. Есть преданіе, что тутъ находятся мощи мучениковъ.

Легли спать при дождѣ, который скоро прекратился.

16-е августа. Дневка. Послѣ обѣда, заснувъ, увидѣлъ Полину весьма похудѣвшею. «Боже мой! как ты похудѣла!» сказалъ я. — И как ты исхудалъ! — отвѣчала она, — и я проснулся. Чрезъ полчаса принесли мнѣ письма, съ Юшневскою [5]) полученныя и от 18 іюня съ почтою. Какое утѣшеніе!

---

[1]) Доктор-декабрист Фердинанд Богданович Вольф.

[2]) Федор Петрович Литке, известный морской путешественник, впоследствии Президент Академии Наук и граф.

[3]) Сын барона В. И. Штейнгейля — морской офицер.

[4]) Жена декабриста Сергея Петров. Трубецкого, рожд. графиня Лаваль.

[5]) Мария Казимировна Юшневская, рожд. Круликовская, жена декабриста.

«Ключп. Дневка 11-го Авг. 1830».

С рисунка сепией, принадлежавшего П. П. Пущину.

17-е. Переходъ до станціи Вершиноудинской (32 версты, 15 юртъ).

Выступили въ 7 часовъ и, не смотря на трудную, грязную дорогу и дождь, съ половины пошедшій, въ 4-мъ часу пришли на мѣсто. Я очень усталъ и прозябъ, но въ юртѣ въ первый разъ разложили огонь — и я отогрѣлся.

Какъ бы ни былъ утомителенъ переходъ, я всегда самъ вынимаю свои вещи изъ телѣги или арбы (что случится), вношу въ юрту на себѣ и улаживаю свое логовище и потомъ уже ложусь отдыхать. Немногіе охотно отказываются отъ услугъ.

18-е. — Газеты. Извѣстіе о смерти Англійскаго короля [1]) и о бунтѣ Севастопольскомъ [2]).

Прекрасный вечеръ. Восхожденіе Марса. Кюхельбекер [3]) принимает его за Венеру. Смѣхъ, шутки. Его до того привели въ замѣшательство, что онъ чуть не сожогъ юрты, разводя большой огонь и закрывъ сверху отверстіе для дыма.

19-е августа. Переходъ до зимовья Домнинскаго (21 верста, 8 юртъ).

День прекрасный. Дорога порядочная, спачала только нѣсколько грязная. Въ часъ пополудни мы были уже на мѣстѣ.

Узнавъ, что Зайсанъ въ свитѣ Тайши играетъ хорошо въ шахматы, Фонъ-Визинъ [4]) пригласилъ его на партію — и Зайсанъ одержалъ побѣду. Вообще, играетъ бѣгло и расчетисто. — Прекраснѣйшій вечеръ. Луна, Юпитеръ и Марсъ во всей красотѣ. Ходилъ до 10-ти часовъ и мечталъ. Ночь холодная.

20-е. — Переходъ до станціи Яравинской (10 верстъ и 15 юртъ).

Прекрасное утро. Шли скоро, и въ разговорахъ съ Ник. Бестужевымъ [5]), до 14-го касающихся [6]), не видалъ, какъ, прошедъ

[1]) Король Великобритании и Ганновера Георг IV.

[2]) Это был «чумной» бунт в Севастополе 31-го мая — 3-го июня 1830 г. Любопытный рассказ о нем протоиерея Севастопольского собора Софрония Гаврилова (прадеда, с материнской стороны, пишущего эти строки) см. в «Русск. Арх.» 1867 г., ст. 1375 — 1384.

[3]) Декабрист Михаил Карлович Кюхельбекер, брат лицейского товарища Пушкина и И. И. Пущина.

[4]) Декабрист Михаил Александрович Фонвизин.

[5]) Декабрист-художник Николай Александрович Бестужев.

[6]) Т.-е. до восстания 14-го декабря 1825 г.

Березовую гриву, спустились на станцію. Вправѣ видѣли Яравинское озеро.

Отселѣ открытые виды. На степи сѣнокосы и пастбища. Повечеру дождь, но не надолго. — Шахматами съ Оболенскимъ скоротали вечеръ.

21-е августа. Переходъ въ село Уксеръ (16 верстъ, 20 дворовъ). — Прохладный день. Шли по берегу большаго Яравинскаго озера. Прошедъ 10 верстъ, сдѣлали привалъ. Собирали на берегу сердолики. Не доходя до села, прошли чрезъ небольшой березовый лѣсъ и только что изъ него вышли, — открылось круглое, не весьма обширное Уксерское озеро, при которомъ и село съ каменною, но бѣдною церковью.

Вскорѣ Дружининъ [1]) отправился на поселеніе и съ нимъ мой портретъ. — Были въ чорной банѣ.

22-е. — Дневка. Прекраснѣйшій день. Вмѣсто церкви, нашъ le vieux [2]) поѣхалъ на охоту. Я читалъ Филипса [3]).

Отъ Розена [4]), нашего хозяина, ѣхавшаго впередъ для заготовленія обѣда, узнали, что Марія Казиміровна Юшневская на слѣдующей станціи.

23-е. Переходъ до деревни Погромской (19 верстъ, 12 дворовъ). День ясный. Идти было даже жарко. — Большею частію открытыя мѣста.

Едва отобѣдали, пошолъ дождь съ градомъ, но не надолго. Ночью возобновился и не далъ спать. Въ трехъ верстахъ отъ деревни — минеральные ключи.

Видѣнъ домъ, отъ казны тамъ устроенный. Воды бываютъ дѣйствительны только весною. Вольфъ и Якушкинъ [5]) ходили туда.

[1]) Хрисанф Михайлович Дружинин, молодой портупей-прапорщик Оренбургского корпуса, пострадавший по провокации Ипполита Завалишина и сосланный в Читу, откуда затем был переведен на поселение. Штейнгейль хорошо знал его и его судьбу по рассказу В. П. Колесникова, записанному им в 1835 г. и изданному впоследствии (новое издание — «Огней», 1914 г.).

[2]) Комендант С. Р. Лепарский.

[3]) Вероятно — сочинения английского поэта Амвросия Филипса (род. 1671, ум. 1749 г.).

[4]) Барона Андрея Евгеньевича Розена, декабриста, вскоре встретившего ехавшую к нему жену (см. ниже).

[5]) Декабрист Иван Дмитриевич Якушкин.

«Укиря. Дневка 22-го Августа 1830».

С рисунка сепией, принадлежавшего И. П. Пущину.

Узнали о пріѣздѣ Анны Васильевны Розенъ [1].

24-е августа. — Переходъ до деревни Тайлуцкой или Поперечной (29 верстъ, 10 дворовъ). — Прекрасный день. Вышли на Хоринскую степь, гдѣ замѣтно болѣе жизни. Прелестные виды. Вправѣ — кумирни.

Подходя къ станціи, прошли мимо полуразвалившагося уже памятника несчастной Агнессы Фед. Трескиной. — Какое для меня воспоминаніе! Какой урокъ ничтожества мірской суетности!.. Мѣсто такъ ровно и дорога такъ хороша, что трудно понять, какъ здѣсь могли разбить лошади [2].

25-е. Чрезъ Розена получилъ письмо Полины: сладостное утѣшеніе, но и то не вовсе безъ желчи. — Новости изъ письма къ Трубецкому о происшествіи въ Московскомъ театрѣ [3],

---

[1]) Жены декабриста; она была рожд. Малиновская.

[2]) Жена отрешенного от должности и преданного суду Иркутского губернатора Николая Ивановича Трескина (род. 1763 г., ум. 1842 г.), известного своим взяточничеством и другими преступлениями. Она была дочерью Московского почт-директора Ф. П. Ключарева (масона) — женщина умная и твердая, но распутная, нестерпимо тщеславная и тоже взяточница (см. в «Русск. Стар.» 1902 г., № 10, стр. 36 — 37). Когда сделалось известно о смене генерал-губернатора И. И. Пестеля (покровителя Трескина) и о предстоящем прибытии М. М. Сперанского, А. Ф. Трескина отправилась к Нерчинским минеральным водам, но в проезд туда, на Тарбагатайской станции, была убита понесшими ее с горы лошадьми. На месте, однако, был слух, будто бы, узнав о назначении нового генерал-губернатора, она сама себя отравила и сопровождавший ее придумал разогнать лошадей и опрокинуть экипаж — уже с мертвою. (Бар. М. А. Корф, «Жизнь графа Сперанского», т. II, стр. 169; см. еще сборн. «В память графа М. М. Сперанского», С.-Пб. 1872 г., стр. 52, а также изданные нами Записки И. Т. Калашникова — «Русск. Стар.» 1905 г., июль, стр. 242 — 243, — который опровергает слух о самоубийстве.

[3]) Траги-комическое происшествие в Московском театре случилось еще в январе — феврале 1830 г. и состояло в том, что завсегдатаи частного французского театра Кардовой вступились за обиженную актрису и устроили в театре шум и скандал, на который обратил внимание сам император Николай I, предписавший виновников безпорядка посадить в полицию и на гауптвахту. Это распоряжение вызвало протест со стороны высшего общества Москвы, — и дело дошло до того, что сам император счел необходимым приехать в Москву и успокоить разволновавшееся общество. Об этом эпизоде писал Пушкин князю П. А. Вяземскому 14-го марта 1830 г. из Москвы. Подробнее см. в очерке Н. О. Лернера в «Литературных и популярно-научных приложениях» «Нивы» 1914 г., № 8, стр. 587 — 600.

о разговорѣ Н [иколая] [1]) съ его сестрою. — Взятіе Алжира [2]).

26-е. — Переходъ до деревни Грядецкой (22 версты, 10 дворовъ). Прекрасные открытые виды. По сторонамъ бурятскія стойбища. Скотъ, сѣнокосы. Замѣтны избы на русскую стать.

На привалѣ перегнала насъ Елизавета Петровна [3]). Она нездорова.

Въ 1-мъ часу мы были уже на мѣстѣ.

Ввечеру ждалъ восхожденія луны. Оно было прелестно. Юпитеръ, Марсъ и луна составили великолѣпный аспектъ.

27-е августа. — Переходъ до деревни Оницкій боръ (26 верстъ, 14 дворов). День вѣтреный и холодный. Пошли въ половинѣ 8-го часа и въ 3-мъ часу пришли на ночлегъ. — Прекрасные виды. — До привала съ нами ѣхала мать Тайши съ его сыномъ. Когда мы остановились, — и она велѣла остановиться своей бричкѣ. Якубовичъ [4]) подошолъ къ ней производиться и подарилъ ей ножёнки, а внуку удочки. Покойный мужъ ея былъ 7-го класса [5]). Она выѣзжала, чтобы видѣться съ генераломъ [6]); но кажется и мы не меньшимъ для нея были предметомъ любопытства.

Пришедъ на мѣсто, застали тутъ Марію Николаевну [7]) и Марію Казиміровну [8]). Я не успѣлъ видѣться съ нею. Часу въ пя-

---

[1]) Т.-е. императора Николая I, разговаривавшего в Москве с сестрою декабриста С. П. Трубецкого — графинею Елизаветою Петровною Потемкиною, женою главного героя театрального «происшествия» — графа Сергея Павловича Потемкина, с которым она впоследствии разошлась и вышла замуж за сенатора Ипполита Ивановича Подчаского. О ней см. нашу заметку в журнале «Атенеи» 1924 г., № 1 — 2, по поводу эпиграммы Пушкина с ее именем.

[2]) Французскими войсками под начальством генерала Бурмона — 5-го июля н. с. 1830 г.

[3]) Жена декабриста М. М. Нарышкина, рожд. Коновницына.

[4]) Декабрист Александр Иванович Якубович.

[5]) Т.-е. числился на государственной службе и состоял в чине 7-го класса, т.-е. в чине надворного советника.

[6]) С. Р. Лепарским.

[7]) Волконскую.

[8]) Юшневскую.

томъ прискакала и Анна Васильевна Розенъ — прямо въ объятія своего супруга. Трогательное свиданіе!

Неожиданно явился Смолянниновъ. Онъ ѣдетъ до Курбы, гдѣ открытъ богатый пріискъ мѣдной руды.

28-го августа. — Дневка. Хотѣли видѣть шамана; его вывели. Но какъ тутъ былъ Тайша самъ, то онъ, повидимому и не смѣлъ развернуться. Немножко поскакалъ, пропѣлъ менду, менду, постучали его ассистенты въ бубны, какъ въ лукошки, — и тѣмъ этотъ глупый фарсъ кончился. — Примѣтно, что Тайша смѣялся такъ, чтобы мы видѣли, что онъ шаманству не вѣритъ. Ламы вообще гонятъ шаманство, хотя сами не лучшій свѣтъ разливаютъ въ народѣ, но просто выѣзжаютъ на невѣжествѣ.

29-е. — Переходъ на станцію Опинскую (12 верстъ, 15 юртъ). Прелестный день. — Пройдя боръ, увидѣли обширную долину и вправѣ гранитную гору. Тутъ и станція.

Розенъ передалъ мнѣ пріятное извѣстіе о семействѣ: получилъ письмо отъ 13 іюля.

Шаманъ предсказалъ, что изъ Удинска нѣкоторыхъ увезутъ въ Иркутскъ. Смѣялись и шутили.

30 августа.—Переходъ до станціи Кульской ($18^1/_2$ верстъ. 10 юртъ). При выступленіи съ Онинской станціи, переправлялись чрезъ р. Ону подъ наблюденіемъ самого коменданта, который между тѣмъ разсказывалъ на берегу Ник. Бестужеву, что въ девяностыхъ годахъ онъ такъ же велъ и переправлялъ чрезъ рѣки конфедератовъ. Это насъ позабавило дорогой. — На привалѣ любовался съ высоты прелестнымъ видомъ долины, горъ и нашего каравана.

Пришли рано въ свой таборъ. Получили газеты. Бурмонь [1]) — маршаломъ Франціи. Лесть Булгарина [2]) по случаю Петергофскаго праздника напомнила Булгарина 1825 года.

Противъ станціи, за р. Удой, видно подъ горою село Кула, въ которомъ погребена несчастная Трескина.

31-е. Дневка. Были въ хорошей банѣ у живущаго здѣсь зажиточнаго купца Лосева, котораго сынъ поставлялъ дорогою для насъ мясо. Le vieux уѣхалъ впередъ на Курбинскій перевозъ.

---

[1]) Занявшій Алжир (см. выше).

[2]) В его газете «Северная Пчела».

1-е сентября.—Переходъ до станціи Тарбагатайской (29 верстъ, 10 юртъ). — Перешли легко и скоро: въ 3 часа были уже на мѣстѣ. День былъ для ходьбы благопріятенъ. Виды также прелестны.

2-е сентября.—Переходъ до станціи Тынгира-Болдатская (23 версты, 15 юртъ). — Погода постоянно прекрасная. За 7 верстъ до станціи прошли известковую гору, гдѣ видны признаки альбастра и мармора. Шли большею частію близъ самой Уды, и станція на самомъ берегу.

3-е. Дневка. Занимался Филипсомъ. — Вечеръ прелестный. Восхожденіе Марса очаровательно. Ночь теплая. Видимое благодѣяніе неба, когда люди такъ противъ насъ ожесточились.

Солдатка Бурлакова родила въ юртѣ сына; а нашимъ [1]) надобно бабушекъ изъ Иркутска!

4-е. Переходъ до станціи Курбинской (24 версты, 15 юртъ). По столбамъ оказалось 26 верстъ. Разнообразіе видовъ: два раза проходили чрезъ сосновые боры. Влѣвѣ Уда, картинно разлившаяся. Несколько озеръ. Тайша охотился во время нашего привала. Встрѣтили Шотландскаго Библейскаго миссіонера и Нерчинскаго начальника.

Въ 3-мъ часу пришли на мѣсто. Мнѣ вручили письмо отъ 16 іюля. — Непріятность отъ поступка Пущина, слѣдствіе близкаго столкновенія и тѣхъ оттѣнковъ характера, которые въ обыкновенной общественной жизни остаются обыкновенно непримѣтными.

Ночью сильный раскатъ грома разбудилъ меня.

5-е сентября.—Переходъ до Онпинской станціи (30 верстъ, 15 юртъ). — Выступленіе началось переправою чрезъ р. Курбу. По столбамъ оказалось 34 версты, и хотя шли прямою дорогою чрезъ поёмныя мѣста, не могли придти прежде 6-го часа, сдѣлавъ два привала. Это былъ самый утомительный переходъ. На привалѣ читалъ газеты. Дѣло Моллера [2]) и сентенція за оскорбленіе особы [3]): новость, неизвѣстная въ царствованіе Александра. Тотъ обыкновенно спрашивалъ: А какъ онъ

---

[1]) Т.-е. женам декабристов — Волконской, Трубецкой и др.

[2]) О деле отставного генерал-майора Моллера и о суде над ним см. «Московск. Ведом.» 1830 г., № 62, стр. 2775—2776.

[3]) Т.-е. Николая I.

меня ругалъ? — и по точномъ отвѣтѣ объявлялъ свой приговоръ: простить!

6-е. Дневка. — Читалъ Берлинскія газеты. Пріятныя вѣсти о Боливарѣ [1]). Сильный вѣтръ не далъ спать.

7-е сентября. — Переходъ до Креста или до Шевелевой заимки, въ 5-ти верстахъ отъ города Верхнеудинска (25 верстъ, 8 юртъ). — Сильный противный вѣтръ. Временно накрапывалъ дождикъ. Шли скоро, и вмѣсто 25 верстъ прошли по столбамъ 29, съ однимъ приваломъ, не долѣе какъ в 6 часовъ.

Изъ города пріѣзжали на дрожкахъ здѣшнія дамы — зѣвать на насъ.

Прочли намъ словесное приказаніе коменданта. какъ идти завтра чрезъ городъ, т.-е., чтобы всѣ были при своихъ повозкахъ и не далѣе двухъ шаговъ, трубокъ-бы не курили и даже въ рукахъ чубуковъ не держали. Солдатамъ-же приказано не разговаривать и показывать свирѣпый видъ!

Намъ это дало случай позабавиться.

8-е. Переходъ чрезъ городъ Верхнеудинскъ до деревни Саентуевской (17 верстъ, 16 дворовъ). — Рано поднялись. Конвой въ парадѣ.

Передъ городомъ встрѣтила насъ полиція. Народъ толпился кучами по возвышеніямъ. На улицахъ не замѣтно было никого порядочныхъ. На лицахъ — одно глупое любопытство. Комендантъ стоялъ у мосту чрезъ р. Уду. По другую сторону рѣки, въ первомъ домѣ на лѣвой рукѣ, съ галлереи смотрѣли нѣсколько дамъ и Верхнеудинскихъ денди.

Замѣчателенъ на правой рукѣ гранитный яръ, въ видѣ развалинъ.

Только что вышли изъ города, узнали, что Груша, дѣвушка Трубецкого, приказала долго жить. Худое или хорошее предвѣщаніе?

Имѣли привалъ. Шли чрезъ горы и любовались видами Селенги и самаго города. Съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ я. — и, можетъ быть, не одинъ я, — на даль, ведущую туда, гдѣ для меня все мое...

---

[1]) Южно-американский политическій дѣятель Симон Боливар, основатель республики Колумбіи, в январе 1830 г. вышедшій в отставку из президентов и в том же году умершій.

При входѣ на станцію, Розенъ встрѣтилъ меня картиною — подаркомъ отъ моей милой Юліи, а потомъ доставилъ мнѣ стараго пріятеля Эпиктета [1]).

9-е. На другой день холодная погода. Ночью вѣтръ.

Кончилъ Филиппса. Продолжалъ Misszellen.

10-е. Переходъ до Семейскаго зимовья по дорогѣ въ Тарбагатай (17 дворовъ, 17 верстъ). Выступили по вновь проложенной дорогѣ чрезъ хребетъ.

Проходили вновь выстроенную мельницу купца Пинаева. Комендантъ, ѣхавшій впередъ, насъ остановилъ, чтобы Ник. Бестужевъ далъ совѣтъ хозяину, какъ устроить плотину [2]). Недалеко отъ мельницы прошли мимо пчельника купца Шевелева, который имъ перенесенъ съ рѣчки Березовки, гдѣ мѣсто оказалось невыгодно. Это первый еще опытъ въ Иркутской губерніи.

За высокимъ хребтомъ открылись хорошіе виды: всюду пашни по отлогостямъ горъ. Часу въ 3-мъ пришли въ деревню Пестереву, гдѣ семейскіе радушно насъ встрѣтили. Въ первый разъ остановились на квартирахъ, — у старожиловъ, однакожъ. Зимовье мы прошли. Здѣсь замѣтенъ зажиточный крестьянинъ Заиграевъ, занимающійся различными поставками для казны и, какъ водится здѣсь, порядочный сутяга!

11-е сентября. — Переходъ до села Тарбагатайскаго (15 верстъ, 120 дворовъ). — Очень скоро перешли, ибо оставалось не болѣе 6-ти верстъ. Квартира здѣсь досталась получше вчерашней: въ Пестеревой тараканы ужасно атаковали всю ночь.

Позволеніе ходить съ квартиры на квартиру отмѣнено по случаю пріѣзда фельдъегеря. Вскорѣ узнали, что онъ привезъ только письмо къ Маріѣ Николаевнѣ [3]), вслѣдствіе ея просьбы о дозволеніи ѣхать съ мужемъ по случаю ея беременности. — Ходили въ баню. Имѣли покойную ночь.

12-е сентября. — Дневка. Посѣтилъ насъ Н. Н. Чебунинъ, здѣшній матодоръ, тесть Заиграева. Онъ особенно любопытенъ

---

[1]) Т.-е. сочиненія философа-стоика Эпиктета.

[2]) Николай Александрович Бестужев славился своими разнообразными сведениями в разных областях знаний, искусств и умений.

[3]) Волконской.

былъ видѣть бывшаго князя Оболенскаго. Познакомился ближе другихъ съ Пущинымъ. Мнѣ разсказалъ, что имѣлъ дѣла отъ моего покойного свояка.

Я читалъ свои Misszellen.

13-е сентября. — Переходъ до селенія Десятникова (10 верстъ, 10 дворовъ).

Рано выступили и скоро перешли. Изъ боковыхъ деревень нарочно выѣзжали семейскіе съ бабами и дѣвами разодѣтыми — насъ посмотрѣть. Намъ досталась хорошая квартира у радушнаго хозяина.

Читалъ газеты. Важныя происшествія во Франціи [1]).

Узнали, что фельдъегерь уѣхалъ обратно; но не слышно, чтобы онъ привезъ что-либо поважнѣе дозволенія Маріѣ Николаевнѣ видѣться дорогою съ мужемъ.

Сентября 14-е. Переходъ до селенія Барскаго (15 верстъ, 50 дворовъ). Послѣ скораго перехода получили предурную квартиру съ тараканами. Расположились въ юртѣ. Видѣли Марью Николаевну. Она пріѣхала показать полученное ею письмо, мало добраго обѣщающее.

Ночью на 16-е выпалъ снѣгъ. Дневали и скучали. Поутру выступили по дорогѣ къ Мухоръ-Шебиру до р. Тугнуй (22 версты, 15 юртъ). Судя по переходу, нѣтъ этого разстоянія. Тѣсная юрта. Камерникъ Дундукъ — опытный философъ и Далай — молодой Бурятъ, хорошо говорящій по-русски. Весь вечеръ протолковали съ ними. Я старался внушить имъ понятіе о выгодѣ быть грамотнымъ. Далай восхищался и переводилъ Дундуку, который осклаблялся отъ удовольствія, слыша новыя для него истины.

Тугнуйская степь прекрасна. Не вдалекѣ видны кумирни.

Тайша главный можетъ сѣчь Тайшу здѣшняго, хотя онъ и въ классномъ чинѣ.

Сентября 17-е. Переходъ въ село Мугоръ-Шебиръ (13 верстъ, 150 дворовъ).

При встрѣчѣ болѣе любопытствующаго народа, нежели въ Удинскѣ, особливо женщины толпами ходили послѣ мимо оконъ, чтобы смотрѣть на насъ.

---

[1]) Перед Іюльской революціей, извѣстіе о которой декабристы вскорѣ встретили радостными восклицаніями и ознаменовали пѣніем пѣсен.

Тараканы не дали спать. Корыстолюбіе хозяевъ.

18-е. Перешли въ Харашебиръ (12 верстъ, 80 дворовъ). Разбросанная деревня потомковъ польскихъ переселенцевъ, въ которых ничего почти не осталось народнаго, хотя и зовутъ ихъ хохлами.

Порядочная квартира.

19-е. Дневка. Первое извѣстіе о революціи Французской чрезъ коменданта.

20-е. Перешли въ село Хонхолой (17½ верстъ, 120 дворовъ). Порядочная квартира у кривой Пелагеи Ивановны, но только тараканы выжили меня на вышку. Возня хозяйки съ печкою разбудила меня рано. У Мишки ушли лошади.

21-е. Переходъ въ село Хараузъ (20 верстъ, 50 дворовъ). При выступленіи Фонъ-Визинъ сообщилъ подробности изъ газетъ объ абдикаціи [1]) Карла X. Это извѣстіе всѣхъ оживило.

Народъ провожалъ насъ изъ селенія. Въ селѣ Никольскомъ, 7 верстъ не доходя до Харауза, улица покрыта была народомъ обоего пола, старыми и малыми, которые ожидали насъ съ самаго утра и проводили до загона. Буряты выѣзжали кавалькадами на дорогу.

Досталась дурная квартира. Читалъ газеты. Геморрой меня одолѣлъ.

22-е. Дневка. Екатерина Ивановна Трубецкая и Елизавета Петровна Нарышкина пріѣхали изъ Петровскаго встретить мужей.

23-е. Послѣдній переходъ до Балагинскаго Петровскаго завода (28 верстъ; всего отъ Читы 634½ в.).

Выступили въ 8-мъ часу. Я не могъ идти и сѣлъ на повозку Фонъ-Визина. Трубецкой сократилъ дорогу разсказомъ о подробностяхъ посѣщенія Москвы Николаемъ [2]) и о гоненіи на раскольниковъ.

Дорога вела въ междугоріе къ мрачной тюрьмѣ, но всѣ шли съ веселымъ духомъ.

Екатерина Ивановна, Алекс[андра] Иванов[на] Дав[ыдова] [3]) и Наталья Дмитриевна [4]) насъ обогнали.

[1]) Т.-е. об отречении от Французского престола.
[2]) См. выше.
[3]) Жена декабриста Василия Львовича Давыдова.
[4]) Фонвизина, жена декабриста Михаила Александровича Фонвизина.

На половинѣ сделали привалъ.

Версты за полторы открылся мрачный Петровскій заводъ, въ коемъ наша тюрьма отличалась красною крышею. Остановились, чтобы дать солдатамъ надѣть ранцы. Мы съ пригорка смотрѣли на нашу будущую обитель и — шутили!

При вступленіи въ заводъ я пошолъ пешкомъ.

Множество народа высыпало насъ смотрѣть. Насъ встрѣтилъ заводскій полиціймейстеръ и поѣхалъ впередъ. На заводскомъ мосту, подъ который надобно было проходить, стояло также множество зрителей, чиновницъ и чиновниковъ, съ любопытствомъ на насъ зѣвающихъ. У дома Алекс[андры] Григорьев[ны] [1]) наши дамы вкупѣ ожидали своихъ мужей.

Весело вошедъ въ стѣны своей Бастиліи, бросились въ объятія товарищей, съ коими 48 дней были въ разлукѣ; ибо мы шли 46 дней, сдѣлали 31 переходъ и 15 было дневокъ.

Вскорѣ насъ размѣстили. Мнѣ достался в 3-мъ Отдѣленіи роковой 13-й №, между Пущинымъ и Оболенскимъ. Я вступилъ въ него, какъ въ преддверіе гроба; но сердце было спокойно. душа тверда.

Товарищи разсказали намъ, что имъ, по вступленіи сюда, читали правила о порядкѣ, какой впредь будетъ здѣсь наблюдаться, которыя возбудили между ними всеобщій хохотъ, и всѣ твердили: отъ запертія до отпертія, а потому, вѣроятно, намъ уже никакихъ правилъ не показывали. Не только мы, даже солдаты смѣялись тѣмъ наставленіямъ, которыя имъ читали на гауптвахтѣ: и здѣсь, какъ и во всей Россіи, предписанія въ раздорѣ съ исполненіемъ — были и будутъ.

Во всякое Отдѣленіе дали по сторожу изъ солдатъ; къ намъ достался Лука Ивановъ Гуринъ.

Совершенно темные номера [2]), желѣзные запоры, четырехъсаженный тынъ, не допускающій ничего видѣть, кромѣ неба, должны были ужаснуть каждаго; но, — таково слѣдствіе привычки, — мы были равнодушны ко всему. Я вспомнил Зайцовскаго ямщика, который въ 1819 году, подъѣзжая къ Бронни-

[1]) Муравьевой.

[2]) Лишь спустя некоторое время, по представлению С. Р. Лепарского, в камерах были проделаны небольшие окна.

цамъ, — на вопросъ мой: «Начинаютъ-ли военно-поселенцы привыкать къ новой своей жизни?» — отвечалъ: «Да, батюшко, баринъ: велятъ, такъ и въ адѣ привыкнемъ!» — Какъ сильно и какъ справедливо! Я тогда не воображалъ, что опытомъ узнаю истину сей русской остроты. Могу-ли предузнать, что̀ еще впередъ испытать предназначено? Но.... да будетъ воля Твоя!

ЖУКОВСКИЙ И БРАТЬЯ ТУРГЕНЕВЫ.

Известна продолжительная, нежная и действенная дружба, связывавшая Жуковского и Александра Ивановича Тургенева [1]); чувства, которые питал поэт к этому своему другу и сверстнику, а еще более — к старшему его брату, талантливому юноше-поэту Андрею Ивановичу, рано умершему, — перенес он и на младших братьев Тургеневых — Николая Ивановича (декабриста) и Сергея Иваповича (умершего в 1827 г.). Когда декабрьские события и последовавшие за ними следствие и суд вовлекли в свою орбиту Тургеневых, Жуковскому выпало на долю много и сильно страдать за участь своих друзей, и хотя из них лишь Николай был непосредственно причастен к делу и фигурировал в процессе, как обвиняемый, — оставаясь, впрочем, в чужих краях, — тем не менее, и Александр, и Сергей самым близким образом переживали все перипетии следствия, суда и приговора над участниками Тайного Общества, — переживали так близко, что от природы болезненный Сергей Иванович не смог перенести смертного приговора, вынесенного, хотя и заочно, его брату, повредился в уме скончался 1-го июня 1827 г. [2]). Жуковский участвовал во всех переживаниях этой грустной в жизни друзей-братьев эпохи и делил с ними всю тяжесть утраты, когда Сергей Тургенев умер в Париже на руках брата своего Александра и его, Жуковского...

---

[1]) Записку А. И. Тургенева о Жуковском, 1816 года, см. в «Русск. Стар.» 1901 г., № 8, стр. 391—393.

[2]) См. письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу, Лейпциг. 1872 г., стр. X и 1 след., а также замечательные письма Н. И. Тургенева из Англии к А. И. и С. И. Тургеневу (с 27-го марта 1826 г. по 14-е июня 1827 г.) — в «Русск. Арх.» 1895 г., кн. II, стр. 465—483 и в «Русск. Стар.» 1901 г., № 5, стр. 237—275.

На защиту Николая Тургенева Жуковский выступил тотчас же, как ему стало известно о привлечении к делу брата его друга. Рассказ об этом дан князем П. А. Вяземским в его письме к П. И. Бартеневу от ноября 1875 г. о причастности братьев Тургеневых к событию 14-го декабря, напечатанном в «Русском Архиве» 1876 г., кн. I, стр. 253—262. Дополнением к письму Вяземского служит статья Н. Ф. Дубровина: «В. А. Жуковский и его отношения к декабристам» [1]) — в «Русской Старине» 1902 г. (№ 4), в которой особая глава: «В. А. Жуковский и братья Тургеневы» трактует именно об участии Жуковского в деле Н. И. Тургенева; наконец, этому же вопросу посвящен 5-й отдел XII главы книги Е. И. Тарасова: «Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху» (Самара. 1923 г., стр. 399—447): здесь довольно подробно рассказано (стр. 422—426) про хлопоты Жуковского о помиловании Тургенева в 1826 и 1827 г.г. Жуковский представлял Николаю I в т о р у ю оправдательную записку Н. И. Тургенева, — при письме от 29-го декабря 1827 г. [2]), при чем сам написал о нем пространную записку [3]); в середине 1829 и в начале 1830 года он снова хлопотал перед Николаем I о Николае Тургеневе, при чем ему пришлось выступать и на защиту Александра Ивановича, навлекшего к этому времени неудовольствие царя своими хлопотами за осужденного брата; его замечательные письма к царю и к царице по этому поводу уже давно известны в печати [4]), как известно и то, что Жуковскому так и не удалось ничего добиться в пользу Тургеневых; но до сих пор еще не было опубликовано одно письмо поэта к императору Николаю, — от 22-го июля 1831 г. — все по тому же предмету — оправдания

---

[1]) Приведенное здесь, по копии Тургеневского архива, письмо Н. И. Тургенева к брату (стр. 50—62) было разослано членам Верховного Уголовного Суда, в копиях, А. И. Тургеневым; одна из таких копий имеется в бумагах члена Суда сенатора А. В. Казадаева в Пушкинском Доме (в архиве «Русской Старины», № 5562), где находится копия и д р у г о г о письма Н. И. Тургенева к брату, — от 27-го марта — 9-го апреля 1826 г., — опубликованного в «Русск. Стар.» 1901 г., № 5, стр. 242—244.

[2]) «Русск. Арх.» 1895 г., кн. II, стр. 519—520.

[3]) Сочинения Жуковского, изд. А. Маркса, под ред. А. С. Архангельского, кн. X, 1902 г., стр. 13—23.

[4]) «Русск. Стар.» 1902 г., № 4, стр. 66—94.

в глазах царя Александра Тургенева, взятого под большое подозрение из-за преданности его осужденному брату... Это письмо так же замечательно, как и большинство писем Жуковского, проникнуто теми же благоволительными тонами, как и другие его письма, писанные по самым различным поводам и к людям самого различного положения; особенно же любопытно оно по упоминанию в нем имени Пушкина. Последний, после женитьбы своей, поселился, в конце мая 1831 г., в Царском Селе, куда в середине июля переехал, со своим учеником, в. к. Александром Николаевичем, и Жуковский. Друзья-поэты часто здесь встречались. «Пушкин — мой сосед», — писал в это время Жуковский Вяземскому и А. И. Тургеневу: «и мы видаемся с ним часто. С тех пор, как ты сказал мне, что у меня слюни текут, глядя на жену его, я не могу себя иначе и вообразить, как под видом большой старой датской собаки, которая сидит и дремлет, глядя, как перед нею едят очень вкусно, и с морды ее по обеим сторонам висят две длинные ленты из слюней. А женка Пушкина очень милое творение. C'est le mot [Именно так]. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше. Мне же пришлось только повторять стих: «Чувствительна душа и вчуже веселится» [1]).

Совместная жизнь и постоянное общение с Жуковским, а также близость двора не остались без влияния на впечатлительный ум Пушкина: в его политическом настроении и даже в общем миросозерцании именно в это время, летом 1831 г., произошел перелом, результатом которого вскоре явились такие пьесы, как «Клеветникам России» и «Бородинская Годовщина», в сентябре вышедшие отдельною брошюрою вместе со стихотворением Жуковского «Старая песня»... С Тургеневым Пушкин повидался еще в начале июня и 11-го числа писал о нем князю Вяземскому в следующих теплых выражениях: «Видел я Тургенева и нашел в нем мало перемены: кой-где седина, впрочем, та же живость, по крайней мере, при первом свидании. Жду его в Царское Село. Он едет к тебе, если карантин [холерный] его

---

[1]) Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. Под ред. П. А. Бычкова, М. 1895 г., стр. 256.

не удержит. Постарайся порастрепать его porte-feuille, полный европейскими сокровищами. Это нам пригодится» [1]. 3-го июля поэт послал ему поклон через князя П. А. Вяземского [2]; на поклон этот Тургенев отозвался ему 15-го июля, из Остафьева [3]; в конце августа Пушкин узнавал о нем из писем Вяземского [4], а 29-го октября Тургенев писал Пушкину из Москвы, после свидания с Вяземским и Жуковским, и посылал стихи для «Северных Цветов», которые Пушкин издавал в пользу семейства умершего Дельвига [5]. В начале декабря, в поездку свою в Москву, поэт сам еще раз повидался с Тургеневым в «первопрестольной» [6]; вскоре затем Тургенев уехал заграницу, а в январе 1837 г. ему, как известно, пришлось присутствовать при последних днях и часах жизни Пушкина, а затем отвозить его тело в Святогорский монастырь для погребения.

Б. Модзалевский.

Жуковский — императору Николаю I.

То, что Ваше Императорское Величество благоволили сказать мнѣ на счетъ Александра Тургенева, налагаетъ на меня обязанность представить Вамъ отъ себя всеподданнѣйшее объясненіе. Хотя и не знаю, въ чемъ именно могутъ состоять обвиненія противъ Александра Тургенева, и на какихъ доказательствахъ могутъ онѣ быть основаны, но смѣло отвѣчаю Вашему Величеству и готовъ отдать голову за истинну словъ моихъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію без всякаго вреднаго намѣренія. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, онъ увидѣлся съ первымъ со мною, то есть навѣстилъ меня немедленно въ Петергофѣ. Это свиданіе было для меня совершенною неожиданностію; но я былъ оному радъ, въ томъ убѣжденіи, что сей пріѣздъ дастъ нѣчто рѣшительное судьбѣ Александра Тургенева, столь разстроенной всѣмъ, постигшимъ его братьевъ. Во-первыхъ, А. Тургеневъ сказалъ мнѣ, что и онъ, и братъ его преисполнены къ Вашему Величеству

---

[1]) Переписка Пушкина, Акад. изд., т. II, стр. 251.
[2]) Там же, стр. 268.
[3]) Там же, стр. 272.
[4]) Там же, стр. 310 и 314.
[5]) Там же, стр. 340.
[6]) Там же, стр. 350.

благодарностію за то, что Вы, Государь, въ послѣднее время желали сдѣлать для облегченія судьбы ихъ, и что они оба теперь убѣждены въ невозможности оправданія для осужденнаго, который, признавая Ваше великодушіе, наконецъ, рѣшительно покорился своей участи. Объ этомъ я тогда же (на Елагинѣ островѣ) имѣлъ честь говорить съ Государынею Императрицею, въ той надеждѣ, что это дойдетъ до Вашего свѣденія и не смѣя говорить о томъ съ Вашимъ Величествомъ лично. Вторая причина пріѣзда А. Тургенева есть устройство его хозяйственныхъ дѣлъ. Управленіе деревни своей поручилъ онъ Жихареву, оберъ-прокурору Сената въ Москвѣ. Братъ его имѣетъ надежду жениться: но въ Англіи для женитьбы нужно предварительно предъявить свое состояніе: Николай Тургеневъ теперь неимѣетъ ничего. Александръ, пожертвовавъ ему всѣми выгодами, кои могъ бы имѣть по службѣ въ Россіи, готовъ пожертвовать ему и своимъ имуществомъ, для чего и рѣшился продать свое имѣніе. Для этого нужно было ему самому пріѣхать въ Россію и имѣть свиданіе съ Жихаревымъ въ Москвѣ. Думая, что его деревня можетъ быть куплена въ казну, онъ говорилъ о семъ въ Петербургѣ съ Львомъ Перовскимъ, управляющимъ дѣлами удѣльныхъ имѣній, но получилъ отвѣтъ отрицательный. Рѣшившись увидѣться съ Жихаревым въ Москвѣ, онъ изготовился къ отъѣзду, но остановился, услышавъ, что въ Москвѣ возобновилась холера. Вдругъ открылась она и въ Петербургѣ, и Тургеневъ собрался было немедленно возвратиться въ Англію; но ему не удалось найти мѣста на пароходѣ, и онъ, избравъ изъ двухъ опасныхъ мѣстъ менѣе опасное, уѣхалъ въ Москву. Наконецъ, третья причина пріѣзда его въ Россію относится собственно къ нему самому. Александръ Тургеневъ, по неизрѣченной Вашей милости, сохранилъ всѣ оклады, кои получалъ прежде, находясь въ службѣ. Хотя онъ и въ правѣ думать, что сія милость Ваша оказана ему за его истинно безпорочную и долговременную службу, но онъ желалъ бы пріобрѣсть на нее большее право какою-нибудь полезною дѣятельностію для отечества, находясь внѣ онаго. Онъ путешествовалъ съ великой пользою и особеннымъ предметомъ его наблюденій были съ одной стороны всѣ учебныя заведенія Германіи, Франціи и Англіи, съ другой всѣ богоугодныя заведенія и тюрьмы; осмотромъ послѣднихъ зани-

мался онъ очень усердно, находясь и въ Россіи. Имѣя много собранныхъ свѣдѣній по симъ предметамъ, онъ желалъ бы употребить ихъ и на пользу отечества, желалъ бы, чтобы ему дано было позволеніе сообщать свои замѣчанія и виды Министерству просвѣщенія по части учебной и Министерству внутреннихъ дѣлъ по части заведеній богоугодныхъ и тюремъ. О семъ говорилъ онъ и съ Княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, который, одобривъ мысли его, сказалъ, однако, что надобно избрать удобнѣйшее время для обращенія на это вниманія Вашего Величества, столь занятаго дѣлами важнѣйшими. Вотъ все, что знаю теперь о личныхъ обстоятельствахъ Александра Тургенева и за истину чего смѣло ручаюсь Вашему Величеству. Въ доказательство же усердія А. Тургенева къ Вамъ и отечеству, приведу то, что, во все продолженіе холеры въ Москвѣ, онъ съ неусыпною заботливостію собиралъ во Франціи и Англіи всѣ лучшія свѣденія о сей болѣзни и доставилъ объ ней много печатнаго и писменнаго Министру внутреннихъ дѣлъ. Не смѣю думать, чтобы свидѣтельство мое могло быть принято Вашимъ Величествомъ, но, изложивъ просто извѣстныя мнѣ обстоятельства, почитаю обязанностію сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что А. Тургеневъ не приметъ и не способенъ принять участія ни въ чемъ вредномъ для Россіи. Онъ не былъ нисколько замѣшанъ въ прежнемъ заговорѣ и только при началѣ суда узналъ о участіи въ немъ своего брата, коего несчастіе и теперь дѣлитъ не такъ, какъ злоумышленникъ, а просто, какъ братъ, жертвующій самимъ собою. Онъ, вѣрьте, Государь, не былъ бы вреденъ теперь и Пушкину, ибо въ прежнее время, когда пылкая молодость сводила Пушкина съ прямаго пути, никто болѣе А. Тургенева не старался его укрощать и наводить на прямую дорогу. Служба его была безпорочна: это засвидѣтельствуютъ всѣ, служившіе съ нимъ и подъ нимъ и теперь сохранившіе къ нему живѣйшую привязанность. Что же касается до его настоящихъ намѣреній, то знаю только одно, что онъ преисполненъ къ Вамъ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности и болѣе, нежели кто-нибудь, способенъ оправдать великодушную Вашу довѣренность и милость.

В. Жуковскій.

22 Іюля 1831.

IV.

Писания и письма декабристов.

ТРИ ПИСЬМА В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА к Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ.

Из переписки Вильгельма Карловича Кюхельбекера (род. 10-го июня 1797, ум. 11-го августа 1846) нам известно очень немногое: 4 письма к Пушкину, — его лицейскому другу и товарищу по служенню музам, 4 письма к Жуковскому [1]), письмо к В. И. Туманскому [2]), письмо к В. Д. Вольховскому [3]), 4 письма к князю В. Ф. Одоевскому [4]), письмо к Д. И. Завалишину [5]), два письма к С. Д. Комовскому [6]), два письма к графу А. Х. Бенкендорфу и графу А. Ф. Орлову [7]), одно письмо к барону Дельвигу [8]), письмо к неизвестной [9]), письмо к сестре [10]) — вот едва ли не все, что дошло до нас и опубликовано [11]); писем Кюхельбекера к его сотоварищам по ссылке мы почти не знаем, из писем к брату Михаилу не сохранилось ни одного, — поэтому присоединение к известным уже в печати письмам пылкого поэта еще трех новых представляется небесполезным, — тем более, что обращены они к такому человеку, каким был Е. П. Оболенский. Первые два из публикуемых ниже писем сравнительно мало содержательны и останавливают на себе внимание, главным образом, своим стилем, — отражением личности писавшего; за то третье ценно и по существу, — авто-

---

[1]) «Русск. Арх.» 1871 г., кн. I, ст. 0170—0180 и 1872 г., кн. I, ст. 1004—1008 и «Русск. Стар.» 1902 г., № 4, стр. 107.

[2]) «Русск. Стар.» 1890 г., № 8, стр. 383.

[3]) Н. Гастфрейнд, «Товарищи Пушкина», т. I, стр. 160 — 161.

[4]) «Русск. Стар.» 1904 г., № 2, стр. 378 — 384.

[5]) «Русск. Стар.» 1881 г., т. 32, стр. 388 и 427.

[6]) К. Я. Грот, «Пушкинский Лицей», Игр. 1911, стр. 85 — 88.

[7]) «Русск. Стар.» 1902 г., № 4, стр. 96 — 97 и 110 — 111.

[8]) «Русск. Арх.» 1881 г., кн. I, стр. 140 — 141.

[9]) Сборник стар. бумаг П. И. Щукина, ч. VIII, стр. 244—246 и «Русск. Арх.» 1901 г., кн. II, стр. 239 — 240.

[10]) «Литер. Вестник» 1902 г., кн. 2, стр. 168.

[11]) Из писем к Кюхельбекеру известно еще меньше: письма Пушкина, Жуковского, В. И. Туманского, Грибоедова, Р. И. Ховена и кн. В. Ф. Одоевского.

характеристикою и рассужденіем о воспитаніи, в котором сказался бывшій педагог, не перестававшій интересоваться вопросами воспитанія и в далекой ссылке.

В приложеніи мы печатаем одно письмо к Оболенскому декабриста Михаила Карловича Кюхельбекера; всех их, не считая приводимой ниже приписки, в нашем распоряженіи пять; мы сообщаем наиболее интересное по содержанію, соблюдая все его орфографическіе и грамматическіе неправильности и напоминая при этом читателю, что Кюхельбекер до ссылки в Сибирь был питомцем Морского Корпуса и офицером Гвардейского Экипажа.

1.

[1-го октября 1839 г. Баргузинъ].

Другъ Евгеній Петровичь.

Хотя Вы ко мнѣ и не писали, а все же, я полагаю, скажете мнѣ спасибо, что напомню Вамъ о себѣ. — Зимой надѣюсь съ Вами свидѣться дорогой въ Удинскъ.—Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ. — Вотъ бы и Вамъ, Евгеній Петровичь, перепроситься туда, куда ѣду, въ Акшу! Зажили бы съ Вами!—Я здоровъ и бодръ, но сѣдъ. — Про васъ говорятъ, что Вы и не сказать, какъ моложавы.—Не вѣрятъ люди, что мы съ Вами ровесники.—Что Глѣбовъ? Видѣлись ли Вы съ нимъ?—Вадковскій?—Обнимаю и цѣлую Васъ и прошу Бога дать Вамъ терпѣніе. Вашъ

Вильг. Кюхельбекеръ.

Приписка И. С. Вѣтрова [1]:

Любезный Евгеній Петровичь,

Обстоятельства мои задержутъ въ Баргузинѣ меня болѣе предположеннаго мною времѣни, — слѣдовательно, хотѣлось бы мнѣ знать положеніе Вашего больного — я могъ бы и отъ сюда что нибудь переслать или посовѣтовать. — Пишитѣ намъ или мнѣ хотя чрезъ отца Петра, а я вамъ служить готовъ.

Остаюсь преданнымъ вамъ Вѣтровъ.

1-е ч. Октября.

[1]) Молодого подлекаря.

Приписка М. К. Кюхельбекера [1]):

Любезной Евгеній Петровичь! вотъ вамъ пару словъ въ ответъ на вашу записку, Илья Семеновичь своим пріездомъ розвлекъ нашу скуку и поговорилъ съ нами о некоторыхъ изъ нашихъ, вамъ сказать вособености ничего не имею, а отъ васъ ожидаю полною рацею о вашемъ жите быте въ Петровскомъ посьле моего отезду, а тоже извістія о некоторыхъ изъ нашихъ, о которыхъ я ничего не слышалъ, какъ то о Розенѣ, Мозганѣ, Фроловѣ и про. Въ прочемъ желаю вамъ здоровія и есьли можно удовольствія.

М. К—.

На оборотѣ: Евгенью Петровичу Оболѣнскому въ Итанцѣ.

2.

25 Ноября 1839 [Акша?].

Другъ Евгеній Петровичь. —

Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я здѣсь, и скоро двѣ, какъ разлучился съ милыми ближними.—Грустно! Здѣсь меня ласкаютъ, но душа просится къ нимъ, просится к тебѣ, мой братъ по сердцу и правиламъ, которыхъ,—вѣрь мнѣ, — всю высокость и утѣшительность понимаю, хотя и не въ силахъ принаровить къ нимъ жизни своей.—Я здоровъ, — но нѣтъ часа, гдѣ бы у меня не ныло сердце, а пуще по братѣ.—Здѣшніе ко мнѣ очень расположены, но не очень надѣюсь, чтобъ тоже было черезъ недѣлю, а мнѣ придется, можетъ быть, прожить здѣсь цѣлыхъ три.

Писалъ бы много, но всего не выскажешь, а что я люблю тебя и ввѣкъ не забуду, повѣришь и безъ увѣреній. Это главное. — Итакъ прости! —

Твой В. Кюхельбекеръ.

[1]) Печатаем с точным соблюдением своеобразного правописания подлинника.

3.

5 Іюня 1841 года. Акша.

Вы говорите, любезный Евгеній Петровичь, что виноваты передо мною, а между тѣмъ полагаете, что все таки Вы первые ко мнѣ пишете, что Вы начинаете переписку со мною.—Я не обвиняю ни себя, ни васъ, а только увѣряю Васъ, что я къ Вамъ писал 1½ года тому назадъ съ Урядникомъ Портнягинымъ, который меня привезъ сюда: — онъ вѣрно вамъ не доставилъ моего письма, хотя и клялся и божился, что непремѣнно доставитъ. Надѣюсь, что это по кр. мѣрѣ получите. — Забился я въ Акшу и не каюсь покуда: своими ученицами я очень доволенъ; съ Разгильдѣевой я теперь въ пріятельскихъ отношеніяхъ; она, кажется, теперь оцѣнила мои старанія и вѣритъ, что я свое дѣло знаю.—Что касается до другихъ, мнѣ, право, почти все равно, какъ бы они здѣсь обо мнѣ ни думали. Аннушка и Васинька составляютъ истинное мое утѣшеніе. Есть у меня здѣсь еще два мальчика; ими я нѣсколько менѣе доволенъ; одинъ изъ нихъ не безъ способностей, mais têtu, comme un cheval esthonien et parfois même impertinent [1]),—другой для своихъ лѣтъ очень слабъ, хотя и прошелъ весь курсъ уѣзднаго училища и получилъ самый лучшій аттестатъ. Вообще дѣвушекъ обучать не въ примѣръ легче и пріятнѣе, нежели парней: маленькая дѣвушка,—еслибы даже была и избалована, всегда самолюбива, а стоитъ умѣть пользоваться этимъ самолюбіемъ и можешь быть увѣреннымъ въ успѣхѣ.—Autre question, si les progrès dans les sciences valent, qu'on développe l'amour propre dans des âmes qui sans cela sont trop enclintes de s'abandonner à ce penchant?—Mais toujours, même le trop grand développement de l'amour propre vaut mieux, met l'homme plus haut, qu'une entière absence de ce qui le fait homme et sans quoi il doit être ange ou brute; ajoutez que malheureusement le dernier cas est le plus fréquent [2]). — Впрочемъ довольно о

---

[1]) (Перев.): «но упрямый, как чухонская лошадь, а иногда даже и дерзкий».

[2]) (Перевод): «Другой вопрос, стоит-ли для успеха в знаниях развивать самолюбие в душах, которые и без того слишком расположены отдаваться этой склонности? Однако всегда даже слишком большое развитие самолюбия лучше и ставит человека выше, чем совершенное отсутствие того, что делает его человеком и без чего он должен быть или ангелом, или животным; прибавьте, что, к несчастию, последнее случается чаще.

Вильгельм Карлович
КЮХЕЛЬБЕКЕР

По фотографии с оригинального рисунка.

воспитанiи: тѣмъ болѣе, что въ коротенькомъ письмѣ мнѣ надобно поговорить объ очень многомъ.—Жена и я, другъ Евгенiй Петровичь, никогда не забудемъ Вашего истинно братскаго, радушнаго приема: Дроспда Ивановна о васъ не иначе говоритъ, какъ о самомъ близкомъ, миломъ родномъ.—Я съ своей стороны душевно васъ люблю и почитаю и скажу безъ всякаго лицемѣрства, что желалъ бы быть похожимъ на Васъ и въ отношенiи вашего кроткаго, смиреннаго благочестiя; — но, хотя я всегда благоговѣлъ передъ святостiю вѣры,—хотя и никогда не забуду, чѣмъ она мнѣ была въ заточенiи,—часъ мой, кажется, все еще не насталъ: никакъ не могу во всѣхъ своихъ поступкахъ младенчески слѣдовать ея голосу; вспыльчивость, гордость, — вотъ главные два мои непрiятеля; я ихъ все-таки не могу еще одолѣть. А какимъ пыткамъ меня, человѣка трудящагося изъ хлѣба насущнаго, да въ добавокъ опальнаго, подвергаетъ подъ часъ гордость—вы себѣ можете вообразить!

Миша мой [1]) в отца: представьте, ему нѣтъ и двухъ лѣтъ, а замѣтно самолюбiе!—Впрочемъ онъ все таки добрый мальчикъ. Богъ далъ мнѣ еще сына, которому теперь 6-ой мѣсяцъ: имя его—Иванъ [2]).—Это имя мать дала ему по дѣдушкѣ, но я имъ очень доволенъ, потому что напоминаетъ Лицей и товарища, котораго и Вы и я любимъ [3]).

Здѣсь написалъ я не много, но все же болѣе, чѣмъ въ Баргузинѣ.—За извѣстiя о товарищахъ я вамъ очень благодаренъ.

В. Кюхельбекеръ.

М. К. Кюхельбекеръ — Е. П. Оболенскому.

[Октябрь—нолбрь 1839 г. Баргузин].

Очень обрадовался, любезной Евгенiй Петровичь, чрезъ столько летъ получить отъ васъ весточку; сколько разъ ни по-

---

[1]) Он родился 29-го июля 1839 г.; впоследствии майор, в 1876 г. был Директором Правления Общества для улучшения помещений рабочего и нуждающегося населения в Петербурге; умер 22-го декабря 1879. (См. «Нов. Время» 1879 г., № 1374; «Молва» 1879 г., № 356 и «Голосъ» 1879 г., № 325, и надгробие на Б. Охте, с ошибочным указанием, что он родился в *1840* году).

[2]) Род. в Акше 21-го декабря 1840, ум. 27-го марта 1842.

[3]) Т. е. Ивана Ивановича Пущина.

лучалъ я и[зъ] П. З. [1]) извѣстія, но вы не писали ни когда ни слова. Теперь вы нашъ ближайшій сосѣдъ, и я надеюсь, что мы часто будемъ въ сношеніяхъ, особено зимою!—Вы требуете отъ мня свѣдѣній о себе,—вотъ вамъ полной очетъ. Пріехавъ суда, мнѣ точно таже понравился Баргузинъ, какъ вамъ Етанца, и право чрезъ неделю я бы готовъ былъ ехать обратно въ П[етровский]; но мало по малу я сталъ привыкать; человекъ, я думаю, можетъ привыкнуть и къ Аду (и потому полагаю, что нету и вечного мученія грешникамъ, — вотъ и Метафізика, которою вы такъ любите). Но шутки въ сторону, о перемене место я расщиталъ, что не стоитъ много хлопотать, особено же п р о с и т ь. Присмотрясь къ людямъ и месту, нашелъ, что жить все таки можно и здесь; въ солдаты мнѣ не хотелось по моимъ понятьямъ: щитаю я стыдно просится, о с о б е н о в ъ с о л д а т ы; естьли бы меня взяли, то врятли бы сначало [не] отказался, но просится—дело другое! Вотъ, всматриваясь въ людей и знакомясь съ ними, сошелся съ человекомъ умнымъ и добрымъ, словомъ съ Иваномъ Ивановичемъ, и мнѣ удалось сбить у него лишную спесь и полуученое педанство: теперь онъ человекъ хоть куда, притомъ съ истено благородными чувствами; одно худо, что онъ богатъ. Въ семестве его меня приняли, как родного, особено покойница мать его меня очень любила и умерла у меня на рукахъ; она была старушка умная, добрая, но страпая; я съ ней поладилъ какъ нельзя лучи; то потакалъ, то спорилъ, иногда и бранился, а етого то ее и надо было, ибо никто здесь съ ней с т ы р и т ь, т. е. спорить не смелъ. Кромѣ ихъ семи [2]) есть здесь еще несколько купцовъ, съ которыми жить можно, и хотя они все не образованы, но все таки лучи Сибирскихъ крестянъ; въ Елани я испыталъ, что значитъ крестянское общество, а Одоивской—и то, что значитъ зависить отъ волостного Правленія.

Такъ какъ у меня своя кривая нравственость и языкъ не всегда то говоритъ, что думаетъ, то я женился, при томъ что нослось [sic?] матушкѣ; по милости ваши Оповъ Светыхъ Іеревъ женидба мнѣ наделала много хлопотъ, какъ вы слышели, но богъ

---

[1]) Т.-е. Петровского Завода,—места заточения декабристов до выхода их на поселение.

[2]) Т.-е. семьи.

не выдалъ, и я опять съ своими молютками. Въ прочемъ скажу, что въ нашемъ положеніи очень глупо женится. О женѣ моей многого сказать нечего; она простая, довольно добрая баба, — вотъ и все. Детей у мня две дочти; АннушкѢ скоро 6-той годъ, Устиніи скоро 4, обе они милыя дети, старшая тиха и нежна, млачія красавица и настоящія Либералка, они обѢ мое утешенія, но когда подумаешъ, что съ ними будетъ въ передъ, то радость отравляится желчію, одна надежда на Господа Бога! Въ продолженіи моего здесь прывыванія успелъ я заслужить общее уваженіе и отчасти и любовь; вотъ какъ я себя повелъ, перьвое не спешилъ знакомится, къ себе приглошалъ редко, и то не почивалъ до пяна, съ ними мало гулялъ, и главное здесь худо въ Сибире пянство; чемъ могъ служилъ, словомъ и деломъ, бедному и богатому безъ разбору, вамъ советою не давать денигъ въ займы. Кто придетъ—сейчасъ спросишь за чемъ, иногда посадишь, иногда и стоячаго отправишь; особено съ перьвого разу—не давать имъ повадки, а какъ вы скромны и не очень горячи, то дело подетъ на ладъ; естьли подешь кому въ гости,—но чтобъ онъ читалъ ето за особеною честь. Поселенцовъ беречься и мало имъ верить.

Баргузинъ имеитъ много преимуществъ отъ прочихъ Забайкальскихъ волостей, первое иметь дело соднемъ Словеснымъ Судомъ, второе есть где иногда провести вечеръ, даже и за бостономъ; третье естьли хлебъ будитъ опять родится, такъ и житье довольно сходно, и можно съ денгами иметь и оборотъ рыбной ловлею и пр. Съ Етанцою нету никакого сравненія; здесь останавливаются и чиновники; между ими есть очень порядочные люди, особено Окружной Начальникъ, Исправникъ доброй малой и пр.

И такъ, любезной Евгеній Петровичь, естьли нету вамъ надежды переместится въ лучію губернію или кому нибуть изъ нашихъ товарищей, то просите Окружного Начальника переместить васъ сюда. Вы спрóсите, отъ чего братъ отсюда просится? Ему обещалъ А. И. Разгильдяевъ полное содержание и другія золотыя горы, а какъ наше положеніе довольно затруднительно, то нечего делать, онъ и решился ехать въ Акшу.

Ему вообще труднее меня уживатся съ людми, но про Ивана Ивановича онъ тоже скажитъ, что и я; не знаю, выграитли бедной братъ перемещеніемъ, а мнѢ кажется, что на врятъ!

Хозяйственыя дела наши плохи, хлебъ четвертой годъ не родился, постройка не окончена и поетому живемъ не богато, но ето и въ другомъ месте тоже было бы. Вонъ сколько я намаралъ! Будущи разъ напишу подробно о матерьяльныхъ выгодахъ и невыгодахъ Баргузина, и если по здоровому розмышленію надете, что здесь лучи, то мылости просимъ къ намъ. Квартера вамъ будетъ готова и можетъ тогда и братъ останится, будетъ кого стихами почивать! Прощайте! Весь вашъ

М. Кюхельбекеръ.

Щепину поклонъ, естьли увидите.

Скоро поедитъ къ намъ въ Баргузинъ Ветровъ, подлекарь; съ нимъ смело пишите и пришлите новыхъ книгъ [1]).

Б. Модзалевский.

[1]) В другом письме к Оболенскому (тоже без даты, но вероятно 1839 г.) М. К. Кюхельбекер писал: «Аполлонъ Митрофановичъ уведомилъ меня, что Братъ получилъ письмо отъ Жуковскаго; естли В. А. решился писать, то ето хорошой знакъ. Онъ послалъ Вильгельму свои и Пушкина Сочиненія. Братъ хотелъ прислать мнѣ копію». Это письмо Жуковского к Кюхельбекеру не известно.

ПИСЬМО ДЕКАБРИСТА С. Г. КРАСНОКУТСКОГО.

Семен Григорьевич Краснокутский, член Союза Благоденствия и Южного Общества, бывший командир Олонецкого пехотного полка, перешедший на гражданскую службу и, в чине действительного статского советника, занимавший к моменту ареста должность обер-прокурора Правительствующего Сената, Верховным Уголовным Судом был осужден по VIII разряду и по конфирмации 10-го июля 1826 г. был отправлен в Сибирь на поселение сроком на 20 лет.

В первые же годы ссылки здоровье Краснокутского было совершенно разрушено; официально констатированные у него в 1831 г. «паралич обеих ног и слабость всего тела» обусловили довольно снисходительное отношение к нему местной администрации, но ни поддержка последней, ни многократные ходатайства родных декабриста о переводе его из Красноярска для лечения на Кавказские минеральные воды — не могли обеспечить согласия на эту «милость» импер. Николая. Вместо Кавказа, в конце 1837 г., «Государь император, снисходя на просьбу сестры государственного преступника Семена Краснокутского, Маиорши Лукашевичевой, и по уважению болезненного состояния его, всемилостивейше дозволил перевести Краснокутского, для доставления ему более способов к излечению, в г. Тобольск», куда тот и прибыл 7-го июля 1838 г. (Ср. данные о С. Г. Краснокутском в Архиве Департамента Полиции Исполнительной, 1837 г., № 319, лл. 1, 7 и 12).

Печатаемое нами письмо (единственное доселе известное письмо С. Г. Краснокутского) фиксирует последние переживания этого сломленного ссылкой, болезнями и нуждою многолетнего сорат-

ника Пестеля и Муравьева-Апостола [1]). Скончался он 3-го февраля 1840 г., т.-е. через две не-дели после отправки приведенных ниже строк.

Письмо С. Г. Краснокутского писано карандашом, на четырех страницах бумаги обычного почтового формата; обнаружено оно в 1920 г. в сейфе одного из Одесских банков. На конверте, в коем письмо сохранялось, неизвестной рукою сделана надпись: «Письмо Семена Григорьевича Краснокутскаго (декабриста) (Брата материнского дѣда Крупенскихъ Егоровичей), писанное изъ Тобольска в 1840 году своей племянницѣ Н. И. Гинцъ». Мы полагаем, что адресат обозначен здесь неверно: гораздо больше оснований предполагать, что письмо писано С. Г. Краснокутским его сестре, Надежде Григорьевне Лукашевич.

Ю. Оксман.

Г. Тобольскъ 20 Ген: 840.

Благодарю тебя, Ангелъ мой, душа, единственное мое утѣшеніе, добрая моя Надя, за твое ходатайство обо мнѣ у наслѣдника, какъ мнѣ пишетъ братъ И. Но не напрасно ли ты безпокоишъ Его Высочество. Во 1-хъ потому, что я не надѣюсь на Его Высо: предстательство, не имѣя на то ни[ка]кого права, во 2-хъ, естьли бы и послѣдовала Высочайшая милость, то какъ мнѣ позволитъ здоровье пуститься въ столь дальней путь и 3-е, гдѣ взять какіе-нибудь три тысячи рублей, необходимые для издержекъ на мою перевозку въ болѣзненномъ моемъ положеніи. Знаю и увѣренъ, что ты готова заложить свою послѣднюю юпку для меня, но знай, что какъ мнѣ извѣстно твое положеніе, то я отъ тебя ничего не приму, а на брата И. полагаться не долженъ. Послѣ писемъ его отъ 20-го ноября и 12-го декабря, онъ уже безъ стыда и совѣсти забылъ и собственные свои обѣщанія и клятвы Богомъ и честью, и прозьбы доброй покойной жены своей, все попрано за деньги; онъ уже

---

[1]) В показаниях кн. С. П. Трубецкого отмечено, что в Тайное Общество «обер-прокурор Краснокутский... был принят, кажется, Пестелем... когда они были в одной дивизии полковыми командирами» (М. В. Довнар-Запольский, Мемуары декабристов, Киев. 1906, стр. 85).

ясно говоритъ, что завѣщанное мнѣ маминькой считаетъ своимъ, изъ котораго даетъ мнѣ, что можетъ, т.-е. милостыню, а не мое, а что бы я не смѣлъ болѣе отъ него требовать, дозволяетъ себѣ писать незаслуженные мною выговоры, которые могъ бы онъ поберечь для своихъ дѣтей; правда, они меня чрезвычайно огорчаютъ и сокращаютъ жизнь мою, но быть можетъ ему это пріятно, потому, что я для него лишнее бремя.

Г. С. БАТЕНЬКОВ О СПЕРАНСКОМ.

Гавриил Степанович Батеньков, привлекший особое внимание исследователей своей исключительно-трагической судьбой, в молодости был, как известно, очень близок к Сперанскому; благодарную память о нем он сохранил на всю жизнь, пронеся преклонение перед Сперанским через двадцатилетнее одиночное заключение и временное затемнение рассудка. Пиэтет к личности Сперанского красною нитью проходит через все литературные произведения Батенькова: с ним мы встретимся и в показаниях Батенькова Следственной Комиссии, в которых он довольно подробно останавливается на характеристике Сперанского и на своих отношениях к нему [1]), и в интересных Записках Батенькова, своеобразно озаглавленных «Данныя. Повѣсть собственной жизни» [2]) и, наконец, даже в бредовых писаниях его [3])... Но едва-ли не с бо́льшею силою этот пиэтет выступает в печатаемой ниже записке Батенькова о Сперанском, относящейся к 1854 году, т.-е. к тому времени, когда престарелый декабрист жил уже на поселении в Томске. Записка эта писана Батеньковым в ответ на ряд вопросов относительно Сперанского, с которыми обратился к нему молодой профессор-юрист Казанского Университета С. В. Пахман, задумавший писать биографию Сперанского и ревностно собиравший материалы для этого большого труда [4]). Вопросы Пахмана были отправлены Батенькову при письме Н. И. Булича (отца профессора), в 20-х годах

---

[1]) М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов (Kiev. 1906), стр. 149—150; ср. Н. Ѳ. Дубровин, Письма главнейших деятелей въ царствование имп. Александра I, С.-Пб. 1883, стр. 464—468; «Русск. Стар.» 1889, № 8, стр. 359—362; ib. 1897, № 10, стр. 83—92.

[2]) «Русск. Арх.» 1881, кн. II, № 2, стр. 266, 268, 270—275.

[3]) «Русск. Историч. Журнал» 1918, кн. 5, стр. 125, 130.

[4]) О Семене Викентьевиче Пахмане (род. в Одессе 27-го апреля 1825 г., умер в Петербурге 29-го ноября 1910 г.), бывшем впоследствии профессором Харьковского и Петербургского Университетов и сенатором, см. (отмечаем наиболее существенное): 1) В. В. Григорьев, Имп. С.-Петербург-

Гавриил Степанович
БАТЕНЬКОВ

С портретом дочери декабриста С. Г. Волконского—Елены Сергеевны.

По фотографии с натуры, начала 1860-х годов.

служившего в подчинении у Батенькова в Канцелярии Сибирского генерал-губернатора — Сперанского [1]). Впоследствии, в 1856 году, возвращаясь в Россию и проезжая через Казань, Батеньков познакомился с «обществомъ университетскихъ» [2]), в том числе с Буличем [3]), Ешевским [4]) и, вероятно, Пахманом.

ский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования, С.-Пб. 1870, стр. 333—335; 2) Проф. А. Гольмстен. К пятидесятилетию учебной деятельности С. В. Пахмана — Журнал Юридическ. о-ва при Имп. С.-Пб. Университете 1896, кн. V, отд. II, стр. 37—44; 3) Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. С.-Петербургского Университета..., т. II, С.-Пб. 1898, стран. 97—102 (ст. А. Гольмстена); 4) За сто летъ. Биографическ. словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского Университета, ч. II, Казань. 1904, стр. 64—67 (ст. Г. Ф. Шершеневича); 5) Юридический Факультет Харьковского Университета..., Харьков. 1908, стр. 196—198 (ст. Н. Гредескула, с портр.) и по указателю; 6) А. Х. Гольмстен. Семен Викентьевич Пахман. Некролог — Журн. Мин. Юстиции 1911, № 3, стр. 220—226. Портрет Пахмана — Нива 1910, № 52, стр. 940. Ср. Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIII, С.-Пб. 1898, стр. 57—58 (зам. В. И.[ечаева]).

[1]) Барон М. А. Корф. Жизнь графа Сперанского, т. II, С.-Пб. 1861, стр. 208; С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь..., т. VI, С.-Пб. 1897—1894, стр. 126 (автобиография Н. Н. Булича); ср. Щукинский сборник, вып. IV, М. 1905, стр. 53. В 40-х годах Н. И. Булич служил по жандармскому ведомству в Казани («Русск. Арх.» 1897, кн. II, № 7, стр. 442 (прим.), 472). — Сохранилась следующая записка Н. Н. Булича (сына) к Пахману от 29-го июня 1854 г.: «Я не забылъ своего обѣщанія, Семенъ Викентьевичъ, тѣмъ болѣе, что пріятно хлопотать объ общемъ дѣлѣ. Отецъ мой, на счетъ Сперанскаго, обѣщается написать к Батенькову. Отвѣтъ придетъ непремѣнно въ первыхъ числахъ Августа. Если это не поздно, то приготовьте какъ можно болѣе вопросовъ и пришлите ко мнѣ либо сегодня вечеромъ, либо завтра рано поутру. Письмо надобно отдать на почту завтра въ девять часовъ, а не то придется дожидаться до пятницы, а въ такомъ случаѣ потеря четырехъ дней будетъ значитъ много». На черновике вопросов Пахмана имеется его помета: «Далъ эти вопросы Буличу 29 Іюня 1854».

[2]) «Русск. Стар.» 1889, № 8, стр. 347.

[3]) Ib., прим.

[4]) А. Н. Пыпин, Русское масонство, Пгр. 1916, стр. 459. Для Ешевского Батеньков, уже в последние месяцы жизни (в мае 1863 г.; умер же он 29-го октября того же года) составил записку о старом масонстве; она опубликована А. Н. Пыпиным в его «Материалах для истории масонских лож» («Вестн. Европы» 1872, т. IV, № 7, стр. 271—277; А. Н. Пыпин, Русское масонство, стр. 461—468, 546—548).

Записка Батенькова, дающая не только ответы на вопросы Пахмана, но сообщающая и небольшую характеристику Сперанского, в фактической своей части не заключает каких-либо новых данных для биографии Сперанского. Отрывочные фактические сообщения записки не всегда точны и носят, к тому же, неглубокий, если так можно выразиться, характер; это объясняется, впрочем, элементарностью вопросов Пахмана, тогда только приступившего к изучению биографии Сперанского и мало еще в ней осведомленного [1]). По своему содержанию записка Батенькова представляет обширное поле для комментариев — исторических, биографических и т. п. Но нижеподписавшийся воздержался от соблазна отягчить текст Батенькова подробными примечаниями, ограничась лишь самым необходимым; он исходил при этом из соображения, что эта записка представляет бо́льший интерес, как произведение Батенькова, а не как материал для биографии Сперанского.

Для удобства чтения вопросы Пахмана (сохранившиеся в черновике) и записка Батенькова, на них отвечающая, печатаются параллельно, в два столбца; при печатании вопросов Пахмана раскрыты сокращения, текст же Батенькова (писанный с незначительными помарками на 8 страницах тонкой серовато́й бумаги) воспроизведен с исправлением лишь пунктуации [2]).

С. Шестериков.

---

[1]) Здесь кстати будет указать, что работа Пахмана о Сперанском, для которой он собрал значительные материалы и первые главы которой были даже уже написаны, не была завершена. «Прочитавъ «Жизнь графа Сперанскаго» — писал Пахман в 1861 г., после выхода в свет книги барона М. А. Корфа: «мы считаемъ совершенно излишнимъ печатать свой собственный трудъ, отчасти потому, что онъ далеко еще не оконченъ, а болѣе потому, что онъ несравненно ниже и по фактической полнотѣ, и по отдѣлкѣ» (С. Пахман, Несколько слов по поводу журнальнаго отзыва о сочинении барона М. А. Корфа: «Жизнь графа Сперанского» — Северн. Пчела 1861, № 278, стр. 1167). Часть собранных Пахманом материалов по биографии Сперанского поступила (в составе его библиотеки) в библиотеку Новороссийского Университета в Одессе (ср. В. И. Образцов, «Отчет о состоянии и деятельности имп. Новороссійского Университета за 1913 год», Одесса 1914, стр. 64; В. Н. Мочульский, «Отчет... за 1915 год», Одесса 1916, стр. 351).

[2]) Об отношениях Батенькова к Сперанскому см. еще некролог Батенькова, написанный [кн. П. В. Долгоруковым?] со слов гр. Д. Н. Блу-

(писано въ Авг. 1854).

Воспоминаніе о М. М. Сперанскомъ не отступно имѣетъ мѣсто въ моей душѣ, но говорить объ немъ я не люблю. Лицо это принадлежитъ къ явленіямъ весьма рѣдкимъ, о которыхъ всегда лучше молчать, нежели разглагольствовать не во-время и не у мѣста. Не желая, однако, оставить безъ удовлетворенія несомнѣнно доброму желанію симпатизирующихъ ему лицъ, я, что могу, дамъ въ отвѣтъ на сдѣланные запросы. Что же касается до появленія въ настоящее время писанной его біографіи, то по мнѣнію моему, чтобъ не сказать болѣе, это очень трудное дѣло. Его жизнь полна только извнутри, а не извнѣ. Въ послѣднемъ случаѣ представленіе ея было бы крайне одностороннимъ и, что всего непріятнѣе, ошибочнымъ и ложнымъ. Онъ дѣлалъ иногда, но не сдѣлалъ ничего въ полномъ и свободномъ употребленіи своихъ моральныхъ силъ. Находясь большую часть жизни въ страдательномъ противорѣчіи съ современными обстоятельствами и стихіями, онъ представляетъ извнѣ послушнаго, миролюбиваго, покорнаго, съ отрѣченіемъ отъ своего я, труженика. Такое положеніе не могло выказать его сосредоточеннымъ, умнымъ, послѣдовательнымъ, болѣе раціональнымъ, нежели своеобразнымъ, какимъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. О біографіяхъ онъ вообще не былъ добраго мнѣнія, почитая ихъ мундирными и въ основаніи своемъ, какъ и монументы, развивающими идолослуженіе. Онъ считалъ монументомъ только то, что останется и найдено будетъ отъ эпохи отдаленнымъ потомствомъ, а что сгладитъ время, тому и подобало быть сглаженнымъ.

Не будучи съумасшедшимъ, какъ могло бы показаться по нынѣшнему, а большею частію и по современному ему воззрѣнію, Сперанскій полагалъ въ основаніе своей мысли и понятія о вещахъ — бытіе Божіе, почитая Бога Духомъ вѣчнымъ,

---

дова («Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым» 1863, № 16, стр. 122 — 126 (ср. ibid. 1864, № 19, стр. 150, прим.; перевод — в издании того же Долгорукова «Le Véridique», t. II, № 5 (Londres. 1863), p. 242—255), некролог Батенькова в «Колоколе» 1863 г. (№ 175) посмертную статью Г. Н. Потанина: «Гавриил Степанович Батеньков» — «Сибирские Огни» 1924, № 2, стр. 66—74).

вседѣйствующимъ и всесодержащимъ, непрерывнымъ источникомъ всѣхъ силъ, свѣта, жизни, слова, воли и разума и необходимымъ для всякаго движенія и дѣйствія, даже вполнѣ ощутительнымъ на высокомъ общественномъ постѣ, по крайней человѣческой немощи двигать чрезъ пространство и время необъятныя и многосложныя громады своими удѣльными умомъ, волею и словомъ. Съ сей точьки зрѣнія онъ не придавалъ различнымъ, схоластически опредѣленнымъ, формамъ правленія абсолютнаго значенія, но, подчиняя ихъ присущей во всякое время волѣ Божіей, почиталъ для отечества наилучшимъ, что въ немъ опредѣлено исторіей и искалъ искренно установить принятой принципъ въ порядокъ, не оставляя въ бездѣйствіи никакихъ открытыхъ уже и извѣстныхъ силъ, и суммы пріобрѣтенныхъ познаній и убѣжденій. Все это я сказалъ для того только, чтобъ пояснить для самаго себя мой долгъ въ отношеніи къ покойному. Нѣтъ сомнѣнія, что я далеко уже отсталъ, чтобъ связать прошедшее съ настоящимъ и найти въ первомъ рефлексъ на нынѣ дѣйствующее государственное слово, и долю въ немъ того лица, о которомъ идетъ рѣчь.

Приступаю теперь къ положительному отвѣту.

1. У кого жилъ Сперанскій въ Нижнемъ и какъ?

2. У кого жилъ Сперанскій въ Перми — у купца Попова или Панова?

3. Въ которомъ именно году (1814 или 1815) и мѣсяцѣ выѣхалъ изъ Перми въ свою деревню?

По 1, 2 и 3 пункту я ничего не знаю. Самъ тамъ не былъ, а Сперанскій никогда о томъ не говорилъ. Онъ не обращался къ прошедшему ни съ какимъ грустнымъ воспоминаніемъ и, повидимому, оно совсемъ его не занимало.

4. Былъ ли Сперанскій въ СПб предъ отъѣздомъ въ Пензу?

4. Въ Петербургѣ онъ совсемъ не былъ съ 1812 до 1821 года.

5. Кто такое Петръ Григорьевичь Масальскій, съ которымъ была переписка у Сперанскаго [нрзбр.] съ 1815?

5. Петръ Григорьевичь Масальскій, Статскій Совѣтникъ, отецъ извѣстнаго журналиста Константина Петровича, завѣдывалъ долго хозяйственную и административную часть собственныхъ дѣлъ Сперанскаго [1]). Имѣніе [2]), впрочемъ, было в управленіи Пензенскаго Губернатора [Ѳ. П.] Лубяновскаго.

6. Какъ звать по имени и отчеству Вильде и Рѣпинскаго, котораго Сперанскій вывезъ изъ Пензы съ собою?—1-й живъ ли?

6. Густавъ Григорьевичь Вильде еще живъ [3]), а Козьма Григорьевичь Рѣпинскій, нынѣ Тайный Совѣтникъ во 2-мъ отдѣленіи Собственной Канцеляріи Государя, былъ всегда кабинетнымъ человѣкомъ М. М. и имѣетъ множество прекрасныхъ способностей и качествъ [4]). Но съ нимъ въ Сибири были еще двое изъ П. бурга: Д.[ѣйствительный] С.[татскій] Совѣт.[никъ] Францъ Ивановичь Цейеръ, съ молодости дружный въ его семействѣ и предмѣстникъ Рѣпинскаго по интимной перепискѣ. Въ 1812 году онъ былъ удаленъ въ Одессу [5]). Другой молодой человѣкъ, Егоръ Егоровичь Вей-

7. Гдѣ жила дочь Сперанскаго, Елиза-

---

[1]) Упоминаемая Пахманом переписка Сперанского с П. Г. Масальским († 1839) издана в 1862 г. под длинным заглавием: «Дружескія письма Графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому, писанныя съ 1798 по 1819 годъ, съ историческими поясненіями, составленными К. Масальскимъ, и нѣкоторыя сочиненія первой молодости Графа М. М. Сперанскаго» (С.-Пб. 1862, 8°, 141 стр. + 1 нен. стр. (без текста) + 16 стр.). Об этом издании см. «Русск. Стар». 1902 г., № 1, стр. 155 — 159.

[2]) Имение Ханеневка, в 25-ти верстах от Пензы, приобретенное Сперанским весною 1817 г.

[3]) Батеньков в упомянутых выше показаниях Следственной Комиссии, характеризуя лиц, близких Сперанскому в бытность его Сибирским генерал-губернатором, так отзывается о Вильде († 1855): «Человѣкъ отлично свѣтской, тонкой въ обращеніи, вкрадчивой, не знатокъ въ дѣлахъ, воспитанный по иностранному и можно сказать необходимый генерал-губернатору для того, чтобы доставлять о людяхъ свѣдѣнія» (Довнар-Запольский, назв. соч., стр. 150; ср. «Русск. Стар.» 1897. № 10, стр. 84),

[4]) В цитированных уже показаниях Батенькова упоминается и о Репинском († 1876), который «только что взятъ былъ изъ Пензенской Семинаріи. Человѣкъ» — замечает Батеньков: «собственно учопой, вѣрной, честной, былъ и остался у Сперанскаго ближайшимъ секретаремъ» (Довнар-Запольский, назв. соч., стр. 150).

[5]) О Цейере (1780 — 1834) в показаниях Батенькова читаем: «Цейеръ весьма извѣстенъ. Онъ былъ нѣкогда секретаремъ Сперанскаго, высланъ былъ во время его ссылки, и соединился опять съ нимъ въ Казани, на пути въ Сибирь. По возвращеніи въ Петербургъ, ѣздилъ лѣчиться во

вета Михайловна — въ то время, когда Сперанскій служилъ въ Сибири?

кардтъ, поступившій въ послѣдствіе въ службу по Свитѣ [1]). У его матери Марьи Карловны (7.) и жила Елизавѣта Михайловна въ П. бургѣ до пріѣзда нашего туда [2]). Покойный отецъ [3]) былъ докторъ, и очень друженъ съ домомъ [4]). Сюда же относится связь съ [А. А.] Жерве [5]), у котораго в домѣ (въ Морской) и помѣщалась Мадамъ Вейкардтъ и гдѣ первоначально самъ Старикъ Божій [6]) остановился, а потомъ перешолъ въ домъ Сенатора [Н. И.] Неплюева, гдѣ теперь Училище Правовѣденія, и наконецъ въ домъ Армянской церкви, гдѣ присоединился къ намъ и Цейеръ, послѣ двухлѣтней отлучьки за-границу.

Францію и Италію. Человѣкъ сей добръ, набоженъ, начитанъ и любитъ Сперанскаго, какъ истинный другъ» (Довнар-Запольский, о. с., стр. 150). Письма к нему Сперанского, цепные для характеристики религиозных воззрений Сперанского, напечатаны в «Русск. Архиве» (1867, № 3, стр. 444 — 454; 1870, № 1, стр. 174 — 200).

[1]) «Молодой мальчикъ съ порядочными дарованіями, котораго держали какъ сына, потому что мать его воспитывала дочь Сперанскаго и въ то время имѣла ее въ своемъ домѣ» — так характеризует Батеньков Вейкардта (Довнар-Запольский, о. с., стр. 150). «Мать» — упомянутая Батеньковым ниже Мария Карловна Вейкардт (рожд. Амбургер) (1776 — 1855), близкая приятельница рано-умершей жены Сперанского и жена одного из его самых близких друзей.

[2]) «Дочь Сперанскаго» — говорит Батеньков в своих показаниях: «женщина ученая, свѣтская и пріятная. Она въ разговорахъ умѣетъ примѣняться ко всему и принимать всѣ тоны» (Довнар-Запольский, о. с., стр. 156). В печати известно одно письмо Батенькова к ней, 1847 г. (М. О. Гершензон, «Русскіе пропилеи», т. 2, М. 1916, стр. 47 — 49). — П. И. Бартенев сообщает, что, «живучи въ домѣ у Сперанскаго, Батеньковъ былъ свидѣтелемъ, какъ Сперанскій, желая породниться съ знатью, употреблялъ крутыя мѣры для того, чтобы заставить дочь свою выдти замужъ за одного изъ племянниковъ князя [В. П.] Кочубея, тогда какъ она полюбила сына своей воспитательницы, молодого Вейкарта, который ѣздилъ со Сперанскимъ по Сибири и которому самъ онъ писалъ великія похвалы въ письмахъ къ дочери, оставшейся въ Петербургѣ» («Русск. Арх.» 1881, кн. III, № 2, стр. 438, прим.; ср. ibid. 1909, кн. I, № 3, стр. 299, прим.).

[3]) Отец Е. Е. Вейкардта.

[4]) Т.-е., с домом Сперанского.

[5]) Андрей Андреевич Жерве (женатый на родной сестре г-жи Вейкардт) — чиновник Министерства Иностранных Дел, пострадавший при ссылке Сперанского (см. Н. К. Шильдер, Император Александр I, т. III, С.-Пб. 1898, стр. 53 — 62).

[6]) «Такъ» — свидетельствует М. А. Корф («Жизнь графа Сперанскаго», т. II, стр. 196): «любили называть Сперанскаго, говоря о немъ, приближенные».

Генералъ-Губернаторская канцелярія пріѣхала въ Тобольскъ изъ П. бурга. Въ ней были Секретари (начальники Отдѣленій): Николай Васильевичь Жуковскій, тотъ самый, что былъ въ П.Б. Губернаторомъ; Николай Васильевичь Крестниковъ, бывшій потомъ предсѣдателем Губ.[ернскаго] Правл.[енія] въ Иркутскѣ, правителемъ дѣлъ Архангельского Генералъ-Губернатора и нач.[альником] Отд.[ѣленія] Департамента Путей Сообщенія, разумѣется, послѣдовательно. Мпронъ Филипьевичь Молчановъ, потомъ Секретарь Сената, и Ѳедоръ Ивановичь Шульгинъ, оставленный съ дѣлами въ Тобольскѣ и поступившій къ Ген.[ералъ]-Губ.[ернатору] [П. М.] Капцевичу [1]).

8. Маршрутъ — знаю, что изъ Пензы, чрезъ Казань, въ Тобольскъ, Томскъ, Иркутскъ, Троицко-Савинъ и назадъ въ Иркутскъ и Тобольскъ — не былъ ли далѣе на сѣверѣ, не былъ ли въ Перми [?], въ Омскѣ, Якутскѣ и др. городахъ?

8. Сперанскій былъ дважды въ Омскѣ въ 1819 и 1820 годахъ въ Августѣ; ѣздилъ въ Нерчинскъ, но въ Якутскѣ и на Сѣвере нигдѣ не былъ. Посѣщалъ Барнаулъ, Змеиногорскъ и проѣхалъ чрезъ Семипалатинскъ по Иртышной линіи [2]).

9. Подробности о дѣйствіяхъ въ Сибири, о порядкѣ осмотра присутственныхъ мѣстъ и проч.

10 [sic]. Ревизію присутственныхъ мѣстъ самъ производилъ довольно бѣгло, а внимательнѣе осматривалъ Волостныя правленія. Посылалъ Правителя канцеляріи [И. И.] Шкляревскаго обозреть дѣла Нарымскаго, а Надв.[орнаго] Совѣтника Никиту Степановича Осипова — Туруханскаго края. Въ Иркутской

---

[1]) Характеристики этих чиновников даны Корфом (т. II, стр. 209—210, прим.; ср. оба изд. этой книги и «Русск. Стар.» 1902, т. XCII, № 10, стр. 37 — 39).

[2]) Описанию путешествия Сперанского по Сибири посвящена отдельная глава труда В. И. Вагина: «Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири» (т. I, С.-Пб. 1872, стр. 42 — 73).

Губерніи составлены были двѣ слѣдственныя коммисіи: одна въ Нижнеудинскѣ подъ предсѣдательствомъ Надв.[орнаго] Совѣт.-[ника] Корсакова, а другая въ Иркутскѣ подъ предсѣд.[ательствомъ] Цейера; послѣдняя ревизовала и Верхнеудинскій уѣздъ за Байкаломъ. Въ Якутскъ ѣздилъ особый ревизоръ. Въ Тоб.[ольской] Губ.[ерніи] ревизія была легкая [1]).

10. Дѣйствительно ли остался онъ доволенъ Тобольскимъ Губернаторомъ [Ф. А.] фанъ - Бриномъ? — Когда былъ назначенъ на его мѣсто Осиповъ, почтъ-Директоръ?

11. Александръ Степановичь Осиповъ назначенъ былъ въ Тобольскъ Губернаторомъ по избранію Сперанскаго. Онъ же содѣйствовалъ опредѣленію его въ Астрхань.

11. Кто назначенъ былъ на мѣсто [Д. В.] Илличевскаго въ Томскѣ Губернаторомъ и когда именно?

12. На мѣсто Илличевскаго, по соединеніи Горной Части съ Губернскою, назначенъ Оберъ-берх-гауптманъ Петръ Козмичь Флоровъ въ мартѣ 1822.

12. Когда на мѣсто [Н. И.] Трескина назначенъ въ Иркутскѣ Цейдлеръ, — въ Октябрѣ ли 1819 или позже?

13. Тогда же и Иванъ Богдановичь Цейдлеръ въ Иркутскъ, изъ тамошнихъ Комендантовъ [2]).

---

[1]) Подробные данные о деятельности Сперанского в Сибири, о предпринятой им ревизии, о ее результатах и т. д. собраны в цитированном выше труде В. И. Вагина. Следует заметить, что Батеньков, бывший в Сибири правою рукою Сперанского, написал для барона М. А. Корфа свои воспоминания об этом периоде жизни Сперанского; они отчасти использованы Корфом в его книге о Сперанском (т. II, стр. 196, 198, 199, 201, 228; ср. «Русск. Стар.» 1902, т. CIX, № 1, стр. 149—150), но полностью в печати неизвестны (быть может, они сохранились в бумагах Корфа, в 3-м Московском Отделении I Секции Е. Г. А. Ф. — см. «Дела и дни» 1920, кн. I, стр. 435). М. П. Погодин еще в 1847 г. советовал Корфу, в поисках материалов по биографии Сперанского, обратиться к Батенькову; интересен ответ Корфа (письмо от 19-го мая 1847 г.): «Съ Батеньковымъ нѣтъ никакихъ средствъ сообщенія, и притомъ говорятъ, что онъ въ разстроенномъ положеніи ума. Та эпоха, которая извѣстна ему, извѣстна, впрочемъ, близко и мнѣ» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 9-я, С.-Пб., 1895, стр. 171).

[2]) И. Б. Цейдлер (1777—1853) был назначен Иркутским гражданским губернатором осенью 1821 г. (Вагин, о. с., т. I, стр. 136).

13. Въ какомъ мѣсяцѣ 1821 (съ Февраля до Іюня) прибылъ Сперанскій въ Спб.?

14. Точно не помню, а должно быть въ маѣ: я былъ тогда въ Москвѣ и переписывался съ нимъ [1]).

14. Когда былъ заграницею — сколько разъ, и что тамъ дѣлалъ?

15. Прежде катастрофы за границей онъ былъ главнымъ въ Эрфуртѣ, какъ дипломатъ, а при свиданіи императоровъ въ Тильзитѣ тоже находился. Послѣ 825 года былъ ли гдѣ, не знаю.

15. Когда былъ въ Одессѣ и что тамъ дѣлалъ?

16. При мнѣ, и прежде, въ Одессѣ не былъ, а какъ выше сказано удаленъ былъ туда Фр. Ив. Цейеръ [2]).

16. Правда ли, что страдалъ глазами — съ какого времени и почему?

17. При мнѣ онъ страдалъ только сильнымъ Геммороемъ, безпокоившимъ и лицо, а видѣлъ зорко и работалъ безъ очковъ.

17. Читалъ ли лекціи при 2-мъ Отдѣленіи [собственной е. и. в. канцеляріи] студентамъ, отправляемымъ за границу (впоследствіи профессо-

18. Ничего не знаю.

---

[1]) Сперанский прибыл в Петербург 22-го марта 1821 г. «Странствовалъ 9 лѣтъ и 5 дней» — записал он в своем дневнике (Корф, о. с., т. II, стр. 259; «Въ память графа М. М. Сперанскаго», С.-Пб. 1872. стр. 101; ср. Шильдер, о. с., т. IV, С.-Пб. 1898, стр. 195). Переписка Сперанского с Батеньковым в печати не появлялась.

[2]) В Одессе Сперанский прожил летом 1837 года около двух месяцев (М. А. Корф, о. с., т. II, стр. 352; «Въ память графа М. М. Сперанскаго», С.-Пб. 1872, стр. 772—714; «Одесскій Вѣстникъ» 1889 г. (№ 42), заметка в «хроникѣ»: «Засѣданіе Юридическаго Общества» (очень краткие воспоминания А. А. Скальковского); А. И. Маркевичъ, Отношенія В. А. Жуковскаго къ писателямъ и артистамъ, Одесса. 1902, стр. 37 (прим. 2); М. М. [агницкій]. Дума на гробѣ графа Сперанскаго — «Москвитянинъ» 1843, ч. II, № 4, стр. 488 (ср. «Русск. Стар.» 1893, т. LXXX, № 11, стр. 333). В Одессе, между прочим, произошло примиреніе Сперанского с М. Л. Магницким (Ѳ. Фортунатовъ, Памятныя замѣтки Вологжанина — «Русск. Арх.» 1867, № 12, стр. 1667—1668; А. С. Стурдза, Воспоминанія о Михаилѣ Леонтьевичѣ Магницкомъ — «Русск. Арх.» 1868, № 6, стр. 933—934 (ср. «Прибавленіе къ Херсонскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ» 1860, № 11, стр. 744—746); Левъ Мацѣевичъ, Одесскія замѣтки о М. Л. Магницкомъ — «Русск. Арх.» 1898, кн. I, № 2, стр. 227; [И. С. Мацѣевичъ], Послѣднія отношенія Магницкаго къ Сперанскому — «Русск. Арх.» 1909, кн. II, № 6. стр. 208—211).

рамъ) и можно ли достать программы испытаній?—кому—и какъ?

18. Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ — служилъ въ Спб. оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ — какія его отношенія къ Сперанскому?

19. Столыпины, Пензинскіе помѣщики, вообще были друзья Сперанскому, особенно московской баринъ Григорій Даниловичъ [1]). Аркадій Алексѣевичъ въ 1825 году былъ уже Сенаторомъ, а прежде Оберъ-Прокуроромъ. Онъ страдалъ подагрою. Это зять [Н. С.] Мордвинова адмирала [2]).

19. Когда сталъ составлять планъ управленія Сибири и когда окончилъ?

20. Въ Иркутскѣ въ 1819 году начаты работы по учрежденію Сибирскому, кончены въ П.бургѣ 1822 и утверждены 22-го Іюля въ Петергофѣ. Объ этомъ предметѣ много надо говорить, но право не время [3]).

20. Какія мѣры употреблялъ для изученія быта Сибирскихъ инородцевъ — и вообще управленія Сибирью?

21. Примѣры, какъ преслѣдовалъ злоупотребленія разныхъ чиновниковъ и т. п.

21 и 22. Требуютъ подробностей того же рода.

22. Какъ получилъ дозволеніе пріѣхать въ Спб. — чрезъ [кн. А. Н.] Голицына ли?

23. Я знаю, что онъ имѣлъ право пріѣхать въ П.б. по собственноручному рескрипту Государя, посланному при отправленіи, довольно милостивому и подробному.

---

[1]) На полях к этой фразе приписка Батенькова: «У Столыпиныхъ былъ еще братъ Артиллерійскій Генералъ. Вильде жилъ въ домѣ Григ.[орія] Дан.[иловича] по выходѣ изъ Дерптскаго Университета, занимался съ дѣтьми. Онъ хорошо игралъ на скрипкѣ».

[2]) Письма Сперанского к А. А. Столыпину опубликованы в «Русском Архивѣ» (1869, № 5, ст. 919—920; № 10, ст. 1682—1708; № 11, ст. 1966—1984; 1870, № 4—5, ст. 889—893; № 6, ст. 1125—1156; 1871, № 2, ст. 431—484).

[3]) Подробности см. в труде В. И. Вагина, т. II, стр. 247 и сл.

23. Что говорятъ вообще въ Сибири о Сперанскомъ — подробности какія-нибудь.

24. Кому говорить? — вообще всѣ забыли, или говорятъ, что придетъ въ голову, судя и въ кривь и вкось. Ломаютъ и бранятъ Учрежденіе. Одинъ Князь [М. Д.] Горчаковъ отзывался уважительно, и даже потребовалъ и признательно принялъ отъ меня историческую, раціональную и пояснительную записку, а послѣ и онъ ее бросилъ. Конечно есть еще немногіе старики съ памятью, но смѣшно было бы занимать новыхъ людей такъ называемой допотопной старипой.

24. Образъ жизни въ Сибири.

25. О частной жизни Сперанскаго въ Сибири многаго сказать нéчего. Онъ былъ приступенъ, простъ, гостепріименъ, сколько возможно одинокому; добръ всегда. Можно припомнить все довольно связно и подробно, но изключительно надобно заняться, а я давно вовсе ничего не пишу и обременяюсь всякою строкою.

25. Имѣлъ ли при себѣ походную канцелярію, и кто въ ней служилъ? — или постоянную и гдѣ?

26. Канцелярія у него была сперва Генералъ-Губернаторская, а потомъ Сиб.[ирскаго] Комитета. Употреблялъ иногда канцелярію Госуд.[арственнаго] Совѣта, особенно Коммисіи законовъ, и имѣлъ помощь отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ Сибири у него работали Текутьевъ, [Н. И.] Буличь, Аргамаковъ (особенно Аѳонасій), но все съ нимъ собственно, а со мною все по [Сибирскому] Учрежденію.

26. Какіе труды Сперанскаго въ Спб. съ 1826—1839, за исключеніемъ работъ по составленію Свода законовъ, ибо онъ былъ

27. Главное занятіе Сперанск.[аго] было до 1825 году по Сибирскому комитету, а еще болѣе въ Госуд.[арственномъ] Совѣтѣ, чтеніе главъ и поясненій новаго Кодекса (не состоявшагося), пройденнаго во многихъ частяхъ раз-

или членомъ или предсѣдателемъ различныхъ частныхъ комиссій.

смотрѣніемъ. Онъ былъ членъ комитета по военнымъ поселеніямъ и опекуномъ по смерти [гр. Пав. Андр.] Шувалова, вмѣстѣ съ Сенаторомъ [А. З.] Хитровымъ. Послѣдующія занятія мнѣ неизвѣстны, какъ и все прочее, что въ мірѣ произходило, ибо я, съ малымъ изъятіемъ на долю Шваргольма, въ Финляндіи, пробылъ 20 лѣтъ въ Секретномъ домѣ П. б. крѣпости [1]). Тѣмъ же отвѣчаю и на 28 [2]) пунктъ.

27. Чѣмъ сопровождалась его смерть? подробности.

28. Вообще извѣстія не напечатанные: письма, бумаги и пр.: «Эпохи [М.] Сперанскаго» и автобіографія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

29. Не знаю никакой его записки и автобіографіи; если есть онѣ, то у дочери. При мнѣ написалъ онъ только коротенькую статью о себѣ въ Лондонскій Біографическій Словарь, боясь нелѣпыхъ заграничныхъ себѣ портретовъ [3]).

---

[1]) Арестованный 27-го декабря 1825 года, Батеньков был отнесен к 3 разряду государственных преступников и «подлежалъ, наравнѣ со своимъ товарищемъ по разряду [бар. В. И. Штейнгелем], ссылкѣ въ 20-лѣтнюю каторжную работу, къ которой былъ приговоренъ конфирмаціею 10-го іюля 1826 года и которая черезъ мѣсяцъ, по случаю коронаціи, была уменьшена до 15-лѣтней съ переводомъ затѣмъ на поселеніе; но вмѣсто того, по неизвѣстнымъ намъ, загадочнымъ и оставшимся невыясненными причинамъ, былъ отправленъ въ крѣпостное заключеніе — сперва въ Свартгольмъ, а потомъ, черезъ 15 мѣсяцевъ, «по особому Высочайшему повелѣнію, в іюнѣ мѣсяцѣ 1827 г. состоявшемуся», переведенъ, въ октябрѣ, — въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. Въ обѣихъ крѣпостяхъ Батеньковъ провелъ, въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи, 21 годъ, 1 мѣсяцъ и 18 дней» (Б. Модзалевский, Декабрист Батеньков — «Русск. Историческ. Журнал» 1918, кн. 5, стр. 101).

[2]) Т.-е., 27.

[3]) Автобиография Сперанского, написанная им по-французски, была в 1824 году напечатаана, в немецком переводе П. Н. фон-Гётце в Лейпцигском сборнике «Zeitgenossen» («Neue Reiche», Band IV, 2, S. 167). По словам М. А. Корфа, в этой записке Сперанского «не было ни жалобъ, ни именъ, а содержалось только довольно подробное изложеніе и оправданіе прежнихъ его предположеній и операцій, особенно финансовыхъ» (Жизнь графа Сперанского, т. II, стр. 294 — 296; ср., однако, замечание Корфа в «Русск. Стар.» 1902, т. CXII, № 10, стр. 39). Сообщение Батенькова о «Лондонском Биографическом Словаре» проверить нам не удалось. Что же касается упоминаемой Пахманом записки «Эпохи М. Сперанскаго», то она напечатана в сборникѣ «Въ память графа Михаила Михайловича Сперанскаго» (С.-Пб. 1872, стр. III — V, перед текстом).

30 [1]). Бумаги мои всѣ безъ остатка въ III Отдѣленіи, и желаю отъ души, чтобъ эта туда же не попала.

Примѣчаніе. Біографія Сперанскаго соединяется со множествомъ другихъ біографій. Современникамъ непріятно будетъ, если станутъ ихъ выставлять, а они принадлежатъ къ прежнему, скромному поколенію. Объ иныхъ вовсе говорить нельзя, а есть и такого много, что правда не можетъ быть обнаружена. Безъ этой обстановки, впрочемъ, едва ли можно и наружность этаго лица представить удовлетворительно, не говоря уже о ближайшемъ изученіи души его. Я замѣчаю объ немъ пропускъ въ общемъ мнѣніи. Почти не обращаютъ вниманія, что онъ былъ преобразователь и установитель административной и законодательной литературы и отецъ раціональнаго, сообразно математическому методу, аналитическаго строя бумагъ.

---

[1]) Соответствующего вопроса нет в черновике Пахмана.

ЗАМЕЧАНИЯ ДЕКАБРИСТА ШТЕЙНГЕЙЛЯ НА ВОСПОМИНАНИЯ Е. П. ОБОЛЕНСКОГО О РЫЛЕЕВЕ.

В газете князя П. В. Долгорукова «Будущность» 1861 г., а затем — в томе IV «Русского Заграничного Сборника» появились замечательные «Воспоминания о Рылееве», принадлежавшие перу одного из виднейших декабристов — князя Евгения Петровича Оболенского. Прочитав их, старший по возрасту сотоварищ Оболенского — барон Владимир Иванович Штейнгейль — набросал свои небольшие заметки, с поправками некоторых усмотренных им ошибок и неточностей, и передал их М. И. Семевскому, который сделал на рукописи престарелого декабриста следующую надпись: «NB. Записка эта руки барона Владиміра Ивановича Штейнгейля писана имъ въ 1861-мъ году въ СПБ. по поводу прочитанного им «Воспоминанія о К. Рылѣевѣ» — кн. Оболенскаго. — М. Семевскій».

Заметки Штейнгейля представляют интерес и ценность, как показание достоверного современника, — лица, близкого Рылееву, передающего нам даже собственные слова безвременно погибшего поэта: в этом их значение, и это побуждает нас передать дословно его рукопись.

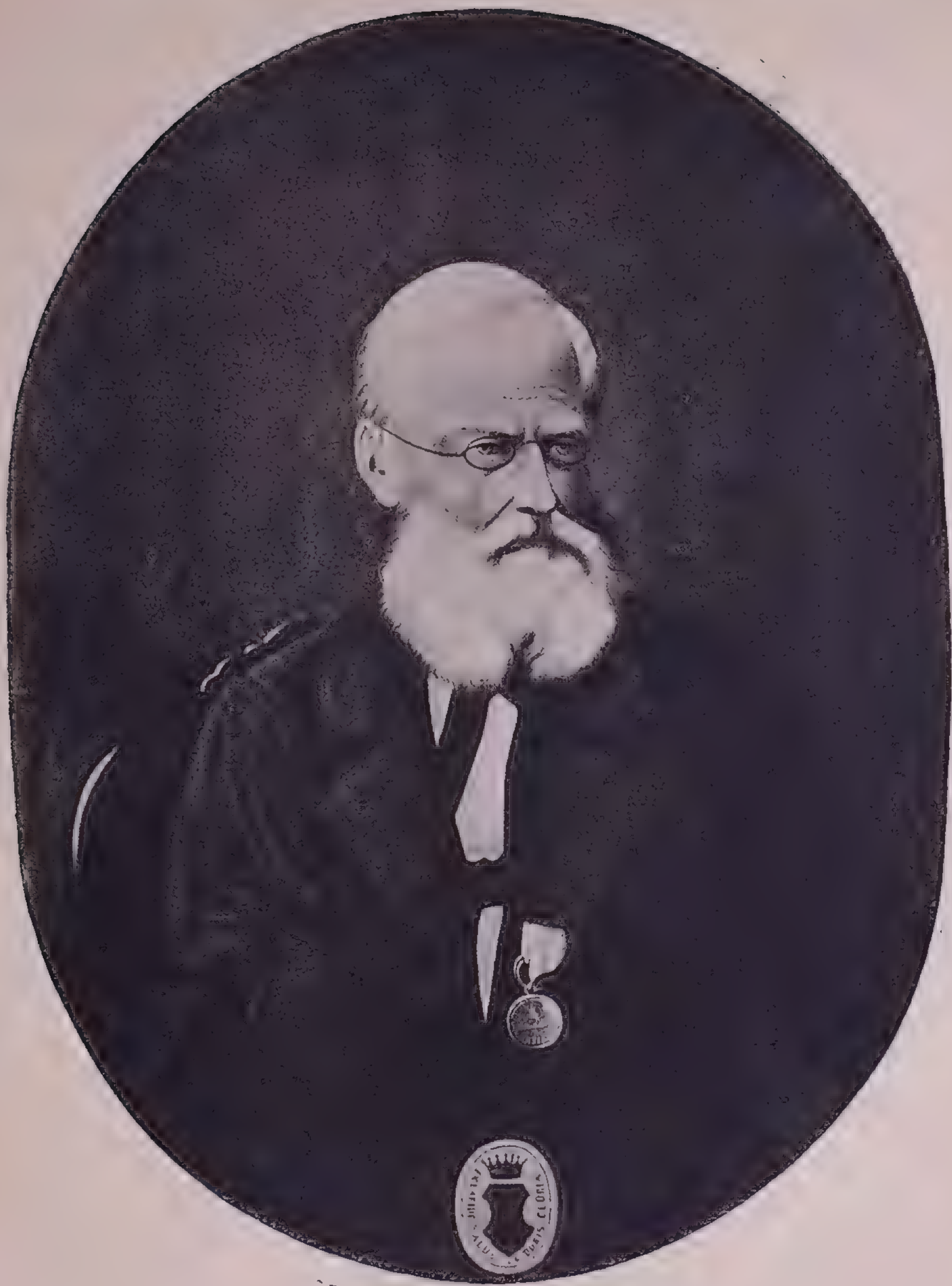
Б. Модзалевский.

ЗАМѢТКИ

при прочтеніи «Воспоминанія о К. Ѳ. Р—ѣ».

На 1-й стр. описка, написано: вскорѣ по возвращеніи Гвардейскаго Корпуса изъ Бесочиновичъ, а значитъ «изъ-подъ Бѣшенковичъ», где былъ лагерь [1]).

[1]) Во всех последующих перепечатках Воспоминаний Е. П. Оболенского эта ошибка исправлялась. *Б. М.*



Барон Владимир Иванович
ШТЕЙНГЕЙЛЬ.

По фотографии с портрета, принадлежавшего в 1884 г. А. В. Баранову в г. Бирске.

На стр. 5. Образованіе К. Ѳ. получилъ чуть-ли не 2 Кадетскомъ Корпусѣ [1]).

— Стр. 6 и 7. Въ Уголовную Палату они (К. Ѳ. и Пущинъ) вступили волонтерами безъ жалованія, для изученія порядка рѣшенія уголовныхъ дѣлъ и съ разрѣшенія Высочайшаго. Когда Пущинъ получилъ мѣсто судьи Надворнаго Суда въ Москвѣ, къ крайнему удивленію «старушки», вышелъ и К. Ѳ. изъ Палаты и жилъ на Васильевскомъ Острову, занимаясь своимъ Войнаровскимъ, а въ Американскую Компанію опредѣлился онъ, чрезъ посредство Н. С. Мордвинова, уже въ 1824 году.

— Стр. 11. О колоніи Россъ сказаніе невѣрно. Извѣстно, что продажа ея завѣденій совершилась уже въ 30-хъ или даже 40-хъ годахъ; справиться не трудно [2]).

— Стр. 17. Исторія о Черновѣ вообще не точна [3]). Отецъ его былъ Ген.-Майоръ и по имени Пахомъ. К. Ѳ. самъ мнѣ разсказывалъ, что напыщенная аристократка Новосильцова сказала сыну: «Какъ! ты хочешь, чтобъ невѣстка моя была какая-нибудь Пахомовна! слышать не могу» — и услышала смерть единственнаго сына!

— Чтобъ К. Ѳ. былъ связанъ узами родства съ Черновыми,— отъ него не слыхалъ [4]); весь интересъ для К. Ѳ. тутъ состоялъ въ томъ, что онъ здесь видѣлъ столкновеніе плебеизма съ аристократизмомъ и хотѣлъ выказать склоненіе публики на сторону перваго. Поэтому на похороны Чернова разослали болѣе 1.000 билетовъ — и даже самой знати, и не виданный кортежъ каретъ и экипажей тянулся за погребальной колесницей. Это была манифестація! Черновъ предъ смертію вытерпѣлъ геройски мучительную операцію, трепанированіе черепа.

— Стр. 23. Здѣсь явно ошибка Евгенія Петровича: онъ то трепанированіе, о которомъ я сей часъ сказалъ, перенесъ на Якубовича.

---

[1]) Нет, — Оболенский правильно указал на 1-й Кадетский Корпус как на место образования Рылеева. *Б. М.*

[2]) См. рассказ Д. П. Завалишина в «Русск. Вести» 1866, кн. 3, стр. 36 — 65. *Б. М.*

[3]) См. об ней въ «Девятнадцатом Веке», П. И. Бартенева, кн. I, стр. 353 — 337 и пр. *Б. М.*

[4]) Чернов, действительно, приходился двоюродным братом Рылееву: их матери были родные сестры (тамъ-же). *Б. М.*

– Стр. 34. Не въ Таганрогѣ, но въ самомъ Крыму, какъ говорили тогда, предполагался дворецъ. Но говоръ не болѣе, какъ говоръ. То правда, что Государь и въ Москвѣ, еще въ 1817 году, говорилъ: «25 лѣтъ прослужу и въ отставку», но эта отставка, судя по характеру, продлилась бы также, какъ наслѣдіе Н[иколая] I.

— Стр. 40. Молебствіе назначено было въ Невскомъ, уже шла обѣдня, какъ Нейдгардъ (Дежурный Генералъ) подкрался къ Великому Князю и увѣдомилъ на ухо, что пріѣхалъ фельдъегерь съ роковымъ извѣстіемъ. Всѣ отправились тогда во дворецъ.

Вообще эпизодъ 17-дневнаго междуцарствія и псевдоцарствованія Константина I требуетъ описанія болѣе точнаго, болѣе прагматическаго. Все сказанное на 41 стр. слишкомъ кратко и сбивчиво для понятія сколько-нибудь удовлетворительнаго о проявленіи 14 декабря.

— Стр. 43. «Онъ (Верховный Судъ) произнесъ приговоръ надъ фактомъ, и онъ былъ неотвержимъ». Это говоритъ Евгеній Петровичъ, давно уже смиренный духомъ предъ волею Провидѣнія; но юридически, конечно, никто такъ не посудитъ. Если приговоръ надъ фактомъ, то все-таки не должно прикрывать на немъ невинныхъ, какъ мухъ на смѣтанѣ.

— Стр. 62. «Вдали я видѣлъ пять висѣлицъ» — эшафотъ былъ одинъ съ помостомъ, и висѣлица, собственно, одна, на которой пріуготовлено было пять петель. Палачъ былъ выписанъ изъ Финляндіи.

Д. И. ЗАВАЛИШИН В БОРЬБЕ ЗА ОПУБЛИКОВАНИЕ СВОИХ ЗАПИСОК.

Записки члена Северного Тайного Общества Д. И. Завалишина принадлежат к числу тех памятников нашей мемуарной литературы, которые вошли в историографию декабрьского движения с большим опозданием. Упорная и в течение многих лет совершенно безуспешная борьба Д. И. Завалишина за их опубликование обострялась теми особенностями построения Записок, которые восходили не столько к повествованию о конкретных фактах исторического прошлого, сколько выявляли наивные дидактические тенденции и своеобразную философию истории престарелого декабриста. Можно думать, что эта специфическая окраска мемуарного материала в меньшей степени свойственна была той ранней редакции Записок, которая уничтожена была Д. И. Завалишиным в Сибири в самом конце 50-х или в начале 60-х годов. Обрекая свою рукопись на сожжение в момент особенного обострения своих отношений с Иркутской губернской администрацией, Д. И. Завалишин опасался того «вредного употребления», которое могло бы быть сделано из некоторых частей Записок при насильственном отобрании их от автора. Как известно, вопрос о восстановлении уничтоженного текста встал перед Д. И. Завалишиным тотчас же после обоснования его в 1863 г. в Москве, когда, как он говорит, «все, кто узнавал об истреблении их, а между тем, слышал от меня содержавшиеся в них объяснения многих вещей, которые и до сих пор остаются необъяснимыми, очень сожалели (в том числе и покойный митрополит), что обстоятельства не дозволили мне сохранить эти Записки, и считали необходимым для правды истории возобновить их, пока

содержание не изгладилось из моей памяти» [1]). Но едва ли бы только интерес окружающих, да сознание своей исторической ответственности заставили Д. И. Завалишина взяться за неблагодарный труд восстановления Записок; тяжелые, близкие подчас к полной нищете условия существования в Москве заставляли его далеко не безразлично отнестись и к материальной стороне дела, т.-е. к возможности финансовой реализации будущего издания мемуаров. Однако, текст свой он хотел видеть в печати только в России и притом без всяких исключений и сокращений, а потому с гордостью отмечал в 1884 году, как он когда-то «отказался от весьма выгодного предложения продать Записки с правом напечатать их за границей. Я не хотел, чтоб они могли входить в Россию только тайком, а пример издания Записок бар. Розена на русском языке, несмотря на сдержанность их, безусловно запрещенного для ввоза в Россию, показывал, что и мои Записки, как ни отличались они от других односторонних Записок, могут подвергнуться такой же участи. Точно также отказался я и от предложения одного известного литератора (графа Л. Н. Т.) напечатать, при его содействии, безо всяких с моей стороны расходов, мои Записки здесь, так как был уверен, что они пройдут чрез цензуру искалеченными» [2]). Есть серьезнейшие основания предполагать, что отмеченные Д. И. Завалишиным возможности отдельного издания его Записок предшествовали окончанию его работ по восстановлению сожженного некогда текста. По крайней мере, как доказывают обстоятельнейшие «автобиографические заметки» редактора «Русской Старины» М. И. Семевского, подтверждаемые и собственными признаниями Д. И. Завалишина в письме к гр. Н. П. Игнатьеву, фактическая подготовка Завалишинских мемуаров к печати связана была с предложением М. И. Семев-

---

[1]) Предисловие Д. И. Завалишина к Запискам (Записки декабриста Д. И. Завалишина, München. 1904. Verlag D-r I. Marchlewski, ч. I, стр. 5 — 6). Можно думать, что первые главы воспоминаний, в форме отдельных очерков появлявшиеся в «Русском Вестн.» (1873 г., т. VI и 1874 г., т. VII) и в «Древней и Нов. России» (1877, V — VII; X — XI) или уцелели, от уничтожения ранней рукописи, или возникли впоследствии, как совершенно самостоятельные эпизоды, отнюдь не предрешавшие восстановления Записок в целом.

[2]) «Русск. Вести.», 1884 г. кн. 2, стр. 834.

ского в 1881 г. дать для журнала материал о том «Ордене Восстановления», проэкт организации которого выдвинут был Д. И. Завалишиным перед вступлением в «Северное Тайное Общество» [1]).

Не рассчитывая на возможность опубликования своих Записок сейчас же и полностью, но учитывая все большую снисходительность цензуры к допущению в специальных изданиях запретных прежде свидетельств о событиях 14-го декабря и о судьбе их участников, Д. И. Завалишин приступил к постепенному восстановлению всего «виденного» им и «пережитого» в форме «писем» к редактору «Русской Старины». Последний не был, однако, удовлетворен заказанной им работой, которая значительно переросла намеченные первоначально рамки. Как ядовито передает об этом М. И. Семевский, «заскрипело перо Завалишина и потянулись длиннейшие, мелким бисером нанизанные письма-статьи, в четвертную долю формата, об этом злополучном Ордене Восстановления. В начале, почему-то,— без сомнения, опасаясь возражений со стороны оставшихся в живых семи или восьми декабристов, — Дмитрий Завалишин просил статьи его хранить только в архиве Редакции и отнюдь не печатать, что, однако, не мешало ему брать от меня гонорар и перебрать до 400 рублей вперед за эти статьи. Но, вот, в «Русском Архиве» появляется перепечатка Донесения Следственной Коммиссии 1826 г. по делу декабристов; в этом донесении, пером его составителя, Д. Н. Блудова, нравственный облик Завалишина очерчен крайне неблагоприятно и даже несколько в комическом роде. Видимо, задетый за живое восстановлением в печати текста полузабытого документа, Завалишин дал мне разрешение начать печатать ряд его статей об «Ордене Восстановления». С чувством нескрываемого личного раздражения, говоря в своих «автобиографических заметках» о стимулах, якобы определивших согласие Д. И. Завалишина на опубликование его «Записок», М. И. Семевский почему-то умолчал о тех императивных и для автора, и для издателя «веяниях времени», кото-

---

[1]) Предложение это сделано было М. И. Семевским после принятия им для «Русск. Стар.» (1881 г., кн. IX и X) двух заметок Д. И. Завалишина — «Об Амурском деле» и «Декабристы в Чите и Петровском Заводе».

рые именно в 1881 — 1882 г. сообщали живой и действенный интерес исповеди престарелого заговорщика.

Судорожные поиски нашей государственной властью после событий 1-го марта новых методов борьбы с революцией, с одной стороны — все резче определяющиеся тенденции помещичье-дворянской реакции, с другой — нервное ожидание повторных ударов «Народной Воли», параллельная работа над организацией белого террора в рамках «Священной Дружины» и над фальсификацией народного представительства в архаических проэктах «Земских Соборов», — вот что придавало интерес злободневности рассуждениям Д. И. Завалишина о путях и формах «упрочения истинных оснований власти», о революционных взрывах, как неизбежных следствиях режима бюрократического гнета, экономического застоя и социального неравенства, — вот с чем должны были ассоциироваться планы «Вселенского Ордена Восстановления» и «Северного Тайного Общества».

Включенные в первую книжку «Русской Старины» на 1882 г., Записки Д. И. Завалишина увидели в ней свет 22-го декабря 1881 г., и так как издание это избавлено было от предварительной цензуры, то точка зрения последней на публикуемый материал могла определиться лишь при выдаче установленного билета на выпуск книги из типографии. Как свидетельствует рапорт в С.-Пб. Цензурный Комитет от 23-го декабря осуществлявшего общий надзор за направлением и содержанием «Русской Старины» цензора проф. В. М. Ведрова, — отпечатанный в количестве 6025 экз. январьский номер этого издания должен был подлежать задержанию. Помимо «несвоевременного» опубликования «Проэкта 1821 г. об учреждении тайной полиции», «в этой книжке — отмечал цензор — помещены Записки Д. И. Завалишина, живого свидетеля и участника в декабрьском восстании. После разных подробных Записок о декабристах, напечатанных в этом специальном сборнике современной истории, не было бы неожиданностью встретить и настоящие воспоминания, относящиеся к Северному Тайному Обществу, но здесь встречаются личные взгляды автора, возведенные в идеал непререкаемой истины (стран. 32 — 35); он сам представляется безукоризненным героем, остановленным на пути прогресса роковыми случайно-

стями. При этой задушевной исповеди, может быть и искренно вылившейся из старческой души бывшего заговорщика, объясняется теория развития революционного деятеля. Император Александр проявил, по его мнению, три факта мышления касательно дел: «не знает, не может, не хочет». Это решило автора Записок действовать насильственно: «и только после этого уже, после убеждения в последнем (не хочет) является человеческому уму соблазн неизбежности противодействовать злу насильственными средствами и принятию правила, что цель оправдывает средства» (35). Автор рассказывает, как он, 18-тилетний юноша, добивался свидания с государем (37, 38), как недовольный уничтожением конституции Испании (38), писал государю, требуя от него призвать его к себе, намереваясь доказать ему, что если всё общественное расстройство происходит действительно от упадка религии и нравственности, то недостаточно уже одного только «правительственного» действия, но необходимо и содействие «общественное» (39). Считая невозможным обнародывание как бы обучения действию революционному даже и в кающемся, но самолюбивом и далеко не сознающемся герое прошедшего, цензор считает неудобным появление в печати отделов: «революция и революционеры» (III, 32 — 35) и «Вселенский орден восстановления» (IV, 35 — 45). Желчность автора и самолюбие выражаются еще в охарактеризовании Рылеева, как ничего не делавшего полезного по делам Российско-Американской К° и как агента правительства в делах Следственной Коммиссии (стран. 57); Ростовцева, несмотря на его личные признания в участии в этом деле (стран. 65); Беляева (61) и других. Для всего этого еще не наступила историческая пора; может быть только раздражение страстей и дурное для настоящего беспокойного времени влияние. Записки недавнего заговорщика, оправдывающегося пред светом в своих святых стремлениях, его необузданное честолюбие, беспримерная дерзость обращения к государю, сознающему будто бы свое бессилие, самовосхваление и пятнание как бы мимоходом Лазарева, Нахимова возбудят распри и послужат дурным примером для волнующейся молодежи, хотя и не столь гениальной, каким представляет себя автор, но так же мечтательной и увлекающейся. В пользу оставления неприкосновенности некоторых глав

этих Записок служит замкнутость содержания «Русской Старины» для других бесцензурных изданий» [1]).

Осведомленный, очевидно, о содержании рапорта В. М. Ведрова и опасаясь конфискации всей книжки, М. И. Семевский в тот же день обратился в С.-Пб. Цензурный Комитет с ходатайством о возвращении ему присланных в цензуру экземпляров январьского номера «для сделания в них некоторых исправлений». Между тем, о «сомнениях» В. М. Ведрова и необходимости задержания первого номера «Русской Стар.», председатель С.-Пб. Цензурного Комитета А. Г. Петров поспешил довести до сведения начальника Главного Управления по делам печати кн. П. П. Вяземского, который, в свою очередь, обратился за инструкциями к министру внутренних дел гр. Н. П. Игнатьеву. 27-го декабря последний «признал исключенные места в Записках Завалишина действительно неудобными», в связи с чем М. И. Семевскому пришлось заняться спешной вырезкой и перепечаткой целого ряда страниц (с 32 по 40) из давно сброшюрованной книжки журнала. И прежде не особенно удовлетворенный содержанием Завалишинских воспоминаний, М. И. Семевский, после столкновения из-за них с цензурой и изуродования целого номера своего издания, решил остановить их опубликование. Решение это было подкреплено возгоревшейся полемикой с Д. И. Завалишиным декабриста А. Ф. Фролова (ср. «Русск. Стар.» 1882 г., V, 465 — 482; VI, 701 — 714), после чего редакцией «Русской Старины» были через нотариуса возвращены Д. И. все его рукописи [2]).

Печатаемое нами ниже письмо Д. И. Завалишина к графу Н. П. Игнатьеву (министру внутренних дел с 4-го мая 1881 г. по 30-е мая 1882 г.) ближайшей своей целью имело получение согласия министра на восстановление в печати исключенных цензурою страниц воспоминаний, на опубликование их полностью. Останавливаясь на истории своей работы над Записками и откровенно обнажая при этом вдохновлявшие его тенденции и надежды, Д. И. Завалишин вложил в свое обращение к гр. Игнатьеву

---

[1]) Архив Мин. Нар. Просв. Дело С.-Пб. Ценз. Комитета по издаваемому г. Семевским журналу «Русская Старина». 1869 г., № 65, л. 200 — 208.

[2]) Подробности об этом конфликте см. в издании: М. И. Семевский. Его жизнь и деятельность, С.-Пб. 1895 г., стр. 124 — 125, и в архиве М. И. Семевского, хранящемся в Пушкинском Доме.

столько высокого душевного пафоса, столько совершенно интимных признаний, что некоторые места его чисто делового письма получили интерес и значение подлинной исповеди. Однако, тех результатов, на которые рассчитывал Д. И. Завалишин, обращаясь к министру внутренних дел, добиться ему не удалось. Гр. Н. П. Игнатьев, падение которого в это время было уже предрешено, ограничился отсылкой полученного им письма в Главное Управление по делам печати; «оглашение всесторонней истины», в необходимости которого был так уверен старый декабрист, представлялось для высшего цензурного установления в империи аргументом настолько наивным, что, не входя в рассмотрение письма по существу, оно сочло достаточным ограничиться старой справкой о мотивах исключения из «Русской Старины» Завалишинского текста.

Под спудом и запретом последний оставался почти четверть века. Только в 1904 г. Записки Д. И. Завалишина были полностью опубликованы в Мюнхенском издании Мархлевского; после революции 1905 г. стала возможна и их перепечатка в России [1]).

Письмо Д. И. Завалишина к гр. Н. П. Игнатьеву.

Ваше Сіятельство!

Милостивый Государь!

Николай Павловичь!

Въ № 1-мъ историческаго журнала «Русская Старина» на сей годъ изъ моей статьи и не предназначавшейся первоначально для печати, но напечатать которую издатель счелъ полезнымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, цензура изъ отпе-

---

[1]) Записки Д. И. Завалишина, 1-ое русское издание, С.-Пб., тип. «Сириусъ», 1906 г., стр. 464; 2-ое русское издание, без даты, представляет собою точное воспроизведение первого (возможно, что это и есть 1-ое издание, в котором перепечатаны лишь титульный лист и обложка). Заграничное издание Записок разрешено было к ввозу и продаже в России особым постановлением Комитета Иностранной Цензуры от 2-го ноября 1905 г. Любопытные подробности об основаниях этого «дозволения» сохранились в Деле III Отд. Канц. Главн. Управления по делам Печати за 1905 г., № 3, листы 29—32.

чатанной уже книжки выбросила самое существенное и полезное [1]), что и вынуждаетъ меня изложить Вашему Сіятельству весь ходъ дѣла.

Послѣ того, какъ я, вопреки всѣмъ условіямъ, лично ко мнѣ относящимся, принялъ участіе въ извѣстномъ предпріятіи, я рѣшился посвятить всю свою жизнь на изысканіе причинъ какъ порождающихъ революціи, такъ и препятствующихъ успѣху въ борьбѣ съ ними, что естественно привело меня къ коренному изслѣдованію основныхъ законовъ человѣческихъ обществъ. А что такой трудъ былъ не свыше моихъ силъ и могъ дать полезные результаты, я могъ думать не по обольщенію самолюбія, а по тѣмъ свидѣтельствамъ и отъ друговъ, и отъ недруговъ, которыя я получалъ со всѣхъ сторонъ. Люди, жившіе со мною много лѣтъ, свидѣтельствовали о моихъ «необыкновенныхъ способностяхъ, обширномъ образованіи и трудолюбіи», о которыхъ, какъ сказано въ «Русск. Старинѣ» (1881, Дек., стр. 924), такъ много встрѣчается извѣстій въ «Запискахъ Декабристовъ». Понятно поэтому, что, положивъ всю свою жизнь на такой трудъ, польза котораго признавалась всѣми, кому онъ былъ извѣстенъ, я считалъ даже обязательнымъ для себя обнародованіе достигнутыхъ мною результатовъ. Поэтому еще изъ Сибири, изъ Читы, писалъ я о нихъ покойному митрополиту Филарету, который при состоявшемся, по его желанію, личномъ свиданіи нашемъ здесь, въ Москвѣ, призналъ полную справедливость моихъ выводовъ, но не могъ ничего сдѣлать для содѣйствія къ обнародованію ихъ, хотя по его приказанію и начали переписывать въ Семинаріи мои сочиненія. Тогда я обратился къ содѣйствію печати. Обширныя статьи мои были приняты газетою «День», были набраны и представлены въ цензуру; но ни здѣсь, ни въ Петербургѣ не были пропущены [2]).

---

[1]) «Русск. Стар.» 1882, I, стр. 11 — 66: «Вселенскій Орденъ Возстановленія и отношенія мои к Северному Тайному Обществу. (Изъ писемъ Д. И. Завалишина к М. И. Семевскому)». После перепечатки исключенных цензурой страниц 32 — 40, от главы III-ей Записок осталось только 8 строк текста, а гл. IV лишилась своего начала. Редакционная отметка на стр. 66: «Продолжение в следующей книге» оправдана не была, и из Записок Д. И. Завалишина в «Русск. Стар.» ничего более не появлялось.

[2]) В своей статье «Декабристы» («Русск. Вести.» 1884, II, 820 — 861) Д. И. Завалишин точно определяет содержание этих своих работ: «При-

При видѣ такихъ препятствій, несмотря даже на одобреніе моего труда лицами, безусловно преданными правительству (и духовными и свѣтскими), и не имѣя никого, кому бы я могъ передать на сохраненіе мой трудъ, испытавъ, какія злоупотребленія дѣлали изъ частныхъ моихъ сообщеній разныя лица, по своимъ видамъ, одностороннимъ оглашеніемъ сообщаемаго мною, я пришелъ къ убѣжденію, что только въ собственномъ семействѣ я могу найти вѣрныхъ хранителей всѣхъ моихъ трудовъ, до того времени, когда возможно будетъ полное обнародованіе ихъ, потому что глубоко убѣжденъ, что даже истина, если будетъ взята односторонне, можетъ сдѣлаться при иныхъ обстоятельствахъ вреднѣе даже лжи, которая легче обнаруживается, и что только всестороннее раскрытіе истины, полная историческая правда несомнѣнно можетъ быть полезна. Желаніе имѣть свое семейство заставило меня жениться. Я зналъ позднія свои лѣта (68-й годъ), но я зналъ свою жизнь, сохраненіе своихъ силъ, и потому надѣялся имѣть дѣтей, и какъ въ моихъ желаніяхъ не было ничего эгоистическаго, такъ какъ я не искалъ для себя ни красоты, ни особенныхъ талантовъ, ни богатства, то выборъ мой и палъ на дѣвушку, для которой супружество со мною представляло несомнѣнное улучшеніе положенія. Богъ благословилъ нашъ союзъ, я имѣлъ уже четверыхъ дѣтей, и ожидаю вскорѣ и новое приращеніе семейства. Я имѣлъ даже и сына, на котораго и возложилъ было уже всѣ надежды относительно сохраненія и обращенія на пользу общую всего, что выработалъ такимъ упорнымъ и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ въ теченіе долгой жизни, но Богъ далъ, Богъ и взялъ! Я лишился сына, и хотя съ растерзаннымъ сердцемъ, но безъ ропота покорился волѣ Божіей. Имѣя за тѣмъ одиѣхъ дочерей и не зная, будетъ ли возможно для нихъ то, что считалъ возможнымъ для сына, я долженъ былъ позаботиться сохранить хотя главные результаты моего труда. Они были изложены въ письмахъ, составляющихъ отвѣты на вопросы, предложенные мнѣ издателемъ «Русской Старины», и не предназначались пока для печати, а

быв в Москву, представил немедленно в редакцию газеты „День статьи об органических условиях власти и свободы и о разных современных заблуждениях в России. Статьи эти были уже набраны, но цензура их не пропустила» (op. cit., 834).

должны были служить ему для оцѣнки тѣхъ искаженій, которыми вслѣдствіе ослабленія памяти, незнанія или личныхъ видовъ, наполняются нынѣ историческія статьи. Но когда издатель призналъ полезнымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ напечатать мои письма, то я далъ свое согласіе на томъ условіи если онѣ могутъ быть напечатаны вполнѣ; но вотъ цензура не пропустила именно того, что было необходимо для правильнаго сужденія о цѣломъ, и такимъ образомъ случилось именно то, чего болѣе всего опасался: изложеніе мое явилось въ одностороннемъ видѣ, тогда какъ я, во избѣжаніе этаго и изъ опасенія, что это можетъ случиться, отказался отъ сдѣланнаго мнѣ выгоднаго предложенія напечатать мои записки на счетъ посторонняго лица, одного изъ самыхъ извѣстныхъ литераторовъ, желавшего исторически разработывать ту эпоху, о которой сообщаются такія правдивыя свѣдѣнія у меня [1]). Между тѣмъ я сохраняю полное убѣжденіе, что мои изслѣдованія были бы равно полезны и правительству, и обществу, и мнѣ крайне прискорбно, что вслѣдствіе раззоренія, причиненнаго мнѣ навѣтами Муравьева и Корсакова, я не могу вполнѣ предаться на продолженіе моихъ изслѣдованій, на приведеніе въ систематическій видъ моихъ прежнихъ трудовъ, а долженъ терять свое время на поденный, такъ сказать, трудъ, для содержанія себя, жены и трехъ дочерей съ ожиданіемъ притомъ еще и увеличенія семейства.

---

[1]) Речь идет о графе Л. Н. Толстом, инициалы которого проставлены были Д. П. Завалишиным при упоминании об этом же предложении в «Русск. Вести.» 1884, II, 834. Об усиленном интересе Л. Н. Толстого к деятелям 14 декабря в пору работ над «Войной и Миром» и над неосуществленным романом «Декабристы» свидетельствует ряд интереснейших упоминаний как в письмах самого Л. Н., так и в воспоминаниях о нем. Ср., например, письмо Л. Н. Толстого к графине С. А. Толстой от марта 1878 г.: «Нынче был у двух декабристов, обедая в клубе, а вечер был у Бибикова, где Софья Никитишна (рожд. Муравьева) мне пропасть рассказывала и показывала. Потом поехал к Свистунову... и просидел у него четыре часа, слушая прелестные рассказы его и другого декабриста Беляева» (Письма Л. Н. Толстого, С.-Пб. 1911, стр. 93). Как свидетельствует В. Е. Якушкин в своем некрологе «М. Н. Муравьев-Апостол», — «Когда Л. Н. Толстой собрался несколько лет тому назад писать роман о декабристах — он приходил к Матвею Ивановичу для того, чтобы расспрашивать его, брать у него записки его товарищей и т. д.» («Русск. Стар.» 1886, VIII, 157—158). Сохранились три письма Толстого к П. Н. Свистунову,

Ваше Сіятельство! Вы имѣете много и явныхъ и тайныхъ враговъ, которые могутъ одолѣть и Васъ, какъ одолѣвали и другихъ. Желательно поэтому для Вашей славы, чтобы по крайней мѣрѣ за время Вашего управленія вы оставили то, что не будетъ уже зависѣть ни отъ враговъ, ни отъ перемѣны обстоятельствъ; это — оглашеніе всесторонней истины. Окажите мнѣ въ томъ содѣйствіе! Дайте мнѣ средства, чтобы я могъ посвящать всё свое время на этотъ трудъ. Исправьте хотя отчасти (дать полное вознагражденіе мнѣ, — не состоитъ уже ни въ чьей [власти) причиненное мнѣ раззореніе и обезпечивъ (sic!) мое семейство.

Я имѣлъ честь препроводить къ Вамъ оттиски моихъ статей по Амурскому дѣлу. Справедливость моя была признана самими правительственными лицами; я жертвовалъ всѣми своими выгодами, испытывалъ всѣ непріятности, дѣйствуя открыто на пользу края и государства, показывая примѣръ истинной гласности; исправлялъ безвозмездно разныя должности по просьбѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя, пользуясь моими трудами, не постыдились дѣлать на меня навѣты, и я за всѣ мои заслуги и услуги лишенъ былъ насильственнымъ удаленіемъ меня изъ Читы и своего крова, и всѣхъ плодовъ упорнаго 24-хъ лѣтняго труда. Хозяйство мое, считавшееся образцовымъ, погибло, земля, и та, которую купилъ, и та, которую самъ устроилъ изъ негодной, и которыми владѣлъ безспорно долгое время, — отняты; семейство покойной первой моей жены, жившее подъ моимъ покровительствомъ, будучи лишено моей поддержки, повергнуто было в нищету, а самъ я здѣсь поставленъ былъ въ такое положеніе, что не могъ принять никакого выгоднаго занятія, не будучи увѣренъ, что не

опубликованные в «Красном Архиве». 1924, VI, 235—242. Что же касается Записок Д. И. Завалишина, то, как видно из записи в дневнике Д. И. Маковицкого от 2-го октября 1905 г., Лев Николаевич считал их «самыми важными из записок декабристов» («Голос Минув.» 1923, № 3, стр. 5). Этот отзыв, как мы полагаем, относится не столько к передаваемым Завалишиным конкретным фактам исторического прошлого, сколько к идеологии бывшего заговорщика, в рассуждениях которого очень многое напоминает некоторые постулаты самого Толстого. Ср., например, соображения Завалишина о том, что «возрождение и благоустройство человеческих обществ может быть совершено только возрождением или пробуждением живых сил в них, а отнюдь не созданием каких-нибудь внешних форм» (Записки Д. И. Завалишина, изд. 1904 г., т. I, стр. 220).

подвергнусь новой несправедливости. Не позволяю себѣ думать, чтобы за все это можно считать достаточнымъ вознагражденіемъ малое пособіе, которое получалъ, и однажды присланные единовременно триста рублей, особенно, когда постоянно стѣсняется и литературный мой трудъ, единственное уже возможное въ моихъ лѣтахъ занятіе. Обращаюсь къ собственному чувству справедливости Вашего Сіятельства. А какъ я здѣсь жилъ и дѣйствовалъ, имѣлось слишкомъ много свидѣтелей.

Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Дмитрій Завалишинъ.

1882 года.
Апрѣля 6-го дня.

Москва. Въ меблированныхъ комнатахъ дома Скворцова противъ Манежа.

Ю. Оксман.

ДЕКАБРИСТ ВАДКОВСКИЙ В ЕГО ПИСЬМАХ К Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ.

Вадковский принадлежит к числу заурядных, не выдающихся декабристов и биографических данных о нем в литературе о 14-м декабря имеется сравнительно мало. Род Вадковских, первые сведения о котором относятся к 1662 г., повидимому, польского происхождения; по крайней мере, в числе польских родов имеются Watkowski herbu Nalecz w Prusiech [1]), а этим гербом пользовались в России также и Вадковские. Отец декабриста, Федор Федорович Вадковский (род. 21-го декабря 1756), был записан в полк в 1758 г., начал свою действительную службу в л.-гв. Семеновском полку прапорщиком в 1771 г. и выбыл из него с чином армии премьер-маиора в 1780 г.; будучи одним из близких лиц к великому князю Павлу Петровичу, он впоследствии был сенатором и, выйдя в отставку в 1796 г., скончался 27-го августа 1806 г. (Пб. Некр., I, 362). Женат был он (со 2-го сентября 1789) на фрейлине графине Екатерине Ивановне Чернышевой (род. 28-го июля 1766), дочери графа Ивана Григорьевича Чернышева от второй его жены Анны Алексеевны Исленьевой [2]). От этого брака младшими из шести детей были сыновья: Федор—декабрист и Александр, привлеченный также к делу по причастности к возмущению Черниговского полка, но подвергнутый, по докладу Следственной Комиссии, лишь сравнительно незначительному дисциплинарному наказанию.

Федор Федорович Вадковский родился в 1800 г., с 10 до 12-летнего возраста воспитывался в Пансионе при Московском Университете; по занятии Москвы французами он был отвезен в Петербург и отдан на воспитание к аббату Lemry, потом учился в пансионе Гиприхса, преподавателя истории в Петро-

[1]) Niesiecki, Herbarz polski, tom IX, w Lipsku. 1842, str. 250.

[2]) Сведений о смерти и месте погребения Е. И. Вадковской не имеется: она была жива 1-го января 1825. О ней см. «Histoire très vraie d'une personne très fausse» — «Русск. Архив» 1914, II, стр. 268 — 315.

павловской немецкой школе, готовился дома к экзаменам в Пажеский Корпус, наконец, был отдан в пансион Годениуса, откуда поступил на военную службу и 1-го января 1822 г. произведен в корнеты Кавалергардского полка [1]). В полку прослужил он недолго, так как 19-го июня 1824 г., «за неприличное поведение» во время маневров в Красном Селе, переведен прапорщиком в Нежинский конно-егерский полк [2]). В 1822 году Вадковский был принят в Тайное Общество князем А. П. Барятинским, состоял сперва в Северном Обществе, а затем в 1824 г., под влиянием знакомства с Пестелем, перешел в Южное [3]), в свою очередь, привлек к Обществу 9 новых членов и в конце-концов легкомысленно поддался на провокацию Шервуда. В связи с посланным через него письмом к Пестелю, Вадковский был, по распоряжению Дибича, арестован в Курске командированным туда из Таганрога 10-го декабря 1825 г. полковником гвардейского казачьего полка Николаевым [4]), доставлен сперва в Шлюссельбург, а оттуда, согласно высочайшему повелению от 18-го декабря, переведен в Петропавловскую крепость; с своей стороны комендант крепости А. Я. Сукин 21-го декабря в 12½ ч. дня получил от имп. Николая записку такого содержания: «Надо держать Ватковскаго совершенно втайнѣ, но дать ему писать, что хочеть на мое имя или кому хочетъ» [5]). Надо думать, что первый допрос Вадковского был сделан 22-го декабря лично Николаем — в делах Комендантского

---

[1]) М. П. Богданович. «История царствования императора Александра I и Россия в его время», т. VI, С.-Пб. 1871, стр. 498 — 499.

[2]) Подробности мне неизвестны; в письме Дибича к великому князю Константину Павловичу от 23-го ноября 1825 г. есть следующее указание: «Wadkoffsky... le même qui a été renvoyé du régiment des chevaliers gardes pour avoir tenu des propos criminels (Вадковский, тот—самый, который был удален из Кавалергардского полка за преступные разговоры)» — «Русск. Стар.» 1882, № 7, стр. 171. В то же время племянник Вадковского, Ф. П. Тимирязев, упоминая об этом инциденте, поясняет, что перевод Федора Вадковского из Кавалергардского полка тем же чином в армию имел место «за стихи против начальства и великого князя Михаила Павловича» («Русск. Арх.» 1873, стр. 01324).

[3]) Заметки П. Н. Свистунова — «Русск. Арх.» 1871, стр. 354.

[4]) Письмо Дибича от 11-го дек. 1825 г. из Таганрога на имя вел. князя Константина Павловича — «Русск. Стар.» 1882, № 7, стр. 189 — 190.

[5]) П. Е. Щеголев, Николай I и декабристы, изд. «Былое», П. 1919, стр. 9.

Управления крепости имеется нижеследующее распоряжение генерал-адъютанта Левашева, подтвержденное собственноручною подписью царя от 22-го декабря 1825 г.: «Государь императоръ приказать изволилъ сегодня къ 8 ч. вечера привезти на дворцовую гауптвахту прапорщика Вадковскаго, где ожидать доколѣ его величество спросить онаго изволитъ. Вести онаго секретно, съ закрытымъ лицемъ, подъ строжайшею стражею» [1]).

Результаты следствия и суда над Вадковским нашли себе нижеследующую формулировку в известном «Алфавите членам бывших злоумышленных обществ и лицам, причастным к делу, производимому высочайше учрежденной 17 декабря 1825 года Следственной Комиссией»:

«Принадлежалъ къ Сѣверному и Южному Обществамъ около четырехъ лѣтъ и раздѣлялъ цѣль послѣдняго — ввести республиканское правленіе съ истребленіемъ императорской фамиліи. Онъ считалъ возможнымъ совершить сіе злодѣяніе на придворномъ балѣ и тамъ же провозгласить установленіе республики. Сообщивъ о семъ нѣкоторымъ изъ сочленовъ своихъ, спрашивал о готовности ихъ участвовать въ томъ и получилъ утвердительный отвѣтъ. Въ 1824 году обѣщалъ содѣйствовать Матвѣю Муравьеву-Апостолу, имѣвшему намѣреніе покуситься на жизнь покойнаго императора въ случаѣ, если бы открытіемъ Общества подвергнулся опасности братъ его Сергѣй. При семъ случаѣ Вадковскій разсказывалъ, что, когда онъ жилъ въ Новой Деревнѣ и имѣлъ духовое ружье, ему приходила мысль посягнуть на жизнь покойнаго государя. Онъ принялъ въ Общество 9 человѣкъ. Сверхъ того хотѣлъ принять Шервуда, съ которымъ писалъ къ Пестелю, изъясняя сожалѣніе о пропущенномъ случаѣ къ возмущенію послѣ кончины государя и предположеніе о продолженіи дѣйствій Общества при новомъ правительствѣ, въ то же время говорилъ Шервуду, что дѣла Общества, сверхъ чаянія, идутъ весьма хорошо и что онъ считаетъ труднѣйшимъ только то, какъ истребить вдругъ всю августѣйшую фамилію.

По приговору Верховнаго Уголовнаго Суда осужденъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу

---

[1]) Выписка из дел Архива Петропавловской крепости, сообщенная мне в свое время покойным С. А. Панчулидзевым.

вѣчно. Высочайшимъ же указомъ 22-го августа повелѣно оставить въ работѣ 20 лѣтъ, а потомъ обратить на поселеніе в Сибири» [1]).

После конфирмации 10-го июля 1826 г. приговора, Вадковский, отнесенный к I разряду, был отправлен 27-го июля из Петропавловской крепости в Кексгольм, а оттуда в апреле 1827 г. в Шлюссельбург [2]). В Нерчинские рудники Вадковский поступил лишь 5-го января 1828 г., при чем привезший его туда фельд-егерь Подгорный увез обратно в Петербург А. О. Корниловича [3]). По отбытии в Петровском заводе срока каторжной работы, дважды сокращенного, Вадковский 10-го июля 1839 г. был обращен на поселение в с. Манзурское Иркутской губ. и до отправки туда был в виду болезни отпущен для лечения на Туркинские минеральные воды.

К этому как-раз времени и относится первое из издаваемых ныне писем Вадковского к Евгению Петровичу Оболенскому [4]). Подлинники этих писем, переплетенные в толстую тетрадь, содержащую в себе собрание писем к Оболенскому от разных лиц, преимущественно его товарищей по заключению и их жен, за период времени близкий освобождению их из Петровского завода, находятся ныне в личном собрании Б. Л. Модзалевского [5]), которому они в свое время были переданы племянником Е. П. Оболенского — Николаем Сергеевичем Кашкиным.

Все эти письма свидетельствуют о том уважении и глубокой привязанности, которыми пользовалась среди декабристов и их

---

[1]) «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, изд. «Огни», П. 1919, стр. 38.

[2]) М. М. Попов, Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г. — сборник «О минувшем», П. 1909 г., стр. 119.

[3]) Воспоминания А. П. Беляева — «Русск. Стар.» 1881 г., № 4, стр. 824; Записки П. Е. Анненковой, изд. «Прометей», С.-Пб. стр. 104.

[4]) Биография Е. П. Оболенского помещена в издании «Общественные движения в России в первую половину XIX в.» т., I, Декабристы, под ред. В. П. Семевского, В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева, 1905, стр. 205 — 230.

[5]) Пользуюсь случаем, чтобы выразить Борису Львовичу Модзалевскому лишний раз глубокую благодарность за предоставление в мое распоряжение библиографических карточек из его указателя, составление которого стоило ему таких больших трудов и к пользованию которым он так охотно допускает всех обращающихся к нему, несказанно облегчая этим разыскание нужных материалов.

близких светлая по своим высоким нравственным достоинствам и своей безграничной доброте личность Оболенского. В частности, письма Вадковского дают небезынтересный материал для характеристики их автора и ценны, с одной стороны, как выражение первых впечатлений декабриста на свободе после 13-летнего заключения, а с другой — заключающимися в них подробностями о взаимных отношениях товарищей по ссылке.

I.

[10-го августа 1839 г. Туркинские воды].

Любезный и Добрѣйшій Евгеній Петровичь! Не могу тебѣ сказать, до какой степени твое письмо насъ всѣхъ обрадовало! Я его читалъ въ слухъ Барятинскому [1]), и признаюсь, когда дошелъ до тѣхъ строкъ, въ которыхъ ты описываешь Вашъ выѣздъ изъ Петровскаго, Ваше послѣднее прощаніе живымъ и мертвымъ, голосъ мой задрожалъ, и въ массу вашихъ слезъ я не упустилъ случая прибавить и свою! Да и долго еще,—можетъ быть во всю жизнь, придется со слезами вспоминать многихъ и многое въ Петровскомъ! Между тѣмъ, ты меня также и разсмѣшилъ, описывая безмѣстное положеніе добраго Сергѣя Петровича [2]). C'est bien cela! Все уладилъ, всѣхъ устроилъ, а самъ пошелъ въ скороходы.—Не въ обиду сказать той тележкѣ, которую ты такъ громозвучно называешь фаетономъ, я по сію пору не понимаю, какъ Вы вдвоемъ не обратились въ княжеской бифстексъ? Слава Богу впрочемъ, что такъ или сякъ Вы дотащились и что ни разу не свалились, сидя въ такомъ экипажѣ, который, сколько я помню, не терпитъ поворотовъ. Я отъ души тебя пожалѣлъ, когда узналъ, что ты поселенъ въ Ятанцу или на Ятанцѣ [3]). Не завидная страна, по правдѣ сказать, и замѣчательная развѣ тѣмъ только, что изобилуетъ Балаганскими всякаго рода и возраста. За то, по моему, рѣчка, давшая свое имя всему околотку, прелесть, а не

[1]) Александр Петрович Барятинский, декабрист; о нем см. ниже.

[2]) Трубецкого.

[3]) По отбытии срока, согласно указу 10. VII. 1839 г., Оболенский был обращен на поселение в с. Итанцинское, Верхнеудинского округа Иркутской губернии, где оставался до июня 1841 г., когда переведен был в Туринск, Тобольской губернии.

рѣчка; настоящая игрушка! изъ чего слѣдуетъ, что въ твоемъ посельѣ только и есть хорошаго, что то мѣсто, въ которомъ можно утопиться. Прости весь этотъ вздоръ, мой добрый Евгеній Петровичь! Мнѣ показалось, что твоя послѣдняя записка немного грустна и я хотѣлъ тебя разсмѣшить.—Меня здѣсь увѣряли, и не одинъ человѣкъ, что твой старикъ увезенъ въ Тобольскъ, а его спутникъ на Кавказъ. Не знаю, вѣрить или нѣтъ? ибо вообще, какъ я могъ замѣтить, Забайкальскій Воздухъ заряженъ способностью переносить съ неимовѣрною быстротою самыя глупыя и фальшивыя извѣстія. Такъ, на примѣръ, насъ здѣсь увѣряли, что къ намъ на воды ѣдутъ: Княгиня со всѣмъ своимъ семействомъ, и еще кромѣ того трое изъ нашихъ; и вѣстовщикъ клялся, что самъ читалъ бумагу о заготовленіи для нихъ лошадей. Такъ увѣряли и Княгиню, что въ Удинскѣ я требовалъ Доктора, как будто можно до такой степени пренебрегать жизнію тому, кто именно ѣдетъ за здоровьемъ. Кстати о Княгинѣ, скажу тебѣ, что всѣ хвалятъ мѣсто ей назначенное [1]). Здѣсь живетъ и лечится Мандрыка [2]), бывшій исправникомъ въ Иркутскѣ, и слѣдственно хорошо знающій всѣ селенія, по которымъ насъ разбросали. Я поспѣшилъ воспользоваться его воспоминаніями, и узналъ, что и Давыдовымъ не дурно. Я—на самой Ленѣ; деревня изрядная, стерлядей сколько хочешь, и что для меня всего дороже—въ 70-ти верстахъ отъ Трубецкихъ и, если не ошибаюсь, почти во столькихъ же отъ Муравьевыхъ [3]). Однимъ словомъ: поѣду.

---

[1]) Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая; семья Трубецких была поселена сперва в слободе Уриковской, а затем в с. Оёке, Иркутского округа, в 5 верстах от первой.

[2]) Андрей Григорьевич Мандрыка состоял сперва Иркутским, а затем Верхнеудинским земским исправником, 28. I. 1839 причислен к Иркутскому Общему Губернскому Правлению, а 25. IX. 1839 назначен городничим г. Ачинска Енисейской губернии (В. Л. Модзалевский, Малороссийский Родословник, т. III, стр. 365).

[3]) Василий Львович Давыдов был отправлен на поселение в Красноярск; он был женат с 24. V. 1825 на Александре Ивановне Потаповой, которая последовала за мужем в Сибирь. Местом поселения самого Вадковского было назначено с. Манзурское, Иркутской губернии. В слободе Уриковской, в 18 верстах от Иркутска, по Ангарскому тракту, с 1836 г. жили на поселении братья Никита Михайлович и Александр Михайлович Муравьевы.

взгляну, разсмотрю, ознакомлюсь и даю тебѣ слово подробно тебя извѣстить обо всемъ мною видѣнномъ, слышанномъ, вывѣданномъ.—Теперь вотъ тебѣ и просьба отъ меня или лучше сказать отъ насъ.—Да будетъ прежде всего тебѣ извѣстно, что здѣсь все нестерпимо дорого. Способу нѣтъ, какъ говаривалъ нашъ добрый Пущинъ! [1]) Ваши же Ятончинскіе мужички возятъ сюда куръ, цыплятъ и проч., но, пользуясь установленными здѣсь цѣнами, продаютъ ихъ въ тридорого, а именно первыхъ: по рублю и рублю съ четвертью, а вторыхъ: по полтинѣ и шестидесяти копѣекъ. То не можешь-ли ты нашимъ карманамъ, слишкомъ быстро пустѣющимъ, оказать большую услугу.—Извѣсти крестьянъ черезъ голову или старшину, что тебѣ нужно куръ, цыплятъ и яицъ.—Если ты купишь первыхъ по 60-ти коп., вторыхъ по 15-ти, а третьихъ по грошу (цѣны вашей страны) и найдешь средство доставить намъ ихъ за шесть, семь, или даже восемь рублей, ты намъ сдѣлаешь значительную экономію. Но только не забудь взять въ соображеніе, что мы здѣсь пробудемъ одинъ этотъ мѣсяцъ, а къ 1-му числу будущаго располагаемъ выѣхать; слѣдовательно не посылай болѣе 20-ти куръ, 20-ти цыплятъ, сотни или полторы сотни яицъ, и одного теленка, буде найдешь за 10 рублей. Деньги же я тебѣ отдамъ при проѣздѣ черезъ твое селеніе. Что ты скажешь объ этомъ порученіи, любезный Евгеній Петровичь, и не подивишься-ли, что во мнѣ развернулись такъ скоро и такія хозяйственныя способности? Если-же тебѣ тоска подобнымъ вздоромъ заниматься, то не совѣстись предать забвенію мою просьбу лишь бы не просителя.—О насъ и нашемъ здоровьи не многое могу тебѣ сказать. Что до меня касается, я весьма радъ, что пріѣхалъ сюда. Во первыхъ не куда спѣшить, во вторыхъ и сверхъ моего ожиданія Горячія Воды оказались мнѣ необходимыми. Онѣ начали съ того, что возобновили всѣ мои припадки, что́ было меня чрезвычайно испугало, но послѣ свое-же произведеніе стали разбивать, прогонять, уничтожать, и теперь дѣло кажется весьма идетъ на ладъ. У Швей—

---

[1]) Иван Иванович Пущин, покинувший Петровский завод одновременно с Оболенским и Вадковским и отправленный на поселение в г. Туринск, Тобольской губернии.

ковскаго [1]) ни одинъ волосъ не почернѣлъ. Щепинъ [2]) и есть, какъ былъ. Барятинской самъ тебѣ о себѣ говоритъ. За симъ прощай, добрѣйшій Евгеній Петровичь; обнимаю тебя отъ всего сердца. Если мое письмо дурно написано, извини и не критикуй. Къ моему стыду я плохо знаю нашъ языкъ, а съ другой стороны постыдился отвѣчать на русское письмо по французски. Будь здоровъ и люби хоть не много всегда и съ уваженіемъ тебѣ преданнаго

Вадковскаго.

Августа 10-го 1839-го года,
Горячія Воды.

Приписка Александра Петровича Барятинского [3]).

Φιλὲ Ευγενὴς Πετροῖδες, il faut vous aimer, comme je vous aime, pour que je surmonte l'insurmontable paresse que j'ai toujours eue à écrire des lettres, ajoutez à cela la déconfiture complette que l'on éprouve à la suite des bains chauds, et vous aurez la mesure de l'envie que j'ai de me rappeler à votre souvenir. — C'est avec une véritable peine que j'ai appris que vous étiez colonnisé[sic] dans un bien misérable lieu; au reste il dépendra toujours de vous, j'en suis sûr, de le troquer pour un meilleur. — Que vous dirai-je de l'effet qu'on[t] produit sur moi les

---

[1]) Иван Семенович Повало-Швейковский, декабрист, осужденный по I разряду, обращен в 1839 г. на поселение в Курган, Тобольской губернии, где и умер 10. V. 1845 г.

[2]) Князь Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский, декабрист, осужденный по I разряду, обращен в 1839 г. на поселение в с. Тасеевское, Канского округа, а оттуда переведенный в 1842 г. в Курган.

[3]) Князь Александр Петрович Барятинский, род. в 1798 г., воспитывался в иезуитском пансионе, в 1814 г. поступил на службу в М-во Иностранных Дел, затем служил в л.-гв. Гусарском полку, в чине штабс-ротмистра состоял адъютантом главнокомандующего 2-ю армией графа Витгенштейна. В качестве члена Южного Общества осужден Верховным Уголовным Судом по I разряду и по конфирмации 10-го июля 1826 г. приговорен к вечной каторге; согласно указу 10-го июля 1839 г. обращен на поселение в Тобольск, куда отправлен был, после временного пребывания на Туркинских минеральных водах и в Красноярске, 29-го сентября 1839 г.; умер 19-го августа 1844 г. в Тобольске и погребен там на Завальном кладбище.

caux? — Jusqu'à présent il est nul, j'y ai même gagné quelques jours de fièvre, en revanche les corps [sic] aux pieds diminuent, ce qui valait bien la peine de se trimbaler si fort. Au reste on ne peu[t] juger ordinairement du bon ou du mauvais effets [sic] des bains, qu'après deux ou trois mois.—La plus grande nouvelle que je puisse vous donner d'ici, c'est que nous avons éprouvé deux secousses consécutives assez fortes d'un tremblement de terre. — Nous avons eu ici assez de monde, surtout force dames, mais tout ça commence à s'écouler et à se disperser. Adieu, cher Оболенски, veuillez bien garder une petite place dans votre souvenir pour celui qui n'oubliera jamais la bienveillance toute cordiale que vous n'avez jamais cessé de lui témoigner ce qui fera toujours un de ses plus agréables souvenirs.

A. B.

(Перевод). Дорогой Евгений Петрович, нужно вас любить так, как я вас люблю, чтобы побороть мою всегдашнюю непреодолимую лень к писанию писем; прибавьте к этому полное расслабление, которое испытывают после горячих ванн, — и вы определите меру моего желания напомнить вам о себе. С истинным огорчением узнал я о том, что вы отправлены на поселение в очень скверное место; впрочем, от вас всегда будет зависеть, я в этом уверен, переменить его на лучшее. — Что сказать вам о влиянии, которое воды оказали на мое здоровье? До сих пор оно равно нулю, я даже заполучил здесь на несколько дней лихорадку, но за то мозоли на ногах уменьшаются, из-за чего стоило тащиться так далеко. Впрочем, обычно о хороших или дурных последствиях ванн можно судить лишь по прошествии двух или трех месяцев. — Самая важная новость, которую я могу сообщить вам отсюда, это то, что мы ощутили два последовательных довольно сильных толчка землетрясения. — Здесь было достаточное количество народа, особенно много дам, но все это начинает уже разъезжаться и рассеиваться. Прощайте, дорогой Оболенский, будьте добры сохранить маленькое место в вашей памяти для того, кто никогда не забудет того сердечного благорасположения, которое вы непрестанно ему оказывали и которое всегда будет одним из его самых приятных воспоминаний.

А. Б.

II.

Le 16 Août 1839. [Гуркинские воды].

Et avant tout, terminons les affaires, bien cher et bien bon Оболенской; c'est précisément le 16 comme vous l'avez supposé, qu'en revenant sur les 3 heures de l'après-midi, d'une chasse honteusement infructueuse, j'ai trouvé à la porte de mon logis cinquante bipèdes ailés et un veau, que m'avait amenés de votre part un cinquante et unième bipède sans ailes. — Honneur à votre zèle et à votre bonté et honte à mon incapacité financière! Car grâce à ma bétise l'opération que nous venons de terminer, n'a pas été aussi brillante que je m'y attendais il s'en faut de beaucoup. — J'ai omis une bagatelle dans mes calculs; j'ai négligé de jeter dans la balance la cherté du transport, qui devait nécessairement compenser le bon marché de la denrée, attendu que c'est l'époque de la fenaison et qu'alors ni hommes, ni chevaux ne sont disponibles. Aussi est-il arrivé que vos prix, qui sont d'une économie remarquable comparativement à ceux d'ici, les ont égalés une fois qu'il a fallu les grossir des 10 roubles, que vous avez du payer pour le roulage, ainsi la poule nous est elle revenue à 80 copeks, le poulet à 30 et l'oeuf à 3. — C'est ce qui fait que nous avons été aussi chiches à l'égard du roulier. Nous avons laissé tomber un misérable rouble dans sa poche, plus deux осьмушки чаю et voilà tout! Je ne vous envoye pas l'argent actuellement: j'aime mieux vous le donner à mon passage; ce sera plus sûr. Pour le moment veuillez vous contenter de notre reconnaissance qui est franche et réelle car dans tous les cas vous nous avez rendu un grand service en nous otant toute incertitude sur nos moyens d'existence futurs, et assez là-dessus.

J'ai cru comprendre, cher ami, que vous me donniez le conseil de me marier? Non, non, je n'en ferai rien, à moins que l'amour ne s'en mèle ce qui n'est plus probable à mon âge c. a. d. alors que l'imagination et les passions sont endormies, sinon mortes. D'ailleurs serait-il loyal et généreux d'offrir à la malheureuse créature qui voudrait d'un misérable comme moi, un avenir aussi peu certain que le nôtre, avenir sans horizon, avenir de dépendance.

d'humiliation et d'incertitude? Je crois qu'un homme aussi religieux que vous ne me contredira pas, si je lui dis que souffrir de sa peine à soi ce n'est pas encore souffrir, mais souffrir de celle qu'on fait subir à un autre c'est là le tourment et la véritable, l'insuportable souffrance! — Il entre donc, comme vous le voyez, un peu d'égoisme dans l'éloignement que j'ai pour le mariage; or comme de tous les mobiles humains l'égoisme est celui qui se trompe le moins et le plus rarement dans ses calculs, j'en conclus que je ne me trompe pas aussi en voulant mener seul et sans compagne la galère dans laquelle je me trouve embarqué. Que les heureux de la terre aient femme et enfants, c'est dans l'ordre des choses. Mais nous autres, cher Евгеній Петровичь, il me semble, que nous devons en avoir assez de nous-mêmes. De plus et quant à moi personnellement l'isolement ne m'effraye pas le moins du monde, je vous assure. Au contraire, je l'aime et le désire de tout mon coeur, quand ce ne serait que pour pouvoir résoudre par ma propre expérience cette question qui me préoccupe depuis longtemps. Les charmes de l'intimité contrebalancent ils les devoirs qu'elle impose? — Au reste nous reprendrons ce sujet à notre entrevue; maintenant il me faut l'abandonner, car je dois terminer cette lettre et j'ai encore à vous dire de la part de votre correspondant grec [1]), que s'il ne vous écrit pas c'est qu'il n'en a pas le temps car votre homme part demain de grand matin c. a. d. vers l'heure à laquelle nous nous plongeons dans la fontaine de Jouvence. Онъ проситъ тебя поклониться Балегу отъ Улиски и Пенелопы, — а я тебя обнимаю, добрѣйшій Евгеній Петровичь. Спасибо, спасибо, я тебя понимаю, желаю чтобъ и ты меня понималъ и чтобъ мы всегда другъ друга понимали. Тебѣ всегда преданный

Вадковской.

(Перевод). Прежде всего покончим с делами, любезный и добрейший Оболенской; именно 16-го, как вы то предположили, возвращаясь около 3-х часов пополудни с постыдно безрезуль-

[1]) Барятинский.

татной охоты, нашел я у дверей своего помещения пятьдесят крылатых двуногих и теленка, которых доставил мне от вас пятьдесят первый двуногий без крыльев. — Честь и слава вашему усердию и вашей доброте и позор моей финансовой неспособности, так как по моей глупости операция, которую мы только что закончили, вышла далеко не столь блестящей, как я того ожидал. В своих расчетах я упустил из вида безделицу, — я не принял в соображение дороговизну доставки, которая неизбежно должна была перевесить дешевизну продуктов, в особенности теперь, во время покосов, когда ни люди, ни лошади не свободны. Таким образом и вышло, что ваши цены, замечательно низкие по сравнению со здешними, уравнялись с последними, как только пришлось к ним добавить десять рублей, которые вы должны были заплатить за перевозку, и курица нам обошлась в 80 коп., цыпленок в 30 и яицо в 3 коп. Из-за этого мы и были так скупы по отношению к извозчику. Мы опустили в его карман один несчастный рубль с добавкою двух осьмушек чая — вот и всё. Я не посылаю вам теперь денег и предпочитаю передать их вам при проезде — это будет вернее. В данную минуту благоволите ограничиться нашею искреннею и истинною благодарностью, так как во всяком случае вы нам оказали великую услугу, отстранив от нас всякую неизвестность относительно наших будущих способов существования, — но довольно об этом.

Мне показалось, дорогой друг, что вы даете мне совет жениться? Нет, нет, я не сделаю ничего подобного, если только не вмешается любовь, что вряд-ли вероятно в моем возрасте, т.-е., когда воображение и страсти уснули, если даже не умерли. Кроме того, было-ли бы честно и великодушно с моей стороны предложить бедному созданию, которое пожелало бы такого несчастного, как я, будущность столь мало ясную, как наша, — будущее без надежд, полное зависимости, унижения и неопределенности? Мне кажется, что человек, столь религиозный, как вы, не станет мне возражать, если я скажу, что страдать от собственного несчастия не есть еще страдание, но страдать от несчастия, которое заставляешь нести другого, — вот мучение и настоящее и нестерпимое страдание. Итак, как вы видите, есть небольшая доля эгоизма в моем стремлении уклониться от же-

нитьбы, а, затем, так как из всех побуждений человека эгоистическое чувство менее всего и реже всего ошибается в своих расчетах, я заключаю из этого, что я тоже не ошибаюсь, желая в одиночестве и без подруги вести галеру, на которой мне приходится плыть. Пусть счастливые на земле обзаводятся женою и детьми — это в порядке вещей. Но нам прочим, дорогой Евгений Петрович, мне кажется, должно быть достаточно самих себя. Кроме того, что касается лично меня, одиночество, уверяю вас, совершенно меня не пугает, наоборот, я его люблю и жажду от всего сердца. хотя бы для того, чтобы иметь возможность собственным опытом разрешить уже давно занимающий меня вопрос уравновешивают ли прелести близости те обязанности, которые она налагает. Впрочем, мы вернемся к этому предмету при нашем свидании, теперь же приходится его оставить, так как я должен кончать это письмо и мне еще нужно сообщить вам от имени вашего греческого корреспондента, что он не пишет вам сам потому, что ему недосуг, так как ваш человек выезжает завтра рано утром, т.-е. как раз в тот час, когда мы погружаемся в фонтан Ювенты [молодости]...

III.

[7-го октября, 1839. Иркутскъ].

Добрый другъ Евгеній Петровичь! если ты меня немного знаешь, ты вѣрно приписалъ не мнѣ, а обстоятельствамъ или всякой другой причинѣ мое долгое молчаніе! Съ самыхъ первыхъ дней моего пріѣзда въ Иркутскъ, мысль писать къ тебѣ меня не оставляетъ, да подивись моему положенію? Въ офиціяльномъ письмѣ я бы даже не могъ и коснуться тѣхъ предметовъ, о которыхъ обѣщалъ тебѣ поговорить. По сію пору моя будущность еще покрыта неизвѣстностью; изъ всей нашей братіи я одинъ не вижу берега и не знаю, гдѣ придется бросить якорь. Пущинъ къ тебѣ писалъ отъ сюда, что онъ какъ будто въ угарѣ; а я еще сверхъ того въ туманѣ; такъ ты можешь вообразить въ какомъ состояніи мои душевныя и умственныя способности. Вотъ тебѣ ключь всего этого! Ты помнишь, что

княгиня Трубецкая поручила Ребиндеру [1]) хлопотать здѣсь обо мнѣ и добываться, чтобъ мнѣ было позволено до времени проживать въ Урикѣ?— Все было сдѣлано и обработано какъ слѣдуетъ. Всѣ здѣшнія власти были предупреждены въ мою пользу какъ нельзя лучше и мнѣ стоило только придти и царство покорить! Вмѣсто того, какъ я пришелъ, такъ чуть меня изъ царства не выгнали! И слышать не хотятъ, чтобъ я поселился и е въ Манзуркѣ! По совѣту Пятницкаго [2]) я писалъ письмо къ Руперту [3]), въ которомъ изъясняю: что необходимость продолжать начатое леченіе на водахъ заставляетъ меня его просить, чтобъ онъ позволилъ мнѣ или жить въ Урикѣ у ближайшихъ моихъ родственниковъ, гдѣ мнѣ можно будетъ пользоваться совѣтами Фер[динанда] Богд[ановича] Вольфа [4]), или по крайней мѣрѣ оставаться на два-три мѣсяца здѣсь въ Иркутскѣ. На это Высокопревосходительный Властелинъ изволилъ отвѣчать, что въ Урику онъ меня не отпуститъ ни на 24 часа, а позволяетъ мнѣ здѣсь избрать себѣ медика и жить неподалеку отъ какого-нибудь госпиталя.—Потомъ, испугавшись своей смѣлости, предписалъ письменно полицмейстеру, чтобъ онъ меня

---

[1]) Григорий Максимович Ребиндер, полковник, назначенный комендантом Петровского завода после смерти С. Р. Лепарского († 17. VI. 1837). «Ребиндер был осторожно-хитрый человек и с начала своего управления попытался переменить тон обращения с нами», отметил в своих записках М. А. Бестужев (Воспоминания братьев Бестужевых, изд. «Огни», П. 1917, с. 220), «но ему очень чувствительно дали заметить неприличие такой попытки, и он наладил свои поступки в тон камертона Лепарского и до конца выдержал свою роль, ежели это не было его душевным побуждением. Он стал с нами на ногу товарищества, часто посещал женатых казематских и почти каждый день приглашал нас к своему столу».

[2]) Андрей Васильевич Пятницкий, Иркутский губернатор с 1839—1848 гг., он был женат на дочери сенатора Жмакина (о ней также упоминается в цитируемом ниже письме Россета — «Русск. Архив» 1896. 1, с. 295).

[3]) Генерал-лейтенант Владимир Яковлевич Руперт, генерал-губернатор Восточной Сибири с 30. VII. 1867 по 29. VI. 1847; он был женат на Елене Федоровне Недобе (Русск. Биограф. Словарь, том Романова-Рясовский, П. 1916, с. 607—609).

[4]) Фердинанд Богданович Вольф, штаб-лекарь 2-ой армии, член Южного Общества, осужденный по II разряду, на поселении с 14. XII. 1835 в с. Уриковской, в 1845 г. переведен в Тобольск, где и умер 24. XII. 1854.

помѣстилъ въ самый госпиталь и назначилъ даже въ какой. — Тогда я объявилъ, что на такихъ условіяхъ я не останусь здѣсь ни минуты и наконец меня оставили въ покоѣ. — И теперь на сороковомъ году отъ роду, чтобъ видѣться съ Муравьевыми или Трубецкими, я долженъ вспоминать и употреблять всѣ хитрости и уловки моей юнкерской жизни, т.-е. укрываться отъ взоровъ, врать на заставахъ и чуть не румяниться и не бѣлиться! Не правда-ли пріятно? Тѣмъ не менѣе, я иногда это все дѣлаю, чтобы душѣ дать отдыхъ въ кругу добрыхъ друзей. Многолюдія и новолюдія ненавижу; а не смотря на то, долженъ иногда посѣщать нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ жителей хотя изъ благодарности, потому что трудно себѣ вообразить до какой степени всѣ вообще къ намъ расположены и внимательны! Даже власти, исключая одной, т.-е. самой старшей. — Въ доказательство чего разскажу тебѣ, что ни слезы Рупертовой жены, ни ея моленія, ни просьбы добрѣйшаго Безносикова [1]), ни доводы здраваго разсудка не могли убѣдить Высокопревосходительнаго къ отмѣнѣ безчеловѣчнаго приказанія держать Борисова и Андріевича [2]) въ домахъ сумасшедшихъ! Ты теперь понялъ вѣроятно, почему я въ открытыхъ письмахъ не могу говорить ни о Трубецкихъ, ни о Муравьевыхъ и ни о комъ изъ нашихъ! и поэтому воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ удовлетворить твое дружеское любопытство и передать тебѣ мои впечатлѣнія. За вѣрность взгляда я не ручаюсь; но ручаюсь по крайней мѣрѣ, что этотъ взглядъ мой и чужд

---

[1]) Яков Иванович Безносиков, адъютант генерал-губернатора Руперта: о нем упоминает А. О. Россет в письме своем к сестре А. О. Смирновой, от 11-го февраля 1841 г. из Иркутска: «в воскресенье было назначено катанье и танцы у Безносикова, но приехала его больная теща Мясникова» — см. «Русск. Архив» 1896, I, с. 295.

[2]) «В Петровском из 50-ти человек двое сошли с ума: Андреевич и Андрей Борисов» — Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, с. 150.

Андрей Иванович Борисов 1, основатель Общества Соединенных Славян, осужденный по I разряду и в 1839 г. обращенный на поселение вместе с братом в с. Подлопатино Верхнеудинского округа; в 1841 г. братья Борисовы были переведены в дер. Малую-Разводную.

Яков Максимович Андреевич 2, член Общества Соединенных Славян, осужденный по I разряду и в 1839 г. обращенный на поселение в Верхнеудинск, где и умер в больнице 18. IV. 1840.

всякаго вліянія. Начну сначала; о Глѣбовѣ [1]) ни пол-слова или лучше сказать очень мало. На мои глаза онъ пропалъ и пропалъ невозвратимо! Я былъ у него въ домѣ и скажу тебѣ откровенно, что изъ всѣхъ квартиръ, на которыхъ мнѣ случалось останавливаться со дня моего выѣзда изъ Петровскаго, я ни одной не встрѣчалъ, которая бы не была и лучше, и чище, и удобнѣе его жилища. Стралъ и жалость да и только! Ямщикъ, который меня привезъ въ Кабанскъ, хотя отзывался объ немъ съ похвалою, увѣрялъ меня однакожъ, что ужъ это плохая недѣля, въ которую онъ прогуляетъ только 5 рублей, а рѣдко менѣе десяти! десять-же рублей равняются съ десятью штофами, слѣдовательно слишкомъ по штофу на день! и это даетъ тебѣ мѣру его шаткости. Разумѣется, этотъ штофъ осушается въ компаніи, но по моему тѣмъ хуже! и баста объ немъ. — Сосиновича [2]) я навѣстилъ на второй день моего пріѣзда в Иркутскъ. Онъ живетъ скромно, уединенно, расчетливо, но хорошо: съ нимъ стоитъ на одной квартирѣ какой-то полякъ, котораго фамилію я забылъ, человѣкъ чахоточный, едва дышущій, и праву не хорошаго, если вѣрить замѣчаніямъ Урикскихъ жителей; и дѣйствительно, однимъ изъ первыхъ слѣдствій этого сожительства было изгнаніе Адама. Теперь поѣдемъ въ Урику. — Тамъ цѣлая колонія нашихъ; тамъ ужъ укоренились, живутъ установленнымъ порядкомъ, дружно, ладно по битой и утоптанной колеѣ. Тамъ я нашелъ и Трубецкихъ. Сергѣй Петровичъ въ вѣчныхъ хлопотахъ о постройкѣ и жилъ одной ногой въ Аёкѣ, а другой въ Урикѣ. Первое ихъ намѣреніе было слѣдующее: княгиня съ семействомъ должна была оставаться въ Урикѣ, а онъ имѣлъ въ виду проводить бо́льшую часть своего времени въ Аёкѣ для наблюденія за работами. Но какъ этотъ распорядокъ ихъ разлучалъ почти на цѣлый день, они рѣшились на-

[1]) Михаил Николаевич Глебов, член Северного Общества, осужденный по V разряду и обращенный в 1832 г. на поселение в с. Кабанское Верхнеудинского округа, гдѣ и † 19. XI. 1851 от насильственной смерти (от побоев и отравления), виновным в которой оказались унтер-офицер Кабанской этапной команды Илья Жуков и крестьянская дочь Наталья Юрьева.

[2]) Сосинович, поляк, судившийся за восстание 1831 г., по делу эмиссара Воловича, и присланный в Петровский завод для отбытия наказания вместе с декабристами; о нем см. Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, с. 185.

нять въ Аёкѣ домъ, въ которомъ будутъ жить до возможности перейти въ свои собственныя палаты, которыя по ихъ предположеніямъ будутъ готовы ихъ принять черезъ два мѣсяца! Третьяго дни они такимъ образомъ переселились въ Аёкъ. Сегодня я получилъ отъ княгини письмо на двухъ страницахъ. На первой она хвалитъ свою квартиру, а на второй — бранитъ, потому что поднялась погода, какъ здѣсь говорятъ, и вездѣ дуетъ. — Дѣти всѣ здоровы, всѣ милы и забавны по прежнему; Воля одинъ бѣдняжка не перенесъ этихъ странствованій, этой ломанной и неоседлой жизни [1]). Я еще засталъ княгиню грустною, и что хуже, б е з с л е з н о грустною! но теперь, кажется, необходимость быть подѣятельнѣе и частая перемѣна впечатленій взяли свое и разсѣяли ея печаль. На счетъ Нонушки [2]) я тебѣ скажу, что я чрезвычайно пріятно былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ; по письмамъ и по толкамъ, до меня доходившимъ, я думалъ, что найду въ ней ребенка больнаго, худаго, блѣднаго и физически и нравственно увядающаго и проч. — вмѣсто этого, представь мою радость, когда въ мои объятія бросилась дѣвочка румянная, до крайности живая и бойкая, ласковая, умненькая, разговорчивая, но долженъ признаться, нѣсколько своевольная, не смотря на строгость ея наставницы. Я былъ въ восхищеніи и такъ растроганъ, что раза два убѣгалъ въ переднюю, чтобъ скрыть свои слезы! тѣмъ болѣе, что все въ ней удивительно, какъ напоминаетъ ея мать. — Никита, кажется, отдохнулъ душой съ тѣхъ поръ, что она внѣ опасности, что Александръ [3]) рѣшился жениться и что онъ увидѣлъ у себя въ домѣ добрыхъ Трубец-

---

[1]) «Воля» - сын Трубецких, захворавший во время переезда из Петровского завода и скончавшийся в Иркутске 1-го сентября 1839 г.

[2]) «Нонушка» — дочь Никиты Михайловича Муравьева († 28. IV. 1843) и скончавшейся 22. XI. 1832 г. в Петровском заводе его жены Александры Григорьевны, урожденной графини Чернышевой, — Софья Никитична (р. 9. V. 1826, впоследствии вышла замуж за Михаила Илларионовича Бибикова, † 7. IV. 1892); о ней см. воспоминания ея внучки А. Бибиковой «Из семейной хроники» — «Истор. Вестн.», 1916, № 11, с. 404 — 426.

[3]) Младший брат Н. М. Муравьева, Александр Михайлович, осужденный по IV разряду, должен был выйти на поселение в 1832 г., но остался в Петровском заводе по личному желанию, чтобы не разлучаться с братом, и оба они были освобождены по указу 14. XII. 1835 г. А. М. Муравьев женился на Жозефине Адамовне Бракман, Эстляндской уроженке в 1839 г. ей было 25 лет.

кихъ. Эти три обстоятельства его оживили. Александръ очень потолстѣлъ, bon enfant, какъ всегда, и рѣшившись на женитьбу изъ любви къ своей племянницѣ, теперь, какъ мнѣ кажется, радъ жениться изъ любви къ своей невѣстѣ.— Она еще очень молода, чуть не ребенокъ, скромна, не дурна собою, но, по моему, ничего не имѣетъ особенно привлекательнаго; — Лунинъ лихъ, забавенъ и веселъ, но больше ничего. Онъ смѣлостью своею и мѣднымъ лбомъ пріобрелъ какое-то владычество нравственное надъ всѣми почти жителями Урики; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Но оберъ владыка, хотя въ совсѣмъ другомъ смыслѣ, это Вольфъ. Тотъ царствуетъ не въ одной Урикѣ; и здѣсь, въ Иркутскѣ, почти во всѣхъ классахъ отражается его вліяніе. Всѣ безъ изъятія смотрятъ ему въ глаза, и надобно признаться, что онъ держитъ и ведетъ себя съ большимъ искусствомъ. — On ne jure que par lui. Объ Волконскихъ не стану тебѣ говорить. Un oeil, qui s'est si longtemps et si agréablement reposé sur le ménage exemplaire des Troubetskoy se reporte avec peine et affliction sur celui-là! [2]) Какъ мнѣ показалось, одно

---

[1]) Михаил Сергеевич Лунин, осужденный по I разряду, по отбытии срока, был поселен в 1836 г. в слободе Уриковской, где и оставался до конца марта 1841 г., когда отправлен был в Акатуевскую тюрьму; он умер в Акатуе 3. XII. 1845. О Лунине см. книгу, изданную С. Я. Штрайхом — «Декабрист Лунин. Сочинения и письма», П. 1923.

[2]) (Перевод). Глаз, долго и приятно отдохнувший на примерном супружестве Трубецких, с печалью и огорчением переносится на это.

Относительно жизни декабристов в 1839 г. в местах их поселения вблизи Иркутска имеются напечатанные в «Русском Архиве» за 1885 г. (кн. за март и апрель) воспоминания Леонида Федоровича Львова, командированного в этом году графом Киселевым в Восточную Сибирь. Львов (р. 23. II. 1813) был сыном директора Певческой Капеллы Федора Петровича Львова от второго его брака на двоюродной племяннице Елизавете Николаевне Львовой. По своим петербургским связям семья Львовых была знакома со многими из декабристов до их ссылки. Воспоминания эти производят на читателя невполне благоприятное впечатление своим несколько хлестаковским тоном и содержат фактические неточности, в свое время отмеченные П. В. Ефимовым (Заметки на воспп. Л. Ф. Львова — «Русск. Арх.» 1885, декабрь); тем не менее, в некоторых отношениях сообщения Львова сходятся со свидетельством Вадковского; в частности о неладах в семейной жизни Волконских см. у Львова — «Русск. Арх.» 1885, III, с. 358; характеристика самого Львова в письме А. О. Россета — «Русск. Арх.» 1896, I, с. 295.

приличіе удерживаетъ мужа и жену подъ той-же кровлей; а кто изъ нихъ виноватъ, знаетъ одинъ Богъ; толкамъ людей въ такихъ случаяхъ я не внимаю и не вѣрю. — Былъ я также у Бабакѣ [sic] [1]). Не знаю продолжится-ли его благосостояніе, но на теперешнюю минуту онъ доволенъ и сверхъ своего чаянія. Третьяго дни я у него обѣдалъ; городской извощикъ довезъ меня къ нему въ полчаса. Домъ его на самомъ берегу Ангары, чистенькой, миленькой, и онъ живетъ припѣваючи и хозяйски, часто по вечерамъ бываетъ въ городѣ и, что мнѣ не понравилось, поставилъ себя на такую ногу, что къ нему безпрестанно городскіе жители ѣздятъ: онъ по обыкновенію своему произноситъ имъ рѣчи, обработываетъ ихъ по драгунски, если чуть не по немъ, толкуетъ съ ними о промышленности, даетъ имъ проэкты, однимъ словомъ, слишкомъ много рисуется и суетится! Я боюсь, чтобъ эта несчастная страсть къ слушателямъ и зрителямъ наконецъ не обратила бы вниманіе Руперта и не навлекла бы ему какой-нибудь непріятности. J'ai l'intention de lui faire parler par Podjio de l'inutilité de ce bruit et de cette renommée [2]). — Теперь будетъ съ тебя, мой добрый Оболенской. Я тебѣ выложилъ весь свой запасъ; не сочти моихъ разсказовъ сплетнями! Ни съ кѣмъ еще съ тѣхъ поръ, что я въ Иркутскѣ, я такъ откровенно не говорилъ. Ты первый, которому я сообщаю мои наблюденія и замѣчанія, и по этому прошу, чтобъ все то, что ты прочиталъ въ этомъ письмѣ, ты удержалъ бы для себя.— Я получилъ Библію и англійскій романъ черезъ Жданова. Вѣроятно съ будущею почтою напишу къ тебѣ пре-

---

[1]) «Бабака» — Александр Иванович Якубович, освобожденный из Петровского завода в 1839 г. и поселенный в дер. Малой-Разводной Жилкинской волости, в 5 верстах от Иркутска к Байкалу; летом 1841 г. по собственному желанию переведен в с. Назимово, Анцыферовской волости, Енисейской губ.; умер в г. Енисейске в больнице 3. IX. 1845 г.

[2]) (Перевод). Я собираюсь сообщить ему через Поджио о бесполезности этого шума и этой известности.

Александр Викторович Поджио, член Южного Общества, осужденный по I разряду и отправленный в 1839 г. на поселение в селение Усть-Кудинское, в 8 верстах от Урика. В Усть-Куде уже с 1834 г. находился на поселении брат его Иосиф Викторович Поджио, доставленный туда из Шлиссельбургской крепости.

пустое преофиціяльное письмо, при которомъ вѣроятно пошлю тебѣ и книгъ, и инструментовъ. Обнимаю тебя отъ всей души и молю Бога, да пошлетъ Онъ тебѣ успѣхъ во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ.

Всегда твой Вадковской.

Октября 7-го 1839-го года.
Иркутскъ.

На будущей недѣлѣ поѣду взглянуть на Сутгова [1]).

Это письмо требует некоторого отдельного комментария в пояснение тех причин, по которым дальнейшая судьба Вадковского так долго находилась в неопределенном положении. Комментарий этот представляется мне возможным дать благодаря тому, что в то время, когда в 1917 г., спасенный энергией группы лиц из состава Пушкинского Дома, архив III Отделения находился в Академии Наук и впервые сделался доступным для широкого изучения, я мог ознакомиться с делом III Отделения о Вадковском (А. III О., 1826, № 61, ч. 35) в связи с работою по изданию «Алфавита декабристов».

Содержащиеся в письме Вадковского упреки по адресу генерал-губернатора Руперта являются несправедливыми и не вполне основательными, и в известной мере сам Вадковский, не подозревая того, был причиной неудач, постигавших все его хлопоты. Дело в том, что, прибыв на Туркинские воды, Вадковский впервые на свободе написал 20-го августа 1839 г. шутливое фран-

1) Александр Николаевич Сутгоф, член Северного Общества, осужденный по I разряду и отправленный в 1839 г. на поселение в слободу Введенскую Жилкинской волости, в 20 верстах от Иркутска (у Ефимова, op. cit. стр. 555 — слобода Хомутовская по Якутскому тракту). В 1839 г. Сутгоф женился на дочери горного штаб-лекаря Анне Федосеевне Янчуковской. О ссорѣ Сутгофа с Вадковским во время содержания их в заключении и о вмешательстве в это дело коменданта С. Р. Лепарского — «Русск. Стар.» 1880, № 8, стр. 720—721. Некролог Сутгофа, написанный Л. Н. Модзалевским, — газ. «Кавказ» 1872 г., № 120.

цузское письмо сестре своей Софье Федоровне Тимирязевой [1]) нижеследующаго содержания:

№ 1. Le 20 Août 1839. Туркинскія воды.

Billet de faire part.

J'ai l'honneur d'annoncer à M-me de Timiriaseff l'heureuse délivrance de M-me la prison de Pétroffsky. — C'est le 27 du mois passé, qu'elle a mis au monde 23 enfants à la fois après une grossesse assez pénible de 13 années consécutives! Que le Bon Dieu bénisse la maman! quant aux petits, ils ont l'air assez viables bien que tous, ils soient plus ou moins: qui asthmatique, qui rachitique, qui valétudinaire, qui grisonnant; et après ce début farce je te dirai, chère et excellente Saphanowka, que 4 de ces petits [2]), moi dans le nombre, ont quitté la prison 10 jours avant les autres et sont venus ou plutôt ont été amenés ici pour tâcher de s'y régénerer et d'y regagner la santé que leur a ravi leur tenace cachot. — Actuellement tu me demanderas probablement, ce que c'est qu' ici? Ici est un village assez misérable, mais qui jouit d'une grande renommée à cause d'une source d'eau sulfureuse et l'on pourrait dire miraculeuse qu'il possède, car elle fait plus de bien à elle seule, que tous les médecins de la Sibérie à la fois à moins qu'ils ne traitent pas. Ici, par conséquent, il y a un établissement pour les malheureux чающіе движенія воды, — et ici enfin, parmis ces derniers, se trouve ton frère depuis un mois, très sérieusement occupé à expérimenter l'efficacité des dites eaux. Elles me font du bien à ce qu'il parrait. Je bois, je me baigne, j'attends et j'espère. Telle est en attendant l'existence physique et morale que je mène. Dans 10 ou 15 jours.

---

[1]) Софья Федоровна Вадковская (р. 6. VIII. 1799, † 8. VIII. 1875) в первом браке была замужем с 1818 г. за полковником Петром Михайловичем Безобразовым, а затем вторым браком вышла за Ивана Семеновича Тимирязева (р. 16. XII. 1790, † 15. XII. 1867, оба погребены в Москве на Ваганьковом), бывшего впоследствии Астраханским военным губернатором (1834 — 1844) и сенатором.

[2]) Сопоставляя эти сведения с письмом к Оболенскому от 10-го августа 1839 (см. выше), надо предположить, что эти четверо были: Ф. Ф. Вадковский, А. П. Барятинский, И. С. Повало-Швейковский и Д. А. Щепин-Ростовский.

j'aurai peut-être quelque chose de plus intéressant à te communiquer, car nous comptons partir pour Irkoutsk, d'où l'on nous expédiera enfin pour nos destinations finales et respectives. Ce que je puis te dire de la mienne pour le moment, n'est guère rassurant! C'est un village, qui se nomme Манзурское селение, qui se trouve à 100 werstes d'Irkoutsk et qui est situé sur les bords de la Lena; c'est là ce qui m'est échu en partage. J'aime à croire, que cet exil n'est que provisoire et qu' Ivacha [1]) saura tirer parti de la gracieuse réponse, qui lui a été faite lorsqu'il a demandé que je fusse colonisé à Tobolsk ou dans une des villes de ce gouvernement. Que s'il ne s'agite pas, je resterai là et j'aviserai à me créer le plutôt que je le pourrai une existence douce, paisible, isolée, mais active, et je ne reponds pas encore de ne pas être heureux. Il n'y a qu'une seule chose qui me donne le frisson, quand j'y pense? C'est la crainte de ne pas savoir m'arranger avec 1000 roubles par an, car c'est le seul argent qu'on nous permette de recevoir aux colonies. Or j'ai le malheur de ne pas toujours savoir calculer mes dépenses, j'ai le malheur d'aimer mes petits aises, de ne pas aimer à me refuser les bagatelles, qui me font envie, et surtout ou plutôt brochant sur le tout je n'ai pour me servir en Russie, que deux frères — marmottes, les quels chers amis, m'aiment tout autant qu'il savent peu me le prouver, lesquels c'est à dire ne trouveront jamais d'eux mêmes ni ce qu'il me faut, ni ce qui peut me convenir ou me sauver des dépenses et ne m'enverront les objets de la plus stricte necessité que lorsque je les aurai demandés 3 fois au lieu d'une. — Enfin nous verrons. Je te tiendrai au courant de tout ce qui m'arrivera, mais sache bien, ma paresseuse amie, il faut que chacune de mes lettres me soit pour le moins a c c u s é e.

---

[1]) Брат Иван Федорович Вадковский (р. 1790), женатый на Елизавете Александровне Молчановой. Он начал свою службу в л.-гв. Семеновском полку (произведен в прапорщики в 1809) и был в чине полковника, когда произошла известная «Семеновская история» 18. X. 1820 г.; отданный за нее под суд, он был переведен в Костромской пех. полк, затем, состоя полковником Тифлисского пех. полка, 27. V. 1827 г. уволен от службы. Его записка по поводу Семеновской истории напечатана в «Русск. Стар.» 1873, № 5, с. 635 — 652; дополнительные по поводу нее разъяснения Ф. П. Тимирязева — «Русск. Арх.» 1873, ст. 01319 — 01331.

Et là-dessus je te quitte, mon excellente Saphanowka, en t'embrassant bien fort ainsi que ta petite famille. Je me rapelle au souvenir et à l'amitié d'Иванъ Семеновичь.

Ton ami et frère Théodor.

En attendant adresse tes lettres на имя Генералъ-Губернатора Восточной Сибири для доставленія Ѳ. Вадковскому. Plus tard je regulariserai notre correspondance. Pour que tu ne [te] trompe pas, voici l'adresse en forme de M-r le général gouverneur d'Irkoutsk.

Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Вильгельму Яковлевичу [Руперту]. Г-ну Генералъ-Губернатору Восточной Сибири. Въ Иркутскъ.

На конвертѣ: Ея Превосходительству Милостивой Государынѣ Софьѣ Ѳеодоровнѣ Тимирязевой. Въ Астраханъ. Въ домѣ Г-на Военного Губернатора.

(Перевод). № 1. 20 августа 1839. Туркинские воды.

Оповещение. Имею честь известить г-жу Софью Тимирязеву о благополучном разрешении от бремени г-жи Петровской тюрьмы. 27 числа прошлого месяца она произвела на свет одновременно 23 ребенка после достаточно тяжелой беременности, длившейся 13 лет! Да благословит господь бог мамашу! Что же касается детей, то они имеют вид довольно таки жизнеспособный, хотя все они более или менее подвержены, кто астме, кто рахиту, кто слабости, кто седине; и после этого шуточного вступления, я должен тебе сообщить, моя дорогая и добрая Сафановка, что четверо из этих малышей, я в том числе, покинули тюрьму 10 днями ранее других и прибыли или, вернее, привезены сюда, чтобы постараться здесь возродиться и восстановить здесь здоровье, которое отняло у них их упорное заключение. — Теперь ты меня спросишь, что это такое здесь? Здесь это довольно жалкая деревушка, пользующаяся, однако, большою известностью из-за находящегося в ней сернистого источника, который можно назвать чудодейственным, так как он сам по себе делает больше добра, чем все Сибирские доктора вместе взятые, если только они не лечат. Здесь, следовательно, есть лечебница для несчастных, «чающих движения воды», и здесь, наконец, среди этих послед-

них уже больше месяца находится твой брат, очень серьезно занятый тем, чтобы на себе испытать действие этих вод. Они, как кажется, приносят мне пользу. Я их пью, беру ванны, — жду и надеюсь. Такова пока физическая и нравственная жизнь, которую я веду. Дней через 10 или 15 я быть может смогу сообщить тебе что-нибудь более интересное, так как мы рассчитываем ехать в Иркутск, откуда каждого из нас отправят, наконец, к месту окончательного назначения. То, что я могу сообщить в настоящую минуту о моем, мало утешительно. Это— деревня, которая называется Манзурское селение, в 100 верстах от Иркутска, и которая расположена на берегу Лены: вот что выпало мне на долю! Мне хочется верить, что это место ссылки только временное и что Иваша сумеет извлечь пользу из того благосклонного ответа, который был дан ему, когда он ходатайствовал о том, чтобы меня отправили на поселение в Тобольск или в один из городов этой губернии. Что, если он не будет хлопотать, я останусь там и постараюсь создать себе, как скоро смогу, тихое, мирное, уединенное, но деятельное существование и не поручусь, что мне не удастся еще быть счастливым. Одна лишь вещь меня бросает в дрожь, когда я об ней думаю. Это боязнь, что я не сумею управиться с 1000 рублей в год, так как эту только сумму разрешают нам получать на поселенье. Я же к несчастью не всегда умею рассчитывать свои издержки, к несчастью, я люблю свои маленькие удобства и не люблю отказывать себе в мелочах, которые меня соблазняют, а главное или, вернее, сверх того у меня для помощи в России только два брата-сурка, которые, милые друзья, любят меня ровно столько, сколь мало умеют мне это доказывать. и которые никогда не догадаются сами, ни о том, что́ мне нужно, ни о том, что́ может мне подойти или избавить меня от издержек, и будут высылать мне самые насущные вещи после того. как я попрошу о них не единожды, а трижды. — Впрочем, мы увидим. Я буду извещать тебя обо всем, что со мною случится, но знай, мой ленивый друг,—необходимо, чтобы о получении каждого моего письма я получал хотя бы извещение. На этом я тебя покидаю, моя добрейшая Сафановка, крепко обнимаю тебя и твою маленькую семью. Шлю дружеский привет Ивану Семеновичу.

Твой друг и брат Федор.

Пока адресуй свои письма на имя Генерал-Губернатора Восточной Сибири для доставления Ф. Вадковскому. Впоследствии я урегулирую нашу корреспонденцию. Чтобы ты не ошиблась, вот тебе адрес Г-на Иркутского Генерал-Губернатора по всей форме...

. . . . . .

Это письмо, возбудившее своим содержанием неудовольствие III Отделения, не было отправлено по назначению и оставлено при деле. Оно, в связи с возникшими междуведомственными трениями, сыграло неблагоприятную роль в судьбе Вадковского. Еще за несколько месяцев до срока окончания каторжной работы, брат его, полковник Иван Федорович Вадковский через наследника вел. кн. Александра Николаевича начал хлопоты о том, чтобы он был обращен на поселение в Тобольск или в один из уездных городов Тобольской губернии — Туринск или Тюмень. Ходатайство это, доложенное государю помимо графа Бенкендорфа, было удовлетворено и о состоявшемся в этом смысле высочайшем разрешении этот последний был извещен Военным Министром графом А. И. Чернышевым (3. XI. 1837, № 460). Тем не менее, Вадковский был назначен на поселение в Манзурское; когда же граф Чернышев запросил по этому поводу графа Бенкендорфа, то дан был нижеследующий ответ (12. X. 1839, № 4072): «надлежащее по предмету сему исполненіе не было сдѣлано съ моей стороны по тому, что въ нынѣшнемъ году при обращеніи оставшихся еще въ работѣ государственныхъ преступниковъ, а въ числѣ ихъ и Вадковскаго, на поселеніе, назначеніе имъ мѣстъ водворенія было сдѣлано по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, безъ предварительнаго съ моей стороны разсмотрѣнія, и поднесено на высочайшее утвержденіе вашимъ сіятельствомъ». Далее граф Бенкендорф, разъясняя, что Вадковский, назначенный в Манзурское не в отмену состоявшегося ранее высочайшего повеления, а «по не имѣнію его въ виду», еще не отправлен по назначению, а находится для излечения болезни на Туркпинских минеральных водах и может быть, во исполнение прежнего высочайшего повеления, поселен в Туринске, добавил: «не приступая однакожъ къ исполненію сего до полученія по предмету сему заключенія Вашего Сіятельства, долгомъ считаю препроводить при семъ на Ваше, Милостивый Государь, усмотрѣ-

ніе полученное съ послѣднею почтою отъ Вадковскаго письмо къ его сестрѣ, которое, будучи написано въ довольно неприличныхъ выраженіяхъ, доказываетъ его легкомысліе и не дозволяетъ предполагать въ немъ должнаго раскаянія, по коему онъ могъ бы заслуживать монаршаго вниманія сближеніемъ его съ родственниками». Злополучное письмо было доложено государю графом Чернышевым, не пожелавшим входить по этому поводу в конфликт с Бенкендорфом, и вернулось со следующей резолюцией: «увѣдомить полковника Вадковскаго, что если братъ его не воспользовался всемилостивѣйшимъ снисхожденіемъ, послѣдовавшимъ въ 1837 году по его ходатайству, то онъ самъ этому причиною, по неукротимому и вредному расположенію его мыслей, обнаруживаемому въ его перепискѣ» (20. X. 1839, № 517). Только по особым личным и письменным ходатайствам И. С. Тимирязева и троекратному представлению Генерал-Губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта местом поселения Вадковского, вместо Манзурки, по докладу графа Бенкендорфа отъ 5-го сентября 1840 г., было назначено с. Оёк, Иркутского округа.

IV.

[1 декабря 1840 — 9 января 1841. Оёк].

Благородный и добрѣйшій Оболенской! Стоя на коленахъ слѣдовало мнѣ прочесть твое письмо от 22-го августа; а самому писать къ тебѣ не иначе, какъ лёжа на полу. — Я такъ виноватъ передъ тобою, котораго люблю и уважаю отъ души, что готовъ всячески подличать передъ тобой, лишь бы ты меня простилъ и завѣрилъ, что на днѣ сердца твоего нѣтъ ни сучка ни задоринки противъ меня! Повѣришь-ли ты, что скоро годъ, какъ тиски и подпилки куплены для тебя. Ты спросишь: да для чего-же я ихъ не послалъ? Такъ! видишь-ли ты! Не ловко ихъ было отправлять безъ письма, а писать-то я все отлагалъ съ недѣли на недѣлю, то по недостатку времени, то по избытку душевныхъ заботъ! Да, любезный Оболенской, признаюсь тебѣ откровенно въ своемъ слабодушіи! Неизвѣстность моего положенія, которая длится и по сію пору, совершенно свихнула меня съ толку. Я мучусь тою мыслію, что какъ я о томъ ни хлопочу, а все-таки не устраивается моя жизнь сообразно моимъ

вкусамъ, привычкамъ и характеру. — Но полно объ этомъ, а не то я все свое письмо готовъ наполнить жалобами и плачевными подробностями о состояніи моей души. Твои строки я получилъ въ Оёкѣ въ горестную минуту для бѣдныхъ Трубецкихъ. Зачиналась и разгаралась та болѣзнь, которая унесла ихъ милаго Китушку меньше чѣмъ въ недѣлю. Надобно тебѣ знать, что я уже не житель города. Съ мѣсяцъ какъ я поселился въ Оёкѣ въ ожиданіи новаго рѣшенія на мой счетъ изъ Петербурга. Городъ и Гласково были отказаны какъ мнѣ, такъ и Юшневскимъ [1])! Я, которому нужны уединеніе, спокойствіе, тишина и около себя предметы уваженія, я выбралъ Оёкъ. Они, для которыхъ необходимы начальство, связи, развлеченія и сплетни, они селятся въ подгородной деревнѣ, въ Малой Разводной, т.-е. вмѣстѣ съ Артамономъ и Якубовичемъ!?!? Я надеюсь, что эти вопросительные и восклицательные знаки выскажутъ тебѣ целый рядъ мыслей. — Дѣло въ томъ, что смерть Китушки такъ насъ поразила, опечалила и развинтила, что не прежде, какъ спустя полторы или двѣ недѣли я могъ отправиться въ городъ; и уже не нашелъ въ Иркутскѣ твоего и бывшаго моего хозяина. Теперь вотъ тебѣ отвѣтъ на твое письмо. — Ты говоришь, что при отчетахъ объ насъ, изрѣдка тобою получаемыхъ, не всѣ впечатлѣнія въ пользу нашу. — Вѣрю, любезный Оболенской! Мы слишкомъ суемся; я совершенно раздѣляю твое мнѣніе, что наше положеніе есть аномалія въ общественномъ быту, но по этому самому намъ необходимо придерживаться самихъ себя и не мѣшаться между людьми, имѣющими каждый свое мѣсто на гражданской лествицѣ. Выше силъ нашихъ помнить, что мы столько-же безгласны, сколько и безгласны. Лезимъ въ чужія сани, да и знать ничего не хотимъ! Единомыслія мало! Единодушія еще меньше! Каждый рисуется передъ публикой, какъ

---

[1]) Алексей Петрович Юшневский, бывший генерал-интендант 2-ой армии, член Южного Общества, осужденный по I разряду и в 1839 г. обращенный на поселение. Он был женат на Марье Казимировне Круликовской. После смерти А. П., генерал-губернатор Руперт немедленно вошел с представлением о разрешении вдове его уехать из Сибири и поселиться в принадлежавшем ей имении в Киевской губ., но в этом было отказано; разрешение на это последовало лишь в 1855 г. и то с установлением за ней секретного надзора.

умѣетъ, а толпа всегда готовая судить и обсуживать (quand ce ne serait que pour faire acte d'intelligence), радуется слабостямъ, недостаткамъ и пятнамъ, которыя снова вдвигаютъ въ ея среду людей, отъ нея отдѣлившихся и смѣлыми мнѣніями и страдальческою жизнію. Согласись, что пріятно для самолюбія сказать про такихъ людей, которые нѣкогда слыли просвѣщенными и цвѣтомъ высшаго круга: я въ нихъ ничего не вижу необыкновеннаго? Вѣдь это все равно, что сказать: я ничѣмъ не хуже ихъ! Слѣдственно еще пріятнѣе найти и выставить ихъ дурныя стороны; это уже значитъ поставить себя выше ихъ! и вмѣстѣ съ нашей ребяческой неосторожностью вотъ по моему тайна всѣхъ строгихъ сужденій на нашъ счетъ! Далѣе, ты говоришь, что по первому году отдѣльной жизни не казематной нельзя судить о будущемъ. Тебѣ уединенному, — тебѣ, отрѣзанному ломтю можно такъ говорить! а мнѣ нѣтъ и вотъ почему. — Тюрьма наша, хоть и странно сказать, имѣла свой законъ приличія и законъ сильный, который многихъ заставлялъ подавлять и держать какъ будто подъ гнётомъ нѣкоторые порывы и стремленія во все не сообразные ни съ нашимъ тогдашнимъ положеніемъ, ни съ общимъ мнѣніемъ каземата. — Теперь гнетъ снятъ, и ты не повѣришь, съ какою эластическою силою многое природное опять выскочило наружу. — Точно дѣйствіе симпатическихъ чернилъ: погрѣлись грамотки у солнышка свободы, и явились новыя вещи вовсе неожиданныя, но ясно и большими буквами написанныя! Читай, кто хочетъ и кто умѣетъ! Я же въ числѣ абонированныхъ, а ты нѣтъ; слѣдственно и сужу иначе и полагаю вопреки твоему мнѣнію, что достаточно перваго года неказематной жизни, чтобы вывезти [sic] нѣкоторыя заключенія о будущемъ. Мнѣ даже кажется, что для многихъ легко бы это будущее предсказать, понимается, если Богу угодно будетъ оставить вещамъ ихъ обыкновенный ходъ. — Далѣе, ты спрашиваешь, правда ли, что я съ Артам[ономъ] Захаровичемъ [1]) взялъ поставку глины и что эта

[1]) Артамон Захарович Муравьев, бывшій командир Ахтырского гусарского полка, член Южного Общества, осужденный по I разряду, обращенный в 1839 г. на поселение в с. Елань, Бадайской волости Иркутской губернии, и переведенный затем в дер. Малую Разводную; он умер 4. XI. 1846 г.

глина намъ должна доставить золотыя горы. — Во-первыхъ, не о глинѣ было дѣло, а объ извести; а во-вторыхъ, добрѣйшій Оболенской, ужели я дожилъ до сѣдины, чтобы вступить съ Арт[амономъ] Захаровичемъ въ какое-нибудь денежное дѣло? Ехъ другъ! видно тебѣ не жаль своихъ часовъ, что ты ихъ забылъ! Правда, что я хотѣлъ поставлять известь; правда и то, что онъ хотѣлъ быть со мною въ долѣ; но я по глупости своей расчелъ, что не совсѣмъ-то мнѣ выгодно трудиться одному, а въ барышахъ дѣлиться, и по этому отстранилъ всякое компаньонство. Да и одному мнѣ нельзя теперь за это взяться. Известь слишкомъ далеко отъ Оёка! Еще просишь ты, чтобы я тебѣ сказалъ доброе слово обо всѣхъ нашихъ. Не бездѣлицы ты хочешь. — Я тебя всегда ставилъ выше себя чистотою души и къ тому-же признаю въ себѣ самомъ большой порокъ; именно тотъ, что я неимовѣрно какъ строгъ въ своихъ сужденіяхъ; по этому и боюсь распахнуться передъ тобою — олицетвореннымъ снисхожденіемъ. — А не распахнувшись, говорить не хочу съ человѣкомъ, котораго я столько уважаю. Выходитъ, что я лучше люблю помолчать объ этомъ предметѣ,—или по крайней мѣрѣ подождать втораго подобнаго вызова отъ тебя. И такъ, перейду къ твоимъ обстоятельствамъ. Ты пишешь, что твои финансы до того разстроены, что уже мудрено ихъ исправить... Выслушай меня: отъ чего ты не воспользуешься сосѣдствомъ Селенги, чтобы промышлять рыбою и особливо осетровымъ клеемъ. Знаешь-ли ты, что листовой астраханской клей и уральской берутся въ Петербургѣ за 400 р. пудъ, а скобочный, т.-е. въ подковахъ, 50-рублями дешевле. Сибирской-же стоитъ тамъ 200 рублей пудъ. Если-же за провозъ пуда положить отъ твоихъ мѣстъ 25 рублей, это за глаза! Остается вопросъ: какъ выдѣлывать клей на подобіе астраханскаго? и этотъ вопросъ разрѣшу тебѣ я-же. — Я объ этомъ предметѣ писалъ къ сестрѣ и она мнѣ прислала для примѣру разныхъ клеевъ и описаніе ихъ выдѣлки, сдѣланное главнымъ управляющимъ перваго астраханскаго рыбнаго промышленника. Слѣдственно, если ты захочешь этимъ заняться, дай мнѣ знать и я тебѣ тотчасъ пришлю и клей и описаніе, но съ однимъ непремѣннымъ условіемъ: и то и другое ты не выпустишь изъ рукъ и не передашь другому, развѣ такому человѣку, съ которымъ бы ты

вступилъ въ компанію. Коммиссіонеромъ-же для отправки клади въ Россію я берусь быть въ первый годъ даромъ, а въ послѣдующіе года за плату. Описаніе-же я не хочу передавать въ чужія руки по тому именно, что въ послѣдствіи времени можетъ быть мнѣ самому удастся этою отраслію заняться. Подумай объ этомъ, собери нужныя свѣденія и дай отповѣдь. За тѣмъ обнимаю тебя отъ души, добрый другъ Оболенской.

Всегда твой Вадковской.

Декабря 1-го 1840 года.

Прибавлю тебѣ еще нѣсколько строчекъ свѣжинькихъ, добрый Оболенской, потому что все, что ты прочиталъ выше, написано Богъ знаетъ когда и для отправленія выжидало случая. Тѣмъ временемъ моя участь рѣшилась. Изъ Петербурга пришелъ отвѣтъ и я безвозвратно поселенъ въ Оёкѣ. — Поговариваютъ также, что и Пущинъ будетъ въ Оёкѣ, чему я въ восхищеніи тѣмъ болѣе, что это даетъ намъ надежду видѣть и тебя въ нашихъ палестинахъ; ибо генералу сдѣланъ былъ запросъ на вашъ счетъ; его спрашивали, не находитъ ли онъ препятствія соединить тебя съ нимъ, на что, понимается, онъ отвѣчалъ отрицательно. — Пріѣзжайте друзья! заживемъ славно! дружно, мирно, тихо, безъ сплетней и волненій. — Теперь сообщу тебѣ новость, которая сшибетъ тебя съ ногъ. Твой старый Кучевской [1]) сдурѣлъ и сдѣлалъ неимовѣрную глупость! — Онъ женился; началъ съ того, что принялъ къ себѣ въ хижину дѣвчонку лѣтъ 13-ти или 14-ти, которая помогала ему въ хозяйи-

[1]) Александр Лукич Кучевский, отбывавший заключение в Петровском заводе вместе с декабристами, обычно, по неправильно причисляется к их числу. Из воспоминаний декабристов (Свистунов, Басаргин, Бестужев) можно усмотреть, что Кучевский был осужден не по политическому, а по уголовному делу. Штейнгейль в своих примечаниях к Запискам В. П. Колесникова (изд. «Огни», С.-Пб. 1914, с. 100) пояснил, что Кучевский, бывший майор Астраханского гарнизона, был осужден за намерение поджечь и разграбить город. В № 15 «Былого» (за 1920 г.) Б. Николаевский, в статье «Новое о прошлом», дает (с. 161), со ссылкою на архив ген.-губ. Восточной Сибири (список государ. преступникам, состоящим под надзором полиции в 1865 г., для III Отделения), нижеследующую выписку: «дворянин Александр Кучевский, бывший майор Астраханского гарнизонного полка, уроженец Херсонской губернии. По высо-

ствѣ; скоро заговорили въ деревнѣ будто она его наложница; онъ надъ этимъ смѣялся съ Трубецкимъ, дивился злорѣчію людей, называлъ ее уродомъ и наконецъ, когда родители рѣшили взять ее назадъ, чтобъ прекратить толки, онъ къ нимъ прибѣжалъ, объявилъ, что она носитъ въ чревѣ четырехъ-мѣсячнаго младенца и просилъ ея руки? Сначала и слушать объ этомъ не хотѣли, но его хлопоты одолѣли всѣ препятствія и теперь онъ женатъ! Всего забавнѣе, что до этого онъ писалъ къ первой своей женѣ, чтобъ она къ нему пріѣхала. Каково, если она нагрянетъ? Pour que la farce fut complete il faudrait qu'elle arrivat aussi avec un nouveau mari de 17 on 18 ans [1]). Это бы составило полный вистъ! За симъ обнимаю тебя, дорогой и любезный другъ. Не знаю когда и какъ къ тебѣ это письмо дойдетъ. Поручаю его Орлову [2]) черезъ Персина [3]). Если оно

чайшей конфирмации, изъясненной в статейном о нем списке, полученном из Тобольского Приказа о ссыльных в 1827 г., за составление общества для краж и грабежей, оскорбление самодержавной власти и другие преступления лишен чинов и дворянства и сослан в каторжную работу». По отбытии срока обращенный 26. III. 1839 г. («С.-Пб. Вед.» 1839, № 86, с. 380) на поселение, Кучевский был поселен в слободе Тугутуе, в 30 верстах от Оёка. Оболенский, по своей доброте, помогал Кучевскому материально и посылал ему деньги. Сын Кучевского Федя был взят, при содействии И. В. Ефимова, на воспитание Трубецкими («Русск. Арх.» 1885, III, с. 555). Кучевский умер в Оёке 1. IX. 1871 г. (Б. Николаевский, ibid., со ссылкою на архив Иркутского губернатора, 1871 г., секр. д. № 84, 1 отд. 1 ст.).

[1]) (Перевод). Чтобы фарс удался вполне, недурно было бы и ей приехать сюда с новым мужем лет 17 или 18.

Сообщение Вадковского о том, что Кучевский приглашал свою жену приехать к нему в Тугутуй подтверждается сохранившимся письмом Кучевского к Е. П. Оболенскому от 1. II. 1840 г., к которому им приложена была и копия письма его к жене от 25. XII. 1839 г.; из последнего видно, что жену Кучевского звали Ксенией Никифоровной, что последний раз он видел ее в первых месяцах 1825 г., что он не имел о своей семье никаких известий вплоть до марта 1838 г., когда генерал Фалькенберг уведомил его, что жена его живет на Оренбургской линии в крепости Степной и что сын их Василий отправлен на службу в один из карабинерных полков.

[2]) Александр Иванович Орлов, городской лекарь в Верхнеудинске (Адрес-календарь на 1840 г.. ч. II, с. 292).

[3]) Доктор Иван Сергеевич Персин служил сперва в Иркутске, а потом в Кяхте, занимаясь довольно много частной практикой, а потом золотопромышленностью; в 1869 г. он выехал на жительство в Петербург («Русск. Арх.» 1885, III, 561).

получится, напиши ко мнѣ открыто, что ты въ часы досуговъ занимаешься мастерствомъ и пилишь въ гробъ [1]).

Всегда твой Вадковской.

Каковъ я? Еще разъ долженъ былъ распечатать это письмо, чтобы прибавить тебѣ нѣсколько строкъ пояснительныхъ. 1-ое. Оно поручается не Орлову, а Львову [2]), котораго ты также знаешь и который на мои глаза славный молодой человѣкъ! 2-ое. О переводѣ Пущина и тебя въ Оёкъ нѣтъ и помину и это былъ вздоръ; я слышалъ, что въ этомъ ожиданіи ты уже кое-что продалъ. Кто-жъ тебѣ могъ это извѣстіе сообщить? Ужъ не Марія-ли Казиміровна [3])? Ей! другъ Оболенской, заруби себѣ на памяти чудесное правило, а именно: никогда по ея словамъ никакого дела не предпринимать. Повѣрь, это будетъ умно. — Разскажу тебѣ про себя, что я нынѣшній годъ занялся покупкою хлѣба на 10 тысячъ рублей по коммиссіи съ тѣмъ, чтобъ барыши были пополамъ. Операція еще не кончена, но идетъ, кажется, порядочно [4]). — При хорошемъ успѣхѣ

[1]) Не совсем понятное выражение; оно, повидимому, было в обиходе Петровской жизни. В одном из писем А. П. Якубовича, которые также подготовляются мною к печати, встречается такая фраза: — «паши на водах и моются в гроб».

[2]) Леонид Федорович Львов, о котором упоминалось уже выше по поводу его воспоминаний, в которых говорится также и о Вадковском: «В числе декабристов находился Федор Вадковский, поселенный в селении Оёк, — малый умный, симпатичный, хороший музыкант, прекрасно играющий на скрипке, очень скромный, в приязни со всеми товарищами и не вмешивающийся ни в какие дрязги и сплетни. Очень понятно, мы сошлись уже потому, что оба музыканты («Русск. Арх.» 1885, I, 541). О Вадковском, как превосходном скрипаче, см. также «Русск. Арх.» 1885, II, 555.

[3]) Марья Казимировна Юшневская.

[4]) В Иркутском «Нашем Деле», в номере от 28-го января 1919 г., была напечатана П. Ревякиным статья «Памяти славных», где сообщены данныя о жизни Вадковского в Оёке на основании материала, сохранившегося в Оёкском волостном архиве и содержащего сведения о торговых операциях Вадковского с крестьянами — он вел хлебную закупку, арендовал мельницу и «глиняную» гору; в статье приведен текст договора с крестьянами на аренду горы для выработки глины. Цитирую по отзыву Б. Николаевского в «Былом» 1920, № 15, с. 159.

можетъ мнѣ принести тысячь до двухъ. Мнѣ особливо надо какъ-нибудь перебиваться, потому что мои дѣла въ Россіи идутъ очень плохо!—За тѣмъ обнимаю тебя отъ души и поздравляю съ прошедшими праздниками и съ новымъ годомъ.

Всегда твой Вадковской.

Кажется на этотъ разъ письмо не останется на моемъ столѣ, равно и инструменты. Если инструментовъ еще нужно, напиши какихъ.

9-го января 1841-го года.
Оёкъ.

Ф. Ф. Вадковский скончался в Оёке 8-го января 1844 г., оставив собственноручно написанный документ, по которому предоставлял княгине Екатерине Ивановне Трубецкой и А. Н. Сутгофу распоряжение всем своим имуществом (донесение Иркутского губернатора от 10-го января 1844 г., № 19).

При отпевании тела Ф. Ф. Вадковского, 10-го января скоропостижно в церкви скончался его товарищ по ссылке Алексей Петрович Юшневский. — Известие о смерти Вадковского нашло отзвук в дневнике В. К. Кюхельбекера («Русск. Стар.» 1891, № 10, с. 100)—«26-го марта 1844... Умер Вадковский, человек, с которым я когда-то жил душа в душу, — чтож: мне, право, кажется, будто я его никогда не знавал; ум то, правда, говорит: «вот ты почему бы должен грустить, вот какую ты понес потерю — последний или по крайней мере один из последних, кто тебя любил, покинул тебя навсегда и пр. Но сердце окаменело: бьешь в него, требуешь от него воды живой, сладких, горьких слез, — а сыплются только искры. Суеверные приметы, напр., вроде той, что всем моим друзьям суждено было умереть в январе».

А. А. Сиверс.

ПИСЬМА И РИСУНКИ

А. И. Якубовича

Александр Иванович Якубович, капитан Нижегородского драгунского полка, был признан приговором Верховного Уголовного Суда виновным в том, что умышлял на цареубийство с вызовом на лишение жизни Александра I и сверх того предложил бросить жребий на убиение Николая I; был на совещаниях Общества и знал его тайны относительно бунта, хотя и не был принят в оное; лично действовал в мятеже; участвовал в приготовлениях оного; помогал советами, предлагал разбить питейные дома, позволить грабеж и, взяв хоругви из церкви, итти ко дворцу; во время самого мятежа, присоединясь к мятежникам, ободрял и поощрял их и пришел с ними на площадь...

Он был отнесен к числу «государственных преступников первого разряда, присуждаемых к смертной казни отсечением головы», а по смягчении этого приговора осужден на вечные каторжные работы.

Среди декабристов Якубович не пользовался симпатиями, хотя со многими был близок. Он нравился своею страстностью и увлекательным красноречием, но в то же время его называли и «резателем» и «тигром на словах» и не считали ни достаточно убежденным, ни человеком дела. Этим вероятно и объясняется то, что он формально не состоял членом Северного Общества.

Он предлагал бросить жребий на убийство Николая I, при чем, однако, сам отказывался, говоря: «я за это дело не возьмусь, у меня доброе сердце: я хотел мстить, но хладнокровным убийцей быть не могу».

Якубович, развивая планы цареубийства, так торопил товарищей с мятежом, что Рылеев готов был в интересах дела просить его на коленях отложить покушение на Александра I хоть на месяц или два, грозя в противном случае убить Якубовича или даже донести о нем правительству. Якубович согласился ждать до мая 1826 г.; но по непредвиденным обстоятельствам восстание разразилось раньше, и Якубович одним из первых отказался принять начальство над войсками.

Роль его в самом восстании была какая-то двойственная и не совсем понятная. Так, вначале он отговаривал Бестужева от решительных действий, потом сам повел с Гороховой ул., где жил, Семеновский полк, затем исчез с Сенатской площади, сославшись на головную боль; впоследствии вновь появился, пробыл значительное время близ Николая I, сам вызвался итти от него уговаривать товарищей сложить оружие, но потом сам же уговаривал их держаться крепко и, по словам Розена, вернул на площадь дрогнувшую часть Егерьского полка. В душе его происходила, повергая его в нерешительность, борьба противоположных чувств или расчетов.

На допросе по поводу сделанного им предложения бросить жребий на убийство Николая I Якубович сознался в этом, но оговорился, что не имел намерения приводить в исполнение угрозы и только хотел удивить товарищей своею отвагой.

Николай I отнесся к Якубовичу сурово: он был помещен в Алексеевский равелин и на него были надеты «железы».

А. И. Якубович родился в дворянской семье в 1792 г. и учился сначала дома под руководством гувернеров-иностранцев, а потом в Московском Университетском Пансионе, где имя его было занесено на золотую доску. Поступив в военную службу, он был сначала офицером гвардейского уланского полка. За участие в дуэли между двумя офицерами Кавалергардского полка, гр. Шереметевым и гр. Завадовским из-за балерины Истоминой, он был переведен в армию, в Нижегородский драгунский полк, стоявший на Кавказе. Перед этим Якубович вызвал на поединок Грибоедова, секунданта Завадовского, — но поединок не состоялся вследствие высылки Якубовича на Кавказ. Будущий декабрист очень подходил к распространенному в то время типу «бреттёра», художественно намеченному Толстым в образе Дорохова.

На Кавказе жизнь Якубовича проходила в постоянных и отчаянных боевых подвигах. В одной из стычек с черкесами Якубович был ранен пулею в лоб и с того времени носил черную повязку на голове. Солдаты его очень любили и уважали за удаль и за заботливое отношение к команде; между прочим, он всегда делил добычу от своих набегов между солдатами, не оставляя себе ничего. На Кавказе он дрался на дуэли с Грибоедовым на почве личных счетов по помянутому выше поединку, при чем ранил Грибоедова в руку с целью, как говорили, лишить автора «Горя от ума», страстного музыканта, возможности играть на фортепиано.

Сосланный в каторгу, Якубович был первоначально заключен вместе с Оболенским в тюрьму в Усолье близ Иркутска, где оба они работали дровосеками; затем он содержался вместе с тем же Оболенским, Волконским, Трубецким, Давыдовым, Артамоном Муравьевым и двумя братьями Борисовыми в Нерчинском руднике, при чем Якубович и Давыдов были заключены в особые чуланы. Здесь комендантом был известный генерал С. Р. Лепарский. На Якубовича было возложено товарищами по несчастью приготовление пищи. До 30 сентября 1827 г. он содержался в Читинской тюрьме и в 1830 г. вместе с остальными декабристами был переведен в Петровский завод Верхнеудинского уезда Иркутской губ. Якубович на первых порах содержался в VII отделении острога, вместе с Анненковым, Ивашевым, Давыдовым, Ивановым, Поджио, Горбачевским и Юшневским. Якубович в ссылке был совершенно забыт своими родными и потому особенно ценил ласку и внимание В. Л. Давыдова и приехавшей к последнему в ссылку жены.

Вышедши на поселение, он основал небольшую школу и затем открыл мыловаренный завод, дело пошло удачно, и он мог не только содержать себя самого, но и помогать товарищам. В начале 1840-ых гг. он жил в Малой Разводной, близ Иркутска.

«Его внешность сильно врезалась в мою детскую память», — говорит о нем Н. А. Белоголовый: «это был высокий худощавый и очень смуглый человек с живыми, черными глазами и очень большими усами; все движения его были полны живости и энергии; видно он очень любил детей, потому что тотчас же занялся с нами с великой охотой и, будучи большим

любителем живописи, скоро и бойко нарисовал два рисунка и подарил нам каждому на память».

В 1840-х годах золотопромышленная компания Базилевского и Малевинского, открыв в северной Енисейской тайге два богатых прииска, пригласила на службу Якубовича. Там, в Енисейской резиденции он и умер от тифа — 3-го сентября 1845 г. и погребен в Енисейске.

Ниже напечатанные три письма Якубовича, приписка декабриста В. Л. Давыдова, записка и 2 рисунка Якубовича хранятся в Рукописном Отделении Пушкинского Дома при Российской Академии Наук, в небольшом собрании бумаг С. Р. Лепарского, перешедшем в собрания Дома с архивом журнала «Русская Старина».

I [1]).

Христосъ Воскресъ!

Поздравляю Васъ почтеннѣйшій и добрый Осипъ Адамовичь [2]), съ праздникомъ, желаю Вамъ отъ всего сердца провести его пріятно; благодарю за присланой куличъ и принимаю его какъ новый знакъ Вашего хорошаго расположенія ко мнѣ. Сдѣлайте одолженіе поздравьте за меня Его Превосходительство [3]), не хочу позволить себѣ писать къ нему чтобы его не обезпокоить, онъ нездоровъ и сегодня ему безъ меня будетъ много дѣла.

Примите увѣреніе въ истинной признательности и душевномъ уваженіи, съ которымъ остаюсь преданный Вамъ сынъ Дворянскаго предводителя

А. Якубовичь.

---

[1]) Написано чернилами на листе бумаги большого почтового формата с водяными знаками: В. Ф. К. II.

[2]) Лепарский, плац-майор, племянник коменданта; умер 4 апреля 1876 года.

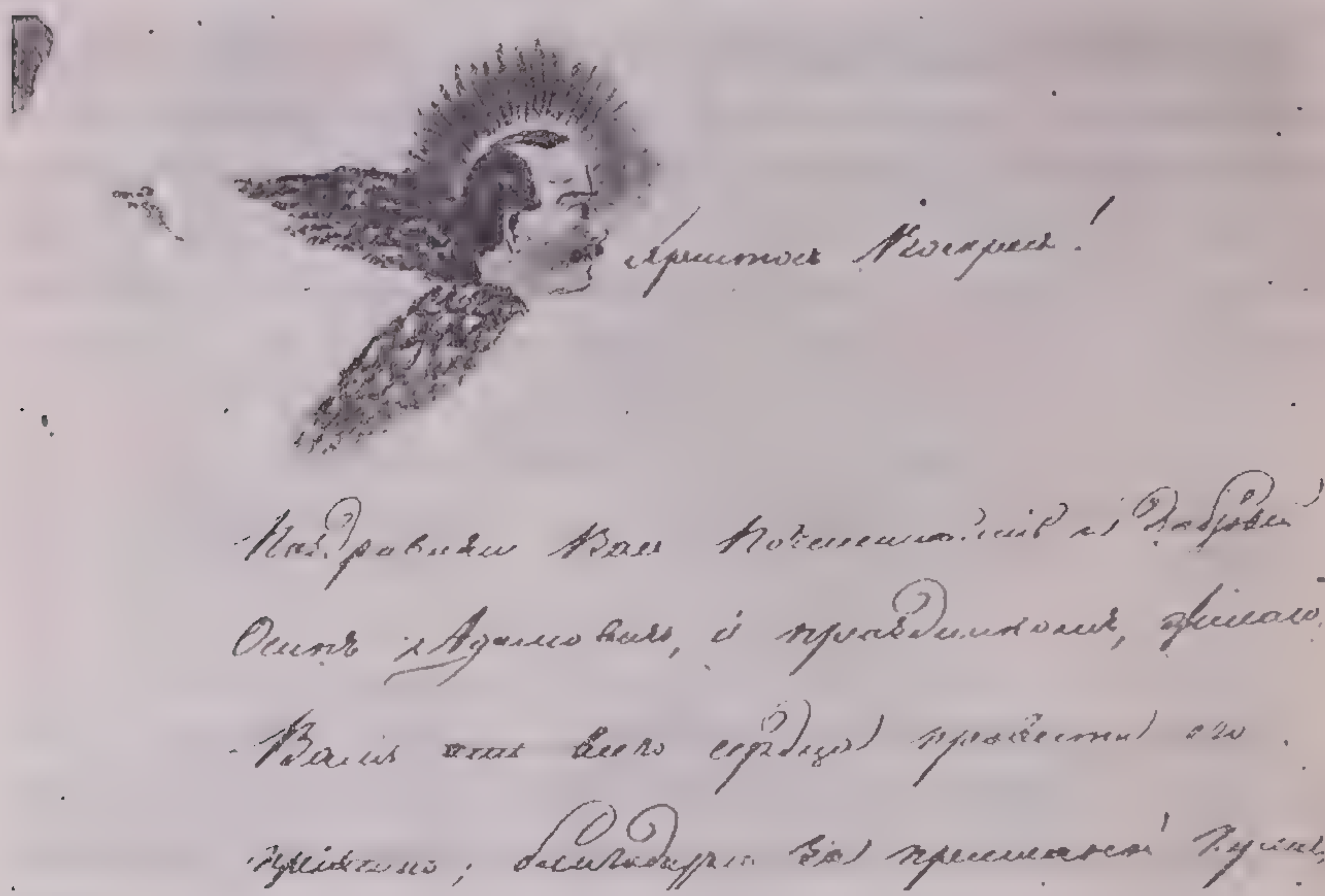
[3]) С. Р. Лепарского; он умер 17-го июня 1837 г.

P. S. Не только я, но и мой Ангелъ Хранитель, Христа славитъ.

Изображение виньетки.

На оботоре адрес: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Осипъ Адамовичу Господину Лепарскому.

В левом углу листка сделана акварельная виньетка: голова Якубовича с крылышками малинового цвета и в золотом сиянии.



II [1]).

Добрѣйшій почтеннѣйшій Осипъ Адамовичь.

Петръ Александровичь [2]) увѣдомилъ меня, что Вы будете не однѣ дома; это извѣстіе лишаетъ меня истиннаго сердечнаго удовольствія подъ Вашимъ кровомъ сказать: что чувствую, и буду чувствовать до могилы къ памяти добродѣтельнаго Станислава Романовича, и къ Вамъ; но Вы знаете, сколько я благодаренъ Вамъ за все, что Вы дѣлали для меня.

Душой Васъ уважающій и преданой

А. Якубовичъ.

[1]) Написано на листике белой бумаги малого почтового формата.

[2]) Вероятно, декабрист Муханов.

На томъ же листке, ниже, написано рукой В. Л. Давыдова:

1838 г. 18 февраля.

Почтеннѣйшій Осипъ Адамовичь.

Увѣдомте безъ церемоній можете ли сдѣлать намъ удовольствіе завтра отобѣдать у насъ — или назначите какой-нибудь другой день на этой недѣлѣ — для насъ все равно, лишь бы васъ залучить къ себѣ и побесѣдовать на просторѣ съ человѣкомъ котораго мы любимъ и уважаемъ всей душой.

Преданый Вамъ

В. Давыдовъ.

На оборотѣ адрес:

Его Высокоблагородію Милостивому Государю Осипу Адамовичу Лепарскому.

III.

Вы насъ оставляете Добрѣйшій Осипъ Адамовичь, и я быть можетъ въ послѣдній разъ пишу къ Вамъ, а навѣрное могу полагать что до гробовой доски не увидимся, и потому позволяю себѣ сказать: что память Добродѣтельнаго покойнаго Вашего дяди, и Вы, никогда не изгладитесь изъ памяти моей души; бѣдный узникъ послѣ 12 лѣтъ заключенія и каторжной работы если признателенъ къ памяти умершаго коменданта, и бывшаго Плацъ-Маіора — то вѣрно ихъ обѣихъ Богъ одарилъ душой возвышенной, сердцемъ благороднымъ.

Сохраните въ Вашей памяти меня, бѣднаго страдальца — и Богъ Васъ наградитъ.

Вы вѣрно не откажетесь исполнить мои порученія въ Москвѣ, если увидите Марію Васильевну Давыдову, скажите ей отъ меня: что Отецъ ее съ перваго дня когда насъ посадили на телѣгу, и закованных послали в Сибирь, подарилъ меня своей любовью; в Нерчинскихъ рудникахъ, Читѣ, Петровскомъ заводѣ, постоянно онъ былъ мнѣ другомъ утѣшителемъ — 12 лѣтъ мы живемъ какъ братья по сердцу. Чѣмъ этотъ душевный долгъ могу за-

платить? Любовь и уваженіе къ его семѣйству: можетъ быть только выраженіе моей благодарности. Одинъ Богъ, по милосердію своему, внушивъ добродѣтель в сердца его дѣтей — наградитъ его за добро мнѣ сдѣланное. — Знаю все, что Марія Васильевна дѣлала и дѣлаетъ для него, и его семѣйства, и мое къ ней сердечное уваженіе неограничено.

Вы увидите моего благодѣтеля — Алексѣя Петровича Ермолова — скажите ему: что въ шахтахъ и штольняхъ Благодатска его имя было прославляем. Отдайте ему присемъ прилагаемый крестъ. 20 лѣтъ тому назадъ, умирая, рядовой его мнѣ завѣщалъ, а я, ссыльно каторжной, посылаю его бывшему моему Генералу.

Обнимаю Васъ добрый Осипъ Адамовичь, отъ всего сердца и остаюсь всей душой Васъ любящій и преданой

А. Якубовичь.

Петровскъ 1838-го г., 15 марта
Казематъ 53 [1]).

IV.

При напечатанном выше письме находятся переписанные рукою Якубовича на листе белой бумаги большого почтового формата стихотворения Рылеева: «Мнѣ тошно здѣсь какъ на чужбинѣ...» и «О, милый другъ, мнѣ внятенъ голосъ твой...» Список этот не дает никаких вариантов в сравнении с печатным текстом этих произведений Рылеева; но в конце рукописи находится ценное указание, сделанное Якубовичем: «Сіи стихи писалъ Кондратій Федоровичь Рылѣевъ за три дни до сентенціи — и стукомъ въ стѣну передалъ Е. П. Оболенскому 1826 г. 7 іюля. Якубовичь».

«1838 г. 18 января въ Петровскомъ заводѣ 10-мъ отдѣленіи № 53 каземата».

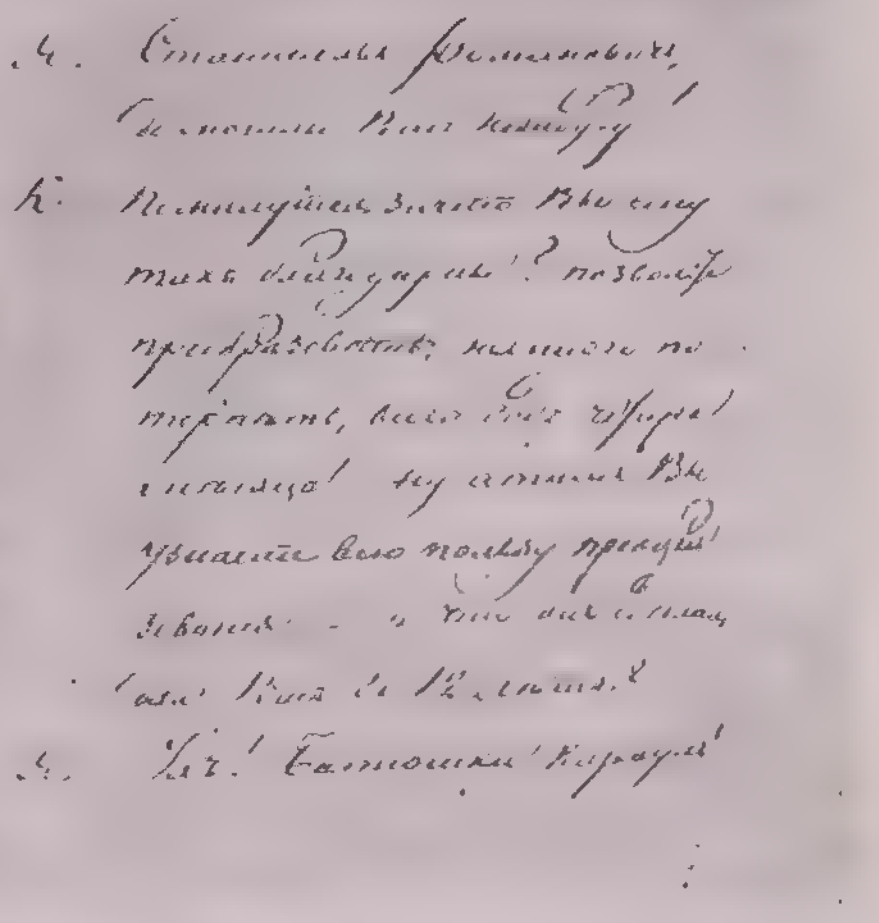
---

[1]) Письмо писано на полулисте белой бумаги большого почтового формата, без водяных знаков.

V.

Я. Станиславъ Романовичь, до могилы Васъ не забуду!
К. Помилуйте, за что Вы ему такъ благодарны? позвольте преобразовать: немного потерпѣть, всего годъ четире мѣсяца — ну а тамъ Вы узнаете всю пользу преобразованія, — и что онъ сдѣлалъ для Васъ въ 12 лѣтъ?
Я. Ухъ! Батюшки караулъ!

Этот шуточный диалог написан рукою Якубовича на четвертушке белой бумаги большого почтового формата, при чем с левой стороны листка сделана им акварельная виньетка, изо-



бражающая жандармского штаб-офицера в лазуревом сюртуке с эполетами, аксельбантом и в треуголке с плюмажем, железною цепью стягивающего окруженного частоколом Якубовича.

Умершего в 1837 г. С. Р. Лепарского сменил на комендантском посту жандармский полковник Г. М. Ребиндер, родственник декабриста Н. В. Басаргина. Плац-майором был тогда же назначен вместо А. О. Лепарского жандармский офицер Я. Д. Казимирский. Ребиндер стал вводить новшества в порядок содержания заключенных, повидимому, судя по рисунку, тяжкие для узников; это, вероятно, и вызвало каррикатуру Якубовича.

Ш. Устимович.

ПИСЬМА ДЕКАБРИСТА ОБОЛЕНСКОГО
к С. Н. и Н. С. КАШКИНЫМ.

Князь Евгений Петрович Оболенский — одна из наиболее примечательных фигур в кругу деятелей 14-го декабря. Мягкий, незлобивый по натуре, человек исключительной чистоты, «неисправимый» идеалист, он вышел из Сибирской ссылки вполне умиротворенным и душевно очищенным и до конца своей долгой жизни светил на всё окружающее тихим и теплым светом. Ф. Ф. Вадковский назвал его «олицетворенным снисхождением», все без исключения друзья и сотоварищи любили его и горячо были ему преданы; такою же любовью и преданностью платил им и он сам, поддерживая с ними деятельную переписку, проникнутую чувствами дружбы и благожелательства к бывшим товарищам по несчастию. «Есть люди счастливые»,—писал ему однажды друг его и кум А. Е. Розен: «которых беседы и письма производят самое отрадное впечатление на слушателя и на чтеца, располагают к благоволению, к терпимости, к стремлению к добру,—и ты в числе этих счастливцев» (письмо от 23-го марта 1849 г.)... В письмах Оболенского, по словам того же Розена, «нет словечка злобы и кривизны, а все пышет любовью и правдою» (письмо от 21-го января 1861 г.).—Из переписки Оболенского, которой он предавался охотно и деятельно, до настоящего времени опубликовано уже довольно значительное количество писем. В 1-й книге альманаха «Огни» (1916) мы обнародовали одно письмо Оболенского к его кузине Екатерине Никифоровне Хвостовой, рожд. Пушкиной,—письмо, живо рисующее перед нами добрую и чистую душу ссыльного народолюбца. Здесь мы сообщаем ряд прекрасных по настроению и ценных по содержанию писем Оболенского к двум близким ему лицам: к его двоюродному брату—Сергею Николаевичу Кашкину (род.

17-го апреля 1799, ум. 7-го ноября 1868), с которым, кроме родства [1]), связала его и судьба, и участие в общем деле: Кашкин, как «прикосновенный» к делу декабристов, привлекался к следствию, но, за недостатком веских улик, поплатился лишь переводом на службу в далекий Архангельск, откуда освободился лишь через год, а затем вынужден был жить безвыездно в своем имении,—без права въезда в столицы, доступ в которые стал для него возможен не ранее, как через десять слишком лет; и к сыну последнего, — племяннику Оболенского Николаю Сергеевичу Кашкину (род. 1-го мая 1829, ум. 29-го ноября 1914), одному из «петрашевцев», унаследовавшему от своего родителя, кроме многих черт ума, души и характера, также и превратность судьбы: после блестяще начатой служебной карьеры, едва покинув Лицей, в котором он окончил курс с серебряною медалью, молодой Николай Кашкин, выслушав на эшафоте, с Петрашевским и другими, смертный приговор, был сослан рядовым на Кавказ, откуда вернулся в Калужскую губернию, в свое родовое имение Прыски, лишь в 1858 году и затем всю свою долгую жизнь посвятил общественному служению на поприще сперва — члена Калужского Губернского Комитета об улучшении быта помещичьих крестьян, а потом предводителя дворянства, судьи и земского деятеля [2]).

Письма Оболенского получены были мною от самого Н. С. Кашкина, в бытность мою у него в Калуге в 1913 году, вместе с некоторыми другими материалами семейного архива Кашкиных [3]), в главной своей части поступившего ранее в Российскую Академию Наук, по завещанию безвременно угасшего талантливого историка и высоко образованного генеалога Н. Н. Кашкина (сына Николая Сергеевича). Первое из печатаемых писем Оболен-

---

[1]) Евгений Петрович Оболенский был сыном княгини Анны Евгеньевны Оболенской, рожд. Кашкиной, а Сергей Николаевич Кашкин — сыном ее родного брата — Николая Евгеньевича Кашкина.

[2]) О нем см. в книге Н. Н. Кашкина: Родословные разведки, т. II, С.-Пб. 1913, стр. 564—576, а также статью В. И. Семевского в его монографии о Петрашевцах (в «Голосе Минувшего» 1916, № 2, стр. 41—61, № 3, стр. 48—69 и № 4, стр. 174—192) и книгу В. Лейкиной: Петрашевцы, М. 1924, стр. 119, 135 и 142.

[3]) Из них в «Голосе Минувшего» 1914, № 1, стр. 280—282, нами опубликовано письмо к С. Н. Кашкину декабриста Г. С. Батенькова.

ского, тогда офицера л.-гв. Финляндского полка, писано к Кашкину за два с небольшим месяца до декабрьской катастрофы 1825 года, которая разразилась так неожиданно и для самих участников, и для всех, к ним близких. О впечатлении, произведенном событием 14-го декабря, прекрасно свидетельствует, между прочим, следующее письмо, писанное к дяде декабриста, — сенатору Николаю Евгеньевичу Кашкину (род. 2-го сентября 1769, ум. 18-го мая 1827), его племянницею — Екатериною Лукьяновною Симанскою, рожд. Боборыкиною, из Петербурга, от 21-го декабря 1825 г. Вот это письмо [1]).

«Всѣ родные снова поручили мнѣ тяжелую задачу — сообщить Вамъ о величайшемъ несчастіи, дорогой Дядя, и волненіе моего сердца такъ велико, что перо мое едва может начертать грустныя подробности печальнаго происшествія, которое повергло насъ всѣхъ въ величайшую печаль. Однако, надо преодолѣть это волнение и говорить... О несчастномъ днѣ 14-го числа Вы уже должны знать изъ газеты, въ которой всё описано съ величайшею точностію; скажу Вамъ, что всѣ эти мятежники, столь же дерзкіе, какъ и подлые, бросились въ бѣгство, но почти въ то же время были схвачены. Однако, кто могъ бы тому повѣрить, дорогой Дядя, что во главѣ этихъ безбожниковъ, что душой этихъ бунтовщиковъ, увы! — нашъ Евгеній Оболенскій! Я не могу ничего болѣе сказать, — подготовьте же несчастнаго князя [2]) къ этому жестокому и неожиданному удару, наносимому сыномъ, котораго до сего времени мы всѣ считали образцовѣйшимъ молодымъ человѣкомъ. Увы, дорогой Дядя, необходимо также, чтобы Вы не ввели въ заблужденіе князя, такъ какъ виновность несчастнаго Евгенія превосходитъ всяческое безуміе! Между тѣмъ, мы просимъ Васъ убѣдить или моего Дядюшку, самого князя, или кого-либо другого изъ нашей семьи пріѣхать сюда для того, чтобы привести въ порядокъ дѣла какъ самого несчастнаго, такъ и его обоихъ младшихъ братьевъ, которые, располагая полною и совершенною свободою

---

[1]) Даем его в переводе; французский текст этого письма напечатан был нами в «Воспоминаниях о былом» Е. А. Сабанеевой, С.-Пб. 1914, изд. «Огней», стр. 149, в примечании.

[2]) Т. е., князя Петра Николаевича Оболенского, отца декабриста.

въ настоящій моментъ, всячески ею злоупотребляютъ, такъ какъ оба, — должна Васъ завѣрить, — мальчики совершенно испорченные. Моя тетушка Штеричъ была такъ добра, — взяла на себя заботы о СергѢѢ, и онъ у нея будетъ, по крайней мѣрѣ, подъ присмотромъ и будетъ въ состояніи продолжать свои занятія подъ наблюденіемъ чудеснаго Евгенія, но люди, равно какъ и все маленькое хозяйство несчастнаго, останутся въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь находятся, до распоряженій Дядюшки, и это не допускаетъ промедленія; вотъ почему мы всѢ просимъ Васъ настоять передъ княземъ о пріѢздѢ» [1]).

Остальные письма Оболенского писаны через 32 слишком года и более после первого — в то время, когда автор, уже возвращенный, после 30-летней Сибирской ссылки, в Россию, проживал в Калуге, где он и умер, как праведник, 26-го февраля 1865 г. [2]). Письма эти живо рисуют нам облик этого чистого народолюбца в эпоху приближения и осуществления одного из заветных мечтаний его и его друзей — освобождения крестьян; в этом святом деле он и сам принимал некоторое участие, состоя в переписке с своим былым сослуживцем, Я. И. Ростовцевым, который советовался с ним по вопросам, связанным с освобождением.

Желающих ближе познакомиться с светлою личностью декабриста Оболенского, отсылаем, между прочим, к изданным нами «Воспоминаниям о былом». Е. А. Сабанеевой (С.-Пб. 1914, стр. 103 — 107 и 149 — 150), а также к цитированной уже книге Н. Н. Кашкина: «Родословные разведки» (т. II, С.-Пб. 1913, стр. 547 — 548) и к изданию «Общественные движения в России в первую половину XIX века» (т. I, С.-Пб. 1905), где помещена подробная биография Оболенского (написанная В. Богучарским) и его ценные Воспоминания.

[1]) На письме адрес: «Его Превосходительству Милостивому Государю Николаю Евгеньевичу Кашкину. Въ КудринѢ, на валу, въ собственномъ домѢ въ МосквѢ» и почтовый штемпель об отправлении письма из Петербурга въ 20-х числах декабря 1825 г.

[2]) Письмо его сестры о его смерти см. в «Голосе Минувшего» 1915 г., № 12, стр. 231 — 232.

1.

С. Н. КАШКИНУ.

7-го Октября 1825. Петербургъ.

Милый другъ Сергей. — Давно я къ тебѣ не писалъ, и ты также первымъ письмомъ меня порадовалъ съ давняго времяни; но смѣло могу тебя увѣрить, что минуты, которыя, я посвящаю тебѣ, суть тѣ, въ конхъ я чувствую избытокъ души и необходимость излить мои чувствованія другу, который меня понимаетъ и любитъ. Вѣрю, милый другъ, обстоятельствамъ твоимъ, которые тебѣ препядствуютъ пріѣхать въ Петербургъ, но душевно желаю, чтобы они поскорѣе сдѣлали тебя свободнымъ [1]). Бесѣда съ тобой есть почти необходимость для сердца моего: ты не повѣришь, сколь мало людей, которые прощаютъ слабости другимъ; ты не повѣришь, милый другъ, сколь много самолюбія и эгоизма въ лучшихъ людяхъ; но за то есть нѣчто доброе, таинственная сила, сокрытая въ душѣ каждаго человѣка, рожденнаго добрымъ, которая, вопреки симъ недостаткамъ, рождаетъ общую любовь и довѣріе даже между тѣми людьми, кои разнствуютъ мыслями. Сіе общее чувствованіе развивается, конечно, не въ обыкновенныхъ сношеніяхъ людей между собою, но въ тѣхъ случаяхъ, которые невольно влекутъ всѣхъ и каждаго къ одной общей идеѣ, и потому, любезный другъ, я увѣренъ, что время изгладитъ между людьми одинакаго образованія и одинакихъ чувствованій тѣ неравенства, которые въ нынѣшнемъ положеніи ихъ между собою дѣлаютъ непріятныя иногда между ими сношенія. Ты вмѣстѣ съ прочими бранишь меня за мои занятія, негодуешь на пристрастіе мое къ Шеллингу, а не хочешь ви-

---

[1]) С 3-го ноября 1824 г. С. Н. Кашкин служил заседателем в 1-м Департаменте Московского Надворного Суда, куда поступил по приглашению И. И. Пущина — известного декабриста. Пущин, как известно, занял невидное место для активной борьбы со взяточничеством чиновников и вообще для служения народу; для этого он привлекал туда и своих просвещенных молодых друзей (см. Записки В. И. Зубкова, С.-Пб. 1906, предисловие Б. Л. Модзалевского).

дѣть до сего времени цѣль моихъ занятій [1]). Отвѣтъ мой тебѣ, милый другъ, будетъ самый простой. Есть нѣкоторыя требованія души, которыхъ человѣкъ отстранить не можетъ. Есть нѣкоторая жажда къ познаніямъ, которая требуетъ удовлетворенія, дабы насытить душу всѣмъ высокимъ и нравственнымъ. До сего времени науки меня не удовлетворяли: они представляли мнѣ отдѣльные идеи, которые бродили у меня въ головѣ безъ плану и безъ цѣли: система Шеллинга соединила сіи разнородные идеи въ одну и удовлетворила отъчасти моимъ требованіямъ. Я стараюсь теперь привести въ порядокъ то, что у меня было въ безпорядкѣ, а вы, друзья мои, меня за то браните! Но я не понимаю властолюбія вашего: оставьте мнѣ мои мечты, мои заблужденія, естьли хотите, чтобы я съ вами былъ откровенъ. Въ противномъ случаѣ боязнь найти во всёмъ меня окружающемъ нѣчто враждебное поневолѣ стѣснитъ мои мысли, и вы найдете во мнѣ самп непріязненное къ себѣ чувство. Вотъ, милый другъ, мои условія съ тобою. Я люблю твои недостатки потому болѣе, что они происходятъ отъ источника благороднаго, чистаго. и что они не затемняютъ твой личный характеръ. Я не могу требовать, чтобы ты полюбилъ также и мои недостатки, но по крайней мѣрѣ требую снисхожденія къ нимъ.

Картина жизни твоей въ Рожествинѣ [2]) признаюсь, милый другъ, меня плѣнила и тронула до слезъ.

Je sens le prix, cher ami, de ces sentimens purs de jeunes personnes, qui dans l'innocence de leur âme, laissent passer tranquillement leur vie dans la solitude et l'absence de tous les plaisirs. Mais aussi il faut le dire: les femmes sont nées plus parfaites, que nous. La Nature leur a donné cette tranquillité d'âme, cette perfection dans leurs sentimens, qui les fait jouir avec

[1]) О своих занятиях изучением философии Шеллинга Оболенский затем показывал и Верховной Слѣдственной Коммиссии; см. у В. И. Семевского: Политические и общественные идеи декабристов, С.-Пб. 1909, стр. 219. Шеллинг увлекал также и декабриста В. К. Кюхельбекера (тамъ-же, стр. 233).

[2]) Подмосковное село Рождествино, въ 17 верстахъ отъ монастыря «Новый Іерусалим», принадлежало отцу декабриста — князю Петру Николаевичу Оболенскому.

délices de leur propre existence. Tout ce qui les entoure leur procure des jouissances, que nous ne pouvons pas connoître. Elles vivent dans elles-mêmes, avec autant de plaisir et plus de tranquillité que nous, qui vivons toujours hors de nous. Leur sphère est leur famille; la nôtre — est l'univers entier. Notre esprit ne se borne pas à l'existence passive, qui voit couler devant soi un flot de richesses et ne reçoit que ce qu'il faut pour son propre bonheur. Nous sommes avides de connoissances, de pouvoir, de richesses. Les femmes au contraire se contentent de peu; leur pouvoir est l'amour, sentiment, qui unit toute la nature. Leur désir unique est d'être en contact avec le monde par l'être que la Providence a choisi pour les tirer hors du cercle limité dans lequel elles se trouvent. Elles sont fortes par leur mari, par lui elles commencent à vivre et atteignent le but, pour lequel elles vivent. Pour nous, cher ami, nous voyons dans la femme, que nous chérissons, non pas le but et l'existence de notre vie, mais uniquement un complément de notre existence, qui nous est absolument nécessaire, comme un point d'appui, duquel nous pouvons nous élancer avec plus de force vers la perfectibilité de notre être, qui est le but, auquel nous tendons. Mais cette perfectibilité git dans notre existence politique et morale. Donc vous voyez, que nous ne pouvons jamais l'atteindre au dégré, auquel nous aspirons, et voilà la raison pour laquelle nous ne sommes jamais contents de notre situation. Le sort me prive, cher ami, de la jouissance pure d'une société de femmes telle que mon coeur le désire. Mes soeurs m'ont procuré une bien douce jouissance pendant mon court séjour à Moscou [1]); mois aussi, cher ami, je ne vois rien de pareil ici. Il me semble, que je resterai célibataire malheureux pendant des années entières, si je reste encore à Pétersbourg pendant longtems. Mon seul et unique désir est de trouver une personne qui puisse me répondre par son innocence et ses sentimens, — et il est bien rare de trouver ici quelque chose de pareil. Toutes les jeunes personnes ont cette froideur de sentimens, cet orgueil des connoissances du monde, qu'elles ont acquises par un commerce illicite avec les

---

[1]) У Оболенского было 6 сестер, из коих пять были замужем, а одна (Марья) осталась въ девушках.

jeunes gens de bal; leur vie a déjà été flétrie par l'attouchement, les désirs illicites de ces hommes, qui ne voient dans le commerce des femmes que l'attrait physique d'un sexe à un autre; leurs oreilles ont déjà été blessées par l'expression de ces sentimens. Que voulez-vous donc désirer d'une jeune personne dont les sentimens ne sont plus purs? Mais j'oublie, cher ami, que le temps passe, que toute conversation doit avoir une fin quelconque, que le plaisir que je trouve à vous ouvrir mon coeur doit vous trouver dans la même humeur que moi-même, pour que cette lettre soit de quelque prix pour vous. Je finis donc, et il en est bien temps. Adieu, cher ami, aimez toujours votre dévoué ami

Pr. E. Obolenskoy.

Le 7 Octobre 1825.
S.-Pétersbourg.

Переводъ:

Я чувствую, дорогой другъ, цѣну чистыхъ чувствованій молодежи, которая, въ невинности своей души, спокойно проводитъ жизнь въ уединеніи и при отсутствіи всякихъ удовольствій. Но слѣдуетъ также сказать: женщины рождены болѣе совершенными, чѣмъ мы; натура дала имъ то спокойствіе души, то совершенство чувствъ, которое даетъ имъ возможность наслаждаться утѣхами ихъ собственнаго существованія. Все, что ихъ окружаетъ, доставляетъ имъ радости, которыхъ мы не можемъ познать. Онѣ живутъ въ самихъ себѣ, съ такимъ удовольствіемъ и съ большимъ спокойствіемъ, чѣмъ мы, живущіе всегда тѣмъ, что внѣ насъ. Ихъ сфера — это ихъ семейство, а наша — цѣлая вселенная. Нашъ умъ не ограничивается пассивнымъ существованіемъ, которое видитъ, какъ передъ нимъ течетъ волна богатствъ, и получаетъ только то, что нужно ему для его собственнаго благополучія. Мы жадны до знаній, до власти, до богатствъ; женщины, наоборотъ, довольствуются малымъ; ихъ власть — любовь, чувство, которое объединяетъ всю природу. Ихъ единственное желаніе — быть въ общеніи съ міромъ черезъ существо, которое провидѣніе избрало для того, чтобы извлекать ихъ изъ ограниченнаго круга, въ которомъ онѣ находятся. Онѣ сильны благодаря ихъ мужьямъ; чрезъ нихъ онѣ начинаютъ жить и достигаютъ цѣли, для которой живутъ. Что же

касается насъ, милый другъ, то мы видимъ въ женщинѣ, которую мы любимъ, не цѣль и сущность нашей жизни, но единственно — дополненіе къ нашему существованію, которое намъ безусловно необходимо, какъ точка опоры, отъ коей мы можемъ устремляться съ большею силою къ усовершенствованію нашего бытія, которое есть цѣль, къ коей мы стремимся. Но это стремленіе къ совершенству живетъ въ нашем политическомъ и моральномъ существованіи; однако, ты видишь, что мы не можемъ никогда достичь его въ той степени, въ которой намъ того хочется, — и вотъ причина, по которой мы никогда не бываемъ довольны своимъ положеніемъ. Судьба лишаетъ меня, милый другъ, чистой радости имѣть такое общество женщинъ, какого жаждетъ мое сердце. Мои сестры доставляли мнѣ нѣжныя радости въ продолженіе моего краткаго пребыванія въ Москвѣ; но, милый другъ, у меня нѣтъ ничего подобнаго здѣсь. Мнѣ кажется, что я останусь несчастнымъ холостякомъ въ теченіе ряда летъ, если еще долго пробуду въ Петербургѣ. Одно и единственное мое желаніе — найти женщину, которая могла бы отвѣтить мнѣ своею чистотою и своими чувствами, — но здѣсь очень рѣдко можно встрѣтить что-либо подобное: всѣ молодыя дѣвушки холодны чувствами, горды своимъ знаніемъ свѣта, которое онѣ пріобрѣли непозволительнымъ общеніемъ съ молодыми людьми на балахъ, ихъ жизнь уже запятнана прикосновеніями, недозволительными желаніями мужчинъ, которые въ сношеніяхъ съ женщинами видятъ лишь плотское влеченіе одного пола къ другому; ихъ умы уже испорчены выраженіями этихъ чувствъ. Чего хотите вы, поэтому, отъ молодой особы, чувства которой уже не чисты? Но я забываю, милый другъ, что время идетъ, что каждой бесѣдѣ долженъ быть какой-нибудь конецъ, что удовольствіе, которое нахожу я въ томъ, что открываю тебѣ свое сердце, должно и тебя найти въ такомъ же самомъ настроеніи, какъ и мое, чтобы это письмо имѣло для тебя какую-нибудь цѣну. Итакъ, кончаю, — и уже давно время. Прощай, милый другъ, люби всегда твоего преданнаго друга

Кн. Е. Оболенскаго.

7 октября 1825.
С.-Петербургъ.

2.

СЕМЕЙСТВУ КАШКИНЫХЪ.

26-го марта 1858 г. [Калуга].

Христосъ воскресе, другъ Сергей Николаевичь, Катерина Ивановна, Юлинька, Сережа, Николай, если онъ съ вами, и Юрій [1]), если явился изъ Петербурга, — всѣмъ и каждому порознь дается не по одному поцѣлую, а по числу душъ нашего семейства, отъ верхняго этажа до нижняго, отъ старшаго до самой меньшой Елены [2]), — всѣ привѣтствуютъ васъ, добрые друзья, добрымъ привѣтствіемъ Христовымъ, — всѣмъ желаютъ всего лучшаго, — пусть каждому достанется добро по его душѣ: пусть тебѣ, Сергей, жить долго и не старѣться; пусть Катерина Ивановна останется такою, какая она теперь, пусть не разучится любить, а сердце ее теплое не должно охладѣть. Николаю нужно получить независимость въ общественномъ положеніи, независимость въ нравственномъ отношеніи; нужно сердце теплое, которое бы его согрѣло, — пусть онъ получитъ это все. Юлинька, если желаетъ друга, — пусть пожелаетъ и получитъ сердце родное, православное, безъ лести и коварства, не шаркуна, а человѣка съ душею, который умѣлъ бы согласить свое сердечное слово съ дѣломъ. Сергей пусть развиваетъ въ себѣ поэтической огонь, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть внесетъ въ жизнь не одну поэзію, но и нѣчто положительное, которому украшеніе будетъ его поэзія,

---

[1]) Екатерина Ивановна — жена С. Н. Кашкина, рожденная Миллер (род. 1806, ум. 1879), на коей он женился в 1828 г. Юлинька — их единственная дочь, родившаяся в 1838 г. и в 1863 г. вышедшая за Константина Николаевича Боборыкина, впоследствии генерал-лейтенанта; она умерла 9-го августа 1909 г., вдовою; Сергей Сергеевич Кашкин (род. 1835, ум. 1892) впоследствии был Депутатом дворянства Перемышльского уезда Калужской губернии; о Н. С. Кашкине см. въ предисловии; наконец Юрий Сергеевич Кашкин, брат предыдущих, род. 1843, был в это время воспитанником Александровского Лицея, а впоследствии членом Калужского Окружного Суда.

[2]) Дочь декабриста, княжна Елена Евгеньевна Оболенская, родившаяся 30-го января 1857 г. въ Калугѣ.

но существенное будетъ истина въ жизни. О Юріѣ и Александрѣ [1]) не говорю: они имѣютъ теперь свою опредѣленную цѣль,—пусть достигнутъ ее благополучно и выработаютъ себѣ нѣчто хорошее въ жизни, тотъ нравственный капиталъ, который нравственнымъ трудомъ каждаго изъ насъ невидимо растетъ съ каждымъ днемъ и составляетъ ту крѣпкую основу нашей внутренней жизни, по которой все остальное зиждется твердо и непоколебимо.

Много я тебѣ насказалъ, другъ Сергей, по сердечному сочувствію къ каждому изъ чл҃новъ твоей семьи. Теперь обращусь къ настоящему, т.-е, къ нашей современности. У насъ все благополучно. Общественная наша жизнь мирна. Вчера у Графа [2]) былъ танцовальный вечеръ, на которомъ былъ весь городъ; говорятъ, всѣ были веселы и довольны. Объ остальныхъ удовольствіяхъ не знаю, что сказать; вѣроятно, они готовятся и въ свое время будутъ служить развлеченіемъ для народа молодого и удалого.

Наша Наташа [3]), вопреки зубной боли, вчера явилась на балъ и кажется движеніемъ переломила свою боль, но такъ какъ она возобновляется, то и проситъ она Николая Сергѣевича привести ей двѣ стклянночки капель отъ зубовъ Доктора Козловскаго, рекомендованныхъ нашей Княгиней Оболенской [4]), какъ специфическое средство. Далѣе я прошу его привести изъ Персидскаго магазейна на Никольской настоящаго Персидскаго порошку отъ

---

[1]) См. о нем ниже, стр. 267.

[2]) Дмитрия Николаевича Толстого-Знаменского, бывшего с 6-го июля 1856 до 27-го июля 1858 г. Калужским губернатором, а затем — до апреля 1861 г. — Воронежским, откуда назначен был Директором Департамента полиции. С 1876 г. — Председатель Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, автор Воспоминаний, историк и археолог; умер в 1884 г.

[3]) Княжна Наталья Сергеевна Оболенская, родная племянница декабриста (дочь его брата), в 1861 году, 30-го июня, вышедшая замуж, в Калуге, за Александра Михайловича Жемчужникова (брата поэта).

[4]) Княгиней Александрой Алексеевной Оболенской, рожд. Дьяковой (род. 1831), женой Председателя Калужской Палаты Гражданского Суда и члена от Правительства Калужского Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян князя Андрея Васильевича Оболенского; княгиня А. А. Оболенская — основательница (в 1870 г.) известной частной женской гимназии в Петербурге.

всякой гадины, которой у насъ развелось много. Затѣмъ жду исполненія моихъ порученій по письму моему къ Николаю, отправленному еще на прошедшей недѣлѣ.

За тѣмъ пора кончать. Обнимемся крѣпко.

Твой другъ

Е. Оболенской.

Марта 26-го 858 года.

3.

С. Н. КАШКИНУ.

[Вторая половина октября 1858 г. Калуга].

Письмо твое, другъ Сергей, и порученіе и твое, и Николая получилъ и безъ замедленія отправился въ Гражданскую Палату для крѣпкаго говора о ее спящихъ силахъ. Цуриковъ [1]), занимающій мѣсто Предсѣдателя, обѣщался все исправить, но когда и какъ, — объ этомъ ты отъ меня получишь особое увѣдомленіе. Они грозятъ карою Столоначальнику, который очень легко сдѣлалъ ошибку и можетъ быть невинно, а можетъ быть и умышленно, отправилъ пакетъ не туда, куда слѣдовало. Впрочемъ, это дѣло не можетъ тебя лишить ни однаго вершка земли. — Затѣмъ обращусь къ порученію Николая: съ первой почтой напишу Ростовцеву о его сослуживцѣ, и вѣрю, что мой Іаковъ [2]) исполнитъ, если возможно, просьбу Кавказскаго бойца [3]).

---

[1]) Александр Николаевич Цуриков, тогда Товарищ Председателя Калужской Палаты Гражданского Суда; за его сына Александра Александровича в 1878 г. вышла замуж внучка С. Н. Кашкина — Екатерина Николаевна Кашкина.

[2]) Яков Иванович Ростовцев (ум. 1860), в 1825 г., 12-го декабря, сообщивший в. к. Николаю Павловичу о готовящемся восстании... В «Русской Старине» 1889 г., № 9, стр. 617 — 639, напечатаны письма: Ростовцева к Е. П. Оболенскому, от 18-го ноября 1858 г., с любопытными возражениями его против нападок на него Герцена, и Оболенского к Ростовцеву из Калуги от 1-го января 1859 г. В журнале «Минувшие Годы» за 1908 г., № 3 (стр. 98 — 99), в статье А. А. Корнилова, указано о влиянии Оболенского на Ростовцева в деле освобождения крестьян, на основании переписки их, опубликованной в «Русском Архиве» 1873 г.

[3]) Н. С. Кашкина, который служил рядовым на Кавказе (см. ниже, стр. 261).

Новаго здѣсь ничего. Изъ Москвы пишутъ, что въ Комитетѣ К[нязь] Меншиковъ [1]) отличается какими-то выходками, весьма непригожими къ лицу его Свѣтлости. Въ Твери отличаются Парламентскими формами. Въ поученіе Федоръ Сергѣевичъ [2]) ихъ получаетъ и изучаетъ. Вотъ какъ все, извини, — въ Тулѣ Члѣны Комитета просили Левшина [3]), чтобы наложена была Цензура на статьи о Крестьянскомъ вопросѣ, потому что рѣзко пишутъ.

Вотъ вамъ, друзья, все, что слышалъ. Радъ, что Николай на ногахъ и дѣйствуетъ, какъ полу-здоровый. Авось къ ноябрю поправится и явится къ намъ въ силѣ тѣлесной и бодрости душевной. За тѣмъ простите, друзья. Всѣхъ васъ обнимаю. Вѣрьте, что каждому достанется добрая доля дружбы любящаго васъ

Е. Оболенскаго.

Вчера былъ у С. Димитріевны [4]) и услышалъ тамъ о смерти Александры Димитріевны [5]): она скончалась отъ водяной 11-го октября. Миръ душѣ ее!

4.

С. Н. КАШКИНУ.

13-го ноября 1859 г. [Калуга].

Вотъ уже зима настала, другъ Сергей Николаевичъ, а отъ тебя вѣстей нѣтъ: ты засѣлъ въ Прыскахъ и видно сердитъ на весь міръ, потому что не хочешь перемолвить и словечка съ нами, Калужанами. И Николай, и Сергей оставили по себѣ

---

[1]) Известный адмирал, член Государственного Совета князь А. С. Меншиков.

[2]) Щукин, с 4-го января 1857 до 20-го марта 1869 г. Калужский Губернский предводитель дворянства, противник освобождения крестьян; см. в книге «Виктор Антонович Арцимович», С.-Пб. 1904, стр. 392 — 393 и др.

[3]) Товарища Министра внутренних дел Алексея Праклиевича Левшина; его брат Дмитрий Праклиевич был уполномоченным по размежеванию земель при Тульской Палате Государственных Имуществ.

[4]) Софья Дмитриевна Кашкина (род. 1804, ум. 1867), девица, двоюродная сестра С. Н. Кашкина, была монахиней Калужского Казанского девичьего монастыря.

[5]) Сестра предыдущей; она умерла в Ярославле: см. Н. Н. Кашкин, Родословные разведки, т. II, С.-Пб. 1913.

пріятныя воспоминанія въ нашемъ домашнемъ кругѣ, и наша молодая женская половина чувствуетъ какую-то неполноту въ домашнихъ бесѣдахъ. Новаго у насъ ровно ничего. Журналы Коммисій [2]) я продолжаю получать; но теперь журналы неинтересны: заключенія сдѣланы, основанія положены, — теперь имъ приходится кое-гдѣ подкрѣпить шатающееся основаніе, кое-гдѣ прибавить зыбкому фундаменту, а можетъ быть и все зданіе они построятъ такъ, какъ первоначально строился храмъ Спасителя на Воробьевыхъ горахъ [3]), — т.-е. купятъ нѣсколько тысячъ душъ для постройки, раззорятъ постройкой фундамента, а потомъ выведутъ заключеніе, что мѣсто неудобно, и что на немъ построить храма не возможно. И здѣсь замѣчается то-же, — кто знаетъ, чѣмъ все это кончится, но работа не по силамъ работниковъ. А между тѣмъ время идетъ, и не успѣешь оглянуться, какъ все начатое зданіе и труды Коммисій объявлены будутъ несостоятельными. Но довольно!

Свистуновъ [4]) получилъ полное собраніе журналовъ, подобное моему, и рѣшительно сталъ въ оппозицію противъ требованій Комитета, который вызываетъ членовъ депутатовъ на категорическіе отвѣты. Вѣроятно, не онъ одинъ будетъ въ оппозиціи. Что будетъ, когда эта сторона возвыситъ свой голосъ? О времена!

М-me Шестаковъ [5]), моя возлюбленная племянница, съ другой возлюбленной — Натальей, Княжной (не боярской дочерью) [1]), едва усѣли рѣшить поѣздку въ Прыски, какъ Ока стала въ

---

[1]) Впослѣдствіи Жемчужниковой (см. выше).

[2]) Т. е., Редакціонных Коммисий по Крестьянскому делу.

[3]) По знаменитому проекту известного архитектора-художника Александра Лаврентьевича Витберга.

[4]) Декабрист II разряда Петр Николаевич Свистунов; по возвращении из Сибири он проживал в Калуге и был Членом Калужского Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, где состоял в числе членов либерального меньшинства — с Е. П. Оболенским, Г. С. Батеньковым и молодым П. С. Кашкиным. См. об этом подробнее в книге «В. А. Арцимович», С.-Пб. 1904, по указателю.

[5]) Надежда Алексеевна Шестакова, рожд. Михайловская, жена капитана 1 ранга Ивана Алексеевича Шестакова (род. 1820, ум. 1888), впоследствии генерал-адъютанта, адмирала и Управляющего Морским Министерством; она была родная племянница Е. П. Оболенского — дочь его сестры Александры Петровны Михайловской, рожд. княжны Оболенской.

шаткомъ положеніи, и они принуждены были дожидаться рѣшительнаго ее отвѣта на вопросъ: пропуститъ-ли она чрезъ себя и перенесетъ-ли на своемъ хребтѣ грузъ двухъ женщинъ. Долго она рѣшалась; наконецъ, когда дала положительный отвѣтъ, время улетѣло, мужъ Надины уже былъ на пути возвращенія,—и доброе намѣреніе и желаніе видѣться со всѣми вами осталось неисполненнымъ. Мы ждемъ Шестакова къ 15-му и потомъ разстанемся съ ними на долго.

На-дняхъ былъ въ Монастырѣ у Сонюшки [1]), бесѣдовалъ съ нею и получилъ отъ нее прозьбу къ тебѣ — о высылкѣ ей процентовъ на житейскія нужды, и желаетъ, чтобы ты ей далъ заемное письмо на капиталъ. Все это передаю тебѣ къ свѣденію и разсмотрѣнію.

Я просилъ Николая и Сергея передать тебѣ мою прозьбу о Глобусѣ; если ты можешь одолжить меня на время, т.-е., на пять или на шесть мѣсяцевъ этимъ учебнымъ пособіемъ, то я былъ бы тебѣ много благодаренъ; все будетъ тебѣ возвращено въ цѣлости до рожденія и воспитанія твоихъ внуковъ: когда ты обзаведешься ими, тогда и глобусъ, и карты будутъ тебѣ возвращены въ цѣлости. Убѣди Николая въ необходимости рѣшить это дѣло и стать въ главѣ продолжателей рода Кашкиныхъ.

У насъ сегодня Пятница, т.-е. открытіе вечернихъ собраній. Вообрази, у насъ будетъ Шамиль [2]) со свитой, т.-е., переводчикомъ, приставомъ и мюридомъ. Если успѣю передъ почтой, то опишу тебѣ и вамъ всѣмъ вечеръ съ Шамилемъ.

Шамиль намъ измѣнилъ, — причину тебѣ скажетъ юноша, который лично отдастъ тебѣ эти строки. Итакъ, прости, другъ старый, но юный въ воспоминаніи и въ сердечномъ отношеніи. Примите привѣтъ и вы, юное поколѣніе, — надежда въ будущемъ и краса настоящаго.

Вашъ Е. Оболенской.

Ноября 13-го. 859.

---

[1]) Кузина Оболенского, монахиня С. Д. Кашкина (см. выше).

[2]) Шамиль, имам Чечни и Дагестана, после сдачи в плен в Гунибе, был сослан, как известно, в Калугу, где жил сперва под присмотром, а затемъ и свободно, приняв Русское подданство; умер в Медине в 1871 году. О пребывании Шамиля в Калуге и о его семье имеются статьи состоявшаго при нем Приставом А. Руновского в «Военном Сборнике» 1860 г., т. XI. № 2 и т. XIII, № 5, и в «Русской Старине» 1877 и 1878 г.г.

5.

Н. С. и С. С. КАШКИНЫМ.

30-го марта 1860 г. [Калуга].

Любезный другъ Николай и неразлучный съ нимъ Сергей. Сколько лѣтъ вы отъ насъ уѣхали,—и пѣтъ отъ васъ ни добраго слова, ни дружескаго воспоминанія. Я понимаю, что въ Тверь [1]) писать опасно, но въ Калугу — совершенно свободно, и ни отъ кого и ни откуда не угрожаетъ малѣйшей остановки. Спасибо, другъ Николай и за то, что написалъ Жемчужникову [2]), — по крайней мѣрѣ мы узнали, что вы сидите въ Прыскахъ и думаете думу о томъ, какъ бы вамъ добраться безопасно до Калуги, а потомъ до Москвы. Я понимаю эту думу при нынѣшнемъ состояніи нашихъ дорогъ. Нашъ Семенъ Павловичъ просидѣлъ въ зажорѣ, на пути изъ Москвы въ Калугу, по поясъ въ водѣ, болѣе 3-хъ часовъ; но вышелъ цѣлъ и невредимъ и не получилъ даже насморка отъ холодной ванны. Это счастіе, но не всякому можно ожидать такого благополучнаго исхода.

Мое письмо къ тебѣ не лишено, однакожъ, личнаго интереса. Ежегодно къ Пасхѣ мы собирали въ пользу Семена Васильевича Хрущева [3]) небольшую сумму, чтобы доставить ему возможность

---

[1]) К жившему там декабристу Матвею Ивановичу Муравьеву-Апостолу, который приходился близким родственником и Е. П. Оболенскому (со стороны матери последнего, рожд. Кашкиной), и Кашкиным, ибо мать Муравьева-Апостола была дочерью С. М. Черноевича от брака его с Елизаветой Аристарховной Кашкиной.

[2]) Поэт Алексей Михайлович Жемчужников, сестра коего, Анна Михайловна, была замужем за Виктором Антоновичем Арцимовичем, занимавшим, с 27-го июля 1858 г. пост Калужского губернатора. Алексей Жемчужников жил в это время въ Калугѣ, откуда 8-го марта 1860 г. писал Н. С. Кашкину письмо с сообщением Петербургских новостей. Одно стихотворение Жемчужникова из архива Н. С. Кашкина напечатано было нами в журн. «Жизнь Искусства» 1924 г., № 1, стр. 14.

[3]) Бывший ротмистр Бугского уланского полка (1832), а затем чиновник особых поручений при Московском генерал-губернаторе, С. В. Хрущов (род. в 1790, ум. в 1870 г.), был монахом Козельской Оптиной пустыни, лежащей против имения Кашкиных—села Нижних-Прысков.

облегчить трудную монашескую жизнь. Въ нынѣшнемъ году сборъ былъ маловаженъ, по случаю отсутствія Андрея Васильевича [1]); но при всем томъ собралось 20 р. сер. Буду просить тебя передать ему эту сумму изъ своихъ денегъ и вручить прилагаемое письмо. По пріѣздѣ твоемъ сюда собранная сумма тебѣ будетъ передана мною. Пересылать ему деньги по почтѣ—затруднительно для него. Вѣрю, что твои финансы не разстроятся этою суммою; сверьхъ того — подъ твоимъ вѣдѣніемъ Коптора: ты можешь почерпнуть оттуда, — и такимъ образомъ все будетъ слажено къ обоюдному удовольствію.

Что тебѣ сказать новаго?—Жемчужниковы, вѣроятно, сообщили тебѣ всѣ интересныя новости изъ Петербурга до послѣдней почты. Эта послѣдняя остановилась на самомъ интересномъ мѣстѣ: Андрей Васильевичъ [2]) былъ у Елены Павловны [3]), имѣлъ съ нею долгую бесѣду и потомъ получилъ приглашеніе въ слѣдующую Пятницу, т. е. на шестой недѣли, на малое собраніе, en petit comité, гдѣ кромѣ Императора и еще двухъ лицъ не будетъ никого. Если это не мистификація, то безъ сомнѣнія Андрей Васильевичъ, какъ членъ меньшинства, будетъ достой-

---

[1]) Вѣроятно, братъ Хрущова, отставной кирасирскій ротмистръ.

[2]) Князь А. В. Оболенский (род. 4-го февраля 1825, ум. 11-го декабря 1875), воспитанник Училища Правоведения, бывший с 1853 г.—и. д. Товарища Председателя Калужской Палаты Гражданского Суда, с 1855 - Директором Калужского Губернского Комитета о тюрьмах, с 1856 г. — и. д. Калужского Губернского Прокурора; с 1-го марта 1858 г.—Председатель Калужской Палаты Гражданского Суда и Член от Правительства Калужского Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян — до 1-го ноября 1863 г., когда был назначен Председателем Гродненской Казенной Палаты. Он вошел в Калужский Комитет по улучшению быта помещичьих крестьян, как Калужский помещик, и, с декабристом И. И. Свистуновым, петрашевцем Н. С. Кашкиным, А. А. Муромцевым и А. П. Племянниковым, составил «левую» Комитета, его либеральное меньшинство. Эти 5 членов, не согласившись впоследствии с проектами, выработанными большинством Комитета, представили ему свой особый проект («В. А. Арцимович»; С.-Пб. 1904, стр. 206, в статье А. А. Корнилова).

[3]) Т. е. великой княгини Елены Павловны, принимавшей, как известно, неофициальное, но действенное участие в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости и бывшей в оживленных сношениях со всеми деятелями этой реформы.

нымъ его представителемъ. Посмотримъ слѣдствія и сдѣлаемъ тогда заключенія. Далѣе, изъ Твери [1]) получилъ извѣстіе объ отправленіи Уньковскаго [2]) въ Вятку; въ бумагѣ сказано: за личное участіе и допущеніе Дворянства къ составленію опредѣленія, противнаго Высочайшей воли, законно объявленной. Его отправили при двухъ жандармахъ и не позволили взять съ собою камердинера, который поѣхалъ въ-слѣдъ за нимъ, въ отдѣльномъ экипажѣ. Все это ты знаешь, и я напрасно тебѣ это передаю. Грустный фактъ... Дай Богъ, чтобы онъ не повторился. Болѣе объ немъ сказать нечего.

Новаго у насъ нѣтъ ничего. Отъ твоего Папаши не получалъ ни строки: что съ ними и гдѣ они,—не знаю. Не сомнѣваюсь, что Юлинька съ Мамашей [3]) въ Петербургѣ, но тамъ-ли Папаша,—не знаю. Шестакова [4]) пишетъ, что два раза ихъ видѣла. Вотъ все, что до насъ дошло. Дополни извѣстіе и скажи, какъ проводятъ они время.

Намъ обѣщаютъ на праздникахъ Театръ и Литературныя чтенія въ пользу бѣдныхъ; въ чтеніяхъ будутъ участниками Жемчужниковы [5]), вѣроятно—Подчаскій [6]), если онъ еще будетъ здѣсь, остальныхъ не знаю. Если вамъ будетъ возможно,—пріѣзжайте:

---

[1]) Т. е., от Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, с которым Е. П. Оболенский был в деятельной переписке; 43 письма его к Муравьеву-Апостолу, за 1858 — 1865 гг. напечатаны в книге М. М. Зензинова: „Декабристы. Материалы для характеристики, М. 1907, стр. 58 — 117.

[2]) Алексей Михайлович Унковский род. 1828, ум. 1893), присяжный поверенный, член Тверского Губернского Комитета об улучшении быта помещичьих крестьян; он был во главе либерального большинства тверского Комитета. Подробности его высылки см. в книге Г. А. Джаншиева: «А. М. Унковский и освобождение крестьян» (1894).

[3]) Ю. С. и Е. П. Кашкины.

[4]) Надежда Алексеевна Шестакова, рожд. Михайловская, племянница Е. П. Оболенского (см. выше).

[5]) Из братьев Жемчужниковых Алексей Михайлович (ум. 25-го марта 1908) — известный поэт и Почетный Академик, а Владимир Михайлович — тоже поэт, с гр. А. К. Толстым—авторы «Козьмы Пруткова».

[6]) Лев Николаевич Подчаский (род. 1834), числившийся 3-м переводчиком в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел; он был внуком графа Л. К. Разумовского, имевшего от П. М. Соболевской воспитанников Подчаских и, таким образом, приходился родственником Жемчужниковым.

вѣроятно, рѣки васъ пропустятъ благополучно. Затѣмъ крѣпко васъ обниму за себя и всю семью. Въ Свѣтлый Праздникъ вспомните насъ, а мы васъ не забудемъ.

Твой другъ и дядя Е. Оболенской.

Марта 30-го
860-го года.

Муромцевъ [1]) здѣсь,—пріѣхалъ съ больной женой и кажется ждетъ ее разрѣшенія. Племянникова [3]) нѣтъ.

6.

Н. С. КАШКИНУ.

Апрѣля 9-го 860 года. [Калуга].

Спасибо, и многократное спасибо, другъ Николай, за исполненіе порученія и за передачу Семену Васильевичу [3]) нашего приношенія. Письмо его къ намъ удостовѣряетъ, во-первыхъ, о своевременности присылки помощи, во-вторыхъ — объ удовольствіи получить ее чрезъ тебя, а не чрезъ Почту. Слѣдовательно, всѣ остались довольны, а въ этомъ главное дѣло.

Начну съ того, что дѣлается въ глубокой дали отъ насъ. Мнѣ сообщаетъ изъ Иркутска моя пріятельница, чрезъ которую я сообщалъ извѣстія о тебѣ, что на бѣднаго Петрашевскаго [4])

---

[1]) Аркадий Алексеевич Муромцов, член (от Медынского уезда) Калужского Губернского Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, оставивший краткия воспоминания о В. А. Арцимовиче и эпохе освобождения крестьян в Калужской губернии (см. книгу «В. А. Арцимович», С.-Пб. 1904, стр. 608—613). В Комитете он примыкал, с Свистуновым, Кашкиным и Племянниковым, к либеральному меньшинству.

[2]) Аркадий Петрович Племянников, член от Лихвинского уезда в Калужском Губернском Комитете по улучшению быта помещичьих крестьян, член либерального меньшинства Комитета.

[3]) Хрущову; см. в предыдущем письме.

[4]) Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, по делу которого в 1849 г. пострадал и Н. С. Кашкин (см. в Предисловии); подробности всего этого эпизода в жизни Петрашевского, случившагося вследствие дуэли 16-го апреля 1859 г. между членом Совета Главного Управления Восточной Сибири Федором Андреевичем Беклемишевым и чиновником особых

вновь воздвиглось гоненіе. Во-перьвыхъ, его продержали въ Полиціи, въ секретной, нѣсколько времени, а потомъ отправили въ дальнюю ссылку, но куда — неизвѣстно. Львова [1]) выгнали изъ службы. Спешневъ [2]), какъ ты уже знаешь, проѣхалъ съ Муравьевым въ Петербургъ, но въ качествѣ-ли Спутника, или Арестанта, — неизвѣстно; по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ смыслѣ понимаютъ его отъѣздъ моя корреспондентка и, вѣроятно, другіе. Всѣ эти крутыя мѣры вызваны, какъ слѣдствіе дуэли Беклемишева, но какъ эта последняя мнѣ совершенно неизвѣстна, то я и остаюсь во мракѣ относительно причинъ, которые могли вызвать такого рода вопіющее самоуправство.

О Петербургскихъ дѣлахъ извѣстія, сообщаемыя Андреемъ Васильевичемъ [3]), такъ коротки и такъ неудовлетворительны, что невозможно понять, въ чемъ было дѣло. Я уже сообщалъ тебѣ о приглашеніи А[ндрея] В[асильевича] на вечеръ къ Еленѣ Павловнѣ. Тутъ былъ Императоръ, который долго бесѣдовалъ съ Депутатомъ меньшинства, доволенъ былъ изложеннымъ имъ мнѣніемъ и велѣлъ изложить на бумагѣ. Письмо оканчивается сообщеніемъ, что трудъ начатъ, записка составляется, тщательно обдуманная, и будетъ представлена. Но въ чемъ была бесѣда, о чемъ была рѣчь, какого рода было мнѣніе, — все это осталось тайной. Однимъ словомъ, А[ндрей Вас[ильевичь] обошелся съ нами, какъ человѣкъ, который предлагаетъ голодному прекрасное блюдо и, не давши вкусить, беретъ назадъ свой даръ. — Онъ обѣщаетъ возвратиться въ половинѣ нынѣшняго мѣсяца; вѣроятно, это желаніе не будетъ исполнено «по многимъ независящимъ отъ Редакціи причинамъ», и потому ожидать его можно, но не увѣренно.

поручений при Генерал-Губернаторе Восточной Сибири графе Николае Николаевиче Муравьеве-Амурском — Михаилом Сергеевичем Неклюдовым, — дуэли, на которой Неклюдов был убит, см. в статье В. И. Семевского: «М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири» — «Голос Минувшаго» 1915 г., № 3, стр. 31 — 39.

[1]) Федор Николаевич Львов, петрашевец, сосланный в Сибирь с Петрашевским и замешанный в дело о дуэли Беклемишева; см. в той-же статье В. И. Семевского.

[2]) О Николае Александровиче Спешневе и его портрет см. в книге В. Лейкиной: Петрашевцы, М. 1924.

[3]) Княземъ Оболенским; см. выше.

Говорятъ о новыхъ полномочіяхъ Губернаторамъ, при введеніи новаго Положенія, о разширеніи власти Исправниковъ, однимъ словомъ, говорятъ, что мы будемъ находиться въ осадномъ положеніи. Далѣе есть слухъ, по которому большинство Депутатовъ, собранныхъ въ Петербургѣ въ нынѣшній періодъ, представило энергической Адресъ Государю съ объясненіями на щетъ дѣйствій и административныхъ властей при выборахъ Депутатовъ въ Комитеты Губернскіе, при занятіяхъ Комитетовъ и, наконецъ, протестъ противъ Редакціонныхъ Коммисій и жалобу на то, что Коммисіи въ своихъ заключеніяхъ не только не стремятся къ слитію интересовъ Дворянства съ интересами Крестьянъ, но, напротивъ, стремятся къ ихъ разъединенію и къ утвержденію враждебныхъ между ими отношеній. Наконецъ (это сообщается по секрету, и прошу тебя также хранить въ тайнѣ), просятъ собрать новыхъ депутатовъ, по два отъ каждой Губерніи, избранныхъ уполномоченными отъ уѣздовъ — для составленія въ Петербургѣ Совѣщательной Палаты; въ гласныхъ засѣданіяхъ ее проектъ новаго Положенія долженъ быть обсужденъ и принятъ по зрѣломъ обсужденіи и свободномъ разсмотрѣніи какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и во всѣхъ подробностяхъ.

Вотъ все, что слышалъ и что передаю тебѣ. Хотя всему вѣрить нельзя, но часть должна быть справедлива, и потому, вѣроятно, соображенія Депутатовъ болѣе или менѣе будутъ имѣть вліяніе на Членовъ Комитета Главнаго. Послушаемъ Андрея Васильевича, когда онъ пріѣдетъ, и тогда взвѣсимъ цѣнность и возраженій, и мыслей, выраженныхъ въ Адресѣ, если онъ дѣйствительно былъ поданъ.

Въ твоемъ письмѣ не нашелъ ни слова о Петербургскихъ временныхъ обитателяхъ. Твой Папаша молчитъ, какъ рыба, а между тѣмъ есть о чемъ поговорить.

Похристосуемся съ тобою и съ Сергѣемъ, обнимемъ другъ друга и сотворимъ молитву другъ за друга. Вообрази себѣ, что 7-го Апрѣля вечеромъ пріѣзжаетъ къ намъ Марья Васильевна [1]) и говоритъ весьма опредѣлительно, что поутру былъ у нихъ съ

---

[1]) Девица Толстая, дочь бывшего Перемышльского Уездного Предводителя дворянства полковника Василия Алексеевича Толстого, женатого на графине Марии Степановне Толстой-же (род. 1792, ум. 1874); она жила и умерла в Калуге.

визитомъ Сергѣй Сергѣевичъ Кашкинъ, но что она не могла его принять, потому что въ туалетѣ была неисправность, а Маменька ее была нездорова. Мы спорили, что этого не можетъ быть; она, напротивъ, говоритъ, что сама читала фамилію Кашкина, записанную лакѣемъ со словъ посѣтителя. Спросили у служителя Николая, — и онъ подтвердилъ слова барышни. Кто-же онъ, разрѣшите! [1])

Вашъ общій другъ

Е. Оболенской.

7.

Н. С. и С. С. КАШКИНЫМЪ.

16-го апрѣля 1860 г. [Калуга].

Спѣшу сказать Тебѣ или, лучше, сказать вамъ, мои добрые отшельники Селенія Прысковъ, нѣсколько словъ передъ отходомъ почты по вашему тракту. Сегодня Суббота — вчера былъ у насъ обычный Пятничный раутъ, на который стеклось народу видимо-невидимо. Всѣ комнаты были полны гостей, дамы въ нарядахъ блистали изяществомъ и красотой, — однимъ словомъ, все было въ праздничномъ видѣ.

Во-перьвыхъ, скажу тебѣ, другъ Николай, что плаваніе между Калугой и Малоярославцемъ хорошо и не представляетъ большихъ препятствій, но по ту сторону Малоярославца, на седьмой верстѣ, рѣчка Протва зашалила, разлилась и сорвала мостъ на шоссе, такъ что переправа была затруднена. Не знаю, какъ это дѣло уладили, но почта въ Середу опоздала нѣсколькими часами, — слѣдовательно, сообщеніе возобновлено, но какимъ образомъ: перевозомъ-ли, или объѣздомъ, — не знаю.

Теперь обращаюсь къ Сергею. Тайну его появленія инкогнито въ Г. Калугѣ разгадали весьма просто: какой-то Рязанской Кашкинъ, по рекомендаціи Гр. Толстаго, явился къ Марьѣ Степановнѣ [2]) и не былъ принятъ, по причинамъ, уже вамъ извѣст-

---

[1]) См. в следующем письме.

[2]) Толстой, рожд. графинѣ Толстой (см. выше, стр. 258).

нымъ. Никто не могъ себѣ представить, чтобы фамилія Кашкина могла принадлежать кому-либо другому, кромѣ нынѣшнихъ представителей этой доблестной фамиліи. Итакъ, не признаютъ въ домѣ Толстой никакого Кашкина, кромѣ любезнѣйшаго Сергея Сергѣевича, — вотъ почему его имя осталось тамъ въ силѣ и значеніи и произвело недоумѣніе.

Новаго, мои друзья, не могу вамъ сообщить ничего. Средовая почта не принесла ни писемъ, ни извѣстій. Изъ Твери Мат[вѣй] Ив[ановичъ] [1] пишетъ довольно загадочно, что прошелъ слухъ о его намѣреніи перебраться на житье къ намъ въ Калугу и нѣкто его доброжелатель [2] пришелъ къ нему и просилъ его отложить это намѣреніе, для своей собственной пользы. Это странно, а разгадать эту странность не умѣю. М[атвѣй] Ив[ановичъ] если говорилъ о томъ, что не худо бы перебраться въ Калугу, то эту мысль онъ получилъ отъ меня и Петра Николаевича [3]. Мы оба приглашали его къ намъ, но онъ находилъ многія препятствія и не соглашался. Его семейство готово было бы жить между нами, но у него свои фантазіи. Современемъ это можетъ уладиться, — и я не теряю надежды видѣть его между нами.

Вотъ все, что достойно вниманія вашего: остальное вы прочтете въ газетахъ и журналахъ. Вся семья васъ дружески и предружески привѣтствуетъ.

Вашъ другъ и дядя
Е. Оболенской.

Апрѣля 16-го
860-го года.

8.

Н. С. КАШКИНУ.

Апрѣля 23-го 860 [Калуга].

Сей часъ отъ обѣдни, другъ Николай, — сегодня твой праздникъ Св. Вел. Георгія: это твой патронъ, — крестъ его на

[1]) Декабрист Муравьев-Апостол. Его письма к Е. П. Оболенскому в печати не появлялись.

[2]) Вероятно, жандармскій офицеръ.

[3]) Декабриста Свистунова.

твоей груди [1]) свидѣтельствуетъ о томъ, что духъ, коимъ онъ былъ оживленъ, подобнымъ образомъ оживлялъ и оживляетъ тебя и нынѣ. Такъ, друзья мои, должно всѣмъ намъ ратоборствовать за Церковь Христову, ратовать за истину и быть всегдашними ее воинами, одѣтыми въ брони правды. Побѣда будетъ за нами, хотя костьми лягутъ многіе изъ насъ...

Письмо твое и Некрологъ моего милаго Ростовцева [2]) получилъ благодарю. Я слышалъ о брошюркѣ, которую прислалъ Аннѣ Михайловнѣ [3]) Вик[торъ] Ант[оновичъ] [4]), но самъ еще не читалъ; теперь прочту и вѣрю, что найду въ ней нѣчто сочувствующее къ покойнику. Немногие отдаютъ ему капельную долю справедливости. Странно, почему всѣ такъ вооружены противъ него. Но это явленіе не новое. Тайны его — въ нашемъ сердцѣ, которое далеко не такъ вѣрно бьется при гласѣ Истины и правды, какъ бы оно билось, если бы было въ нормальномъ состояніи [5]).

Теперь отвѣчу тебѣ на вопросы. Андрей Васильевичь [6]) не опредѣляетъ времени своего возвращенія: Гр. Панинъ [7]) не отпускаетъ и нашелъ въ немъ сотрудника незамѣнимаго. Мих. Ник. Жемчужниковъ [8]) пишетъ, что Гр. Панинъ представилъ Государю Записку о дѣйствіяхъ и направленіи Редакціонной Коммисіи, въ которой порицаетъ и то, и другое. Содержаніе Записки и слѣдствіе,

---

[1]) Солдатским Георгиевским крестом Н. С. Кашкин был награжден в феврале 1851 г. за участие в делах против горцев во время экспедиции под начальством генерала Евдокимова.

[2]) Я. И. Ростовцев скончался 6-го февраля 1860 г. Здесь имеется в виду брошюра Ф. Еленева: «Некрологъ. Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ и его дѣятельность въ крестьянскомъ вопросѣ», С-Пб. 1860, 8, 24 стр.

[3]) Арцимович, рожд. мчужникова.

[4]) Калужскій Губернатор В. А. Арцимович.

[5]) Здесь Оболенскій намекает на известную роль Ростовцева в деле 14-го декабря. См. в статье о Ростовцеве и Оболенском в «Русской Старине» 1889 г., № 9, стр. 617—639, а также любопытное письмо Ростовцева к сыну своему Николаю от 17-го января 1859 г. по поводу назначения Председателем редакционных Коммисий — в «Невском Альманахе. Выпуск второй. Из прошлого», Пгр. 1917, стр. 202—203.

[6]) Князь Оболенский.

[7]) Граф Виктор Никитич Панин, Министр Юстиции; он по смерти Я. И. Ростовцева был назначен Председателем редакционных Коммисий.

[8]) Тесть В. А. Арцимовича, сенатор с 30-го декабря 1840 г., ум. 3-го сентября 1865 г.

которое она имѣетъ или будетъ имѣть, остается неизвѣстнымъ. Вик[торъ] Ант[оновичъ] [1]), котораго ожидаютъ къ 4-му мая, объяснитъ все и откроетъ всѣ тайны. Вотъ все, что у насъ новаго.

Муромцевъ [2]) здѣсь съ больной женой, живетъ у самаго Каменнаго моста. По ходу болѣзни онъ ожидаетъ преждевременныхъ родовъ, и это его очень безпокоитъ. Жемчужниковы въ концѣ мая ѣдутъ въ Тульскую Губ. къ Дим. Алек. Дьякову [3]), оттуда, въ іюлѣ, въ отцовское имѣніе Орл[овской] Губ., а потомъ уже въ Москву. Нынѣшняя имянинница, Княгиня Алекс[андра] Алекс[ѣевна] ѣдетъ 26-го въ Москву, для свиданія съ мужемъ.

Нашъ путешествующій Гавріилъ [4]) въ половинѣ мая собирается въ Варшаву и Царство Польское, чтобы сблизиться съ однимъ изъ Славянскихъ племенъ. Не знаю, какъ онъ уладитъ свое путешествіе съ жандармскимъ надзоромъ. Впрочемъ, онъ — вольный казакъ и можетъ путешествовать, куда ему угодно. Наша судьба — другая, но я на нее не жалуюсь: мнѣ хорошо въ Калугѣ, а далѣе мои мысли не переходятъ. Смыслъ предостереженія, сдѣланнаго Апостолу, я не принимаю въ дурномъ расположеніи къ Калугѣ; впрочемъ, это можетъ рѣшить одно личное свиданіе съ Тверитяниномъ [5]). Поживемъ — увидимъ. Затѣмъ, друзья, досвиданія! Ждемъ васъ съ любовью. Да хранитъ васъ Господь, а Вел. Георгій да одушевляетъ васъ всегда своимъ духомъ.

Вашъ другъ и дядя
Е. Оболенской.

[1]) Арцимович.

[2]) См. выше.

[3]) Брат упоминаемой двумя строками ниже княгини А. А. Оболенской, рожд. Дьяковой, жены князя Андрея Васильевича Оболенскаго, неоднократно упоминавшегося выше.

[4]) Декабрист Г. С. Батеньков, который собирался тогда ехать гостить к своему бывшему сослуживцу, в то время сенатору Варшавского Сената В. В. Погодину, из имения коего, Дзенки, он писал уже 1-го июля 1860 г. См. «Русские Пропилеи» М. О. Гершензона, т. II, М. 1916, стр. 101 — 105. Пять писем Батенькова к Е. П. Оболенскому (1848—1857 гг.) напечатаны в «Русск. Стар.» 1901 г., № 10, стр. 101 — 108, а письмо к П. С. Кашкину из Калуги, от апреля 1858 г., издано нами в «Голосе Минувшего» 1914 г., № 1, стр. 280 — 282.

[5]) Т.-е., тем-же М. П. Муравьевым-Апостолом: все это писано так нарочито туманно, конечно, из опасения перлюстрации на почте.

Всѣ твои пріятели: Жемчужниковы, Муромцевъ [1]), Петръ Никол. [2]), муж[ского] и женскаго пола, Кн. Обол[енскій] [3]) съ потомствомъ, нашъ весь домъ отъ верьхняго этажа до нижняго напоминаютъ тебѣ, что они желаютъ скорѣе насладиться вашимъ лицезрѣніемъ.

Прилагаю 20 р. сер. Хрущевскихъ [4]); изъ нихъ отдано твоему посланному 6 р. на Икону. Мы съ тобою въ ращетѣ.

Приписка Гавріила Степановича Батенькова:

Челобитье вамъ отъ меня и больше ничего. Прощайте, ѣду въ Польшу. А вы что засѣли?

Батеньковъ.

9.

Н. С. КАШКИНУ.

5-го іюня 1860 г. [Калуга].

Ура! мой милый другъ Николай Сергѣевичъ, — ты женишься, и я спѣшу тебя обнять и поздравить отъ души съ благороднымъ твоимъ рѣшеніемъ соединить свою будущность съ судьбою Елизаветы Алексѣевны, которая не только составитъ самую свѣтлую ее сторону, но будетъ для тебя тѣмъ жизненнымъ началомъ дѣятельности полезной, честной, гуманной, которая выдвинетъ тебя изъ числа блуждающихъ, безцѣльныхъ личностей — къ личности полной, зрѣлой, отъ которой можно ожидать плодовъ, соотвѣтственныхъ доброму началу [5]). Радуюсь твоему выбору — по общему отзыву всѣхъ, знакомыхъ съ прекрасною личностію Елизаветы Алексѣевны, и предвижу для самого себя большее

---

[1]) См. выше.

[2]) Декабрист Свистунов.

[3]) Князь Андрей Васильевич; см. выше, стр. 254.

[4]) См. выше, стр. 253 и 254.

[5]) Свадьба Николая Сергеевича Кашкина с Елизаветою Алексеевною, рожд. Нарышкиною (род. 21-го ноября 1837, ум. в Калуге 23-го декабря 1869) состоялась 6-го іюля 1860 г. Свадьба Кашкиных описана в Записках графа М. Д. Бутурлина в «Русск. Арх», 1897 г., кн. III, стр. 248 и 1898 г., кн. III, стр. 207 и 211.

удовольствіе въ близкомъ знакомствѣ и родствѣ съ нею. Однимъ словомъ, — дай на радости себя обнять и пріѣзжай скорѣе, но — уже съ молодой супругой, и тогда мы порадуемся вполнѣ тому, что теперь представляется еще въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Въ Пятницу, т.-е., 3-го іюня, былъ прощальный обѣдъ въ домѣ Прянишникова, у соединенной семьи Оболенско-Жемчужниковой. За обѣдомъ были слѣдующія лица: Викторъ Антоновичь [1]), Гаврила Степановичь [2]), Левъ Николаевичь [3]), Цуриковъ А. Ник. [4]), Николай Петровичь Трузсонъ [5]), Ал. Мих. Жемчужниковъ [6]), Анд. Вас. Оболенской [7]), Е. П. Обол[енской] [8]), Сергѣй Мих. Сухотинъ [9]), Петръ Николаевичь Свистуновъ [10]), студентъ — компаньонъ Сухотина и, наконецъ, двѣ хозяйки дома. Всѣ единодушно предложили тостъ за твое будущее щастіе и за Елизавету Алексѣевну; громкое ура потрясло всѣ окны извѣстной тебѣ залы, музыка отвѣтила, а музыканты грянули вторичное ура, и ты провозглашенъ честнымъ и благороднымъ Русскимъ Рыцаремъ, обладающимъ таинственнымъ даромъ открывать прекрасную личность и быть героемъ не романа, но жизни дѣйствительной.

Но довольно съ тебя, другъ Николай, ты вѣрно подумаешь, когда прочтешь все, мною написанное, что я перешелъ въ область романтическую и идеализирую весьма обыкновенное прозаическое событіе. Другъ мой! Въ одной прозѣ нѣтъ жизни, а есть прозябаніе. Поэзія даетъ прозаическому событію ту жизнь, которая составляетъ ее достоинство и налагаетъ на нее печать

[1]) Арцимовичь, Калужскій губернатор.
[2]) Батеньковъ, декабрист.
[3]) Подчаскій; см. выше.
[4]) Товарищ Председателя Палаты Гражданского Суда; см. выше.
[5]) Тогдашній Калужскяй Губернскій Прокурор.
[6]) Александр или его братъ Алексей, поэт.
[7]) См. выше.
[8]) Декабрист, сам автор письма.
[9]) Род. 1818, ум. 1886; выдержки из его любопытных дневников, начиная с 12-го марта до 22-го апреля, 1860 г., напечатаны в «Русск. Арх.» 1894 г., кн. I, стр. 225 и след. Он служил в Московской Дворцовой Конторе.
[10]) Декабрист.

Истины. Когда въ прозаической сторонѣ жизни мы находимъ отраженіе той Истины, которая лежитъ въ основѣ нашего духа, — тогда и эта сторона становится на ту степень благороднаго и изящнаго, которая ее украшаетъ и животворитъ. Такъ какъ мнѣ было поручено всѣмъ обществомъ передать тебѣ общее всѣхъ чувство и сочувствіе къ твоей будущности, то я и передалъ тебѣ имена всѣхъ тѣхъ, которые были на обѣдѣ.

При личномъ свиданіи ты намъ откроешь всѣ таинственные пути, чрезъ которые совершилось твое рѣшеніе и опредѣлилась твоя будущность.

Мы напрасно ждемъ твоего Папаши — онъ не ѣдетъ и вѣроятно отложилъ свою поѣздку до твоей сватьбы, которая не должна замедлиться.

Новостей у насъ нѣтъ. Княгиня Александра Алек[сѣевна] [1]) выѣзжаетъ во вторникъ 7-го іюня въ Ольхи [2]). Жемчужниковы намѣрены выѣхать въ концѣ недѣли въ Тульскую Губернію къ Дьяковымъ, а оттуда въ Орл. Губернію — въ имѣніе Жемчужникова. Нашъ городъ пустѣетъ, и мы одни остаемся постоянными обитателями прекрасныхъ мѣстностей, окружающихъ Калугу. — Жена [3]) сердечно тебя привѣтствуетъ и радуется твоей будущности.

Крѣпко тебя обнимаетъ твой другъ и дядя

Е. Оболенской.

Іюня 5-го
860-го года.

На оборотѣ: Его Благородію Николаю Сергѣевичу Кашкину.

---

[1]) Оболенская, рожд. Дьякова.

[2]) Имение князя Андрея Васильевича Оболенского в Юхновском уезде, где он и погребен в декабре 1875 г.

[3]) Е. П. Оболенский был женат, с 1846 г., на вольноотпущенной крепостной девушке Варваре Самсоновне Барановой, жившей в няньях у декабриста П. И. Пущина; см. в книге М. М. Зензинова: Декабристы. Материалы для характеристики, М. 1907, стр. 164 — 171 и 175, а также «Ист. Вѣсти.» 1888 г., № 12, стр. 755 и Г. А. Власьев, Потомство Рюрика, т. I, ч. 2, стр. 329.

10.

С. Н. КАШКИНУ.

23-го іюля 1860 г. [Калуга].

Твое порученіе будетъ исполнено, другъ Сергей Николаевичь, и деревцо передано Г-жѣ Бутурлиной. Благодарю за участіе въ радости о рожденіи дочери Ольги. Слава Богу, все обстоитъ благополучно, хотя дочка и порядочно покрикиваетъ и не можетъ еще притти въ нормальное состояніе [1]).

Новое у насъ следующее: вчера пріѣхали къ намъ Нарышкинъ, Пушкинъ и вслѣдъ за ними Наталья Дмитріевна Пущина [2]). Нарышкинъ живетъ у насъ, Пущина и Пушкинъ — у Петра Николаевича [3]). Если хочешь видѣться съ нашими гостями, — пріѣзжай, всѣ будутъ тебѣ рады, въ особенности твой старый знакомый Нарышкинъ.

Андрей Васильевичь [4]) пріѣзжалъ съ женой на два дня и уѣхалъ. Онъ былъ пораженъ красотой твоей невѣстки Елизаветы [5]) и въ восторгѣ отъ гармоническаго настроенія молодыхъ супруговъ, которые, сидя на балконѣ и любуясь другъ другомъ, забываютъ весь міръ. Онъ не могъ дать вѣрныхъ свѣденій, сколько часовъ посвящаетъ юная чета благотворному сну, но засталъ ихъ въ бдящемъ состояніи.

День Юліи [6]) премилой и прекрасной прошелъ, а я даже не зналъ, что есть дорогая имянинница, которой бы слѣдовало сдѣлать хотя письменное привѣтствіе, если не возможно лично поцаловать дорогую имяниницу. И такъ, пусть твой дорогой

---

[1]) Она родилась 4-го іюля 1860 г. и впоследствии была помещицей дер. Савватеевки (Тульской губ.), завещанной ей теткой, княгиней Н. П. Оболенской, сестрой декабриста.

[2]) Т.-е. декабрист Михаил Михайлович Нарышкин (ум. в Москве 2-го января 1863), декабрист же Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин (ум. 13-го февраля 1865) и вдова декабриста Ивана Ивановича Пущина, рожд. Анухтина, бывшая в 1-м браке за декабристом Михаилом Александровичем Фонвизиным.

[3]) Декабриста Свистунова.

[4]) Князь Оболенский.

[5]) Жены Н. С. Кашкина.

[6]) Ю. С. Кашкиной, въ 1863 г. вышедшей замуж за К. Н. Боборыкина.

цвѣтокъ извинитъ насъ, озабоченныхъ Ольгой прекрасной и съ утра и до поздняго вечера ищущихъ способа ее утѣшить и успокоить.

Окончу мое посланіе сердечнымъ привѣтомъ Катеринѣ Ивановнѣ [1]) и всему славному твоему потомству, которому вмѣстѣ съ тобою многая лѣта желаетъ здравствовать и благоденствовать

Твой Е. Оболенской.

Іюля 23-го
860.

На оборотѣ: Сергею Николаевичу Кашкину.

11.

С. Н. КАШКИНУ

3-го сентября 1863 г. [Калуга].

Читай, другъ Сергей Николаевичь, двѣ граматки: одну отъ больного, а другую — отъ сердечно боляшаго. Такъ, друзья мои! Сердечно болитъ сердце объ утратѣ милаго Мишиньки [2]). Вѣрю въ общее сочувствіе ваше, всѣхъ до единаго Прысковскихъ жителей. Что свыше было опредѣлено, исполнилось... Но какъ грустно было разставаться и отдавать послѣдній долгъ этому Ангельскому существу, которое собою оживляло и освещало нашу домашнюю жизнь. Но прошедшаго блага не воротить намъ. Покоримся волѣ Божіей, — вотъ все, что можно еще сказать.

Мнѣ говорили, что въ газетѣ «Голосъ» есть извѣстіе о подвигѣ Преображенцевъ, которые разбили совершенно 3.000 повстанцевъ и показали себя молодцами во всѣхъ отношеніяхъ. Если это справедливо, то можетъ быть и Александръ [3]) отличился

---

[1]) Кашкиной, женѣ адресата.

[2]) Младшій сын князя Е. П. Оболенского, родившійся уже в Калуге в середине 1858 г. (см. «Русск. Стар.» 1892, іюль, стр. 175).

[3]) А. С. Кашкин, третій сын Н. С. Кашкина, тогда прапорщик Преображенского полка, участник Польской кампании 1863 г., впослѣдствии генерал-маіор военно-судебного ведомства; ум. 5-го декабря 1883 г. въ Мюнхене.

на этомъ поприщѣ и первую свою кампанію началъ удачнымъ пораженіемъ исконныхъ нашихъ враговъ.

У насъ въ городѣ все тихо и смирно. Мы ждали къ 26-му манифеста съ Конституціей, но не нашли. Говорятъ, что Указъ о земскомъ учрежденіи отложенъ до октября, а Судебная реформа отложена на цѣлый годъ, — вотъ все, что извѣстно намъ о внутреннихъ нашихъ делахъ. — Намѣстникъ [1]) возвратился в Варшаву, — слѣд., нѣтъ надежды на энергическія дѣйствія. Вотъ все, что тебѣ скажу: не болтается отъ сердечной грустной думы. Всѣмъ вамъ мой сердечный приветъ, Юліѣ [2]) — обычное желаніе исполнить, накопецъ, то, что составляетъ думу ее и твоего стараго друга

Е. Оболенскаго.

Сентября 3-го
1863-го года.

С. Н. КАШКИНУ.

14-го декабря 1863 г. [Калуга].

Спасибо тебѣ, другъ Сергей Николаевичь, за твою граматку и за твой вопль землевладѣльческой. Чувствую и постигаю, что тебѣ нуженъ отдыхъ послѣ многолѣтнихъ трудовъ. Что же дѣлается съ твоимъ Николаемъ, — почему онъ не беретъ на себя этого бремени? Въ добромъ его желаніи я увѣренъ, вѣроятно что-нибудь препятствуетъ исполненію. Но ты имѣешь утѣшеніе, другъ Сергей Николаевичь, что ты, управляя, устраиваешь всю будущность цѣлой семьи, которая въ свое время будетъ умѣть оцѣнить твои заботы. Мнѣ же, другъ, приходится изъ пустаго въ порожнее переливать: въ наличности — ничего, въ будущемъ — ничего, слѣдовательно, вездѣ просторъ, гуляй на свободѣ. Если мысль остановится на Сороченкѣ и на устройствѣ этого единственнаго землевладѣльческаго гнѣзда, то видишь

---

[1]) Великий князь Константин Николаевич.
[2]) Кашкиной.

надъ собою Око контролирующее, которое невольно выговариваетъ свое право на полное завѣдываніе всѣмъ достояніемъ, — и вновь останешься въ пустомъ пространствѣ. Въ Сентябрѣ былъ в Тульской Губерніи и думалъ устроить выкупную операцію, но не успѣлъ въ благомъ намѣреніи: крестьяне не рѣшились платить пятую часть, хотя съ разсрочкой на семь лѣтъ. Я простился съ ними и доволенъ былъ, что не удалось это дѣло, которое лишало насъ 200 р. сер. ежегоднаго дохода при всѣхъ возможныхъ натяжкахъ въ уплатѣ. Теперь вновь пришла отъ нихъ бумага, по которой они хотятъ выкупить одну усадебную осѣдлость. Но въ этомъ надобно имъ отказать. Видно, что они помышляютъ о выкупѣ и наконецъ рѣшатъ это дѣло. Если можно ожидать увеличенія дохода, то это возможно будетъ при хорошей обработкѣ оставшейся за нами земли. Не приходится мнѣ этимъ заняться и начать трудъ въ 67-мь лѣтъ, который былъ бы по силамъ 30-ти лѣтнему. Вотъ вся будущность — она не весела. Дѣтки, когда подрастутъ, не вспомнятъ моихъ трудовъ и не скажутъ спасибо за вещественное улучшеніе ихъ состоянія; о тебѣ же вспомянутъ, какъ о добромъ труженикѣ, который обезпечилъ ихъ благосостояніе. И такъ, другъ, утѣшься въ безвыходномъ своемъ положеніи: оно откликнется въ будущемъ.

Ждемъ къ концу будущей недѣли щастливаго жениха щастливой Юлиньки [1]) и спутника его — Сережу [2]). Въ женихѣ я нашелъ то, что желалъ найти: и теплоту сердечную, и умственное развитіе, и нравственный капиталъ. Выборъ Юлиньки хорошъ. Вѣрю, что союзъ ее доставитъ ей ту жизненную опору, тотъ основной камень, на которомъ твердо будетъ стоять ее жизненное зданіе. Не знаю, удастся-ли мнѣ быть у васъ на сватьбѣ: это будетъ зависѣть и отъ моего здоровья, и отъ другихъ побочныхъ причинъ. Не скажу, чтобы я находился въ болѣзненномъ состояніи, но старость сильно сказывается: кашель и кашель. Сверьхъ того, вотъ уже болѣе недѣли, какъ чувствуется непормальное состояніе желудка. Принимаю померанцовыя капли, но — не помогаютъ. И такъ, если не буду на свадебномъ тор-

---

[1]) Юлія Сергеевна Кашкина была тогда невестою Константина Николаевича Боборыкина, за котораго вскоре и вышла замужъ; она умерла 9-го августа 1909 г. вдовою.

[2]) С. С. Кашкина.

жествѣ, то вѣрьте въ полное сочувствіе къ семейной радости. Надѣюсь, что молодые явятся въ Калугу и поживутъ съ нами: поближе сойдемся съ ними, и крѣпче будетъ нашъ союзъ. Къ этому времени явятся въ домъ Щучкина Николай и Лиза [1]). Пора и очень пора свить вновь имъ сдѣсь свое теплое гнѣздышко.

Ольриджа [2]) я не видалъ; говорятъ, что сдѣсь на сценѣ былъ не настоящій Ольриджъ, а его камердинеръ, который подражаетъ ему превосходно. Не слыхалъ ни отъ кого изъ бывшихъ на представленіяхъ никакого сужденія о его игрѣ, — слѣд., и сообщить ихъ не могу. Затѣмъ остается сказать вамъ всѣмъ, щастливымъ жителямъ Прысковъ, сердечный привѣтъ и сердечное желаніе видѣть тебя утѣшеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ и беззаботно наслаждающимся щастіемъ молодой четы и вспоминающимъ при этомъ событіи давно минувшее время, когда ты самъ готовился къ щастливой будущности съ той, которая ощастливила всю твою жизнь. Затѣмъ обнимаетъ тебя твой старый другъ

Е. Оболенской.

Декабря 14-го
1863-го года.

Когда буду у Лерхе [3]), намекну о Полицейскомъ управленіи Г. Козельска.

13.

Н. С. КАШКИНУ.

Калуга, Сент. 13-го 1864-го года.

Какъ я тобою доволенъ, мой милый другъ Николай Сергѣевичь, и съ какимъ наслажденіемъ бросился на твое письмо изъ Аркашона и спѣшилъ его распечатать и насладиться его содержаніемъ. Давно уже ожидалъ я вѣстей отъ васъ, мои милые

---

[1]) Н. С. и Е. А. Кашкины.

[2]) Знаменитый актер-негр, трагик, имевшій особенный успех в роли Отелло. Он гастролировал тогда по многим городам Россіи.

[3]) Эдуард Васильевич Лерхе, Калужский губернатор, после В. А. Арцимовича, — съ 14-го декабря 1862 до 13-го марта 1864.

друзья: такъ давно вы насъ оставили, и такъ давно думалось о томъ, что̀ съ вами дѣлается, какъ милая Лиза поправляется въ своемъ здоровьѣ. Всѣ эти вопросы оставались въ сердечной думѣ, а отвѣта не было... Маша Юркевичева [1]) исполнила свое обѣщаніе и два раза писала, а вы, друзья мои, оставались безгласными. Теперь все забыто, и я стократъ благодарю за добрыя вѣсти. Не совсѣмъ отрадно то, что железныя воды не принесли желаемой пользы, но будемъ молиться — и молиться съ вѣрою, — и Господь невидимо пошлетъ свою всесильную помощь и наша Лиза пріѣдетъ съ обновленными силами и съ лучшими надеждами на лучшую будущность. Да услышитъ Господь сердечную молитву, — и крѣпко, крѣпко обниму васъ. мои друзья, когда увижусь съ вами послѣ долгой разлуки. Но скорѣе, скорѣе, друзья мои, возвращайтесь въ родное гнѣздо. Хорошо побывать въ Европѣ и посмотрѣть на Европейской бытъ, но Европейцемъ сдѣлаться не хочу: мой родной край мнѣ милѣе всѣхъ возможныхъ Италій и Швейцарій, и я останусь Русскимъ по преимуществу.

Но что сказать вамъ о нашей милой Руси? Если смотрѣть на Русь съ Европейской точки зрѣнія, то многаго намъ недостаетъ. Но если смотрѣть на Русь нашу съ своей собственной точки зрѣнія, то хорошо и привольно намъ еще жить. Свободно дышется послѣ 19-го февраля, и это событіе, осуществленію котораго ты, Николай, помогалъ всею нравственною силою, которою обладалъ, даетъ тебѣ полное право назваться и быть однимъ изъ основателей гражданства Русскаго. Съ гражданствомъ все пойдетъ впередъ, вопреки всѣхъ возможныхъ тормазовъ и преградъ, полагаемыхъ неразвитіемъ большинства и болѣзненнымъ развитіемъ меньшинства; но чтобы начало получило добрый конецъ, необходимо, чтобы тѣ, которые положили первый камень зданія, потрудились еще и еще и отъ труда не удалились. И тебѣ, Николай, предстоитъ трудъ, и тебѣ нужно будетъ заняться дѣломъ, когда явишься въ нашу Калугу и отдохнешь отъ своего путешествія. Тебѣ вновь предстоитъ собирать въ свой Щучкинъ гостепріимный кровъ небольшой кружекъ и въ немъ

---

[1]) Вероятно, дочь Калужского вице-губернатора (1856 — 1864) Николая Ильича Юркевича.

отогрѣвать то чувство, которое безъ пищи и безъ теплоты останется хладнымъ и безмолвнымъ. И я живу сдѣсь, но живу почти одной семейною жизнію. Все, что отрадно оживляло жизнь, разлетѣлось въ разныя стороны. Грустно подумать о тѣхъ полезныхъ дѣятеляхъ, которыхъ мы лишились съ отъѣздомъ Виктора Антоновича [1]). Но явятся новые дѣятели, — и съ ними нужно сойтись, но въ мои лѣта трудно сводить новыя знакомства; но для тебя это будетъ легко и пріятно. И такъ, пріѣзжайте, друзья, и открывайте салонъ — не увеселеній общественныхъ, но разумныхъ и интересныхъ бесѣдъ и дружной передачи сердечныхъ думъ и желаній.

Я удивляюсь, откуда ты почерпнулъ свѣденія о красотѣ нашей Губернаторши [2]); но что она изящно хороша, это фактъ неоспоримый, и я нахожу эстетическое наслажденіе созерцать ее съ тѣмъ чувствомъ скромнаго удовольствія — любоваться тѣмъ, что прекрасно. Вѣроятно, въ кратковременное твое пребываніе въ Петербургѣ ты о ней наслышался или видѣлъ ее; но во всякомъ случаѣ, по пріѣздѣ въ Калугу ты удостовѣришься лично въ истинѣ моихъ словъ. Объ управленіи я не стану тебѣ говорить: оно еще ничѣмъ не успѣло себя заявить, и потому

---

[1]) Арцимовича. — П. П. Обнинский, в статье своей «В. А. Арцимовичъ въ Калугѣ» свидетельствует, что до того «сонный город» Калуга, съ приездом просвещенного губернатора, «проснулся и оживился... совсем на другой, дотоле небывалый и неведомый лад: он стал думать, говорить и действовать; спорить и совещаться в той области человеческого общения, которая живет высшими и чужими интересами, общественными идеалами и нуждами, в которой работаютъ умы и бьются сердца в приподнятом настроении, в которой нет ничего пошлого, злободневного, своекорыстного и узкого, в которой растет и очищается душа человеческая. Сколько новых интеллигентных сил появилось в город на поприще государственной и общественной службы, как содержательна и интересна сделалась «неофициальная часть» «Губернских Ведомостей», какие жизненные темы завладели беседами в свободный вечерний час! Все жило и работало вокруг, и воскрешенный обыватель уже не мог оставаться изолированным в этом бодрящем, заразительном и обновляющем движении. Какой-то облагораживающий отпечатокъ лег на всѣхъ и на всемъ (сборник: «В. А. Арцимович», С.-Пб. 1904, стр. 120 — 121).

[2]) Въ это время Калужским губернатором былъ (съ 13-го марта 1864 по 1-е ноября 1868) в звании камергера Владимир Никифорович Спасскій (ум. 27 апреля 1877 г.); он был женат на N. Дм. Замятниной, дочери Министра Юстиции Дмитрия Николаевича Замятнина.

ничего особенно замѣчательнаго не явилось съ перемѣною личности. Между тѣмъ, пожары, которыми насъ угощаютъ неизвѣстныя личности и которые напали на Перемышль, задѣли Козельскъ, истребили цѣлыя селенія, невольно обращаютъ общее вниманіе на грустный фактъ. Общій говоръ называетъ Поляковъ и дѣлаетъ ихъ виновниками злодѣйства, въ высшей степени возмутительнаго. До сихъ поръ еще ничего не доказано, и виновники остаются скрытыми. Въ Перемышлѣ вашъ винный складъ сгорѣлъ при первомъ пожарѣ; но, какъ я слышалъ убытокъ оказался весьма незначительный. Въ Козельскѣ сгорѣло домовъ 30, въ слободѣ. Калугу эта бѣда миновала доселѣ, но народъ увѣренъ, что рано или поздно, но и насъ коснется это общее бѣдствіе. Полицейскія мѣры приняты, и есть надежда, что мы встрѣтимъ бѣдствіе съ готовыми силами для уничтоженія его распространенія.

Вчера былъ въ Губ[ернскомъ] Присутствіи и справлялся о Стенинскомъ выкупномъ договорѣ [1]): дѣло остановилось за неполученіемъ свѣденій отъ Московской Сохранной Казны, — о чемъ имѣю честь донести. Другое донесеніе мое заключается въ томъ, что домъ Щучкина никѣмъ еще не занятъ, — слѣд., друзья мои, если вы захотите обрадовать насъ своимъ присутствіемъ въ Калугѣ, то стоитъ вамъ сказать слово, — и домъ Щучкина будетъ готовъ къ вашимъ услугамъ.

О своей семьѣ скажу вамъ, что все обстоитъ благополучно. Сестра [2]) въ половинѣ августа воротилась къ намъ, и хотя немного получила пользы отъ сосновой рощи, но отдохнула и чувствуетъ себя немного крѣпче прежняго. Гимназисты [3]) продолжаютъ свои гимназическія упражненія съ нѣкоторыми улучшеніями противъ прошлаго года; если такъ пойдетъ далѣе, то надобно будетъ радоваться и благодарить Бога. Думаю, что мы

---

[1]) Стенино — имение Кашкиных в Козельском уезде.

[2]) Княгиня Наталия Петровна Оболенская (ум. въ Калуге в феврале 1887, в глубокой старости), с 15-го апреля 1853 г. — вдова сенатора, д. тайн. сов. князя Александра Петровича Оболенского, Козельскаго помещика, за которого вышла в январе 1838 г. У нее жил в Калуге декабрист Е. П. Оболенский по возвращении из Сибири.

[3]) Сыновья Е. П. Оболенского — князья Иван (род. 1850, ум. 1880) и Петр (род. 1851, ум. будучи женихом); оба затем окончили курс в Московском Университете.

увидимъ Катю [1]) француженкой, и что наша Оленька [2]) не все будетъ понимать, что Катя будетъ ей болтать; но и это сгладится скоро, и дружно пойдутъ ихъ игры и бесѣды. Въ заключеніе скажу, что твое письмо отъ 28-го августа пришло сюда 9-го сентября, ровно чрезъ 12 дней, — слѣд., и эти строки сдѣлаютъ тотъ же путь и вѣроятно не застанутъ васъ въ Аркашонѣ, но пишу, чтобы удовлетворить сердечному требованію. Крѣпко обнимаетъ тебя, Лизу и Катю отъ всей семьи твой старый дядя

Е. Оболенской.

Помета Н. С. Кашкина: Получено въ Аркашонѣ 21 С.

14.

Н. С. КАШКИНУ.

[Ноябрь—декабрь 1864 г. Калуга].

Сердечно благодарю заграничныхъ и закадычныхъ друзей Николая и Лизу за дружеское воспоминаніе и привѣтствую ваше возвращеніе на родину, мои милые друзья! Письмо твое, милый Николай, прочелъ и остался недоволенъ твоей недомолвкой о здоровьѣ Лизы, а между тѣмъ, ее здоровье — на первомъ планѣ, и мы думаемъ думу о томъ, какую пользу принесли ей морскія волны. Но свидимся и наговоримся обо всемъ и сами лично убѣдимся, какова Лиза дорогая, а о Катѣ думаю, что она такъ выросла и похорошѣла и поумнѣла, что наша Олинька будетъ съ нее брать примѣръ.

Спасибо, другъ Николай, что не забылъ моей прозьбы о Г. Шаффѣ. Если случится тебѣ зайти въ книжную лавку, то спроси по слѣдующему заглавію:

Geschichte der Apostolischen Kirche nebst einer allgemeinen Einleitung in die Kirchengeschichte, von Philipp Schaff, Doctor der Theologie am Predigerseminar zu Mercersburg in Pensilvanien. Leipzig, Verlag von Otto Holtze, 1854 г., 680 стр., 4 р.

Главное, однакожъ, прошу тебя доставить мнѣ 13-й и 14-й томы Исторіи Соловьева; вѣроятно, ты ихъ вездѣ найдешь, но

---

[1]) Дочь Н. С. и Е. А. Кашкиных (род. 9-го мая 1861, ум. 5-го ноября 1900) въ 1878 г. вышедшая замуж за Александра Александровича Цурикова.

[2]) Дочь Е. П. Оболенского.

въ газетахъ читалъ, что обѣ части продаются въ Москвѣ, у Глазунова. Затѣмъ обнимаетъ васъ крѣпко вашъ другъ старый

Е. Оболенской.

Квартиры внутри города нашего трудно теперь найти; есть квартира теплая у Загороднаго сада, домъ Хохловой; тамъ жила Зыбина, и кажется цѣна 150 или 200. — Буду еще посматривать. Снѣгу нѣтъ, но дорога теперь накатана, и ѣхать можно на колесахъ.

Приписка княгини Натальи Петровны Оболенской [1]):

Cher ami, pensées, coeur, âme et tout ce qui m'appartient vous est ouvert; donc vous serez bien et content chez moi, avec moi et parmi nous. Seul obstacle c'est le trainage qui ne vient pas et qui me fait péniblement respirer l'air froid et sec et retardera votre arrivée; en général c'est un retard pérnicieux en tout, et nous voilà déjà en train de prières à cette occasion; que Dieu nous entende!

Nous sommes si isolés dans notre bonne ville, si seuls réveillés que c'est une vraie fête de vous dire que nous allons voir et entendre des amis à coeur et pensées ouvertes; si ce n'étaient les Journaux, la grande correspondance, je me demande souvent: que ferions nous ou plutôt que penserions-nous? Notre nature ne saurait s'endormir, plume en mains. Je crois que j'aurais écrit quelqu'histoire imaginaire pour soulager ma pauvre tête qui demande non le sommeil, mais une nourriture plus saine.

Si vous voyez Eugène Протасьевъ [2]), dites lui que j'attends de ses nouvelles et qu'il n'est pas quitte de sa correspondance avec moi. Mes amitiés à Дмитрій Петровичъ Скуратовъ [3]), mot d'amitié

---

[1]) Сестра Е. П. Оболенского; см. выше, в предыдущем письме. В «Голосе Минувшаго» 1915, № 12, стр. 231—232, напечатано ее интересное письмо о смерти ее брата декабриста.

[2]) Племянник княгини Н. П. Оболенской — сын ее родной сестры Екатерины Петровны, рожд. княжны Оболенской, бывшей за Андреем Васильевичем Протасьевым. Е. А. Протасьев в это время был камер-юнкером и числился в Министерстве Внутренних Дел.

[3]) Писатель по экономическим вопросам и цензор; он родился 18-го июня 1802, ум. 14-го мая 1885 г.; основал бумагопрядильную фабрику в с. Наре-Фоминской, в Верейском уезде Московской губернии, но после 1861 г. разорился вследствие хлопчато-бумажного кризиса и потом служил

à Лялинъ [1]), mes hommages à l'Oncle Николай Ивановичь [2]). Bonjour, chers amis, au revoir et bientôt, je l'espère. Je vous embrasse, ainsi que toute la famille, mais Катя [3]) en la bénissant et sans oublier ma prière pour elle. Comme Olga [4]) se réjouit de la voir!

P-sse N. Obolensky.

К письму приложен следующий, писанный Е. П. Оболенским

Рецептъ для чернилъ.

Лучшихъ чернильныхъ орѣшковъ	56 зол.
Мелкихъ щепокъ краснаго сандала	28 »
Зеленаго купороса	28 »
Аравійской камеди	21 »
Синяго (мѣднаго) купороса	7 »
Сахару или леденцу	7 »
Селитрокислой ртути или другой соли того-же металла	1 »

Чернильные орѣшки истолочь и варить вмѣсте съ сандаломъ въ $2^1/_2$ фунтахъ чистой воды, пока жидкость выкипитъ до половины; снявъ съ огня, жидкость слѣдуетъ процѣдить сквозь чистое полотенце и немедленно положить въ нее всѣ прочія вещества, размельченныя въ порошокъ, и тщательно размѣшивать, дабы всѣ вещества распустились въ жидкости.

Сообщил и пояснил Б. Модзалевский.

по цензуре; сотрудничал во многих газетах 1850—1860-х годов. Был женат на Фанне Алексеевне Пушкиной, дочери известного театрала и любителя литературы Алексея Михайловича Пушкина. Семейство Скуратовых было близко к семейству Кашкиных и Оболенских. См. Воспоминания о былом Е. А. Сабанеевой, С.-Пб. 1914.

[1]) Сын вдовы Лялиной, рожд. Перхуровой, проживавшей в Прысках в семье Кашкиных, у которых воспитывались и ея сыновья; из них здесь имеется в виду Сергей Васильевич Лялин, по окончании Московского Дворянского Пансиона и Дворянского полка служивший в Финляндском полку; потом, по приглашению зятя С. Н. Кашкина Николая Ивановича Миллера, Директора Александровского Лицея, Лялин был воспитателем Лицея и открыл весьма известный впоследствии «Лялинский» приготовительный к Лицею Пансион.

[2]) Дядя Н. С. Кашкина, брат его матери — Н. И. Миллер, тогда Директор Александровского Лицея, впоследствии Почетный Опекун, генерал-от-инфантерии, умерший 30-го декабря 1889 г.

[3]) Дочь Н. С. и Е. А. Кашкиных.

[4]) Маленькая княжна О. Е. Оболенская, дочь декабриста.

V.

О декабристах.

Н. П. ОГАРЕВ и ДЕКАБРИСТЫ.

I.

«Я не знаю, почему дают какую-то монополию воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой дружбы», говорит Герцен в одном месте «Былого и Дум», как бы сетуя на ближних за то, что они не умеют или не хотят достойным образом ценить то, что имеет такое громадное значение для человека. На упрек этот и от себя и от своих современников Герцен имел право. Но еще более прав имел бы он на упрек людям от имени ряда поколений за то, что они обыкновенно мало ценят и редко вспоминают о тех лучах идейного света, которые на пороге жизни впервые пробуждают сознание, направляя его в сторону нравственного и общественного идеала, как первая любовь направляет в сторону идеала личного счастья.

Такие лучи у нас обыкновенно исходили от книг, и книги в духовном нашем развитии всегда играли исключительную роль — бóльшую, чем где-нибудь в других местах. Наша история, особенно 19-го века, поражает быстрым ростом общественного и нравственного идеала и постоянной отсталостью от него реального проявления жизни. Даже представления о «дней Александровых прекрасном начале» и об «эпохе великих реформ» являются своего рода красивыми легендами, во многом не соответствующими действительности. Но указанные исторические моменты не лишены были и известных положительных сторон, чего совершенно не знали эпохи общественных сумерок, длительностию своей значительно превосходившие периоды политических просветов.

К таким сумрачным моментам истории нашей относятся и те годы, в которые Огарев и его друг Герцен вступали в юно-

шеский возраст. Особенно безотрадный характер приняла у нас жизнь передового дворянства после 1825 года, когда, по словам Герцена, «тон общества стал меняться наглазно и быстрое нравственное падение стало служить печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства. Никто (кроме женщин), говорит тот же Герцен, не смел показать участия, произнести теплого слова о родных, о друзьях, которым еще вчера жали руки, но которые за ночь были взяты. Напротив, являлись дикие фанатики рабства: одни из подлости, а другие хуже — бескорыстно».

На Огарева и Герцена свет общественного идеализма впервые блеснул со стороны двадцатых годов — от той духовной обстановки, которая окружала первых борцов за русскую гражданскую свободу и певцом которой считался современниками Пушкина, «в жестокий век восславивший свободу». Девиз «свобода», однако, был заветным словом не для одного только Пушкина, но и для всех почти современных ему писателей — как своих, так и многих иностранных, среди которых по силе влияния первое место занимал Шиллер. Вся эта плеяда свободолюбивых поэтов сильно увлекала молодежь 20 — 30-х годов. «Поклонение юной литературе», пишет в своих воспоминаниях Т. П. Пассек, «сделалось безусловным: она и действительно могла увлечь, именно в ту эпоху. Во главе литературного движения явился Пушкин; каждая строка его летала из рук в руки; его поэмы читали в списках, твердили наизусть; «Горе от ума» сводило всех с ума, волновало всю Москву. «Московский Телеграф», только что начавший свое поприще, быстро передавал современное умственное состояние Европы и читался с увлечением. «Войнаровский» и «Думы» Рылеева возбуждали дух гражданственности. Козлов переводил Байрона. Типы его героев водворялись в жизнь общества, облагораживали его и отражались в поэмах и повестях. Шиллер передавался в прелестных переводах Жуковского. Альманахи сыпались. В воздухе веяло верованиями, надеждами, увлечением» [1]).

---

[1]) «Из дальних лет. Воспоминания Т. П. Пассек», С.-Пб. 1878, Т. I, стр. 220.

«Мы холодны к «Оде на свободу», писал в начале 60-х годов прошлого столетия Огарев [1]), «а на современников она произвела огромное влияние, так была сильна у читателей потребность в поэтическом отголоске своих стремлений и надежд». Не меньшее впечатление производили также «Деревня» и «Чаадаеву». «Кто во время оно, спрашивает Огарев, не знал этих стихотворений? Какой юноша, какой отрок не переписывал»?

« Мы были отроки,

вспоминает он же в другом месте [2]),

«в то время
Шло стройной поступью борцов
Могучих деятелей племя,
И сеяло благое семя
На почву юную умов.
Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам.
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих, свободы ради,
Таясь, твердили по ночам».

II.

14-ое декабря 1825 года на Герцена и Огарева произвело необычайное впечатление. Событие это низвело их идеалы с заоблачных высот мечты в сферу реальной действительности, укрепило еще более веру в то, о чем они раньше не всегда определенно мечтали, и наглядно указало, что надо делать. Разумеется, все это явилось постепенно, в настоящем виде — впоследствии, потому что оба друга в 1825 году были еще мальчиками; но и тогда уже им открывался новый мир, который становился больше и больше средоточием всего нравственного существования их. «Не знаю, как это сделалось, говорит Герцен, но, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы

---

[1]) «Русская потаенная литература XIX в.», Лондон. 1861. Предисловие Огарева, стр. XXXIII — XXXIV.

[2]) «Памяти К. Ф. Рылеева» — стихотворение Н. П. Огарева.

и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудили ребяческий сон моей души».

«Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась...
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце, молча, содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей» —

говорил Огарев, поминая Рылеева, который, по словам его, был для него «первым светом».

«Отец, по духу мне родной —

обращался он к тени поэта декабриста,

«Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой».

Так реагировали Герцен и Огарев на событие 1825 года. А 8 лет спустя после этого события оба они дали на Воробьевых горах торжественную клятву пожертвовать жизнью за дело свободы — последовать примеру декабристов. «С твердою целью основать зерно общества по образу и подобию» последних они вступили в Московский Университет, где среди товарищей искали «прозелитов и последователей» и проповедывали «декабристов и революцию».

Если не самих декабристов, то людей, настроенных свободолюбиво и, без сомнения, сочувствующих декабристам, Герцен и Огарев встретили в лице некоторых из своих учителей. Так, один из них — Волков, «преподавая арифметику от начала и до геометрии, в то же время сообщал и разъяснял направления декабристов» [1]). Другой — И. Е. Протопопов, по словам Герцена, «был полон того благородного и неопределенного либерализма, который часто проходит с первым седым волосом, с женитьбой и местом, но все-таки облагораживает человека». Когда его ученик сообщил ему свои свободолюбивые мысли и мечты, желая их проверить и услышать им подтверждение, тот был тронут и, уходя, обнял его со словами: «Дай бог, чтоб эти чувства созрели в вас и укрепились». После этого он стал носить на

---

[1]) «Отрывки из автобиографии Огарева»—у Пассек, о. с., т. I, стр. 264.

уроки мелко переписанные и очень затертые тетрадки запрещенных стихов, разумеется, снабжая их соответствующими комментариями. Остается еще отметить, что учителем французского языка у Огарева был М. Кюри, воспитатель декабриста Васильчикова.

Находили Герцен и Огарев отзыв заветным думам и мечтам и в более юных представителях своего поколения. Так, в Московском Университете, как известно, они сгруппировали вокруг себя целый дружеский кружок. Но сочувствия, какие они встречали своим идеям, без сомнения, не могли ограничиться только лишь пределами одного тесного кружка. «В те дни, когда неугомонно искало сердце жарких слов, говорит Огарев в стихотворении, обращенном к Е. П. Ростопчиной-Сушковой.

«Вы мне вручили благосклонно,
Тетрадь заветную стихов.
Не помню — слог стихотворений,
Хорош ли, не хорош ли был,
Но их свободы гордый гений,
Своим наитьем освятил.
С порывом страстного участья
Вы пели вольность, и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Их прах казненный, но святой.
Листы тетради той заветной,
Я перечитывал не раз,
И снился мне ваш лик приветный,
И блеск, и живость черных глаз».

Если принять во внимание тогдашнее настроение современников Герцена и Огарева, хотя бы настроение Лермонтова, насколько оно выразилось в ранних его произведениях, то с большой вероятностью можно предположить, что встреча с Ростопчиной-Сушковой на почве общих политических симпатий не была единственной в своем роде.

Так слагался у Герцена и Огарева «детский либерализм», который, по словам Герцена, стал терять после гибели Польши свою чарующую силу. На смену явился сен-симонизм, но новое социальное учение вовсе не порывало нитей с прошлым, а только значительно лишь углубляло и расширяло то, что воспринято было от декабристов. Собственно говоря, в мировоззрении наших друзей видоизменялись основные, принципиальные

вопросы и перспективы более или менее отдаленного будущего; ближайшие же задачи и тактика борьбы оставались прежними. Этой преемственности не только между сен-симонизмом, но и между дальнейшим развитием у нас общественной мысли и декабристами никогда не забывал Огарев.

«Общество 14 декабря, писал он в начале 60-х годов прошлого столетия [1]), еще не имеет истории; но чем больше вдумываешься в него, тем больше провидится, насколько оно представляло коренное зерно всего русского движения; сложившись из всех элементов русской жизни, оно вместило в себе и выразило in spe все идеи, которые развивались впоследствии; от панславизма юного Общества соединенных славян и родственного ему православия до юридически-рационального протеста Лунина и других, до католического протеста отчаяния в русской будущности à la Чаадаев и до социального взгляда, областного деления и конфедеративных стремлений Пестеля. Придет время, история скажет, насколько эти люди составляли родоначальный исток широкого развития нашей будущности».

III.

Арест Огарева в 1834 году и последующая затем ссылка сыграли большую роль в истории развития его оппозиционного настроения. Правда, познакомившись с тюрьмой и неволей, он получил, так сказать, революционное крещение, но в то же время и должен был притти к печальному выводу, что для него и его друзей немыслима борьба за свои общественные идеалы, по крайней мере, в ближайшее будущее. А между тем, его положение, как помещика, ставило его в чрезвычайно тяжелые условия. «Целость направления Пушкина и влияние декабристов, говорит он, достигли одного результата: уваженье к барству и помеществу было подточено в обществе, в нашем сознании; меньшинство дворянства не могло быть помещиками открыто, и не могло не быть помещиками безнаказанно. Внутренняя мысль и совесть мешали оставаться в этих отношениях. Николай не позволял из них выйти, считая самую мысль за рево-

[1]) «Кавказские воды» («Полярная Звезда» на 1861 г., книга VI, Лондон. 1861).

люцию. Нельзя было вырваться из собственно преступного положения, нельзя было последовать внутреннему влечению и сблизиться с народом, еще противнее было примкнуть к правительству. Меньшинство почувствовало себя лишним человеком. Общественной деятельности для него не было; ему еще позволялось углубляться в собственную тоску и пустоту жизни и родину любить только странною любовью, необъяснимою для рассудка, любовью привычки к знакомому пейзажу» [1]). Всему этому Огарев отдал должную дань, и с современными ему лишними людьми он имел не одну точку соприкосновения; но во многих отношениях он от них и значительно отличался. Прежде всего в период от 1838 года (после смерти отца) до окончательного отъезда заграницу он не только на словах, но и на деле сильно интересовался судьбою своих крестьян, часть которых отпустил на волю, а остальную пытался приспособить к вольному труду на организованных им фабриках.

Возможно ли было, чтобы судьба Огарева на этот раз сложилась иначе? Естественно ли было бы, чтобы горячий поклонник декабристов, хотя бы и с преждевременно подстреленными крыльями в своих мечтах о подвигах гражданина и до некоторой степени, как человек нерешительного характера, мог оставаться только лишь пассивным печальником народного горя, когда непосредственно пред ним стоял конкретный пример противоположного в лице соседа его и друга А. А. Тучкова, живого представителя того поколения, из которого вышли декабристы. Личный друг некоторых из декабристов, во многом разделявший их убеждения и отчасти вместе с ними пострадавший, Тучков силою судеб вынужден был удалиться в деревню и ограничить сферу своей общественной деятельности ролью предводителя дворянства и крепостного помещика. Но и при таких условиях, окруженный враждебными элементами из помещичьей среды и постоянно находясь под бдительным надзором властей, все время подозрительно к нему относившихся, он не растерялся, а сумел проявить себя, как один из крупнейших деятелей в интересах крестьянской массы [2]).

---

[1]) «Русская потаенная литература XIX века», стр. LXV.

[2]) Н. А. Огарева-Тучкова, «Воспоминания», М. 1903; Пассек, Т. II, «Из дальних лет», Т. III.

С этим своим другом Огарев любил подолгу рассуждать, слушать его рассказы о 14 декабря и, без всякого сомнения, многому научился у него по части практической деятельности. Впоследствии он породнился с ним, женившись на его младшей дочери — Наталье Алексеевне. В программе деятельности Огарева, как помещика, некоторые детали напоминают деятельность Тучкова. Так, Огарев, по примеру последнего, заводил фабрики, основал больницу и разработал подробный план об устройстве в одном из своих имений школы для крестьян. Последний, впрочем, по каким-то неизвестным причинам не был приведен в исполнение [1]).

IV.

Летом 1838 г. Огареву пришлось встретиться с подлинными декабристами на Кавказе, куда он временно был отпущен из своей ссылки для лечения на Минеральных водах, и где тогда находились незадолго до того прибывшие из Сибири — М. М. Нарышкин, Н. И. Лорер, В. Н. Ихарев, А. Е. Розен, А. И. Одоевский и М. А. Назимов [2]). Встреча эта, говорит Огарев, «возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь... Это чувство меня не покидало, я написал в этом смысле стихи, которые, вероятно, были плохи по форме, потому что я тогда писал много и черезчур плохо, но которые по содержанию наверно были искренны до святости, потому что иначе не могло быть. Эти стихи я послал Одоевскому, после долгих колебаний истинного чувства к н и м и самолюбивой застенчивости. Часа через два я сам пошел к нему. Он стоял середь комнаты; мои стихи лежали перед ним на стуле. Он посмотрел на меня с глубоким, добрым участием и раскрыл объятия; я бросился к нему на шею и заплакал, как ребенок. Нет! и теперь не стыжусь я этих слез; в самом деле это не были следы пустого самолюбия. В эту минуту я слишком любил его и их всех, слишком чисто

---

[1]) М. О. Гершензон, «История молодой России», М. 1908.

[2]) «Из воспоминаний Н. М. Сатина» — «Почин», сборник Общества Любителей Российской Словесности на 1895 год, М. 1895 г., стр. 232—250.

был предан общему делу, чтоб какое-нибудь маленькое чувство могло иметь доступ до сердца. Они были чисты, эти минуты, как редко бывает в жизни. Дело было не в моих стихах, а в отношении к начавшему, к распятому поколению — поколения, принявшего завет и продолжающую задачу» [1]).

Кроме статьи «Кавказские воды», из которой заимствованы только что приведенные строки, известны также еще два стихотворения Огарева, посвященные встрече его с декабристами. Одно из них («Я видел вас, пришельцы дальних стран»...) напечатано в издании М. О. Гершензона в настоящем виде [2]), другое — с цензурными пропусками. Приводим его полностью:

«О, если б мне пришлось прожить еще года
До сгорбленной старости, венчанной сединою,
С восторгом юноши я вспомню и тогда
Те дни, где разом все явилось предо мною,
О чем мне грезилось в безмолвии труда,
В бесцветной тишине унылого изгнанья,
К чему душа рвалась в годину испытанья:
И степь широкая, и горные хребты —
Величья вольного громадные размеры,
И дружбы молодой надежды и мечты,
Союз незыблемый во имя тайной веры;
И лица тихие, спокойные черты
Изгнанников иных, тех первенцов свободы,
Создавших нашу мысль в младенческие годы.
С благоговением взирали мы на них,
Пришельцев с каторги, несокрушимых духом,
Их серую шинель — одежду рядовых...
С благоговением внимали жадным слухом
Рассказам про Сибирь, про узников святых
И преданность их жен, про светлые мгновенья
Под скорбный звук цепей, под гнетом заточенья.
И тот из них, кого я глубоко любил,
Тот — муж по твердости и нежный, как ребенок,
Чей взор был милосерд и полон кротких сил,
Чей стих мне был, как песнь серебряная, звонок, —
В свои объятия меня он заключил,
И память мне хранит сердечное лобзанье,
Как брата старшего святое завещанье» [3]).

---

[1]) «Полярная Звезда» на 1861 г., стр. 349 — 350.

[2]) Том I, стр. 216 — 218.

[3]) Там же, стр. 199 — 200. «Полярная Звезда» на 1861 г., стр. 345.

Из всех декабристов, которых Огарев встретил на Кавказе, более всего произвел на него впечатление А. И. Одоевский, который, по его мнению, являлся самым замечательным из остальных его сотоварищей. В указанной выше статье «Минеральные воды» Одоевский охарактеризован Огаревым таким образом: «Лермонтов списал его с натуры. Да! Этот

«Блеск лазурных глаз
И детский звонкий смех и речь живую» —

не забудет никто из знавших его. В этих глазах выражались спокойствие духа, скорбь не о своих страданиях, а о страданиях человека, в них выражалось милосердие. Может быть, эта сторона, самая поэтическая сторона христианства, всего более увлекла Одоевского. Он весь принадлежал к числу личностей христоподобных. Он носил свою солдатскую шинель с тем же спокойствием, с каким выносил каторгу и Сибирь, с той же любовью к товарищам, с той же преданностью своей истине, с тем же равнодушием к своему страданию. Может быть он даже любил свое страдание; это совершенно в христианском духе... да не только в христианском духе, это в духе всякой преданности общему делу, делу убеждения, в духе всякого страдания, которое не вертится около своей личности, около неудач какого-нибудь мелкого самолюбия... Был ли Одоевский католик или православный... не знаю. Припоминая время, в два десятка лет уже так много побледневшее в памяти, мне кажется, я должен притти к отрицанию того и другого. Он был просто христианин, философ или, скорее, поэт христианской мысли, вне всякой церкви. Он в христианстве искал не церковного единства, как Чаадаев, а исключительно самоотречения, чувства преданности и забвения своей личности; к этому вели его и обстоятельства жизни, с самой первой юности, и самый склад мозга; это настроение было для него естественно. Но от этого самого он не мог и быть православным; церковный формализм был ему чуждым. Вообще, церковь была ему не нужна; ему только было нужно подчинить себя идеалу человеческой чистоты, которая для него осуществилась в Христе.

... «Мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной» ...

т.-е. мечты какого-нибудь личного счастья он не вверял, потому что ее у него не было. Его мечта была только самоотвержение. Ссылка, невольное удаление от гражданской деятельности, привязали его к религиозному самоотвержению, потому что иначе ему своей преданности некуда было девать. Но, может быть, и при других обстоятельствах он был бы только поэтом гражданской деятельности; чисто к практическому поприщу едва ли была способна его музыкальная мысль» [1]).

В душе Огарева нашлось не мало созвучий с настроением Одоевского, и оба поэта быстро «стали близко друг к другу. Он — говорит Огарев — как учитель, я — как ученик. Между нами было слишком десять лет разницы; моя мысль была еще не устоявшаяся; он выработал себе целость убеждений, с которыми, я могу теперь быть несогласен, но в которых все было искренно и величаво. Я смотрел на него с религиозитетом. Он был мой критик. Из всех моих тогдашних писаний, давно заброшенных, я всегда помнил исключительно два стиха, потому что они ему понравились, и украл их сам у себя впоследствии. Но гораздо большее влияние он имел на меня в теоретическом направлении и на моей хорошо подготовленной романтической почве быстро вырастил христианский цветок — бледный, унылый, с наклоненной головой, у которого самая чистая роса похожа на слезы. Вскоре я мог с умилением читать Фому Кемпийского, стоять часы на коленях перед распятием, и молиться о ниспослании страдальческого венца... за русскую свободу. От этого первоначального стремления, основного помысла, ни он никогда не мог оторваться, ни я, и к нему, как к единой окончательной цели, примыкало наше религиозное настроение, с тою разницею, что он уже носил страдальческий венец, а я его жаждал» [2]).

Как ни блестяща приведенная характеристика Одоевского, в ней нельзя не заметить некоторой односторонности. Огарев в поэте-декабристе сумел отметить и подчеркнуть только те черты, какие соответствовали его собственному тогдашнему настроению. В действительности же психика «учителя» была

---

[1]) «Полярная Звезда» на 1861 г., стр. 348 и 351.

[2]) Там же, стр. 350.

гораздо сложнее, чем она представлялась «ученику». Одоевский умел не только горячо любить, но и пылко ненавидеть; не только готов был принять мученический венец за благо людей, но и не чужд был порывов к активной борьбе за свои идеалы, и если он спокойно носил серую шинель и испытывал разного рода лишения, то руководило им в этих случаях не смирение, а гордое сознание своего человеческого достоинства. Его поэтическое наследие, насколько оно дошло до нас, не чуждо ни ненависти к тирании, ни призывов к восстанию во имя свободы [1]). Сибирь и каторга, без сомнения, наложили на душу Одоевского свой отпечаток, но вытравить окончательно протест из нее они не могли.

Дело было осенью 1837 года. Только что прибывшие из Сибири на Кавказ шесть декабристов в обществе Н. М. Сатина и известного доктора Майера, выведенного Лермонтовым в «Герое нашего времени» под именем Вернера, сидели в гостинице и пили шампанское. «Шли разные либеральные тосты и разные рассказы о 14-м декабря и обстоятельствах, сопровождавших его... Как нарочно, в эту самую ночь в Ставрополь должен был приехать государь. Наступила темная осенняя ночь, дождь лил ливмя; хотя на улице были зажжены плошки, но, заливаемые дождем, они трещали и гасли, и доставляли более вони, чем света. Наконец, около полуночи прискакал фельдъегерь и послышалось отдаленное «ура». Мы вышли, говорит Н. М. Сатин, на балкон; вдали, окруженная горящими (смоляными) факелами, двигалась темная масса».

«Действительно, в этой картине было что-то мрачное».

— «Господа! закричал Одоевский. Смотрите, ведь, это похоже на похороны! Ах, если бы мы подоспели!..» И, выпивая залпом бокал, прокричал: по латыни...

— «Сумасшедший! сказали мы все, увлекая его в комнату, — что вы делаете? Ведь вас могут услыхать, и тогда беда!»

«У нас, в России, полиция еще не училась по латыни», — отвечал он, добродушно смеясь» [2]).

---

[1]) П. А. Кубасов, «Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения», П. 1922.

[2]) «Изъ воспоминаний Н. М. Сатина» — «Почин», стр. 243—244.

Интересно с приведенным отзывом об Одоевском сопоставить характеристику другого «учителя» — декабриста Огарева, сделанного последним на основании его литературного наследия.

«Ученик Пушкина по стиху и разносильный по влиянию, говорит Огарев, Рылеев — сосредоточивал всю свою деятельность на политической мысли. Читая его, невольно угадываешь его внутреннюю работу, видишь человека, который всякое впечатление, коснувшееся до него на пути жизни, — от вольно-дикого образа скачущей лошади до нежной заботы любящей женщины о любимом страдальце, — он все торопится прикрепить к единой мысли гражданской свободы, его нигде не покидающей:

«Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых»!

Поэтическая деятельность Рылеева подчинена политической, все впечатления жизни подчинены одному сильнейшему впечатлению; какие бы ни брались аккорды — они вечно звучат на одном основном тоне. То, что у Пушкина выражалось в целости направления, то у Рылеева составляло исключительность направления. В этом была сила его влияния и его односторонность. Пушкин, с своей всеобъемлющей впечатлительностью, не мог понять исповеди Наливайки; публика поняла ее и откликнулась. Пушкин искал образ казацкого вождя, чтобы быть вполне удовлетворенным этим отрывком — и не находил его, и был прав; он только забыл в заглавие поставить: исповедь Рылеева — и тогда бы он удовлетворился; публика поняла, что эта была исповедь не только Рылеева, но каждого неравнодушного человека того времени. Великий художник не понял великого мученика и его святую односторонность; он считал ее за ошибку, но внутренно поддавался невольно влиянию, которое захватывало и его в одно направление. Он с любовью смотрел, как талант Рылеева вырастал, начиная с «Дум», сочиненных ученическою рукою, — до Войнаровского и Наливайки, где все — и ясность впечатлений, и самый стих, возмужали, не выходя из исключительности направления. Насколько этот талант мог вырасти и расширить свою односторонность, — вышел бы он

из нее до вееобъемлющей поэтичности, или бы только подчинил ей более разнообразных явлений жизни, мы не в силах судить: петля палача сделала все гадания бесполезными. Одно мы знаем, что святая односторонность его поэзии была выражением святой души и святой жизни; нравственная чистота Рылеева дает его произведениям силу, которая охватывает читателя не меньше, чем самая до тонкости доведенная художественная отделка. Перечитывая Войпаровского теперь, мы пришли к убеждению, что он теперь также увлекателен, как был тогда, и тайна этого впечатления заключается в человечески-гражданской чистоте и доблести поэта, заменяющих самую художественность, или, лучше, доведенных до художественного выражения» [1]). В другом месте Огарев указывает, что в «Думах» Рылеев «поставил себе невозможную задачу сочетания исторического патриотизма с гражданскими понятиями своего времени. Отсюда, говорит он, вышло ложное изображение русских исторических лиц ради постановки на первый план глубоко сжившейся с поэтом гражданской идеи. В «Думах» видна благородная личность автора, но не видно художника, одно заметно, как стих постепенно совершенствуется» [2]).

Современный нам исследователь литературной деятельности Рылеева придает особенный интерес отзыву Огарева о «Думах», как исторической оценке этих произведений, указывающей, что они, хотя и слабые в художественном отношении, имели, однако, сильное влияние на современное общество, но обращает внимание на то, что Огаревым не отмечено одной существенной стороны: не указано, что «Думы» представляли оригинальную форму поэтического творчества, до тех пор неизвестную в нашей литературе. «Рылеев, говорит он, первый вводил к нам подобный род произведений, и в этом отношении он всегда будет занимать особое место в истории русской литературы» [3]). Основные выводы, к которым приходит другой современный

[1]) «Русская потаенная литература», стр. XLI — XLIII.

[2]) «Думы»—Стихотворения К. Рылеева. С предисловием Н. Огарева. Издание Искандера, Лондон. 1860, стр. IX.

[3]) В. И. Маслов, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, 1912, стр. 250.

нам исследователь, академик Н. А. Котляревский [1]), относительно поэтического творчества Рылеева, говорят нам за то, что Огарев в общей оценке последнего, сделанной слишком 60 лет тому назад, был недалек от истины, и что эта оценка и до нашего времени не потеряла своего значения.

V.

Отразилось ли влияние декабристов на поэтическом творчестве Огарева?

Из теоретических его рассуждений 60-х годов мы знаем, что он широко смотрел на отражение жизни в изящно-поэтической форме. Он «убежден» был, «что в нее способно облечься всякое живое содержание. Красота женщины, колыхание моря, любовь и ненависть, философское раздумье, тоска Петрарки, подвиг Брута, восторг Галилея перед великим открытием и чувство, внесенное в скромный труд Оуэна, — все это составляет для человека поэтическое отношение к жизни» [2]).

Такова была теория. В действительности же дело обстояло несколько иначе. В самом начале литературного творчества Огарева поэзия его, повидимому, не была чужда свободолюбивого тона. По крайней мере, в одном из своих стихотворений («К друзьям»), написанном в 1837 году, он вспоминает, что в восемнадцать лет, когда так «ясно» было «утро молодое» и веяло «свежей весной», он пел «удалую вольность».

К сожалению, самые ранние поэтические опыты Огарева до нас не дошли. В последующих же его литературных произведениях, 1830-х и 1840-х годов, преобладают иные мотивы.

VI.

Видимо, не без влияния знакомства с Одоевским написано Огаревым в 1838 году в Железноводске небольшое стихотворе-

---

[1]) «Рылеевъ» (Библіотека Светоча), С.-Пб. 1908. Также «Русское Богатство» 1904 г. (кн. 8 и 9) и 1905 г. (кн. 7).

[2]) «Русская потаенная литература», стр. VI.

ние «Христианин». Герою этого стихотворения после того, как он уже ознакомился с «сладостью» и невзгодами жизни, «свет души» указал,

«Что жизнь дана не в наслажденье,
Чтоб радость твердо он изгнал,
И с верой избрал путь спасенья».

И вот, говорит он,

«Я зажег в груди моей
Огонь любви неугасимый,
И с ним пройду среди морей
Житейских бедствий и скорбей
Страдалец, ввек непобедимый.
Чтобы спасти в грозах земных
Бессильно гибнущего брата,
Не пожалею рук своих;
А если он уж без возврата,
Несчастный, робкою душой
Погиб среди житейской битвы —
Удел его почту слезой
И принесу за упокой
Смиренно к господу молитвы.
Как Иисус, я за людей
Хочу переносить гоненья,
Чтобы замолкнул звук цепей
И час ударил примиренья.
И все, что может бедный ум,
И все, что может сила воли,
Все, все — плоды трудов и дум
Отдам, забыв веселий шум,
Чтоб братья были в лучшей доле.
А если сильный из людей
И братства враг себялюбивый
Захочет гибели моей —
Я грудь открою терпеливо,
И брызнет кровь... И, может быть,
Всю черноту его гонений
Успеет перед ним открыть,
Чтоб мог раскаяньем он смыть
Все пятна долгих преступлений» [1]).

---

[1]) «Русская Старина» 1888 г., XI, стр. 486 — 487.

Стихотворение «Христианин» является своего рода исповедью Одоевского, каким он представлялся в воображении Огарева, с тою разницей, что здесь смирение и пассивность выдаются еще резче, чем в портрете Одоевского, нарисованном в статье «Минеральные воды».

Встреча с героем-мучеником, несколько субъективно понятым, видимо, оставила очень глубокий след в душе Огарева, и горячее желание смиренно пострадать, по примеру Христа, «во имя духа и свободы» долгие годы не покидает его. Не раз «в час ночной

Перед распятьем на колени»

он «падал с теплою мольбой», чтобы Христос

«дал среди мучений»

ему

«тот безоблачный покой,
С которым он без злобы, пени,
С любовью крест тяжелый нес
И всем прощенье произнес» [1]).

Только в начале 60-х годов образ последователя Христа принимает у Огарева иной оттенок. Его «странник» уже не проявляет смирения и не ограничивается пассивной жаждой страдания, а смело отправляется будить крепко уснувшего человека, кровью которого упивается хищник орел, будить, с тем, чтоб человек

«Открыл живые очи
И после долгой, долгой ночи
В единый взмах вспугнул орла,
И разлетелись бы орлята,
Живой святыни супостаты, —
Зане земле пора пришла
С отлетом птицы плотоядной
Дышать свободно и прохладно [2]).

С поездкой Огарева на Кавказ в 1838 году связано также и стихотворение его «Дон». Приводим его впервые в подлинном

---

[1]) «Юмор» — «Стихотворения Н. П. Огарева», М. 1904, Т. II, стр. 35
[2]) Там же, стр. 371 — 381.

виде (по автографу, хранящемуся в Пушкинском Доме), так как в свое время оно напечатано было с очень существенными пропусками [1]).

1.

Широко между берегами
Катится величавый Дон,
И солнце поздними лучами
Блестит над ясными водами,
Клонясь за дальний небосклон.

* * *

Мой путь чрез Дон. Передо мною
Челнок, привязанный с веслом.
Вблизи казак перед рекою,
Склонясь на руку головою,
Сидит с задумчивым челом.

* * *

«Казак, отчаливай живее,
Вези меня». И молча он,
Рукой привычною владея,
Снял привязь и веслом скорее
Толкнул челнок в широкий Дон.

2.

Плывем безмолвно. Вот кругом
Взлетают брызги под веслом,
И две бразды взмущенных волн
Вслед за собой рисует челн.
Вдали станицы казаков
Вокруг нагорных берегов
При блеске солнечном видны,
Румянцем нежным обданы.
Один лишь мой казак угрюм,
Не разгоняет мрачных дум;
Как радостно на мирный сон
Земля спешит — не видит он.
Так туча черная одна
Средь неба ясного видна.

3.

«Зачем ты впалыми очами
Так дико смотришь, мой казак,
Когда все весело пред нами?
То, может быть, болезни знак?
Или тебе кручина злая
На лбу морщины навела?
Не смерть ли, жертвы избирая,
Родную жертву избрала?
Тебя в кровавой битве брата
Внезапно, может быть, лишил
Удар черкесского булата?
Или отца ты схоронил?
Иль страсти юности мятежной
Твоей главе полуседой
С мечтой любви и девы нежной
Доступны стали, кормчий мой?
Иль, может, совести укоры,
При взгляде на пройденный путь,
Мрачат тоскующие взоры,
Гнетут тоскующую грудь?»

4.

КАЗАК.

«Нет, нет! меня не мучит совесть.
Не о былом моя тоска, —
Но, друг, однообразна повесть
Безвестной жизни казака.
Ребенком стал я сиротою,
Так о родных не плачу я —
Я их не знал! Чужой семьею
Взростилась молодость моя.
Любви и прелесть, и мученье
Уже давно забыты мной.
В восьмнадцать лет я в ополченье
Знал шум тревоги боевой;

---

[1]) «Русская Старина» 1888 г., XI, стр. 472 — 474.

Любил воинственные клики
Моих собратий казаков.
Я, русской [1]), вашему владыке
Против его служил врагов.
Но я казак — и жажду воли!
Когда-ж домой вернулся я —
Что я нашел? В какой же доле
Томилась родина моя?
За угнетеньем угнетенье
На нашу сыпалось страну,
Как божий гнев, а мы терпенье
В защиту избрали одну.
Что год, то новые наборы, —
Семьями шлют на гибель нас
В опасные для русских горы,
На злой разбойничий Кавказ.
А наши дети спротеют,
А жены плачут средь забот;
Поля не вспаханы, пустеют
И бедность крадется в народ.
То взвалят новые расходы,
Мундиры новые полкам,
То наши прежние доходы
Причтут к казенным барышам.
И, русской, жалость! С каждым годом
Корысти вашей отдана,
Землею, деньгами, народом
Беднеет наша сторона.
Дворяне наши уж не с нами:
Они враги для казаков,
Гнут только спины перед вами,
Да пьют вино, да бьют хохлов.
Исчезла прежняя свобода,
И прежних прав простыл и след;
Давно для бедного народа
Ни от кого защиты нет.
Вот от чего душа тоскует,
Вот от чего мой взор угрюм
И радость сладко не волнует
В душе глубоко скрытых дум.
Но скоро минет угнетенье,
Терпенье лопнет. Слышал я,
Поверье есть, что всем спасенье
Донская принесет земля.
Пускай казак теперь страдает,
Пусть дня восход и дня закат
Теперь печально он встречает
И молча точит свой булат;
Близка пора: мы бурной тучей
За вольность встанем, за права,
Дадим врагам отпор могучий,
Их пошатнется голова...
И снова станем мы по воле
Спокойно жить в семье своей,
Пахать отеческое поле
И гарцовать среди степей.
Но до тех пор душа тоскует,
Но до тех пор мой взор угрюм,
И радость сладко не волнует
В душе глубоко скрытых дум».

5.

Сказал, умолк. Я изумленный
Сидел пред этим казаком;
А он, как будто вдохновенный,
Смотрел на берег отдаленный
И пенил воду под веслом.

* * *

Любви к отчизне и свободе,
Высоких чувств простой язык,
Среди степей, в простом народе,
При этой дремлющей природе,
Глубоко в душу мне проник.

* * *

Но вот безмолвно над рекою
Луна всходила в вышине,
И мы приплыли той порою.
Я руку сжал ему рукою
И удалился в тишине.

* * *

И долго с берега крутого
Я все глядел, как в челноке
Назад казак мой поплыл снова,
И средь безмолвия ночного
Неслася песня по реке:

---

[1]) «Русскими» Донские казаки называют великоруссов, не казаков. *С. П.*

6.

«Что, казачка черноокая,
Душу в горесть облекла?
В косу русую, широкую
Ленту черную вплела?

* * *

Иль борьба неумолимая
Мила друга унесла?
Иль тебе, моя родимая,
С ним разлука тяжела?

* * *

Не печалься — он воротится,
Может, скоро он придет,
Быстро сердцем к сердцу бросится,
Душу в душу перельет.

* * *

С саблей, в битвах притупленною,
С переломанным копьем,
С грудью в ранах, утомленною,
Без коня придет пешком!

* * *

Дай ему ты саблю новую,
Дай и крепкое копье,
Пулей меткою свинцовою
Заряди его ружье.

* * *

И ударит на губителей
С казаками смело он,
И избавит от гонителей
Наш родимый славный Дон.

* * *

И казачки черноокие
Перестанут изнывать,
В косы русые, широкие
Ленты черные вплетать» [1]).

Огарев охарактеризовал это свое стихотворение, как demi fantasie, demi souvenir. Что же в нем навеяно действительностью и что является созданием творческой фантазии поэта? Написано оно, без сомнения, под влиянием тех живых впечатлений, какие автор вынес, проезжая землю донских казаков. «Чем дальше мы подвигались к югу, говорит он, вспоминая свою поездку на Кавказ в 1838 году, все зеленее становилась степь; наконец, мы добрались до Дона и ехали целую неделю берегом. Дон был еще в полном разливе; с одной стороны зеленая, пахучая степь, с травой выше роста, с другой — вода, идущая как море в бесконечность; все кругом уходит в синюю даль. Да! хорошо было на привольи, я даже забыл тайное, самому себе не высказанное сомнение в собственном счастьи, — и весь был погружен в пантеистическое наслаждение широкой природой. Самое казацкое племя произвело на меня благотворное впечатление. В нем было что-то более свободное, — не было тех запуганных лиц, которые

[1]) С автографа. Подлинник находится в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук.

я привык встречать под разбойнически-отеческим управлением Панчулидзева [1]) и пензенских чиновников и помещиков. Тут чувствовался кряж народа посамостоятельнее... Здесь, сколько правительство ни старалось исказить отношение, а все же настоящее чиновничество не привилось, и селянин перейдет к коренному народному началу выборной администрации, без враждебного истребления чужеядного чиновничества. А, может, и самое степное приволье расположило меня на дружелюбье к его племени. Что за ночи и что за утро в степи! Что за песню пела казачка, переплывая через реку одна в маленьком челноке на закате солнца! Мне до сих пор эта поездка кажется каким-то сном, блаженным до грусти» [2]).

В течение почти всего прошлого столетия среди донских казаков, несмотря на кажущуюся их покорность, было сильно развито недовольство правительством, сопровождаемое обыкновенно глухим, едва заметным для постороннего наблюдателя ропотом. В тридцатые годы такое недовольство приняло особенно острый характер вследствие введения в действие с 1-го января 1836 года нового, так называемого «Положения об управлении Донского войска». Более, чем вероятно, что Огареву приходилось неоднократно слышать во время своего путешествия на Кавказ жалобы на тяжелое положение Донского края и на разного рода стеснения его обитателей со стороны правительства. Вот почему в стихотворении «Дон» речь казака, ведущего беседу с поэтом, в основе своей носила реальный характер. Подобный же характер носит в нем и описание придонской природы, о которой с таким восторгом вспоминает Огарев в только что приведенных отрывках из статьи «Минеральные воды».

Таковы были реальные основы стихотворения «Дон». Творческая фантазия поэта придала им своеобразную окраску в духе либерального направления 20-х годов прошлого столетия. Видимо, что если самый образ Одоевского, как какой-то призрак, «явился и исчез в лунном сиянии кавказской ночи», то песни его о свободе оставили след в душе Огарева, а, быть может, и вызвали по ассоциации в памяти его те своего рода гимны, которые слагал Рылеев в честь вольного казачества.

---

[1]) Пензенского губернатора. *С. П.*

[2]) «Полярная Звезда» на 1861 г., стр. 342 — 344.

VII.

Бодрые призывы к свободе и к борьбе за нее слышатся и в некоторых других пьесах Огарева. Так, в стихотворении «Упование», написанном в тяжелый 1848-й год, когда свирепствовавшая тогда холера наводила страх и трепет на его современников, он из «глуши родных степей» приветствовал политические движения «далеких народов» и вот с какими словами обращался к России:

«И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тут
Знал сердцу светлых несколько минут;
Еще за то, что, вместе изнывая
С тобою, я и плакал и страдал,
И цепью нас одною рок связал, —
И ты под свод дряхлеющего зданья,
В глуши трудясь, подкапываешь взрыв?
Что скажешь миру ты? Какой призыв?
Не знаю я! Но все твои страданья
И весь твой труд готов делить с тобой,
И верю, что пробьюсь, как наш народ родной,
В терпении и с твердостию многой.
На новый свет неведомой дорогой» [1]).

В 1857 году в предисловии к «Колоколу», к этой первой свободной русской газете, он дает торжественное обещание, что раздавшийся на чужбине звон, призывающий к свободе,

«Гудеть не перестанет.
Пока — спугнув ночные сны —
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет,
И крепко на ноги не станет,
И непорывисто смела —
Начнет торжественно и стройно,
С сознаньем доблести спокойной,
Звонить во все колокола» [2]).

---

[1]) «Стихотворения Н. Огарева», Лондон. 1858 г., стр. 203 — 205. В русском издании напечатано с цензурными выпусками.

[2]) Там же, стр. 390 — 391.

Не прошло и года со времени появления в свет «Колокола», как были сделаны со стороны нашего правительства первые осторожные шаги к разрешению вопроса об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Известие об этом привело в необыкновенный восторг Огарева, и сердце его,

«Так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново

стало звучать для него «с детства знакомое слово: свобода». Он всею душою верит не в будущее, а в настоящее, и готов мужественно, «если-б грозила беда и невзгода», сейчас же лететь на защиту народа» [1]). Прошло еще несколько лет. Старое крепостное право сменилось «новым» — настоящей свободы, о которой мечтал и на которую надеялся поэт, народ не дождался.

Но вот с родины стали приходить сведения, что там началась тайная борьба за свободу со стороны общества, и поэта снова окрылила надежда. «Мой друг, отвечает он одному из корреспондентов «Колокола»,

«Твой голос молодой
Отводит душу, сердце греет,
И призрак пал передо мной,
И дух уныния слабеет.
И верю, верю я в исход,
И в наше светлое спасенье,
И в здравомыслящий народ,
И в молодое поколенье,
И верю я — не вдалеке
Грядет, грядет иная доля,
И крепко держится в руке
Одна хоругвь — земля и воля!» [2])

VIII.

Всякое известие о попытках к осуществлению заветных стремлений Огарева производило на него сильное впечатление и вызывало в нем преувеличенные надежды. Но если он быстро воодушевлялся и приходил в восторженное состояние, то еще

---

[1]) Там же, стр. 407 — 408.

[2]) С подлинника. В последнем русском издании напечатано с цензурными выпусками.

быстрее и, надо сказать, гораздо глубже впадал в мрачное настроение и разочарование.

Мы видели, с какою верою в будущее приветствовал он 1848-й год, но наступил новый — 1849-й год: «свершилася победа дряхлой власти», — и тон его голоса резко изменился.

«Вы не зарезались?»

Обращается он с вопросом к людям, близким ему по убеждениям, и, полный отчаяния, дает им такой совет:

«Скорей, скорей
Бегите в степь, где разве вихрь тревожит.
В Америку — туда, где нет людей!
И до седин бесплодно доживая,
С отчаяньем в груди умрите там,
Забыть стараясь и не забывая,
Что все, что в жизни было свято вам,
Мечты свободы, ваши убежденья,
Ненужны никому — и все замрут,
Как всякие безумные мученья,
Как всякий мозга бесполезный труд» [1]).

Причинами мрачного настроения, в какое впадал Огарев, мечтая об улучшении общественных человеческих отношений, были не одни только неудачи, но и скептический склад его ума, а главным образом крепко вкоревнившиеся в его душу пессимистические взгляды на людей, которых он сильно любил, но хотел бы видеть в гораздо лучшем свете, чем тот, в каком они являлись перед ним в действительности.

Ему казалось, что внешним образом люди как будто тесно объединены, но в действительности между ними нет никакой внутренней связи.

«Несется» среди них «трескотня речей неоткровенных и ненужных». А между тем,

«страшна, как мгла
В ночи глухой, ночи беззвездной,
Бездонно, холодно легла
Меж ними внутренняя бездна!
Ее — дни, месяцы, года —
До самого конца их века
Не переступит никогда
Живое чувство человека...

---

[1]) Лондонское издание, стр. 206.

Их держит вместе ложь,
Лакейство с жадностию льстивой
И чванства дух сребролюбивый;
А в тайне зависть точит пож,
И клевета в норе сокрытой
Шипит змеею ядовитой...
И связи между ними нет!
Все это шутка или бред!...
Тут труп общественного зданья
В дырявой мантии преданья!»

Бессмысленна и человеческая суета. Настанет день —

«Прозвенит звонок,
Пойдут свистки со всех дорог,
Пойдет вседневная забота;
Торговли гордая работа
Товар громадный двинет свой,
Облитый нищенской слезой
И градом трудового пота.
Все призраки воскреснут вдруг;
Под бедным миром вспрянут власти —
Храня общественный недуг,
И вновь помчится вихрь несчастий!»...

«О род людской! О род людской!»,— восклицает поэт,

«Куда спешишь ты в этом шуме?
Где отдохнет твой мозг больной
На жалком поприще безумий?» [1])

«В юдоли шумной, где люди бесятся и мрут», не найдется «свободо-мирного и разумного» приюта, в котором жизнь, «светлая и глубокая, как величавая река», могла бы «широко течь в движеньи плавном»:

«Всюду рабства тощий бред!
Иди чрез снежные вершины
Вечно величественных гор,
Спустися в свежие долины,
Пль вырываясь на простор —
Переплыви в тревоге рьяной
Разлив немолчный океана,
Везде найдешь один ответ:
Приюта нет! Приюта нет!» [2])

---

[1]) Издание 1904 г., том 2, стр. 185 — 191.
[2]) Там же, стр. 193 — 194.

Иногда самая человеческая жизнь казалась Огареву какой-то бессмыслицей — «нулем предвечного движенья», «властью бездонной пустоты», в которой бродят жалкие тени.

Мрачные взгляды на людей часто охлаждали его порывы к свободе и заставляли впадать в унылый и безнадежный тон, так как чувства негодования и сурового протеста были чужды его мягкому и нерешительному характеру.

Когда порою из его груди вырывались мощные призывы к борьбе за свободу, он быстро приходил в себя, горько сознавая, что это только увлечение пустою мечтой, и что голос его звучит в пустыне. Тогда «тоска души его, тоска ума» делались еще сильнее, чем они были раньше, и тяжелее становился для него «крест жизни».

Иногда, особенно в минуты печального раздумья о судьбе людей, он, подобно другу своему Герцену, обращал взор, полный надежды, к России. Но и в этом отношении настроения его не отличались постоянством, и та же Россия временами в глазах его являлась в безотрадном виде:

От Китая
До стен недвижного Кремля,
Под диким гнетом изнывая,
Томится русская земля.
Живут и мрут среди смиренья
В молчаньи вялом поколенья;
Молчит запуганный мужик
Под розгой маленьких владык;
Его чиновник грабит смело;
В труде проходит жизнь его
И не приносит ничего.
Проходит тускло... После тело
Кладут, как ветошь, в темный гроб,
Над ним бормочет пьяный поп,
Да бабы вопят... Жизнь бесцветна,
Безрадостна и неприветна,
Смерть равнодушна и дика,
И скорбь на сердце велика!

И тот из нас, кому наука
Раздвинула границы дум,
На привязи свой держит ум,
Снедаем праздностью и скукой.
Кругом помещики глупцы,
Рабы, нахалы, подлецы,
Попы, мундиры голубые,
Воров казенные полки,
Да меры к лучшему тупые,
Да плеть, да ссылки, да штыки;
И чья-то воля будто правит,
И сверху вниз все давит, давит.
И тесно, тяжело дышать,
И хочется бежать, бежать —
Куда нибудь уйти скорее
От этой жизни пытки злее;
Из этой грязи вековой,
От этой родины святой!» [1]).

Перед такими печальными картинами России Огарев останавливался в своей поэзии неоднократно. Более всего занимали внимание его те из современников, «кому наука раздвинула гра-

[1]) Лондонское издание, стр. 277 — 278.

ницы дум» и кто в то время, несмотря на преимущество перед другими, «держал на привязи свой ум» и «снедаем был праздностью и скукой». С ними Огарев чувствовал свое духовное родство, и каждое из его произведений, посвященных этим людям, носит в той или другой степени автобиографический характер.

Для нас особенного внимания из таких произведений заслуживают: сцены «Исповедь лишнего человека» и поэма «Радаев».

Герой сцен Николай Петрович называет себя и своих друзей детьми декабристов и умирая, так вспоминает свою раннюю молодость:

«Я помню, помню те года,
Я счастлив был и скорбию, и верой,
И помыслом, растущим каждый день,
И чувством, каждый день кипевшим жарче.
И все тогда влекло меня вперед:
И жажда знать законы общей жизни,
Судьбы великие людского рода,
В которые не верю я теперь,
И двигала меня еще живая память
О пятерых повешенных.
По их следам слагалась жизнь моя,
Я призван был работать для свободы
И победить иль величаво пасть» [1]).

Незаконченная Огаревым поэма «Радаев» до сих пор еще ни разу не была напечатана в настоящем своем виде. Припомним ее содержание и приведем из нее отрывки, которые в печати обыкновенно опускались, или же невольно искажались по цензурным соображениям.

В деревню, доставшуюся от двоюродного дяди, приезжает еще не старый, но уже не первой молодости человек — по фамилии Радаев. Ночью, когда отпущена была прислуга спать, он остается один. Среди окружающей его чуждой обстановки приходит на память ему дядя, которого он лично никогда не знал. Известно только ему было одно, что тот нажил себе состояние грабежом. «Наследовать такое состояние почти что нечестно!»

---

[1]) С подлинника. В издании 1904 г. напечатано с цензурными выпусками.

говорит Радаеву внутренний его голос — и ему делается тоскливо.

«Невольно тут
Радаев стал искать приют
Среди иных воспоминаний,
Среди своих родных преданий,
И образы тут вспомнил он
Иных людей, иных сторон.
Он вспомнил, как во дни забавы,
Когда он мальчик был кудрявый,
Чтоб слабый возраст охранять,
Ему сопутствовала мать,
Высокая со станом стройным,
С лицом задумчиво-спокойным
И лаской в голосе самом.
Он вспомнил, как она сидела,
Он на коленях перед ней,
Не отводил с нее очей,
Часы глядел бы, день бы целый;
Пускай не мог он понимать,
Но взоры детские искали
На кротком лике разгадать
Значенье думы и печали.
Раз он застал ее в слезах;
Отец его, веселый малый,
На этот раз, как полинялый,
Стоял с газетою в руках.
Они тревожно разговоры
Вели все шопотом, как воры,
Речь шла — как с месяц уж тому
Горячкой умер царь в Крыму,
А в Петербурге в день присяги
Был бунт, исполненный отваги.
Полк вышел чуть не на заре,
И стал на площади в каре.
Готов на смерть и жаждет воли,
Не надо больше рабской доли! [1])
Ребята! Стойте в добрый час,
Святая Русь помянет вас!
Царь пушки выдвинул. Солдату
Казалось грех стрелять по брату;
Но дан приказ, свистит картечь,
Телам на снег пришлося лечь.
Сомкнись! Каре, привычный к строю,
Сомкнулся съуженной стеною,
Ребята! Стойте в добрый час,
Святая Русь помянет вас!
Залп, залп — и сила одолела,
Шатнулися, погибло дело.
Мать плакала, отец умолк.
Ребенок, сам не понимая,
Шептал: Помянет Русь святая!...
Потом — что день, то больше толк
Ходил в народе боязливо;
Жандармов шлют без перерыва;
Тот в крепости, тот ночью взят;
Вот матери любимый брат
Захвачен был в Украйне дальней —
И дома день со дня печальней;
Ребенок ужасом объят.
С ума нейдет все этот дядя;
Он к ним недавно приезжал
В мундире, с саблей; тихо гладя
По голове, его ласкал:
«Будь, милый мальчик, друг народа,
А там уж что ни суждено —
Погибнешь, нет ли — все равно;
Благослови тебя свобода!»
А при гостях — он так кричал,
Так как-то резко выражался,
Старик с звездой его боялся
И, втайне злясь, при нем молчал.
Потом прошло еще с полгода,
Цвела зеленая природа,

---

[1]) Зачеркнуто:

В рядах насильем возмущенных
Просили гордо прав законных;
Погиб невинный генерал,
И князь великий ускакал.

И было лето, и дитя
В саду резвилося шутя;
Вдруг весть достигла дальним слухом:
Окончен суд — и пятерых
Повесили, всех сильных духом,
Повесили тихонько их,
Так, знаете, чуть рассветало,
Чтоб говора не возбуждало.
Других в цепях в Сибирь везут,
И дядя с ними тоже тут.
Ребенка обдал тайный трепет;
Кругом он слышал робкий лепет:
Повесили... Сибирь... в цепях...
Везут... и дядя в рудниках.
А сердце женское изныло;
И мать не вынесла беду,
Она слегла, звала в бреду
Свое дитя и говорила:
«Мой сын, мой сын, храни, храни,
Храни завет страдальцев сильных,
Людей повешенных и ссыльных,
Сыны отечества они...
Дитя мое, храни, храни»...
Смолк голос, сила упадала,
В десятый день ее не стало...
Так вот оно — его преданье!
Вот праотцы, вот завещанье!
О! Тут с былым святая связь
Внутри его не порвалась.
Пусть все вокруг пока чужое,
Внутри преданье есть живое,
Ему в дни скорби и труда
Не изменял он никогда.

Вспомнил Радаев школу, где он учился. Там сначала все

«шло свободно
И обращались благородно.
Без оскорблений, и с детьми.
Учтивы были, как с людьми,
Но хуже было год от году,
И юных помыслов свободу
Покрой казармы вытеснял;
Пошли предательство, нахальство,
Дух чести голову склонял
Перед понятием начальства,
И много отроков тогда
В года надежд и ожиданий,
Почти что в детские года
Вдались в тоску без упований,
И только кто в душе подлец,
Был мира счастливый жилец.
И где друзья общины школьной?
Все разбрелися, как попало...
Кто в гроб сошел во цвете лет
Без грязных пятен, сердца жара
Не заглушив в чаду угара,
И не торгуя, как иной,
Своей душевной чистотой
За деньги, барство, блеск столицы,
За блюдо царской чечевицы.
Кто ж уцелел? Да редкий тот,
Кто мог в себе сквозь скорбь и гнет
Спасти завет страдальцев сильных,
Людей повешенных и ссыльных.
И все оно, везде оно —
Преданье чистое одно...

Вспомнил Радаев, как

«в угоду
Отцу, служил он больше году
В блестящем городе Петра,
В одном из зданий многолюдных,
В одном из заведений чудных,
Где пишут с самого утра,
Спеша без смысла и без срока
С неутомимостью потока
Справлять дела, дела, дела,
Решения добра и зла,
Свершенные по воле царской
Порядком дури канцелярской.
Радаеву повеял сплин
Ход государственных пружин...

Царя он видел на параде
В тугом воинственном наряде;
Огромный рост и зверский взгляд,
И лоб, откинутый назад,
Все, что могла создать казарма,
Все дико выразилось в нем,
Совокупив в одно с царем
России главного жандарма.
Царь на параде всех распек
За беспокойство конских ног
И ускакал так гордо, смело,
Как бы свершил святое дело.

Радаев ясно мог понять,
Что тут нельзя спасенья ждать.
«Боюсь свободы!» Надпись эта
На знамя царское надета.
Как прежде в школе, так везде
Он видел в войске и везде
Росло предательство, нахальство,
Тупела мысль и мозг дичал,
Дух чести голову склонял
Перед понятием начальства.
И Русь жила в суровой тьме,
И было душно, как в тюрьме!

Радаев задыхался в такой обстановке, и уже намерен был бросить службу, но вспыхнувшая в сердце его любовь к Вареньке отвлекла внимание в другую сторону, и он позабыл те тяжелые условия, которые его окружали. Это продолжалось, однако, недолго. Варенька быстро охладела к нему, и вышла по расчету замуж за другого. Радаев вновь стал ясно видеть все то, чего некоторое время, под влиянием охватившего его чувства любви, вовсе не замечал.

Кругом осталось все, как было,
Все так же пошло, так же гнило;
Все так же канцелярский ход
Вертел уродливой машины
Самодержавные пружины,
Карал за мысль, сжимая рот,
Гнал правду и душил народ!
Все так же, точно в адской пляске,
Перед глазами вдаль и вблизь
Фигуры дикие неслись.
И дикий царь в античной каске
И в каске дикий генерал,
Квартальный, князь, курьеръ придворный —
Все в каскахъ мчались наповал;
Все римляне, народ задорный,
Их жизни жизнь, их цель, их честь —
Простого смертного заесть;
И даже тот, как бишь, писатель,
Сухой учености искатель,
Молчалин родом, но нахал,
Который важно утверждал,
Что нам нужны, как драгоценность,

Умеренность и постепенность.
А тут директор в виц-мундире,
Наглец и раб во всей красе.
Ну! Где спасенье в этом мире?
Все надоело, все и все.

Наконец, Радаев вышел в отставку и перебрался из Петербурга в Москву. Там поразила его смерть «доблестного друга и мыслью сильного бойца». Под влиянием такого удара судьбы он впал еще в большее отчаяние и уехал в деревню — «к могиле матери своей».

На этом прерывается повесть [1]).

Возродила ли его к новой жизни могила матери или он духовно опустился подобно родственному ему по натуре Андрею Потапычу? [2])—Мы не знаем, но с большою вероятностью можно предположить, что если память о матери и вдохновила Радаева приступить хотя бы к частичному исполнению «завета страдальцев сильных», то он скоро должен был охладеть к делу и преждевременно разочароваться в своих силах. По крайней мере, к этому приходили все герои литературных произведений Огарева и в конце-концов он сам.

Оставалось одно — проклиная, покинуть родной край, «где больно жить», и удалиться в чужую страну, чтобы там «казнить» свою родину и свободно высказывать, «что душу гложет — всю ненависть, или любовь, быть может» [3]).

Так и поступил Огарев, эмигрировав в 1856 году заграницу.

IX.

В том же году в Лондоне вышла 2-ая книжка «Полярной Звезды», в которой Огарев напечатал свою статью «Русские вопросы», подписав ее инициалами Р. Ч.

С этой статьи началась заграничная его публицистическая деятельность.

---

[1]) Рукопись (автограф Огарева) Пушкинского Дома.
[2]) Повесть «Господин».
[3]) М. О. Гершензон, «История молодой России», М. 1908, стр. 203.

К такого рода деятельности побуждало Огарева не одно только желание «казнить» и «ненавидеть», но и строго продуманное убеждение в том, что пришло время продолжить дело декабристов. «С 1812 по 1825 год Россия, говорит он, сознавала себя огромной силой в мире человеческом, и вместе с тем, внутри себя пришла к чувству гражданской свободы. Петербургская централизация вызвала на борьбу молчавшие силы народа, и они окончательно сплотились в мощь государства. Но раз вызванные — они не могли снова умолкнуть беспечно и равнодушно; им надо было заявить себя не только противу внешнего врага, но заявить свою жизнь и самостоятельность в общественном устройстве».

«Между тем, Петербургская централизация была наследие немецкое; вызвав русские силы на свет, она осталась немецкою. Борьба была неизбежна. Немецко-мистический либерализм Александра I перешел в казарменно-бюрократическую форму Аракчеевского управления; а юные русские силы, требовавшие простора, с пылким сочувствием обратились к идеям французской революции. Борьба романского и германского мира, встретясь на русской почве, перенначились под влиянием русской жизни, их усвоившей. Немецкая централизация в Петербурге проникнулась духом татарщины и была уродливым соединением кнута с шпицрутенами, грабежа с канцелярией. Противодействующие ей силы выразились в том блестящем меньшинстве, из которого возникло 14 декабря; оно соединяло в себе чутье русского народного социализма с французско-либеральным понятием гражданского права, требовало освобождение крестьян и колебалось между республикой и конституционной монархией, только что перенесенной во Францию с английской почвы... Оно завершило характер революционной Европы в России и в то же время посеяло в русском сознании семена важнейших вопросов нашей общественной жизни, которые под гнетом николаевского царствования долгое время не выплывали наружу, скрываясь в тесно-сплоченных, интимных кружках, и только в самое последнее время, под влиянием целого ряда исторических обстоятельств, настойчиво стали о себе заявлять, требуя немедленного разрешения» [1]).

---

[1]) Предисловие к «Думам» Рылеева, стр. VII — XIII.

Из них с особенной силой выделялся вопрос об освобождении крестьян. «Существование крепостного права со всеми его злоупотреблениями и бездеятельность правительства в крестьянском деле, говорит В. И. Семевский [1]), были, по признанию некоторых декабристов, одною из главных причин их вступления в тайное общество».

Выше было сказано, как относился к крестьянскому вопросу Огарев в практической жизни в качестве помещика. В публицистических своих статьях он всегда ставил его на первом плане, и разрешение его в смысле немедленного освобождения крестьян от крепостной зависимости считал самым неотложным и самым важным из всех современных ему общественных вопросов. Когда вопрос этот поднят был в наших правительственных сферах, он с неослабным интересом следил за всеми перипетиями его развития, то приходя в восторженное состояние, то падая духом, в зависимости от того, какой оборот принимало дело, так близкое его сердцу и уму [2]). Необходимыми условиями освобождения Огарев считал наделение крестьян землею и сохранение за ними общины. Такого рода взгляды сложились у него, несомненно, под влиянием целого ряда воздействий. Здесь, конечно, не малую роль сыграли и непосредственные его наблюдения над жизнью народа, и знакомство его с славянофилами, и Гакстгаузен и увлечение сен-симонизмом, но все это тесно связано было у него с «заветами страдальцев сильных, людей повешенных и ссыльных» и в особенности с представлением (правда, несколько туманном) о Пестеле, как о первом русском социалисте. Огарев особенно выделял эту черту в последнем, и не один раз говорил в печати, что зачатки всех не только политических, но социальных вопросов России нового времени лежали в обществе 14 декабря. Связан был с декабристами Огарев в своих воззрениях и на другие важнейшие вопросы русской жизни. Вспомним отношения его, как публициста, к гласному суду, свободе слова, преобразованию чиновничества, обузданию полицейского

---

[1]) «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века», С.-Пб. 1888, Т. I, стр. 501.

[2]) См. подробно об этом в статье С. Ашевского: «Освобождение крестьян и «Колокол» Герцена» («Современный Мир» 1906 года, кн. XII, стр. 261 — 296).

произвола и т. п. Но все эти вопросы и их решения подсказаны были ему столько же историей, сколько и современной жизнью, а потому останавливаться на них детально—не входит в нашу задачу.

Нельзя, однако, не отметить, что в конце 50-х и в самом начале 60-х годов Огарев резко разошелся с декабристами во взглядах на самодержавие, и ему тогда казалось, что назревшие к тому времени преобразования в России могут быть начаты и доведены до конца мирным путем. В первом номере «Колокола», вышедшем в свет 22 июня 1857 года, в «Письме к издателю» он говорил, что не верит революциям, по крайней мере, политическим революциям, «которые ставят короля-банкира на место короля-барина, императора-плута на место короля-банкира»; что «в сущности эти революции не составляют реформы, перемены; что перемена лежит в экономических данных государства, какое бы правительство ни было», и что возможно «ужиться со всяким правительством, лишь бы оно стояло на высоте экономических изменений в государстве. Дело не в перемене правительства, продолжал он далее, а в перемене, которая улучшила бы положение людей». Вот в чем настоящий «так называемый социализм, с которым всякое правительство, которое не хочет погибнуть, должно быть заодно».

Хотя по временам слегка и колеблясь, он в конце-концов верил, что правительство императора Александра II пойдет по верному пути и приведет государство в положение, соответствующее тем общественным идеалам, которые так дороги были ему и его другу Герцену.

Так, благоговея перед «великими событиями, которые совершались в отечестве», Огарев, начиная 1858 год, приветствовал Александра II и высказывал убеждение, что «он неравнодушно примет это горячее приветствие людей, которым не нужно его бояться, которые для себя лично от него ничего не ждут и ничего не просят, приветствие свободных людей русских—царю, уничтожающему рабство» [1]). А вскоре после этого он публично заявил, что ему больно прятаться под псевдонимом от Александра II, которого он слишком уважает, чтобы делать что-нибудь не въявь и неоткровенно [2]).

---

[1]) «Колокол», № 7, 1 января 1858 г.

[2]) «Колокол» № 9, 15 февраля 1858 г.

Но правительство Александра II не оправдало возлагаемых на него надежд. Когда это ясно обнаружилось, Огарев повел речь о необходимости ограничения самодержавия и созыва Земского собора. Рассуждая об этом, он неоднократно ссылался на декабристов. Движение их, говорил он, «зачавшееся в среде барства, отрицая это барство, поколебало царскую власть в общем сознании и поставило в зародыше все вопросы народного освобождения, которым было суждено развиться впоследствии. История пришла к исходной точке 14 декабря, но с тою разницею, что 14 декабря нельзя было поколебать царя, потому что помещичество и чиновничество были живы; теперь они подточены, а с ними подточена и царская власть» [1]). Позднее, указывая на то, что от правительства действительной свободы для народа ждать нечего, Огарев писал: «На основании двух мыслей, т.-е. уничтожения монархического правительства и заменения его правительством выборным от всего народа, и по уничтожении всяких сословий и заменении их единым народом, на основании этих двух мыслей была писана «Русская Правда» Пестеля, проект русской республики [2]).

Тогда же он, обращаясь к офицерам и призывая их к активному выступлению против самодержавия, указывал, как, на пример, достойный подражания, «на дело других годов, дело начала русской свободы, сказавшейся в русском войске, дело офицеров— их предшественников, дело людей 14-го декабря 1825 года».

---

[1]) Предисловие к «Русской потаенной литературе», стр. L — LIII.

[2]) Николай Огарев «В память людям 14 декабря 1825 г. (Посвящено русскому войску»). Без заглавного листа, 16 д. л., 22 стр. Женева. 1870, стр. 2.

Известный провокатор Роман, ссылаясь на Тхоржевского, приписывает авторство этой брошюры Бакунину, который будто бы так «опутал» Огарева, что тот подписал свою фамилию под чужою работой. (Р. М. Кантор, «В погоне за Нечаевым», П. 1922, стр. 47—48). Но это совершенно не вероятно. Стиль брошюры слишком характерен для Огарева. Мало того, некоторые мысли в ней и даже целые выражения почти дословно повторяют то, что без труда можно найти в других статьях Огарева. По всей вероятности, Роман, услышав о том влиянии, какое оказывал Бакунин на поэта, сильно сгустил краски, а, быть может, и невольно уклонился от истины, перепутав факты, сообщенные ему Тхоржевским.

X.

Огарев вызывает к своей личности большой исторический интерес как поэт и как один из типичных представителей людей сороковых годов прошлого столетия. В обоих случаях он стоит в тесной связи с тем поколением, из которого вышли декабристы.

Гражданский элемент, окончательно завоевавший себе право в русской поэзии со времен Пушкина и в особенности Рылеева, является и у него в целом ряде его произведений. Но настроения, которыми пропикнуты такие произведения, только в редких случаях однозвучны с произведениями писателей, выступивших на литературное поприще в двадцатых годах. В то время, как поэзия последних дышит свежею бодростью и глубокою верой в светлое будущее, произведения Огарева большею частью полны уныния и какой-то безнадежности. Он сам дает им прекрасную характеристику:

Моя песня — не просто сказанье,
Моя песня — надгробное рыданье
По людям, убиенным за родину,
За любовь к воле человеческой,
По мученикам, по праведным,
Святой вольности угодникам.
Моя песня — не просто сказанье,
Моя песня — надгробное рыданье;
Из груди она с болью вырвалась,
От глубокой тоски сказалася... [1]).

Но «не один железные цепи перетирают жизнь», как справедливо замечает Герцен, и не мало человеческих сил сгорают на медленном огне «не от того угнетения, против которого восстают люди, а от того, которое они сносят с каким-то трогательным умилением и которое по этому самому пагубнее первого». Русская жизнь знает таких «убиенных», их называют «лишними людьми».

Много внимания лишним людям уделяла наша литература, но не один из наших писателей не был так духовно близок к

[1]) Стихотворение «С того берега».

ним, как Огарев, а потому его произведения чрезвычайно ценны не только, как образцы истинной поэзии, но и как человеческие документы, где, между прочим, говорится и о той роли, какую сыграли декабристы в истории развития последующих поколений.

Как один из типичнейших людей 40-х годов, Огарев склонен был по натуре своей к пессимизму, быстро охлаждавшему в нем живые порывы к делу и в значительной степени подрывавшему его энергию. В этом отношении он резко отличался от своих предшественников, что ясно сознавалось прежде всего им самим. «С двадцатых годов наши потребности, писал он в 1861 году, уяснились, понимание выросло, а люди тех годов — нельзя не сознаться — были сильнее. Между их энергией и нашим пониманием тяжеловесно легло николаевское царствование» [1]). Пример людей, умевших претворять свои гражданские стремления и мечты в действительность, являлся в жизни Огарева той силой, которая не только поддерживала его энергию в минуты уныния и отчаяния, но временами и подталкивала его к действию. Ведь в его глазах эти люди не опускали рук даже тогда, когда не верили в близкое осуществление своих идеалов. «Люди 14 декабря, говорит он, знали, что успех их предприятия сомнителен, и ставили одною из главных своих целей: заявить свою мысль всенародно, заявить пример, одним словом—начать с того, что они погибнут, но дело уже никогда не погибнет. И оно действительно не погибло» [2]). Огарев считал себя одним из прямых продолжителей дела «людей 14 декабря» и таким образом исторически оправдывал свою литературно-общественную деятельность. Даже тогда, когда эта деятельность его оборвалась, и он потерял веру почти во все, во что верил в лучшие времена своей жизни; когда физически ежеминутно обращался он в живой труп и как-то болезненно чувствовал и мыслил, даже тогда не забывал он своих вдохновителей в деле гражданского подвига.

Как-то, совсем незадолго до смерти пришла на память ему героическая симфония Бетховена. Он вспомнил торжественные

---

[1]) Предисловие к «Русской потаенной литературе», стр. X.

[2]) «В память людям 14 декабря 1826 г.», стр. 6.

звуки ее, но применил их «не к витязям войны, а к людям доблестным, погибшим среди муки за дело вольное народа и страны!»

Так исполнилось желание Огарева, высказанное им в одном, чуть ли не самом лучшем, из его стихотворений с гражданским оттенком:

«Если-б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный — в спокойной кручине,
Не дай мне остынуть без звука святого;
Товарищ, шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!»

Только поэту, умиравшему в стране холодных и мрачных туманов, заветное слово шепнул не товарищ, давно уже покоившийся под могильной плитой среди вечно цветущей природы светлого юга, а подсказала никогда не умиравшая в душе его память о тех «доблестных людях», от которых в ранней юности впервые на него блеснули лучи так дорогой его сердцу свободы.

С. Переселенков.

ДОСТОЕВСКИЙ О ДЕКАБРИСТАХ.

1825 год — декабристы; 1849 год — петрашевцы. Расстояние менее 25 лет.

Русская действительность за эти 25 лет внешне почти не изменилась: база, методы и формы Николаевского режима от начала и до конца царствования оставались неизменными. Язвы, терзавшие русскую жизнь, были те же. Реформы крестьянская, судебная и цензурная попрежнему стояли на очереди и одинаково волновали как декабристов, так и петрашевцев.

Но если русская действительность на поверхности, казалось бы, совсем не шелохнулась, то внутри, под этой «блаженной» поверхностью, русское общество в лице передовых своих представителей проделало длинный, трудный путь.

«Мы приходили в отчаяние в конце первой четверти нынешнего века вместе с передовыми европейцами над их погибшими мечтами и разбитыми идеалами, а в половине текущего столетия некоторые из нас удостоились приобщиться к французскому социализму и приняли его без малейших колебаний за конечное разрешение всечеловеческого единения, т.-е. за достижение всей увлекавшей нас доселе мечты нашей» — говорит Достоевский об этой духовной эволюции нашей интеллигенции («Дневник Писателя» 1877 г., январь, гл. 2, § 2, стр. 24).

И если враг и у тех, и у других был один и тот же, и требования, предъявлявшиеся ему, почти одни и те же, то идейная сторона обоих обществ резко отличалась друг от друга.

В 1825 году для большинства декабристов вопросы социальные не имели доминирующего значения, петрашевцы же в 1849 году были первыми последовательными выразителями у нас так называемого утопического или теоретического социализма. Они были воспитаны на произведениях Сен-Симона, Фурье, Луи Блана, у них они черпали разрешение насущных вопросов, они воспла-

меняли их умы, — как говорит Достоевский, «во имя какого-то великодушия».

Поэтому петрашевцы, кровно связанные с современными им западно-европейскими социалистическими течениями, повидимому, мало чувствовали свою преемственную связь с предыдущим русским революционным движением — с декабристами.

Отсюда становится понятным факт, что Достоевский ни в письмах, ни в своих ранних произведениях нигде даже не упоминает о декабристах.

Сосланный на каторгу, Достоевский, следуя по этапу в Сибирь, встретился в Тобольске с женами декабристов. Об этом он повествует в своем «Дневнике Писателя» за 1873 год так:

«...в Тобольске, когда мы, в ожидании дальнейшей участи, сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. Мы увидели этих великих страдалиц, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили все: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли все, что перенесли их осужденные мужья. Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого одели в Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим. По ней выучил читать одного каторжного» [1]).

Об этом же событии Достоевский повествует и в «Записках из Мертвого Дома», не произнося, правда, слов «жены декабристов»:

«Эту книгу, с заклеенными в ней деньгами, подарили мне еще в Тобольске те, которые тоже страдали в ссылке и считали время ее уже десятилетиями и которые во всяком несчастном уже давно привыкли видеть брата» [2]).

Евангелие это сохранялось в семье писателя, как реликвия (см. о нем: Н. Н. Кузьмин, «Евангелие Ф. М. Достоевского —

---

[1]) «Дневник Писателя» — Соч., изд. 1906, т. X, стр. 163.

[2]) «Записки из Мертвого Дома», гл. VI.

(«Ежемесячные Сочинения» 1901, кн. 1, или Л. П. Гроссман, «Библиотека Достоевского», Одесса. 1919, стр. 154).

В 1859 году, отбыв четыре года каторги и 6 лет службы рядовым в Семипалатинске, Достоевский выехал из Сибири в Россию.

В 1867 году ему пришлось надолго уехать заграницу.

Пользуясь дневником А. Г. Достоевской за 1867 год (изд. 1923), мы можем установить любопытный факт: Достоевский принимается систематически изучать русскую заграничную запрещенную литературу. В записи А. Г. Достоевской от 1 июня (20 мая), мы читаем: «Я взяла 2-ю часть «В ожидании лучшего», а Федя «Голоса из России». Федя решился перечитать все запрещенные издания, чтобы знать, что пишут заграницей о России. Это необходимо для его будущих произведений». А ранее на страницах дневника встречаем такие записи: «С террасы мы пошли по Schlosstrasse искать «Полярной Звезды» за 55 год, но не могли найти» [1])... «На наш стук нам отворила хозяйка библиотеки, мы опять взяли 3 номера «Полярной Звезды» [2]). «Зашли за сигарами и папиросами и купили «Колокол» [3]). «Отсюда пошли покупать «Колокол», купили за 1-е июня, чего мы не знали, потому что в последнем номере было сказано, что следующий номер выйдет 15 июня» [4]).

Повидимому, только в это время, по «Полярной Звезде», Достоевский серьезно познакомился с жизнью и деятельностью декабристов, хотя многое, конечно, было ему известно не из печатных источников, а в живом устном предании.

В «Дневнике Писателя» за 1876 год (январь, гл. III, § 2) он помещает небольшую заметку:

«Кстати словечко о декабристах, чтоб не забыть: извещая о недавней смерти одного из них, в наших журналах отозвались, что это, кажется, один из самых последних декабристов; — это не совсем точно. Из декабристов живы еще Иван Александрович Анненков,—тот самый, первоначальную историю которого перековеркал покойный Александр Дюма-отец, в известном романе

---

[1]) «Дневник А. Г. Достоевской», стр. 91, 21.
[2]) Ibid., стр. 36.
[3]) Ibid., стр. 86.
[4]) Ibid., стр. 122.

своем «Les mémoires d'un maître d'armes». Жив Матвей Иванович Муравьев-Апостол, родной брат казненного, живы Свистунов и Пазимов; может быть, есть и еще в живых».

Однако, знакомство это не было знакомством двух близких и родственных миросозерцаний.

В первом периоде, — до ссылки, — Достоевский был ближе по духу декабристам, хотя и мало знал о них, чем во втором периоде, когда, в связи с общим своим мировоззрением, отнесся отрицательно и к декабристам.

Для него они прежде всего представители дворянства. Того самого средне-высшего дворянского круга, историографом которого он считает Льва Толстого. Того слоя, о котором он в статье об «Анне Карениной» для «Дневника писателя» говорит, что это «до нельзя плохой слой». В «Подростке» [1]), говоря о том же Л. Толстом, он замечает: «В высших типах своих историк выставляет с тонкостью и остроумием историю перевоплощения разных европейских идей в лицах русского дворянства: тут и масоны, тут и перевоплощение Пушкинского Сильвио, взятого из Байрона, тут и зачатки Декабристов».

В этой же связи упоминает Достоевский о декабристе Лунине в «Бесах» [2]). Он является здесь, как параллель Ставрогину, — тот же тип русского барича, только старшего поколения.

«Я, пожалуй, сравнил бы его с иными прошедшими господами, о которых уцелели теперь в нашем обществе некоторые легендарные воспоминания. Рассказывали, например, про декабриста Л[уни]на, что он всю жизнь нарочно искал опасности, упивался

---

[1]) Л. П. Гроссман, «Библиотека Достоевского», Одесса. 1919, стр. 85, или В. Л. Комарович: «Материалы к Подростку» — «Начала», № 2.

[2]) Из литературы о Лунине только очень небольшая часть была напечатана до появления в свет «Бесов». Таковы: «Полярная Звезда» на 1859 г., кн. 5 (стр. 53 — 61 и 231 — 237); «Полярная Звезда», кн. 6 (стр. 51—60); «Записки декабриста А. Е. Розена», Лейпциг. 1870 г.: Сборник «Записки декабристов», вып. 2—3, Лондон. 1863 г; «Листок» кн. Петра Долгорукова, Лондон. 1863 г., № 9, стр. 70; «Колокол» 1859 г., № 36, от 15 февраля, стр. 293—4); «Русский Архив» 1870 г., № 8—9, статья декабриста П. И. Свистунова (ср. С. Я. Штрайх, «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма», II. 1923).

С большинством этих произведений Достоевский познакомился, как мы видели, за границей в 1867 году.

ощущением ее, обратил ее в потребность своей природы: в молодости выходил на дуэль ни за что̀; в Сибири — с одним ножом ходил на медведя, любил встречаться в Сибирских лесах с беглыми каторжниками, которые, замечу мимоходом, страшнее медведя. Сомнения нет, что эти легендарные господа способны были ощущать и даже, может быть, в сильной степени, чувство страха, иначе были бы гораздо спокойнее и ощущение опасности не обратили бы в потребность своей природы. Но побеждать в себе трусость—вот что̀, разумеется, их прельщало. Беспрерывное упоение победой и сознание, что нет над тобой победителя,—вот что̀ их привлекало. Этот Л[упи]н еще прежде ссылки некоторое время боролся с голодом и тяжким трудом добывал себе хлеб, единственно из-за того, что ни за что не хотел подчиниться требованиям своего богатого отца, которые находил несправедливыми. Стало быть, многосторонне понимал борьбу; не с медведями только и не на одних дуэлях ценил в себе стойкость и силу характера. Но все-таки с тех пор прошло много лет, и нервозная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени даже и вовсе не допускает теперь потребности тех непосредственных и цельных ощущений, которых так искали тогда иные, беспокойные в своей деятельности, господа доброго старого времени. Николай Всеволодович, может быть, отнесся бы к Л[упи]ну свысока, даже назвал бы его вечно храбрящимся трусом, петушком, — правда, не стал бы высказываться вслух. Он бы и на дуэли застрелил противника и на медведя сходил бы, если бы только надо было, и от разбойника отбился бы в лесу, так же успешно и так же бесстрашно, как и Л[упи]н, но зато уже безо всякого ощущения наслаждения, а единственно по неприятной необходимости, вяло, лениво, даже со скукой. В злобе, разумеется, выходил прогресс против Л[упи]на, даже против Лермонтова».

В ненапечатанном отрывке «Дневника Писателя», предназначавшемся к январскому номеру за 1877 год [1]), Достоевский, сравнивая петрашевцев с декабристами, снова подчеркивал их происхождение из высшего, «барского» общества.

---

[1]) «Старина о Петрашевцах» — Сборник «Достоевский», под редакцией А. С. Долинина, II. 1922, стр. 369.

«Мысль автора, пишет Достоевский по поводу статьи И. А. Баталина, помещенной в № 16 «Петербургской Газеты», «о ничтожности у нас революционной пропаганды без сомнения верная, хотя и выражена неясно: тут многое надо было точнее определить ради пользы дела. Но я замечу лишь о петрашевцах, что вряд ли прав автор, указывая на их примере об измельчании политического преступника сравнительно с декабристами. Прибавлю, что мысль эту об «измельчании» я уже давно слышал; она не раз уже повторялась в печати; вот почему я и останавливаюсь на ней теперь, повстречав ее кстати. По-моему, коренное изменение типа политического преступника произошло у нас лишь за последние двадцать лет, но петрашевцы были совершенно еще одного типа с декабристами, по крайней мере, по тем существенным признакам типа, на которые указывает сам автор статьи. Автор говорит, что декабристы были люди, «выходившие из среды высшего интеллигентного общества». Но чем же иным были петрашевцы? В составе декабристов действительно, может быть, было более лиц в связях с высшим и богатейшим обществом; но ведь декабристов было и несравненно более числом, чем петрашевцев, между которыми было тоже не мало лиц в связях и родстве с лучшим обществом, вместе с тем и богатых. К тому же высшее общество нисколько ведь не сочувствовало замыслу декабристов, и в нем не участвовало даже и косвенно, так что с этой стороны не могло им придать никакого особого значения. Тип декабристов был более военный, чем у петрашевцев, но военных было довольно и между петрашевцами. Одним словом, я не знаю, в чем видит различие автор. И т е и д р у г и е п р и н а д л е ж а л и б е с с п о р н о с о в е р ш е н н о к о д н о м у и т о м у ж е г о с п о д с к о м у, «б а р с к о м у», т а к с к а з а т ь, о б щ е с т в у и в этой характерной черте тогдашнего типа политических преступников, т.-е. декабристов и петрашевцев, решительно не было никакого различия. Если же между петрашевцами и было несколько разночинцев (крайне немного), то лишь в качестве людей образованных, и в этом качестве они могли явиться и у декабристов. Вообще же говоря, мещане и разночинцы не могли быть ни у декабристов, ни у петрашевцев в значительном числе, но лишь потому, что они тогда и не являлись в числе. Что же до «интеллигентности», как высшего

качества декабристов над петрашевцами, то в этом автор совсем уже ошибся: общество декабристов состояло из людей несравненно менее образованных, чем петрашевцы. Разумеется, наблюдателям об «измельчании» типа многое могло представиться неверно и потому еще, что петрашевцы были несравненно малочисленнее декабристов, существовал самый короткий срок и заключали в составе своем, в большинстве, людей более молодых, чем декабристы».

Но наиболее ярко, в наиболее обнаженной форме выразил Достоевский свою мысль о декабристах в своей записной книжке по поводу «Горе от ума».

«Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива:

«Пойду искать по свету»...

Т.-е., где? Ведь у него только и свету, что в его окошке, у Московских хорошего круга,—не к народу же он пойдет. А так как Московские его отвергли, то значит, «свет» означает здесь Европу. Заграницу хочет бежать.

Если б у него был свет не в московском только окошке, не вопил бы он, не кричал бы он так на бале, как будто лишился всего, что имел, последнего достояния. Он имел бы надежду и был бы воздержаннее и рассудительнее.

Чацкий—декабрист. Вся идея его—в отрицании прежнего, недавнего, наивного поклонничества. Европы все нюхнули и новые манеры понравились. Именно только манеры, потому что сущность поклонничества и раболения и в Европе та же» [1]).

Мы пересмотрели все немногие высказывания Достоевского о декабристах,—и нам становится ясно, что Достоевский как петрашевец, хотя тоже шел по революционному пути—знал декабристов возможно,—даже мало, мало ими интересовался.

Как писатель-мыслитель и как общественный деятель, во вторую часть своего пути он отнесся к ним недоброжелательно: «тип русского революционера во всё наше столетие представляет собою лишь наяснейшее указание, до какой степени наше передо-

[1]) «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского», С.-Пб. 1883, отд. 2, стр. 375.

вое, интеллигентное общество разорвало с народом, забыло его истинные нужды и потребности, не хочет даже и знать их и вместо того, чтоб действительно озаботиться облегчением народа, предлагает ему средства, в высшей степени несогласные с его духом и с естественным складом его жизни, и которых он совсем не может принять, если бы даже и понял их.

Революционеры наши говорят не то и не про то, — и это целое уже столетие» [1]).

Взгляд на декабристов, как на высший, оторвавшийся от русской почвы слой дворянской интеллигенции не представлял новизны. Мысль эта, начиная с Надеждина, высказывалась не раз и до Достоевского, но мы отмечаем ее, как неотъемлемую составную часть общего мировоззрения великого писателя и как одну из точек зрения на декабристов в среде следующего за ними поколения русской интеллигенции.

---

[1]) Сборник «Достоевский», стр. 371.

Е. Покровская.

Указатель имен.

Аврамов, Иван Борисович. 117.
Аврамов, Павел Васильевич. 117.
Аксаков, Сергей Тимофеевич. 90.
Александр I Павлович. 21, 81, 83, 100, 114, 142, 168, 173, 174, 177, 178, 184, 189, 198, 199, 230, 231, 279, 310.
Александр II Николаевич. 151, 166, 221, 254, 257, 258, 261, 312, 313.
Александра Федоровна, императрица. 150, 153.
Алексеев, фейерверкер. 34, 35.
Амбургер, Мария Карловна, — см. **Вейкардт**.
Андреевич, Гордей Максимович I-й. 32.
Андреевич, Яков Максимович 2-й. 25, 32, 122, 123, 127, 211.
Андреевский, Эраст Степанович. 91, 92.
Андржейкович, Михаил Фаддеевич. 24.
Анненков, Иван Александрович. 109, 232, 319.
Анненкова, Прасковья (Полина) Егоровна, р. **Гебль**. 109, 130, 200.
Аполлон Митрофанович N. 164.
Апухтина, Наталья Дмитриевна, по 1-му браку **Фонвизина**, см. — **Пущина**.
Арбузов, Антон Петрович. 109, 123.
Аргамаков, Афанасий. 179.
Аристов, Михаил К. 75, 76, 79.
Арсеньев, Иван Алексеевич. 20, 35.
Арсеньев, Николай Васильевич. 67
Артенова, Дросида Ивановна, см. — **Кюхельбекер**.
Архангельский, Александр Семенович. 150.
Арцимович, Анна Михайловна, р. **Жемчужникова**. 253, 261.
Арцимович, Виктор Антонович. 250, 251, 253, 254, 256, 261, 262, 264, 270, 272.
Атлас, Д., авт. 84.
Ашевский, С., авт. 311.
Базилевский, Иван Федорович. 233.
Байрон. 280, 320.
Бакунин, Михаил Александрович. 313.
Бантыш-Каменский, Дмитрий Николаевич. 101, 102, 103, 104, 105, 109, 110.
Баранова, Варвара Самсоновна, см. — **Оболенская**, княгиня.
Барсуков, Николай Платонович. 176.
Бартенев, Петр Иванович. 150, 174, 183.
Барятинский, князь Александр Петрович. 81, 121, 198, 201, 204, 205, 207, 209, 217.
Басаргин, Николай Васильевич. 83, 117, 130, 131. 133, 226, 237.
Баталин, Иван Андреевич. 322.
Баташев, полковник. 33.
Батеньков, Гавр. Степанович. Предисл., 168 — 181, 239, 251, 262, 263, 264.
Башмаков, Флегонт Миронович. 11.
Безносиков, Яков Иванович. 211.
Безобразов, Петр Михайлович. 217.
Безобразова, Софья Федоровна, р. **Вадковская**, см. — **Тимирязева**.
Безродный, Василий Кириллович. 99, 101, 103, 104, 105, 107, 108, 109, 110.
Беклемишев, Федор Андреевич. 256, 257.
Белоголовый, Николай Андреевич. 232.
Беляев, Александр Петрович. 106, 117, 130, 131, 189, 194, 200.
Беляев, Петр Петрович. 117, 131.
Бенжамен Констан. 48.
Бенкендорф, граф Александр Христофорович. 37, 38, 44, 45, 82, 88, 89, 92, 93, 96, 99, 104, 105, 106, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 157, 221, 222.
Бентам, Иеремия. 48.
Беренс, прапорщик. 29.
Берс, Софья Андреевна, см. — **Толстая**, графиня.

Бестужев (Марлинский), Александр Александрович. 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 106, 123, 124, 231.
Бестужев, Михаил Александрович. 91, 106, 107, 108, 121, 130, 134, 210, 226.
Бестужев, Николай Александрович. 91, 121, 137, 141, 144.
Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович. 8, 9, 11.
Бетховен, ван-, Людвиг. 315.
Бечаснов (Бечасный), Владимир Александрович. 25, 28, 32, 33, 119, 120.
Бибиков, Михаил Илларионович. 194, 213.
Бибикова, А. М. 213.
Бибикова, Софья Никитична, р. **Муравьева**. 194, 213.
Блан, Луи. 317.
Блудов, граф Дмитрий Николаевич. 44, 46, 170—171, 187.
Боборыкин, Константин Николаевич. 247, 266, 269.
Боборыкина, Екатерина Лукьяновна, см. — **Симанская**.
Боборыкина, Юлия Сергеевна, р. **Кашкина**. 247, 255, 266, 268, 269.
Бобрищев-Пушкин, Николай Сергеевич. 81.
Бобрищев-Пушкин, Павел Сергеевич. 117, 266.
Богданович, Модест Иванович. 198.
Богуславский, генерал-маиор. 23, 27, 32, 36.
Богучарский, Василий Яковлевич. 5, 200, 241.
Боливар, Симон. 143.
Борисов, Андрей Иванович 1-ый. 132, 211, 232.
Борисов, Петр Иванович 2-ой. 25, 32, 132, 211, 232.
Боровков, Александр Дмитриевич. 44.
Брагин, фейерверкер. 28.
Бракман, Жозефина Адамовна, см.— **Муравьева**.
Бригген, фон-дер-, Александр Федорович. 20, 116.
Брин, фан-, Франц Абрамович. 176.
Брюгген, фон-дер-, 2-ой, поручик. 20.
Брюкнер, А. Г., проф. 100.
Булгаков, Александр Яковлевич. 101.
Булгаков, Константин Яковлевич. 101.
Булгарин, Фаддей Венедиктович. 141.
Булич, Никита Иванович. 168, 169, 179.
Булич, Николай Никитич. 169.
Бурлакова, солдатка. 142.
Бурмон, генерал. 140, 141.
Буташевич-Петрашевский, Михаил Васильевич. Предисл., 239, 256, 257.
Бутурлин, граф Михаил Дмитриевич. 263.
Бутурлина, г-жа. 266.
Бухарин, готландгер. 28.
Буш, конюший. 26, 29.
Быстржицкий, Андрей Андреевич. 8, 54.
Бычков, Иван Афанасьевич. 151.

Вагин, Всеволод Иванович. 175, 176, 178.
Вадковская, Екатерина Ивановна, р. графиня **Чернышева**. 197.
Вадковская, Елизавета Александровна, р. **Молчанова**. 218.
Вадковская, Софья Федоровна, по 1-му браку **Безобразова**, см. — **Тимирязева**.
Вадковский, Александр Федорович. 197.
Вадковский, Иван Федорович. 218, 220, 221, 222.
Вадковский, Федор Федорович 1-ый. 197.
Вадковский, Федор Федорович 2-ой. 8, 54, 158. 197 — 229, 238.
Васильев, фейерверкер. 28.
Васильчиков, Николай Александрович. 283.
Васька, мальчик М. М. Нарышкина. 134.
Вегелин, Александр Иванович. 118.
Ведров, Владимир Максимович. 188, 189, 190.
Вейкардт, Егор. 174.
Вейкардт, Егор Егорович. 173 — 174.
Вейкардт, Мария Карловна, р. **Амбургер**. 174.
Венгеров, Семен Афанасьевич. 169.
Ветров, П. С. 158, 164.
Вигель, Филипп Филиппович. 69, 87.
Вильде, Густав Григорьевич. 173, 178.
Висковатов, Степан Иванович. 37.
Витберг, Александр Лаврентьевич. 251.
Витгенштейн, граф Людвиг Петрович. 83.
Витгенштейн, граф (князь) Петр Христианович. 34, 83, 84, 88, 204.
Власьев, Геннадий Александрович. 265.
Войнаховский, капитан. 33.
Войнилович, Антон Станиславович. 14.
Волков, учитель. 282.

Волконская, княгиня Мария Николаевна, р. **Раевская**. 130, 134, 135, 140, 142, 144, 145, 214, 215.
Волконский, князь Сергей Григорьевич. 8, 130, 134, 144, 145, 214, 215. 232.
Волович, эмиссар. 212.
Вольф, Фердинанд (Христиан) Богданович. 117, 136, 138, 210, 214 (?).
Вольховский, Владимир Дмитриевич. 157.
Вонифатьева, Пелагея Петровна, см.— **Штейнгейль**, баронесса.
Воронцов, граф Михаил Семенович. 54, 64, 69, 70, 71, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 85, 86, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96.
Враницкий, Василий Иванович. 8, 19, 116, 118.
Вронский, Людвиг, канцелярист. 119.
Выгодовский, Павел Фомич. 117.
Высоцкий, Иван, шляхтич. 119.
Вяземский, князь Павел Петрович. 190.
Вяземский, князь Петр Андреевич. 125, 139, 150, 151, 152.

Гаврилов, Софроний, протоиерей. 137.
Гакстгаузен, барон. 311.
Гангеблов, штаб-ротмистр Александрийского гусарского полка. 18.
Гастфрейнд, Николай Андреевич. 157.
Гебель, Густав Иванович. 10, 11, 14.
Гебль, Прасковья (Полина) Егоровна, см. — **Анненкова**.
Георг IV, король Великобритании. 137.
Герцен, Александр Иванович. 249, 279, 280, 281, 282, 283, 292, 304, 311, 312, 314.
Герценг 1-ый, корнет. 30.
Герценг, 2-ой, корнет. 30.
Гершензон, Михаил Осипович. 174, 262, 286, 287, 309.
Гетце, фон-, Петр Петрович. 180.
Гинрихс, содержатель пансиона. 197.
Гинц, Н. И. 166.
Гиппиус, Елена Борисовна, р. **Покровская**. 324.
Глазунов, книгопродавец. 275.
Глебов, Михаил Николаевич. 158, 212.
Глинка, Юстина Карловна см. — **Кюхельбекер**.
Гогель, Федор Григорьевич. Предисл., 5, 6, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 29, 31.
Годениус, содержатель пансиона. 198.
Голенищев-Кутузов, граф Павел Васильевич. 44.
Голицын, князь Александр Николаевич. 44, 154, 178.
Голицын, князь Валерьян Михайлович. 116.
Голицын, князь Николай Николаевич. 100.
Голицына, княгиня Анна Александровна, р. княжна **Грузинская**. 116.
Голицына, княжна Елизавета Борисовна, см. — **Куракина**, княгиня.
Головнина, Наталья Ивановна, см. — **Куракина**, княгиня.
Гольмстен, Адольф Христианович. 169.
Гольтце, Отто. 274.
Гольцов, бомбардир. 28.
Гончарев, фейерверкер. 28.
Гончарова, Наталья Николаевна, по 1-му браку **Пушкина**, см.— **Ланская**.
Горбачевский, Иван Иванович. 8, 9, 23, 25, 32, 33, 36, 53, 65, 68, 69, 70, 106, 108, 121, 232.
Горский, Осип-Юлиан Викентьевич. 106, 117, 118.
Горчаков, князь Михаил Дмитриевич. 12, 13, 14, 17, 19, 20, 21, 179.
Граббе, граф Павел Христофорович. 8.
Грабя-Горский см.— **Горский**.
Гредескул, Николай Андреевич 169.
Грибоедов, Александр Сергеевич. 157, 231, 232, 280, 323.
Григорьев, Василий Васильевич. 168.
Громницкий, Петр Федорович. 26.
Гроссман, Леонид Петрович. 319, 320.
Грот, Константин Яковлевич. 157.
Грузинская, княжна Анна Александровна, см. — **Голицына**, княгиня.
Груша, девушка Трубецких. 143.
Гурин, Лука Иванович. 147.

Давыдов, Василий Львович. 8, 146, 202, 232, 233, 235.
Давыдова, Александра Ивановна, р. **Потапова**. 146, 202, 232.
Давыдова, Мария Васильевна. 235, 236.
Далай, бурят. 145.
Данненштерн, штабс-капитан. 34.
Дашков, Павел Яковлевич, Предисловие.
Дельвиг, бар. Ант. Антонович. 152, 157.
Державин, Гаврила Романович, Предисловие.
Джаншиев, Григорий Аветович. 255.
Дибич, барон (граф) Иван Иванович. 41, 71, 74, 84, 198.
Дирин, Петр Николаевич. 6.
Дитерихс, агент. 22.

Дитерихс 3-й, полковник. 31, 36.
Довнар-Запольский, Митрофан Викторович. 5, 7, 81, 166, 168, 173, 174.
Долгоруков, князь Петр Владимирович. 170, 171, 182, 320.
Долинин, Аркадий Семенович. 321.
Дойбан, тит. сов. 57.
Достоевская, Анна Григорьевна, р. **Сниткина**. 319.
Достоевский, Федор Михайлович. 317—324.
Дружинин, Хрисанф Михайлович. 138.
Дубровин, Николай Федорович. 150, 168.
Дудкин, готландгер. 28.
Дундук, каморник. 145.
Дьяков, Дмитрий Алексеевич. 262.
Дьякова, Александра Алексеевна см. — **Оболенская**, княгиня.
Дьяковы. 265.
Дюма, Александр. 319.

Евдокимов, фейерверкер. 28.
Евдокимов, граф Николай Иванович. 261.
Екатерина II, императрица. Предисловие, 114.
Елена Павловна, великая княгиня. 254, 257.
Еленев, Федор Павлович. 261.
Емельяновы-Сухиновы, см.— **Сухиновы**.
Ентальцев, Андрей Васильевич. 117.
Ермолов, Алексей Петрович. 107, 236.
Ефимов, Иван Владимирович. 214, 216, 227.
Ешевский, Степан Васильевич. 169.

Жданов, 215.
Желтухин, Петр Федорович. 68, 69.
Жемчужников, Александр Михайлович. 248, 264.
Жемчужников, Алексей Михайлович. 248, 253, 254, 255, 264.
Жемчужников, Владимир Михайлович. 255.
Жемчужников, Михаил Николаевич. 261.
Жемчужникова, Анна Михайловна, см. — **Арцимович**.
Жемчужникова, Наталья Сергеевна, р. княжна **Оболенская**. 248, 251.
Жемчужниковы, 254, 262, 263, 264, 265.
Жерве, Андрей Андреевич. 174.
Жилей, капитан. 34, 35.
Жихарев, Степан Петрович. 153.
Жмакин, Александр Яковлевич. 210.
Жмакина, см. — **Пятницкая**.
Жуков, Илья, унтер-офицер. 212.
Жуковский, ротмистр. 36.
Жуковский, Василий Андреевич. 149—154, 157, 164, 177, 280.
Жуковский, Николай Васильевич. 175.

Завадовский, граф Александр Петрович. 231.
Завалишин, Дмитрий Иринархович. 106, 117, 128, 129, 130, 134, 135, 157, 183, 185—196.
Завалишин, Ипполит Иринархович. 134, 138.
Загорецкий, Николай Александрович. 117.
Заиграев, крестьянин. 144.
Закревский, граф Арсений Андреевич. 86.
Замятнин, Дмитрий Николаевич. 272.
Замятнина, N. Дмитриевна, см.—**Спасская**.
Зейн, майор. 23, 25, 26, 29. 31.
Зензинов, Михаил Михайлович. 2?5, 265.
Зенин, фейерверкер. 28.
Зерваницкая, Анна. 61.
Зубков, Василий Петрович. 242.
Зыбина. 275.

Иван Иванович N. 162, 163.
Иван IV Грозный. 39.
Иванов, прапорщик. 32.
Иванов, генерал-лейтенант. 68.
Иванов, Илья Иванович. 117, 232.
Ивашев, Василий Петрович. 116, 131, 232.
Игельстром, Константин Густавович (Евстафьевич), 118.
Игнатьев, граф Николай Павлович. 186, 190, 191—196.
Иконников, Владимир Степанович. 5.
Илличевский, Демьян Васильевич. 176,
Илья Семенович N. 159.
Исленьева, Анна Алексеевна. см.— **Чернышева**, графиня.
Истомина, Авдотья Ильинична. 231.

Казадаев, Александр Васильевич. 150.
Казимирский, Яков Дмитриевич. 237.
Казначеев, Александр Иванович. 90, 93, 94. 95.
Калашников, Иван Тимофеевич. 139.
Кантор, Р. М. 313.
Капцевич, Петр Михайлович. 104, 175.
Карл X, король Французский. 146.
Карнович, Евгений Павлович. 102.
Карцова, содержательница театра, 139.

Касинов, майор. 55, 58.
Кашкин (Рязанский). 259, 260.
Кашкин, Александр Сергеевич. 248. 267.
Кашкин, Николай Евгеньевич. 239, 240, 241.
Кашкин, Николай Николаевич. 239, 241, 250.
Кашкин, Николай Сергеевич. 200, 238 — 276.
Кашкин, Сергей Николаевич. 238—276.
Кашкин, Сергей Сергеевич. 247, 250, 252, 253 — 256, 258, 259, 260, 269.
Кашкин, Юрий Сергеевич. 247, 248.
Кашкина, Александра Дмитриевна. 250.
Кашкина, Анна Евгеньевна, см. — **Оболенская**, княгиня.
Кашкина, Екатерина Ивановна, р. **Миллер**. 247, 255, 267, 276.
Кашкина, Екатерина Николаевна, см. — **Цурикова**.
Кашкина, Елизавета Алексеевна, р. **Нарышкина**. 263, 264, 266, 270, 271, 274, 276.
Кашкина, Елизавета Аристарховна см. — **Черноевич**.
Кашкина, Софья Дмитриевна. 250, 252.
Кашкина, Юлия Сергеевна, см. — **Боборыкина**.
Кашкины. 273, 276.
Киреев, Иван Васильевич. 25, 32, 133.
Киселев, граф Павел Дмитриевич. 8, 86, 214.
Ключарев, Федор Петрович. 139.
Ключарева, Агнесса Федоровна, см. — **Трескина**.
Козлов, Иван Иванович. 280.
Козловский, доктор. 248.
Колесников, Василий Павлович. 138, 226.
Комарницкий, тит. сов. 73.
Комарович, Василий Леонидович. 320.
Комовский, Сергей Дмитриевич. 157.
Комстадиус, Август Федорович. 54, 57, 60, 64, 65.
Кондратьев, подполковник. 35.
Коновницына, Елизаваета Петровна, см. — **Нарышкина**.
Константин Николаевич, великий князь. 268.
Константин Павлович, великий князь 21, 22, 24, 26, 42, 64, 82, 88, 107, 120, 184, 198.
Коншина, полковница. 57.
Корнилов, Александр Александрович. 249, 254.
Корнилович, Александр Осипович. 117, 200.
Корсаков. 194.
Корсаков, надв. сов. 176.
Корф, барон, подполк. 33, 34, 35, 36.
Корф, граф Модест Андреевич. Предисловие, 139, 169, 170, 174, 175, 176, 177, 180.
Косаржевский, поручик. 18.
Косельский, комиссар. 26, 29.
Котляревский, Нестор Александрович. Предисловие, 89, 293.
Коцебу, фон-, Август. 76, 77.
Кочубей, князь Виктор Павлович. 174.
Крайников, Григорий Филиппович. 28.
Краснокутская, Надежда Григорьевна, см. — **Лукашевич**.
Краснокутская, Софья Степановна р. **Томара**. 167.
Краснокутский, Иван Григорьевич (?). 166.
Краснокутский, Семен Григорьевич. 165 — 167.
Крестников, Николай Васильевич. 175.
Кривцов, Александр Иванович. 22.
Кривцов, Сергей Иванович. 117.
Кристин, Фердинанд, 102.
Кристич, Ефтимий. 68, 70.
Круликовская, Мария Казимировна, см. — **Юшневская**.
Крупенские. 166.
Крылов, канонир. 28.
Крюков, Александр Александрович. 117.
Крюков, Николай Александрович. 117.
Кубасов, Иван Андреевич. 290.
Кузьмин, Анатолий Дмитриевич. 11.
Кузьмин, Н. Н. 318.
Кузнецов, фейерверкер. 28.
Куколевская, Наталья Михайловна, р. **Тевяшева**, по 1-му браку **Рылеева**. 42.
Кулешов, штабс-капитан. 33, 34.
Куломзин, П. А. 134.
Куракин, князь Александр Борисович. 102.
Куракин, князь Алексей Борисович. 100, 101, 102.
Куракин, князь Борис Алексеевич. 99 — 127.
Куракин, князь Федор Алексеевич. 99.
Куракина, княгиня Елизавета Борисовна, р. княжна **Голицына**. 101.
Куракина, княгиня Наталья Ивановна, р. **Головнина**. 100.
Кучевская, Ксения Никифоровна. 227.
Кучевский, Александр Лукич. 226, 227.

Кучевский, Василий Александрович. 227.
Кучевский, Федор Александрович. 227.
Кюри, М. 283.
Кюхельбекер, Анна Михайловна. 163.
Кюхельбекер, Анна Степановна, р. **Токарева**. 163.
Кюхельбекер, Вильгельм Карлович. Предисл., 157, 158, 159, 160, 161, 163, 164, 229, 243.
Кюхельбекер, Дроспда Ивановна, р. **Артенова**. 161.
Кюхельбекер, Иван Вильгельмович. 161.
Кюхельбекер, Михаил Вильгельмович. 161.
Кюхельбекер, Михаил Карлович. 137, 157, 158, 159. 161, 162 — 164.
Кюхельбекер, Устпния Михайловна. 163.
Кюхельбекер, Юстина Карловна, р. **Глинка**. 157.

Лаваль, графиня Екатерина Ивановна, см. — **Трубецкая**, княгиня.
Лазарев, Михаил Петрович. 189.
Ламанский, Владимир Иванович. 5.
Ланская, Наталья Николаевна, р. **Гончарова**, по 1-му браку **Пушкина**. 151.
Ланской, Василий Сергеевич. 82, 104.
Левашев, граф Василий Васильевич. 44, 199.
Левшин, Алексей Ираклиевич. 250.
Левшин, Дмитрий Ираклиевич. 250.
Лейкина, В. 239, 257.
Lemry, аббат. 197.
Леонтьев, чиновник. 76.
Лепарский, Осип Адамович. Предисл., 133, 233, 234, 235, 236, 237.
Лепарский, Станислав Романович. Предисловие, 132, 133, 134, 138, 140, 141, 143, 144, 146, 147, 210, 216, 232, 233, 234, 235, 237.
Лермонтов, Михаил Юрьевич. 283. 288, 290, 321.
Лернер, Николай Осипович. 139.
Лерхе, Эдуард Васильевич. 270.
Линицкий, поруч. 23, 24, 25, 26, 31, 32.
Лисовский, Николай Федорович. 26, 117.
Литке, граф Федор Петрович. 136.
Лихарев, Владимир Николаевич. 117, 286.
Лобанов-Ростовский, князь Дмитрий Иванович. 104.
Ловцов, подполковник. 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 34.
Лопухин, князь Петр Васильевич, 45, 101.
Лорер, Николай Иванович. 106, 107, 116, 130, 132, 135, 286.
Лосев, купец и его сын. 141.
Лубяновский. Федор Петрович. 173.
Лукашевич, Надежда Григорьевна, р. **Краснокутская**. 165, 166.
Лукьянов, Иван, деньщик. 13.
Лунин, Михаил Сергеевич. 214, 284, 320, 321.
Лунин, Сергей. 321,
Львов, Леонид Федорович. 214, 228.
Львов, Федор Николаевич. 257.
Львов, Федор Петрович. 214.
Львова, Елизавета Николаевна. 214.
Люблинский, Юлиан Казимирович. 117.
Лялин, Сергей Васильевич. 276.
Лялина, р. **Перхурова**. 276.

Магницкий, Михаил Леонтьевич. 177.
Маевский, Карл Клементьевич. 14, 15.
Майер, Николай Васильевич, 290.
Макаревский, тит. сов. 73.
Макаров, бомбардир. 28.
Маковицкий, Душан Петрович. 195.
Максимов, Сергей Васильевич. 53, 54.
Малевинский, золотопромышленник. 233.
Малиновская, Анна Васильевна, см.— **Розен**, баронесса.
Мандрыка, Андрей Григорьевич. 202.
Мария-Луиза, императрица. 101.
Маркевич, Алексей Иванович. 177.
Маркс, Адольф Федорович. 150.
Мархлевский, издатель. 191.
Масальский, Константин Петрович. 173.
Масальский, Петр Григорьевич. 173.
Маслов, Василий Иванович. 292.
Мацеевич, Лев С. 177.
Меншиков, князь Александр Данилович. 104.
Меншиков, князь Александр Сергеевич. 250.
Мещерский, князь Александр Петрович. 11.
Миллер, Екатерина Ивановна, см. — **Кашкина**.
Миллер, Николай Иванович. 276.
Митрофанов, готландгер. 28.
Михаил Павлович, великий князь. 44, 198.
Михайловская, Александра Петровна, р. княжна **Оболенская**. 251.
Михайловская, Надежда Алексеевна, см. — **Шестакова**.

Модзалевская, Варвара Николаевна. 99.
Модзалевский, Борис Львович. Предисловие, 6, 38, 46, 57, 133, 152, 164, 180, 182, 200, 242, 276...
Модзалевский, Вадим Львович. 202.
Модзалевский, Лев Борисович. Предисловие.
Модзалевский, Лев Николаевич. 216,
Мозалевский, Александр Евтихиевич. 8, 54; 108, 114.
Мозгалевский, Николай Осипович. 7, 117.
Мозган, Павел Дмитриевич. 26, 117, 159.
Моисеев, пристав. 67, 68.
Моллер, генерал-майор. 142.
Молчанов, Мирон Филиппьевич. 175.
Молчанова, Елизавета Александровна, см. — **Вадковская.**
Мордвинов, Александр Николаевич. 93.
Мордвинов, граф Николай Семенович. 87, 178, 183.
Мочульский, Василий Николаевич. 170.
Муравьев, Александр Михайлович. 8, 202, 211, 213, 214.
Муравьев, Артамон Захарович. 8, 32, 223, 224, 225, 232.
Муравьев, Никита Михайлович. 134, 202, 211, 213.
Муравьев-Амурский, граф Николай Николаевич. 194, 257.
Муравьев-Апостол, Матвей Иванович. 7, 8, 9, 10, 11, 106, 123, 124, 194, 199, 253, 255, 260, 262, 320.
Муравьев-Апостол, Сергей Иванович. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 23, 25, 30, 54, 60, 69, 166, 199, 320.
Муравьева, Александра Григорьевна, р. графиня **Чернышева.** 134, 147, 213.
Муравьева, Жозефина Адамовна, р. **Бракман.** 213, 214.
Муравьева, Софья Никитична, см. — **Бибикова.**
Муравьева-Апостол, Анна Семеновна, р. **Черноевич.** 253.
Муромцев, Аркадий Алексеевич. 254, 256, 262. 263.
Муромцева, жена А. А. М — ва. 256, 262.
Муханов, Александр Алексеевич. 125.
Муханов, Петр Александрович. 106, 123, 124, 125, 126, 131, 234.
Мясникова, теща Я. И. Безносикова. 211.
Набоков, Петр Александрович. Предисловие, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20.
Надеждин, Николай Иванович. 324.
Назимов, Михаил Александрович. 286, 320.
Наполеон I, 101, 177.
Нарышкин, Михаил Михайлович. 116, 134, 135, 140, 146, 266, 286.
Нарышкина, Елизавета Алексеевна, см. — **Кашкина.**
Нарышкина, Елизавета Петровна, р. **Коновницына.** 140, 146.
Нахимов, Павел Степанович. 189.
Недобе, Елена Федоровна, см. — **Руперт.**
Нейдгард, Александр Иванович. 184.
Неклюдов, Михаил Сергеевич. 257.
Неплюев, Николай Иванович, 174.
Нечаев, В., авт. 169.
Николаев, бомбардир. 28.
Николаев, Степан Степанович. 198.
Николаевский, Б., авт. 226, 227, 228.
Николай Всеволодович N. 321.
Николай Михайлович, великий князь. 100.
Николай I Павлович. 11, 14, 21, 24. 37. 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 49, 50, 57, 71, 74, 77, 78, 79, 81, 84, 89. 90, 92, 93, 94, 95, 96, 101, 104, 105, 110, 111, 112, 113, 114, 120, 122, 124. 139, 140, 142, 146, 150, 152—154, 165, 180, 184, 198, 199, 221, 222, 230, 231, 249, 284, 290, 310, 317.
Niesiecki, авт. 197.
Новосильцов, Владимир Дмитриевич. 183.

Обнинский, Петр Наркизович. 272.
Оболенская, княгиня Александра Алексеевна, р. **Дьякова.** 248, 262, 264, 265, 266.
Оболенская, княжна Александра Петровна, см. — **Михайловская.**
Оболенская, княгиня Анна Евгеньевна, р. **Кашкина.** 239, 253.
Оболенская, княгиня Варвара Самсоновна, р. **Баранова.** 265.
Оболенская, княжна Екатерина Петровна, см. — **Протасьева.**
Оболенская, княжна Елена Евгеньевна. 247.
Оболенская, княгиня Наталья Петровна, р. княжна **Оболенская.** 241, 244, 246, 266, 273, 275—276.
Оболенская, княжна Наталья Сергеевна, см. — **Жемчужникова.**

Оболенская, княжна Ольга Евгеньевна. 266, 267, 274, 276.
Оболенские, 264, 276.
Оболенский, князь Александр Петрович. 273.
Оболенский, князь Андрей Васильевич. 248, 254, 257, 258, 261, 262, 263, 264, 265, 266.
Оболенский, князь Евгений Петрович. 135, 138, 145, 147, 157, 158, 159, 160, 161, 162—164, 182, 183, 184, 197—229, 232. 236, 238—276.
Оболенский, князь Иван Евгеньевич. 273.
Оболенский, князь Михаил Евгеньевич. 267.
Оболенский, князь Петр Евгеньевич. 273.
Оболенский, князь Петр Николаевич. 240, 241, 243.
Оболенский, князь Сергей Петрович. 248.
Образцов, Владимир Николаевич. 170.
Огарев, Николай Платонович. 279—316.
Огарев, Платон Богданович. 285.
Огарева, Наталья Алексеевна, р. **Тучкова.** 285, 286.
Одинцовы, братья, офицеры. 33. 34.
Одоевский, князь Александр Иванович. 89, 116, 162, 286, 288, 289, 290, 291, 293, 295, 299.
Одоевский, князь Владимир Федорович. 157.
Оксман, Юлиан Григорьевич. Предисловие, 26, 74, 78, 88, 96, 166, 196.
Ольридж, актер. 270.
Оранский, принц (полк его имени) 25, 30.
Ордынский, Карл, ученик. 119.
Ордынский, Феликс, шляхтич. 119.
Орлов, Александр Иванович. 227, 228.
Орлов, граф (князь) Алексей Федорович. 157.
Орлов, Михаил Федорович. 8.
Осипов, Александр Степанович. 176.
Осипов, Никита Степанович. 175.
Оуэн, Роберт. 293.

Павел I, император. 100, 197.
Павловский, Иван Францович. 100.
Пален, граф Федор Петрович. 82, 83, 84, 86, 87, 88.
Панин, граф Виктор Никитич. 261.
Панов, купец. 172.
Панов, Наколай Алексеевич. 106, 119, 120, 124.
Панчулидзев, Александр Алексеевич. 299.
Панчулидзев, Сергей Алексеевич. 199.
Пассек, Татьяна Петровна. 280, 282, 285.
Пахман, Семен Викентьевич. 168, 169, 170, 173, 180, 181.
Педюков, тит. сов. 73.
Переселенков, Степан Александрович. 316.
Перовский, граф Василий Алексеевич. 93.
Перовский, граф Лев Алексеевич. 153.
Персин, Иван Сергеевич, 227.
Перхурова, — см. **Лялина.**
Пестель, Иван Борисович. 139.
Пестель, Павел Иванович. 8, 81, 83, 87, 166, 198, 199, 282, 284, 311, 313.
Пестов, Александр Семенович. 122.
Петин, Василий Николаевич. 14.
Петр, священник. 158.
Петр I, император. 104.
Петрашевский, Михаил Васильевич, см. — **Буташевич-Петрашевский.**
Петров, бомбардир. 28.
Петров, Александр Григорьевич. 190.
Пинаев, купец. 144.
Племянников, Аркадий Петрович. 254, 256.
Повало-Швейковский, Иван Семенович. 8, 9, 119, 120, 203—204, 217.
Погодин, Василий Васильевич. 262.
Погодин, Михаил Петрович. 176.
Подгорный, фельдъегерь. 200.
Поджио, Александр Викторович. 123, 215, 232.
Поджио, Иосиф Викторович. 215.
Подчаская, Елизавета Петровна, р. княжна **Трубецкая,** по 1-му браку графиня **Потемкина.** 140.
Подчаский, Ипполит Иванович. 140.
Подчаский, Лев Николаевич. 255, 264.
Покровская, Елена Борисовна, см. — **Гиппиус.**
Попов, купец. 172.
Попов, Михаил Максимович. 200.
Портнягин, урядник. 160.
Потанин, Григорий Николаевич. 171.
Потапов, Алексей Николаевич. 44.
Потапова, Александра Ивановна, см. — **Давыдова.**
Потемкин, граф Сергей Павлович. 140.

Потемкина, графиня Елизавета Петровна, р. княжна **Трубецкая,** см.— **Подчаская.**
Пржевалинский, поручик. 13.
Протасов, купеч. сын. 76.
Протасьев, Андрей Васильевич. 275.
Протасьев, Евгений Андреевич. 275.
Протасьева, Екатерина Петровна, р. княжна **Обеленская.** 275.
Протопопов, И. Е., учитель. 282.
Прянишников, домовладелец в Калуге. 264.
Пушкин, Александр Сергеевич. Предисловие, 37, 78, 90, 106, 110, 125, 137, 139, 140, 151, 152, 154, 157, 164, 280, 284, 291, 314, 320.
Пушкин, Алексей Михайлович. 276.
Пушкина, Екатерина Никифоровна, см. — **Хвостова.**
Пушкина, Наталья Николаевна, р. **Гончарова,** см. — **Ланская.**
Пушкина, Фаина Алексеевна, см. — **Скуратова.**
Пущин, Иван Иванович. Предисл., 106, 123, 12,4 135, 137, 142, 145, 147, 161, 183, 203, 209, 226, 228, 242, 265, 266.
Пущина, Анастасия Кондратьевна, р. **Рылеева.** 42.
Пущина, Наталья Дмитриевна, по 1-му браку **Фонвизина,** р. **Апухтина.** 146, 266.
Пыпин, Александр Николаевич. 169.
Пыхачев, Матвей Иванович. 8.
Пятницкая, р. **Жмакина.** 210.
Пятницкий, Андрей Васильевич. 210.

Радич, полковник. 67, 68.
Радулов, Георгий (Григорий) Степанович. 75, 76, 79.
Раевская, Мария Николаевна, см. — **Волконская,** княгиня.
Раевский, Николай Николаевич ст.8.
Разгильдеев, Александр Иванович. 163.
Разгильдеева, ученица В. К. Кюхельбекера. 160.
Разумовский, граф Лев Кириллович. 255.
Ракшанин, подполковник. 19, 20.
Ребиндер, Григорий Максимович. 210, 237.
Ревякин, И., авт. 228.
Рейналь, авт. 48.
Репинский, Козьма Григорьевич. 173.
Рибас, де-, Л. М. 90.
Ридигер, Федор Васильевич. 17, 18, 19.
Ринкевич, Иосиф. 81, 82, 83, 84, 86, 87, 88.
Родичев, фейерверкер. 28.
Розен, барон Андрей Евгеньевич. 93, 130, 138, 139, 141, 144, 159, 186, 231, 238, 286, 320.
Розен, баронесса Анна Васильевна, р. **Малиновская.** 138, 139, 141.
Розен, барон Григорий Владимирович. 95, 96.
Розенберг, плац-адъютант. 134.
Роман, провокатор. 313.
Романов, Владимир Павлович. 56, 57, 62.
Россет, Александра Осиповна, см. — **Смирнова.**
Россет, Аркадий Осипович. 210, 211, 214.
Ростовцев, Николай Яковлевич. 261.
Ростовцев, Яков Иванович. 189, 241, 249, 261.
Ростопчина, графиня Евдокия Петровна, р. **Сушкова.** 283.
Рот, Логгин Осипович. 5, 9, 12, 14, 23, 30, 36, 58.
Ротмистров, поручик. 33, 35.
Рубанович, чиновник особ. поручений. 65, 67, 74.
Рукевич, Михаил Иванович. 118.
Руновский, А., автор. 252.
Руперт, Вильгельм Яковлевич. 210, 211, 215, 216, 219, 221, 222, 223, 226.
Руперт, Елена Федоровна, р. **Недобе.** 210, 211.
Руссо, Жан-Жак. 76.
Рылеев, Кондратий Федорович. 42, 182, 183. 189, 231, 236, 280, 281, 282, 291, 292, 293, 299. 310, 314.
Рылеева, Анастасия Кондратьевна, см. — **Пущина.**
Рылеева, Наталья Михайловна, р. **Тевяшева,** см. — **Куколевская.**
Рюрик, князь. 265.

Сабанеева, Екатерина Алексеевна. 240, 241, 276.
Савонин, Григорий Яковлевич. 54, 60, 64, 71, 72, 74.
Сакен, граф Фабиан Вильгельмович. 23 — 24.
Сакович, М. П., генер.-лейт. 22.
Сатин, Николай Михайлович. 286, 290.
Свистунов, Петр Николаевич. 116, 117, 194, 195, 198, 226, 251, 254, 256, 262,46 260, 263, 6, 320.

Свобода, командир. 35.
Семевский, Василий Иванович. 57, 200, 239, 243, 257, 311.
Семевский, Михаил Иванович. Предисловие, 99, 133, 182, 186, 187, 190, 192.
Семен Павлович N. 253.
Семенов, бомбардир. 28.
Сен-Симон, граф. 317.
Серато и Верани, торговый дом. 75.
Середонин, Сергей Михайлович. 105.
Сиверс, Александр Александрович. 57, 200, 229.
Сидоров, канонир. 28.
Сизиневский, Виктор Осипович. 14.
Симанская, Екатерина Лукьяновна, р. **Боборыкина**. 240, 241.
Скальковский, Аполлон Александрович. 177.
Скворцов, домовладелец. 196.
Скуратов, Дмитрий Петрович. 275, 276.
Скуратова, Фаина Алексеевна, р. **Пушкина**. 276.
Смирнова, Александра Осиповна, р. **Россет**. 211.
Смольянинов, Семен Иванович. 135, 136, 141.
Смольянинова, Фелицата Осиповна. 135.
Смольяниновы, дочери С. И. С-ва. 135.
Ситкина, Анна Григорьевна, см. — **Достоевская**.
Соболевская, П. М. 255.
Соловьев, Сергей Михайлович. 274.
Соловьев, барон Вениамин Николаевич. 8, 11, 23, 53, 54, 66, 70, 106, 108, 113, 114, 122, 124.
Сосинович, поляк. 212.
Сотников, капитан. 24.
Спасская, N. Дмитриевна, р. **Замятнина**, 272.
Спасский, купеч. сын. 76.
Спасский, Владимир Никифорович. 272.
Сперанская, Елизавета Михайловна, см. — **Фролова-Багреева**.
Сперанский, граф Михаил Михайлович. 100, 104, 139, 168 — 181.
Спешнев, Николай Александрович. 257.
Спиридов, Михаил Матвеевич. 26, 106, 122, 124, 127.
Степанов, бомбардир. 28.
Степанов, Александр Петрович. 109.
Столыпин, Аркадий Алексеевич. 178.
Столыпин, Григорий Данилович. 178.
Стурдза, Александр Скарлатович. 177.
Сукин, Александр Яковлевич. 198.
Сутгоф, Александр Николаевич. 119, 120, 216, 229.
Сутгоф, Анна Федосеевна. р. **Янчуковская**. 216.
Сухачев, Василий Иванович. 75, 76, 77, 78, 79, 80.
Сухинов, Анисим Михайлович. 59.
Сухинов, Анисим Трофимович. 59, 60.
Сухинов, Василий Иванович. 61, 72, 73, 74.
Сухинов, Григорий Иванович. 61.
Сухинов, Григорий Михайлович. 59 — 60, 62.
Сухинов, Иван Иванович. 11, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 106, 108, 113, 114.
Сухинов, Иван Михайлович. 62.
Сухинов, Иван Трофимович. 59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 68, 71.
Сухинов, Константин Михайлович. 62.
Сухинов, Михаил Михайлович. 62.
Сухинов, Михаил Осипович. 59, 60, 62.
Сухинов, Николай Иванович. 61.
Сухинов, Осип. 59.
Сухинов, Петр Михайлович. 62.
Сухинов, Семен Иванович. 61.
Сухинов, Симон Иванович. 61.
Сухинов, Степан Иванович. 61, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74.
Сухинова, р. **Ширай**. 62.
Сухинова, Александра Тимофеевна, см. — **Хлусович**.
Сухинова, Анастасия. 59.
Сухинова, Марьяна Михайловна. 60.
Сухинова, Татьяна Михайловна. 62.
Сухинова, Ульяна Михайловна. 60.
Сухомлинов, Иван, отст. капит. 62.
Сухотин, Сергей Михайлович. 264.
Сушкова, Евдокия Петровна, см. — **Ростопчина**, графиня.
Сыроечковский, Борис Евгеньевич. 53.

Тамбульский, Смуль. мещанин. 67.
Тарасов, Ефим Иванович. 150.
Татищев, граф Александр Иванович. 44.
Тевяшева, Наталья Михайловна, по 1-му браку **Рылеева**, см. — **Куколевская**.
Текутьев, чиновник. 179.

Тизенгаузен, Василий (Вильгельм — Сигизмунд) Карлович. 8, 117.
Тимирязев, Иван Семенович. 217, 219, 220, 222.
Тимирязев, Федор Иванович. 198, 218.
Тимирязева, Софья Федоровна, р. **Вадковская**, по 1-му браку **Безобразова**. 217, 218, 219, 220, 221, 222, 225.
Тимковский, Василий Федорович. 86, 87, 88.
Тимон, граф, командир Изюмского гусарского полка. 55.
Тихановский, Афанасий Леонтьевич. (?) 12.
Токарева, Анна Степановна, см. — **Кюхельбекер**.
Толстая, Мария Васильевна. 258, 259.
Толстая, Мария Степановна, р. графиня **Толстая**. 258, 259, 260.
Толстая, графиня Софья Андреевна, р. **Берс**. 194.
Толстой, граф Алексей Константинович. 255.
Толстой, Василий Алексеевич. 258.
Толстой, Владимир Сергеевич. 117.
Толстой, граф Лев Николаевич. 186, 194, 195, 231, 320.
Толстой-Знаменский, граф Дмитрий Николаевич. 248, 259 (?).
Толь, граф Карл Федорович. 55.
Томара, Софья Степановна, см. — **Краснокутская**.
Трескин, Николай Иванович. 139, 176.
Трескина, Агнесса Федоровна, р. **Ключарева**. 139, 141.
Трубецкая, княгиня Екатерина Ивановна, р. графиня **Лаваль**. 136, 142, 146, 202, 210, 211, 212, 213, 214, 223, 227, 229.
Трубецкая, княжна Елизавета Петровна, по 1-му браку графиня **Потемкина**, см. — **Подчаская**.
Трубецкой, Владимир Сергеевич. 213.
Трубецкой, Никита Сергеевич (? Китушка). 223.
Трубецкой, князь Сергей Петрович. 8, 136, 139, 143, 146, 166, 201, 211, 212, 213, 314, 223, 227, 232.
Трузсон, Николай Петрович. 264.
Тумашский, Василий Иванович. 157.
Тургенев, Александр Иванович. 149, 150, 151, 152, 153, 154.
Тургенев, Андрей Иванович. 149.
Тургенев, Николай Иванович. 149, 150, 151, 152, 153, 154.
Тургенев, Сергей Иванович. 149.
Туркестанова, княжна Варвара Ильинична. 102.
Тучков, Алексей Алексеевич. 285, 286.
Тучкова, Наталья Алексеевна, см. — **Огарева**.
Тхоржевский, 313.
Тютчев, Алексей Иванович. 26, 109, 123.

Унгебаур, полковник. 22, 26, 29.
Унковский, Алексей Михайлович. 255.
Устимович, Петр Митрофанович. 237.

Фадеев, фейерверкер. 28.
Фаленберг, Петр Иванович. 117.
Фалькенберг, генерал. 227.
Филанджери. 48.
Филарет, митрополит. 185, 192.
Филипс, Амвросий, автор. 138, 142, 144.
Фишер-фон-Вальдгейм, Александр Григорьевич. 132.
Фок, Александр Александрович. 117, 118.
Фок, фон-, Максим Яковлевич. 37, 38, 44, 45, 110.
Фок, фон-, Наталья. 110.
Фонвизин, Михаил Александрович. 116, 137, 146, 266.
Фонвизина, Наталья Дмитриевна, р. **Апухтина**, см. — **Пущина**.
Фортунатов, Федор Николаевич. 177.
Фрезе, Леопольд Христианович. 110.
Фрезе, Наталья, см. — **Фок, фон-**.
Фрейман, фон-, О. 6.
Фролов, Александр Филиппович. 8, 26, 117, 159, 190.
Фролов, Петр Козьмич. 176.
Фролова-Багреева, Елизавета Михайловна, р. **Сперанская**. 173 — 174, 180.
Фурман, Андрей Федорович. 117, 118,
Фурье. 317.

Хвостова, Екатерина Никифоровна, р. **Пушкина**. 238.
Хитрово, Алексей Захарович. 180.
Хлусович, ротмистр. 62.
Хлусовкч, Александра Тимофеевна, по 1-му браку **Сухинова**. 62.
Ховен, Роман Иванович. 157.
Хохлова, домовладелица. 275.
Хрущов, Андрей Васильевич. 254.
Хрущов, Семен Васильевич. 253, 256, 263.

Цейдлер, Иван Богданович. 109, 176,
Цейер, Франц Иванович. 173, 174, 176. 177.
Центелович, майор. 60.
Цуриков, Александр Александрович. 249, 274.
Цуриков, Ал-др Николаевич. 249, 264.
Цурикова, Екатерина Николаевна, р. **Кашкина**. 249, 274, 276.
Цыбульский, Лев. 72.

Чаадаев, Петр Яковлевич. 281, 284, 288.
Чеботарев, полковник. 22, 23.
Чебунин, Н. Н. 144.
Чернов, Семен Николаевич. 69.
Черновы, Пахом и его семья. 183.
Черноевич, Анна Семеновна, см. — **Муравьева-Апостол**.
Черноевич, Елизавета Аристарховна, р. **Кашкина**. 253.
Черноевич, Семен Михайлович. 253.
Чернышев, граф (князь) Александр Иванович. 44, 221, 222.
Чернышев, граф Захар Григорьевич. 116, 117.
Чернышев; гр. Иван Григорьевич. 197.
Чернышева, графиня Александра Григорьевна, см. — **Муравьева**.
Чернышева, граф. Анна Алексеевна, р. **Исленьева**. 197.
Чернышева, графиня Екатерина Ивановна, см. — **Вадковская**.
Чижевич, О. О. 90.
Чистяков, генерал-майор. 13, 17.

Шамикис, Абрам. 65, 67.
Шамиль, имам. 252.
Шафф, Филипп. 274.
Шахирев, Андрей Иванович. 116, 118.
Шевелев, купец. 144.
Шеллинг, 242, 243.
Шервуд-Верный, Иван Васильевич. 84, 198, 199.
Шереметев, граф Василий Васильевич. 231.
Шершеневич, Г. Ф. 169.
Шестаков, Иван Алексеевич. 251, 252.
Шестакова, Надежда Алексеевна, р. **Михайловская**, 251, 252, 255.
Шестериков, Сергей Петрович. 170,
Шиллер, Фридрих. 280.
Шильдер, Николай Карлович. 57, 81, 84, 101, 174, 177.
Шимков, Иван Федорович. 117.
Ширай, см. — **Сухинова**.
Шишков, Александр Семенович. 87.
Шкляревич, учитель. 76.
Шкляревский, И. И. 175.
Шрамченко, прапорщик. 33, 35.
Штейнгейль, барон Владимир Иванович. Предисл., 119, 120, 128, 132 — 148, 180, 182, 183, 184, 226.
Штейнгейль, барон Всеволод Владимирович. 136.
Штейнгейль, бар. Пелагея Петровна, р. **Вонифатьева**. 134, 136, 139.
Штерич, 241.
Штрайх, Соломон Яковлевич. 214, 320.
Шувалов, граф Павел Андреевич. 180.
Шугуров, М. Ф. 5, 6, 21, 22, 54.
Шульгин, Федор Иванович. 175.

Щеголев, Павел Елисеевич. 5, 57, 92, 198, 200.
Щепилло, Михаил Алексеевич. 8, 11.
Щепин-Ростовский, князь Дмитрий Александр. 119, 120, 164, 204, 217.
Щукин, Петр Иванович. 157, 169.
Щукин, Федор Сергеевич. 250.
Щучкин, домовладелец в Калуге. 270, 271, 273.

Эйлер, полковник. 33, 34.
Эпиктет, философ. 144.

Юлия N. 144.
Юркевич, Мария Николаевна. 271.
Юркевич, Николай Ильич. 271.
Юрьева, Наталья. 212.
Юшневская, Мария Казимировна, р. **Крупиковская**. 136, 138, 140, 223, 228,
Юшневский, Алексей Петрович. 8, 81. 136, 223, 229, 232.
Юшневский, Семен Петрович. 81, 122.

Якубович, штабс-капитан. 22.
Якубович, Александр Иванович. Предисл., 22, 140, 183, 215, 223, 228, 230 — 237.
Якушкин, Вячеслав Евгеньевич. 194.
Якушкин, Иван Дмитриевич. 106, 108, 123, 124, 130, 132, 138, 211, 212.
Янтальцев, Андрей Васпльевич, см. — **Ентальцев**.
Янчуковская, Анна Федосеевна, см. — **Сутгоф**.
Яригин, бомбардир. 28.

3=00

Цена 3 руб.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: Книжный склад и магазин „Маяк“ Издательства Всесоюзного Общества Полит. каторжан и сс.-поселенцев — Москва, Петровка, 7, телеф. 3-63-20.